

ЛОВУШКА ДЛЯ БОГОВ
ИСТОЧНИК

АЛЕКСАНДР БЕЛОВЕЦ

Найдя древний артефакт, маг по имени Вальдрес решает с его помощью обрести силу четырёх стихий, но даже не догадывается, что это решение сделает его звеном в коварном плане богов-братьев, жаждущих лишь одного — вырваться из ловушки. В результате неудачного ритуала в пространстве Междумирья образуется провал, куда попадает сержант космического легиона Колин Мак-Стайн, спасаясь от возмездия за преступление, совершённое перед империей.

Что должен делать человек, оказавшийся в незнакомом мире, где каждый норовит тебя убить или пленить? Правильно, попытаться выжить. Но удастся ли выжить человеку из техногенного мира в мире, где правят бал маги?

В таверне по-домашнему пахло жареным луком и пивом. Вальдрес облегчённо вздохнул и опустился на стул с жёсткой деревянной спинкой. В этом углу было достаточно темно — свет от заправленных салом ламп сюда не доходил, а очаг находился слишком далеко, чтобы осветить одинокий столик у стены. Вытянув гудящие от усталости ноги, маг блаженно откинулся на спинку.

Хозяин поначалу отказывался пускать на ночлег, ссылаясь на отсутствие мест. Не убедил даже предложенный золотой в два раза превышавший плату за постой. Пришлось лезть в седельную сумку и искать давно заброшенный на дно перстень мастера. Хозяин подозрительно взгляделся в багровый камень, опоясанный золотой змеёй, но когда Вальдрес надел его на палец и камень начал пульсировать в такт сердцебиению, брови трактирщика поползли на лоб. Такой перстень полагался мастеру первой ступени, а уж никак не тридцатилетнему парню, что максимум тянул на подмастерье. Толстяк в сальном фартуке почтительно склонился и пригласил путника войти.

Откинув капюшон дорожного плаща, маг поманил официанта. Тот мгновенно подлетел, видимо сообразил, человек, ради которого из-за стола выгнали подвыпившего купца, может оказаться куда более выгодным посетителем, чем разорившийся фермер или полупьяный бродяжка.

— Чего изволит господин? — официант — рыжий вихрастый паренёк, усыпанный веснушками, так и излучал угодливую почтительность.

— Принеси поужинать. И лучшего вина.

— Сионское подойдёт? — глазки паренька сально заблестели. Вальдрес скривился — давиться кислым пойлом не очень-то хотелось, поэтому строго уточнил:

— Лучше аскельское.

Брови официанта взмыли вверх, мгновенно оценив платёжеспособность клиента.

— Бутыль? — заискивающе уточнил паренёк. Маг кивнул.

— И поторопись, не люблю ждать.

— Сию минуту, господин.

Официант убежал, а Вальдрес закрыл глаза и отдался воспоминаниям. Минуло чуть более двух с половиной лет с тех пор, как оставив северную столицу — благословенный Ивокарис, он направился на восток, за Небесный Хребет, не успев даже, как следует отпраздновать вручение перстня мастера первой ступени. Перескочив через ранг, молодой маг тем самым привлёк внимание главы Магического Совета — Архимага Себелиуса. После церемонии, тот отвёл Вальдреса в сторонку и, создав небрежным движением Купол Непроницаемости, проговорил:

— Мой мальчик, ты первый, кто за долгие годы нарушил скучную обыденность школы магии. Вижу, в будущем, сильного мага. Что скажешь, если предложу участие в одной аванюре?

Находясь под впечатлением после экзаменационного поединка Вальдрес смог лишь ошеломлённо кивнуть.

— Ну, вот и чудно, — усмехнулся Себелиус. — Жду тебя завтра... нет, послезавтра (ты ведь должен отпраздновать) у себя, — и, развеяв защиту от подслушивания, старик так же

стремительно оставил молодого мага принимать поздравления.

Проворочавшись всю ночь, Вальдрес был у Архимага уже на следующий день, а ещё через день оставил за спиной восточные ворота...

Воспоминания прервал официант, поставивший перед ним поднос с жареным мясом и ковригой белого хлеба. Хмыкнув, он откупорил тёмную глиняную бутылку и плеснул в стакан буро-красной, как запёкшаяся кровь, жидкости.

— Что-нибудь ещё, господин?

— Да. Передай хозяину — как освободится, я его жду.

— Будет исполнено, — парень поклонился и исчез.

Орудя ножом и вилкой, Вальдрес принялся разделявать мясо, попутно отправляя в рот куски свежего каравая. Воспоминания переключились на само путешествие, первой целью которого стал Сумарский Халифат. Перед отъездом Себелиус вручил магу резной скипетр, украшенный множеством самоцветов, а на вопрос Вальдреса пояснил, что это всего лишь напоминание правителю Сумарента о его давнем обязательстве.

Добравшись до столицы Халифата, молодой маг поразился богатству и великолепию древнего города. При дворе его встретили с такой пышностью и почестями, что Вальдрес прибывал под впечатлением несколько дней. Сумарцы всегда встречали гостей на широкую ногу — по-другому они жить просто не умели. К месту вспомнилась мать, родившаяся в Сумаренте и оставшаяся верной традициям даже на чужбине...

Увидев скипетр, халиф долго цокал языком. Затем позвал советника и приказал принести некую вещь, название которой маг не разобрал. Ей оказался витой рог, инкрустированный золотыми нитями и мелкими драгоценными камнями. Халиф не стал ничего пояснять, сославшись на Себелиуса — мол, тот сам расскажет, если захочет — и пригласил гостить во дворе, сколько молодому магу потребуется.

Вальдрес улыбнулся воспоминаниям — то были прекрасные месяцы его жизни. Во дворце нашлась обширная библиотека, где любознательный маг проводил всё свободное время. Там же он познакомился и с суффимом — придворным мудрецом, который, найдя в молодом человеке достойного слушателя, поведал множество интересных легенд. В сердце Вальдреса глубоко запала одна — о мёртвом храме в горах Сележ.

Вкратце, легенда гласила: в дни юности мира, когда боги-братья создали последнюю из гор, они решили отдохнуть от проделанной работы. На том же месте по мановению руки старшего брата — Сеттиллеса, вырос храм. Он был настолько великолепен, что вызвал восхищение даже у младшего — Харр'изиса. По легенде, чёрная зависть овладела тогда Хозяином Ночи. Дважды пытался Харр'изис разрушить храм, но детище Сетт'иллеса оставалось несокрушимо. И тогда младший брат пошёл на хитрость — вдохнул подобие жизни в мёртвые камни, чтобы подчинить их себе. Великое разочарование постигло Сеттиллеса, когда однажды он не смог войти в собственный дом. Разозлившись, старший брат свершил великое заклятие, сомкнув двери нерушимой печатью, и с тех пор храм для братьев закрылся навеки...

Суффим рассказывал, что многие путешественники видели храм в горах, но войти внутрь никому не удавалось. Вальдрес спросил, были ли среди них маги, но старик лишь загадочно улыбнулся. Само собой вместо пути на юг — в порт Свериш, маг решил во что бы то ни стало посетить творение богов. Он пересёк пустыню и своими глазами увидел храм из легенды. Это величественное и в то же время пугающее сооружение высоко в горах, действительно существовало и завораживало своей красотой. Храм был выполнен из белого

с розоватыми прожилками мрамора, отчего казался невесомым облаком, что вот-вот сорвётся с вершины и устремится ввысь, туда, где живёт его создатель...

Вальдрес собрал остатками хлеба мясную подливку и откинулся на стуле. Глотнув вина, прислушался к ощущениям. Усталость, наконец, отступила, предоставив место сытой сонливости. Мысли потекли размеренно.

Всё-таки удивительная штука случай. Кто бы мог подумать, что камень врат, легендарный Снежный Сапфир, бесследно исчезнувший много веков назад и упорно разыскиваемый всевозможными охотниками за артефактами, найдётся в том самом храме. Как он туда попал, оставалось только догадываться. Вероятнее всего, во время войны кому-то удалось вынести артефакт из гибнущего Смангора и спрятать его в творении богов.

Вальдрес почувствовал, что на него кто-то смотрит и открыл глаза — даже не заметил, как задремал. Переминаясь с ноги на ногу, у стола стоял толстый трактирщик и теребил в руках грязную тряпку.

— Чего тебе? — Вальдрес сел прямо и отставил стакан.

— Господин? — удивился толстяк. — Вы же сами звали...

— Ах, ну да. Присядь, — маг приглашающе повёл рукой. — Выпей вина.

Хозяин таверны быстрым движением придвинул стул от соседнего стола и сел. К вину не притронулся. Глубоко посаженные глаза подозрительно уставились на Вальдреса. Маг помедлил, собираясь с мыслями, а затем спросил:

— Расскажи-ка, что происходит в стране. Я, видишь ли, долго путешествовал и немного не в курсе.

Толстяк понял, что от него не требуют ничего серьёзного и заметно расслабился. Придвинул стакан, наполнил и, шумно отхлебнув, молвил:

— Если коротко, то ничего хорошего, господин маг.

— И в чём же это «ничего» выражается, почтенный, э... — Вальдрес запнулся.

— Валиф, господин. Просто Валиф.

— И что же не так, почтенный Валиф?

Хозяин заговорщицки пригнулся к столу и взглядом указал в сторону окна, где сидели двое монахов в серых рясах. Они тихо перешёптывались, не забывая при этом внимательно следить за посетителями.

— Да вот хотя б они. Видите? Серые, — толстяк брезгливо поморщился. — До столицы ещё не добрались, а здесь уже лютуют. Это ведь из-за них я не хотел вас впускать. Случись что не так, свезут в свои проклятые подземелья и поминай как звали, — трактирщик сделал большой глоток и утёр рот сальным рукавом.

Вальдрес повернул голову в сторону окна и встретился взглядом с монахом неопределённого возраста. Пронзительные глаза цепко ухватились за лицо молодого человека, оценивая и запоминая. Маг почувствовал себя неуютно, но глаз не отвёл.

— Куда же смотрит Совет Магистров?

— Дык их магиям сейчас не до серых, — развёл руками толстяк, едва не спихнув бутылку со стола. В последний момент поймал за горлышко, отставил в сторону и стал елозить грязной тряпкой по столешнице, растирая бурые капли.

— И в чём же причина? — нахмурившись, поторопил Вальдрес.

— Причина? А я вам назову причину, господин маг, — толстяк отпихнул тряпку, словно та оказалась ядовита, перегнулся через стол и зашептал, — поговаривают, близится война. Так-то вот... — он откинулся на стуле и расправил ладонями складки сального фартука.

— Откуда сведения? — напрягся Вальдрес.

— Слухи... Валиф умеет слушать и соображать, господин.

— И всё же? — поторопил маг.

— Ну, в первую очередь, — стал загибать пальцы трактирщик, — появились первые переселенцы. Знакомый купец с юга говаривал, будто Холорис наводнился людьми от Пограничного Кряжа. Через перевал просочились слухи, будто кочевники объединяются в большой поход. Во-вторых, — загнул следующий палец толстяк, — цены на южные товары стали расти. В-третьих, наёмники потянулись с караванами в сторону Пограничного Кряжа. Говорят тамошние города стали давать хорошую цену. В-четвёртых, пошли обозы с оружием в ту же сторону...

— Что-то я ни одного не видел, — Вальдрес скептически выгнул бровь. — Возвращаюсь как раз с юга, и никакой подготовки к войне не заметил. Правда, мой путь пролегал несколько западнее, но всё равно...

— Ну, — смутился трактирщик, — может я и преувеличил, и не так много наёмников пока ушло, да и обоз с оружием был всего один, но всё же, всё же...

— Я услышал тебя, почтенный Валиф. Приготовь чистую комнату. Рано утром я отбуду. Вот, возьми за беспокойство, — по столу скакнула серебряшка и исчезла в огромном кулаке трактирщика. Толстяк поклонился и растворился в собственном заведении, а Вальдрес остался наедине с мыслями. Обдумывая полученную информацию, он не сразу заметил служанку, присланную хозяином проводить его до комнаты.

***

Столица торговой империи — белокаменный Ивокарис, встретила плотной людской массой у южных ворот. Близился сезон дождей и крестьяне спешили расторгнуть излишки урожая.

«Всё как всегда, будто не уезжал», — подумал Вальдрес с грустью.

Гвардеец в запялённой кирасе и лицом, измученным вчерашними возлияниями, увидев перстень мастера, предусмотрительно надетый на палец, с поклоном посторонился, но тут же прикрикнул на какого-то мужичка, попытавшегося проскочить вслед за магом. Проехав арку ворот, Вальдрес повернул коня в сторону видневшейся вдали башни Магической Гильдии.

Издалека Цитадель Стихий напоминала белокаменный цветок. Стройное тело башни — узкое, длинное, украшенное причудливой резьбой не просто стояло на земле, — оно словно прорастало изнутри, неуклонно стремясь к небу и солнцу. Даже не верилось, что это всего лишь мрамор. Нежные тонкие линии скорее напоминали шёлк, заботливо и чуть небрежно обёрнутый вокруг хрупкого стебля. Мягкие складки, почти невидимые вверху, тяжело стекали к подножию, образуя с одной стороны подобие скального уступа, а с другой — изящную широкую лестницу, украшенную ажурными перилами. Венчала башню удивительной красоты крыша, похожая на полураспустившийся бутон, поверх которого божественная рука небрежно бросила невесомое покрывало из тончайших каменных кружев — как символ благословения и покровительства.

Внутри башня была столь же прекрасна, что и снаружи. И здесь прослеживалось то же

плавное течение мраморного шёлка, те же стремительные линии, замершие на миг в тонких колоннах, похожих на стебли. Мягкий розоватый свет лился из круглых светящихся шаров, парящих высоко в воздухе. Разноцветные витражи в узких окнах и восхитительный узор из белых и серебряных плит на мозаичном полу гармонично сочетались со старинными гобеленами, запечатлевшими сцены из древних эпох. С двух сторон просторный холл обрамляла лестница, уходящая на верхние этажи.

Поднявшись на пятый уровень, молодой маг прошёл через высокую арку и свернул в коридор, ведущий к кабинету Архимага, как вдруг сзади раздался топот башмаков, и кто-то заорал запыхавшимся голосом:

— Мастер Вальдрес!!! Мастер Вальдрес, постойте!!!

Вальдрес с недоумением уставился на бегущего вверх по лестнице молодого белобрысого паренька в грубоотканой дерюге ученика.

— Мастер Вальдрес! Мастер... — паренёк остановился и согнулся пополам, пытаясь восстановить дыхание.

— Да, я мастер Вальдрес. Но зачем же так громко об этом кричать, юноша? Ещё немного и боги спустились бы поглядеть, кто здесь так орёт.

На шутку мага паренёк широко растянул рот в добродушной улыбке и радостно воскликнул:

— Ну и быстро же вы ходите, мастер. Я еле за вами угнался... — паренёк смешно оттопырил нижнюю губу.

— Весь внимание, юноша. У тебя ко мне какое-то дело? Говори скорее, а то я несколько спешу.

— Меня прислал за вами глава совета — сам Архимаг Себелиус, — паренёк гордо выпятил грудь и замолчал, давая почувствовать важность своей миссии.

— Польщён, — улыбнулся Вальдрес. — Я как раз к нему и направляюсь.

— Нет, нет, — парень выпучил глаза и замахал руками. — Вы же не туда идёте!

— Разве мессир Себелиус не у себя в кабинете?

— Он ожидает вас в Малом Зале Совета. Я провожу, — и, не дожидаясь Вальдреса паренёк поскакал в обратном направлении. Маг поспешил за ним. Перед входом в светлый чертог, юноша поклонился и унёсся по своим делам. Вальдрес шагнул под свод резной арки.

Внутри оказалось солнечно, как днём. Свет проникал сквозь разноцветные стёкла высоких окон, расположенных таким образом, чтобы в ясный день в чертоге всегда было светло. Колонны, окружившие центр зала двойным кольцом, были покрыты таким же каменным кружевом, что и крыша башни. На полу неизвестный мастер выложил янтарными плитами огромный круг, опоясывающий пространство внутри колонн. В лучах заходящей Иссилы круг казался огненным. В восточной части чертога расположился небольшой бассейн с фонтаном в середине. Вода в фонтане приветливо журчала, делая чертог покойным и уютным, несмотря на его драгоценное величие. У фонтана в одиночестве стоял человек.

Наверное, он был всё же стар. О том говорила и седая борода, и длинные волосы, цвета свежего молока. Но лицо не сохранило следов прожитых лет — гладкое, почти лишённое морщин, оно было всё ещё удивительно красиво. Голубые глаза, такие же яркие и живые, как у двадцатилетних юношей, под совершенно белыми бровями, изучающе смотрели на Вальдреса. Высокая фигура старца, облачённая в простую полотняную мантию, не согнулась под тяжестью старческих немощей — по-прежнему строен стан и крепка рука, свободно

лежащая на древке магического посоха, увенчанного костяной фигуркой ассала[1], широко раскинувшего крылья.

Вальдрес низко поклонился одному из сильных магов этого мира, и замер с опущенной головой, не смея заговорить первым.

— Входи, Вальдрес, располагайся, — Архимаг Себелиус радушно улыбнулся, широким жестом приглашая пройти внутрь, в то время как его глаза продолжали внимательно изучать лицо молодого мага.

— Я исполнил ваши поручения, мессир.

— Ну-ну, мой мальчик, не стоит. Для официального доклада я бы вызвал тебя к себе в кабинет, а здесь давай общаться как друзья. Присаживайся, — маг повёл рукой в сторону диванов и сам опустился на мягкую обивку, прислонив посох к подлокотнику. Вальдрес сел напротив, на краешек дивана, весь прямой как тот же посох.

— По пути в Сумарский Халифат проблем не возникло. Миновав Небесный Хребет, благополучно добрался до Кеннека, затем на пароме преодолел Полноводную и с караваном достиг Сумарента. Там вручил Халифу скипетр, как вы того и велели.

Себелиус слушал, изредка кивая, но на последних словах оживился и спросил:

— И что он? Старый лис не стал отпираться?

— Напротив, — улыбнулся Вальдрес. — Мне показалось, будто он с радостью избавился от рога. Кстати, Халиф так и не ответил, что он из себя представляет. Когда же я добрался до столицы Заозерья и по вашей просьбе передал рог наместнику, меня чуть ли не на руках носили. Всё время заискивающе заглядывали в глаза, пытаюсь предугадать все мои желания, а один раз даже хотели отдать в жёны дочь какого-то придворного.

— Нужно было брать, — губы Архимага растянулись в улыбке. — Прекрасная была бы партия. От этого наш союз с Заозерьем стал бы только крепче.

Видя, как глаза Вальдреса расширились от непонимания, магистр поспешил его успокоить:

— Шучу, шучу. Не нужно испепелять меня взглядом, — Себелиус выставил перед собой ладони. — Согласен, наместнику хватит и рога.

— Но что это за рог. Артефакт?

— Да какой, к Харризису, артефакт?! — отмахнулся старик. — Так, безделица. Символ власти и не более. Просто теперь наместник вправе объявить себя императором всего Заозерья и объединить его под своей рукой. И заметь, никто этого права не оспорит.

— Но зачем это нам? — глаза молодого мага стали шире, чем прежде.

Себелиус взял со столика хрустальный стакан с рубиновым вином, поднял к лицу и посмотрел на просвет.

— Когда-то давно отец вручил мне этот рог со словами: «Себелиус, сынок, это очень древняя вещь. Она принадлежала последнему императору Заозерья и передавалась из поколения в поколение. Во время войны рог был утерян, но мне удалось его отыскать. Передаю тебе. Настанет время и рог придётся вернуть. Ты сам поймёшь, когда...»

— Я всё равно не понимаю, зачем возрождать империю Заозерье, — наморщил лоб Вальдрес. — Так мы потеряем доходы с тех земель.

— Большую их часть мы давно потеряли, — заметил Себелиус, — когда Скавелл стал столицей новой веры, но не это главное. Вспомни, чем славится Заозерье?

— Несомненно, аскельским вином, — не задумываясь, ответил молодой маг.

Архимаг поморщился.

— Молодость... всё бы вам вино. Нет, я говорю об армии. Армией в первую очередь славится Заозерье. Гвардия наместника, выходцы из Храма Теней, чёрные легионеры Смера... Хотя Смер вряд ли отдаст их в наём.

— Но причём здесь... — Вальдрес вдруг замолк на полуслове. Ему ясно вспомнились слова трактирщика, и маг застыл с открытым ртом.

— Вижу, ты уже в курсе, — хмыкнул Архимаг. — Да, близится война. Пусть не завтра и не через год, но через полтора — два точно.

— Но как вы узнали? — ошеломлённо спросил Вальдрес.

— О войне? Мой мальчик, я ведь всё-таки Архимаг, глава Совета Магистров и ещё куча всего...

— Нет, — перебил молодой маг. — Откуда вы узнали о войне тогда, отправляя меня с миссией?

— На протяжении десятка лет мои агенты за Пограничным Кряжем наблюдают любопытную картину. Периодически, то в одном, то в другом месте, появляются миссионеры, что призывают к объединению для похода на восток, с целью освобождения народов из-под гнёта ненавистных магов. И что характерно, варвары к этим бредням прислушиваются. Пару сильных племён даже объединились и начали подминать под себя все остальные. Дело продвигалось вяло, поэтому, просчитав все варианты, я и отправил тебя в путешествие — думал, есть ещё лет пять-семь. Но за последний год ситуация кардинально изменилась. Почти все кочевники Закряжья объединились в кулак. Мало того, к ним присоединились и гадрахи. Правда, не все кланы, но и этого более чем достаточно. Поэтому я и сказал, что у нас в запасе максимум полтора года.

Сопоставив факты, высказанные собеседником, Вальдрес спросил:

— И что же ускорило процесс?

— Слово Сайхиис тебе о чём-нибудь говорит?

— Поправьте, если ошибаюсь, — Вальдрес наморщил лоб, — но, по-моему, дословный перевод с древне-схетского означает «жажда крови», я прав?

— Безусловно. Только в данном контексте мы имеем дело с названием.

— Жажущий Крови, — поражённо выдохнул Вальдрес. — Легендарный артефакт. Клинок самого Тхереса Магоубийцы... Но как?.. Где?.. Откуда?..

— Вот и я так же поразился, когда впервые о нём услышал. Но можешь не сомневаться, сведения проверены несколько раз. Один из моих наблюдателей даже созерцал его, так сказать, воочию. Войны не избежать. Поэтому необходимо как следует подготовиться к моменту, когда толпа варваров, хлынет из-за Пограничного Кряжа. Крепость Заат-Гир[2] лишь временная преграда на их пути.

Повисла напряжённая тишина. Вобрав в себя энергию светила, круг из янтарных плит сейчас отдавал её, мерцая тусклой желтизной. Становилось всё темнее, но маги не спешили зажигать масляные лампы, будто пытаясь до последней капли впитать остатки солнечного света, что заблудился меж стен. Выдержав паузу Себелиусс тихо сказал:

— Я хочу, чтобы ты отправился за Пограничный Кряж и кое-что там для меня сделал.

Предложение застало Вальдреса врасплох, и он не сразу нашёлся, что ответить. Сейчас у него было только одно желание — отдохнуть от долгого путешествия. В кошеле лежал артефакт с неизведанными свойствами и нужно перерыть сотни свитков, чтобы найти хоть крупицу дополнительных сведений о нём. Поэтому тщательно подбирая слова, молодой маг проговорил:

— Мне кажется, мессир, в роли магистра стихийной магии я буду полезен вам больше, чем сейчас. Смею вас заверить, что имею некоторые наработки в этом направлении. Но мне необходимо время для посещения библиотеки...

— О, времени пока что предостаточно, — Себелиус покачал головой. — С другой стороны — его не осталось вовсе. Я тебя не тороплю. Отдохни, подумай, займись делами. Три седмицы хватит, чтобы определиться?

Вальдрес кивнул.

— Думаю вполне.

— Прекрасно, — Архимаг поднялся, давая тем самым понять, что беседа окончена. — Тогда в моём кабинете через три седмицы. Не буду больше задерживать. Удачных изысканий...

***

В зале Портала царил полумрак, местами рассеиваемый горящим маслом в широких чашах на витых подставках. На гладких белых стенах неровными пятнами застыли причудливые тени. Всё пространство помещения полусферической формы было наполнено тишиной. Казалось, будто сам воздух застыл в сладкой дрёме, дабы не потревожить покой единственного обитателя, спящего в глубоком кресле.

Бесшумно ступая по мраморным плитам, Вальдрес прошёл в середину зала к огромной каменной арке, выполненной из двух массивных глыб прямоугольной формы, поставленных вертикально и третьей — лежащей сверху. Рука коснулась тёплого камня, покрытого рунической вязью, вплавленной прямо в поверхность. На секунду показалось, будто по камню прошла дрожь, словно он прикоснулся к живому существу. Воздух внутри дольмена всколыхнулся, заискрился и пошёл рябью. Постепенно рябь усилилась и приобрела форму кругов, расходящихся из центра. Сильней, сильней и вдруг исчезла. Запахло озоном, и сквозь проём Вальдрес увидел развалины некогда величественного города.

— Смангор! — поражённо выдохнул маг.

Где-то в глубине сознания мелькнула искорка и стала подниматься на поверхность, приобретая форму слова, несущего понимание — «камень». Ведомый странным чувством, Вальдрес взглянул на свой пояс и увидел, как из кошелья выбивается голубоватое свечение. Он извлёк светящийся артефакт наружу и ощутил лёгкое покалывание в пальцах. Снежный Сапфир ощутимо нагрелся.

«Неужели портал открывается так просто?» — удивился молодой маг.

А удивиться было чему. На протяжении долгих лет маги бились над загадкой древних, пытаясь подобрать ключ к порталам. Все знали — раньше арки активировались с помощью камней врат, но те погибли вместе с магической гильдией империи Схетхе.

Путём множества проб и ошибок удалось активировать портал в районе Ивокариса. На радостях даже построили это помещение, назвав его залом Портала. Ликованию магов не было предела — казалось, подобрали ключик к тайне но, видимо что-то пошло не так и связь установилась лишь с аркой неподалёку от Смангора.

Убедившись, что путь ведёт в одном направлении, маги значительно охладели. Да и затраты энергии на открытие портала не соответствовали выгоде — требовался круг из

десятка сильных магов, которым после приходилось восстанавливать силы в течение нескольких дней. В дальнейшем портал открывали всего два раза, а должность хранителя стали отдавать не очень перспективному магу. И в данный момент таким магом являлся мастер третьей ступени Ультис, что дремал в кресле у стены.

За размышлениями Вальдрес не заметил хранителя, вставшего рядом. Не решаясь нарушить таинство момента тот, разинув рот, глядел на светящийся камень.

— Что это, Вальдрес? — выдавил, наконец свистящим шёпотом Ультис.

— Снежный Сапфир, — так же тихо ответил молодой маг, пряча артефакт в поясной кошель.

Очертания местности у древнего города пошли рябью и постепенно рассеялись. Зал Портала снова погрузился в полумрак. Вместе со свечением ушло и оцепенение, что сковало присутствующих, и Вальдрес был мгновенно заключён в объятия лучшего друга...

***

— Брат, что за игру ты ведёшь! — из ноздрей белоснежного дракона вырвались струйки чёрного дыма. Сеттиллис был в гневе. А когда Повелитель Молний гневается, что случается крайне редко, каждой твари известно — от него следует держаться как можно дальше. — Зачем ты переписал свиток?! — ослепительная молния сорвалась с перламутрового когтя и устремилась в собеседника. — Что ты задумал?!

Человек в алом плаще и с чёрной, как ночь, шевелюрой, усмехнувшись, поймал посланную в него молнию. Дунул на неё и бросил себе под ноги. Та причудливо изогнулась, словно змея и застыла в виде искрящейся спирали. Ничуть не смущаясь, Харризис оседлал её.

— Сетт, перестань, гнев тебе не идёт, — на черномбровом лице с квадратными скулами застыла усмешка. — И прими, наконец, нормальный облик, а то я уже устал голову задирать.

По телу дракона пошла рябь, раздался лёгкий, словно пощёчина, хлопок и перед ним возник светловолосый юноша в белоснежной тоге. Сандалии цвета топлёного молока с золотой оторочкой мягко погрузились в пол по своей структуре больше напоминающий облако, нежели ковёр. Часть этого «облака» тут же вытянулась вверх, принимая форму кресла и Сеттиллис не сел а, скорее погрузился в него. Несколько мгновений голубые глаза разглядывали ухмыляющегося брата. Наконец тонкие губы разомкнулись:

— Выкладывай, зачем ты добавил к ритуалу Поглотитель Душ? Мы же и так его изменили до неузнаваемости, завязав на Снежный Сапфир.

— Каюсь, каюсь, — Харризис склонился в шутовском поклоне, широко разведя руки.

Глаза светлого бога буравили младшего брата, но тот продолжал стоять согнувшись. Наконец тишину прорезал голос, больше напоминающий звериный рык:

— Харр, прекрати паясничать! Надеюсь, ты не забыл, к чему мы стремимся?!

— О нет, Сетт, не забыл. Я прекрасно помню, кто нас сюда заточил, — черноволосый бог распрямился и с хрустом сжал кулаки. Вокруг его тела образовался ореол чёрного тумана.

— Оставь гнев до лучших времён, — светловолосый юноша легко выскочил из облачного кресла и положил руку великану на плечо. — Что ты от меня скрываешь? Прощу,

прекрати свои игры.

— Мне просто скучно, брат. Просто скучно.

— Твоя скука может дорого нам обойтись. Или напомнить о храме? — Сеттиллис вновь опустился в кресло.

Харризис извлёк из складок одежды красный фрукт продолговатой формы, надкусил и сказал:

— Не стоит ворошить прошлое. Твой храм ведь на месте?

— Храм-то на месте, но теперь туда нет хода ни мне, ни тебе, — Сеттиллис резко выбросил руку вперёд и фрукт влетел в раскрытую ладонь. Как ни в чём не бывало светловолосый юноша принялся его есть. Харризис погрозил брату пальцем, достал ещё один, откусил сразу добрую половину и пробурчал сквозь набитый рот:

— В том, что туда нет хода ни мне, ни тебе, виноват только ты. Нельзя же быть таким импульсивным. А прежде чем что-то делать, ещё и думать нужно. Сам заклил свой храм, а на меня теперь спираешь.

Сеттиллис скривился как от зубной боли. Шпилька брата попала прямо в цель. Он ведь действительно тогда сильно вспылил и затворил ворота так, что и сам не смог проникнуть в собственное творение. Правда, позже выяснилось, что для смертных, обладающих магическим даром ворота не помеха.

Повисла пауза. Жуя сочную мякоть, каждый думал о своём. Наконец Сеттиллис нарушил тишину:

— И всё же, зачем понадобилось менять ритуал?

Харризис закинул в рот остатки фрукта, ничуть не смущаясь отёр руки о тогу брата, заставив того поморщиться и проговорил:

— Мне нужна душа этого мага.

— Но зачем? — на лице Повелителя Молний отразилось неподдельное удивление.

— Брат, я же не спрашиваю, зачем тебе понадобился орден Серой Длани, — черноволосый бог укоризненно ткнул пальцем в собеседника. — Вот и ты не спрашивай. Это мои дела.

— Я и не скрываю. Орден — это моя игрушка. Вон, Спаситель, если помнишь, целую прорву миров усеял собственными последователями. А я чем хуже? Неужели не имею права завести своих? Раз уж нам довелось здесь застрять, нужно же как-то развлекаться.

— Вот и я о том же. Мне тоже хочется развлечься, — Харризис с улыбкой развёл руками.

— Только не заиграйся, брат. Ты же помнишь каких трудов стоило направлять того мага, впавшего в безумие? Счастье что он не умер по дороге и всё же доставил Снежный Сапфир в храм.

— Всё пройдёт, как и задумано, брат, поверь. Поглотитель ничем нам не помешает, — Хозяин Ночи взмахнул руками, и воздух вокруг него вспыхнул чёрным пламенем. Закружившись вихрем, пламя поглотило бога.

— Я надеюсь, брат... надеюсь, — прошептал Сеттиллис, глядя на пламя, опадающее невесомым пеплом...

Далеко на севере, на острове, в незапамятные времена названном Делеф-Гир, что в переводе с древне-схетского означает «ледяной остров», вдали от городов, возвышается одинокий замок. словно мазок чёрной краски на белоснежном холсте, выделяется среди ледяной равнины его неживая громада. Сложенный из плит чёрного мрамора замок завораживает своей асимметрией и в то же время изяществом чёрных линий.

К воротам замка не подходит ни одна дорога. Из-за промёрзшей насквозь земли жители Делеф-Гир издавна привыкли пересекать расстояния на цукванах — больших неуклюжих животных, покрытых густой белой шерстью. Толстый слой жира не даёт животным замёрзнуть, а шесть массивных лап позволяют передвигаться даже в глубоком снегу.

В круглом зале с потолком из чистейшего хрусталя, добытым под Небесным Хребтом, в неровном свете расставленных по кругу резных канделябров, расположились двое. Хозяин замка — старик с чёрной без единого признака седины шевелюрой почтительно склонил голову пред юношей с огненно-рыжими волосами и лицом, густо усеянным веснушками.

— Слабое место в моём плане, — продолжал начатый ранее разговор Харризис, — нужный человек в районе древнего города.

— Владыка, смею уверить, как раз это не проблема, — губы Великого Магистра растянулись в улыбке от осознания того, что может помочь любимому учителю. — В районе Смангора, как раз находится один из моих наблюдателей. Я даже хотел его на днях отозвать...

— Он надёжен? — перебил бог.

— Не сомневайся, Владыка, я доверяю ему как себе.

— Тогда почему держишь в таком месте? — на лице Харризиса отразилось удивление.

— Был один случай... — замялся Эжжилер. — Кое в чём меня разочаровал, поэтому пришлось наказать. Но он мой лучший ученик и верен, словно пёс.

— Тогда передай ему что в день затмения Иссилы, неподалёку от Смангора, будет проведён ритуал носящий название Призвание Стихий. Смысл его заключается в следующем...

— Не продолжай, Владыка, — перебил маг. — Я знаком с этим ритуалом.

— Тем лучше, — Харризис опустил на пол рядом с магистром и заглянул тому в глаза. Эжжилер вздрогнул от обжигающе-ледяного взгляда бога, пробирающего аж до старческих костей, но глаз не опустил, зная, что ноги наставника коснулись пола неспроста. В подтверждение его догадки, прозвучал глухой голос, не сочетающийся с юношеским лицом:

— Маг, совершающий ритуал, должен умереть. Это приказ.

— Я... я передам, Владыка, — Эжжилер с трудом протолкнул вставшие комом слова. — Мой наблюдатель сильный маг, он всё исполнит.

— Не сомневаюсь. Но мне нужно чтобы он использовал вот это, — в руке бога возник свёрток тёмно-алого бархата. С поклоном приняв, Эжжилер развернул его и с благоговением уставился на открывшееся чудо. Из рта вырвался восхищённый вздох:

— Игла Мрака...

Эжжилер не мог и предположить, что когда-нибудь будет держать в руках столь легендарное оружие. Скованное братьями-богами в горниле бушующего вулкана, оно появлялось во плоти лишь дважды. И оба раза прерывало жизни зарвавшихся магов, сотрясающих скрепы мира. В первый раз это был Гортемус Кровавый, создавший орден некромантов и погубивший империю Схетхе, во второй — Тхерес Магоубийца со своим

клинком-артефактом, блокирующим магию.

С первого взгляда могло показаться, что это просто кинжал причудливойковки, но стоило лишь сосредоточить внимание, как его очертания начинали течь, плавиться, менялась сама форма клинка. И самое главное, что отличало артефакт от привычного холодного оружия — отсутствие рукояти. Вместо неё Игла Мрака имела точно такой же обоюдоострый клинок, немногим короче основного.

— Владыка... — с трепетом выдохнул Эжжилер. — Владыка, у меня нет слов... Владыка? — маг оторвал взгляд от легенды, но бог исчез.

До сих пор магистр Эжжилер не мог привыкнуть к внезапным исчезновениям Харризиса. Завернув Иглу Мрака обратно в бархат, он прошёл к столу и принялся нанизывать буквы на чистый пергамент. По окончании, дёрнул за скрытый в стене шнур и стал ожидать прихода слуги. За размышлениями не сразу заметил немолодого мажордома, застывшего у стола в полупоклоне.

— Передашь это с птенцом ассала[3] наблюдателю номер семь.

— Смангор, милорд? — уточнил помощник, посвящённый во многие дела хозяина.

— Верно, Смангор. И поторопись, Зигг...

***

В окрестностях развалин Смангора — столицы древней империи Схетхе — навсегда застыло лето. Виной тому стало мощнейшее проклятие, поразившее город в эпоху магической войны. В давние времена именно империя Схетхе была центром всей магии, а в Смангоре, располагалась Академия Стихийных Искусств. Сейчас центром культурной и магической жизни является Ивокарис. Там же возвышается и Цитадель Стихий — нынешняя академия магии.

Сегодня Иссила жарила особенно нещадно. Даже не верилось, что близится затмение. Стоя неподалёку от когда-то величественного поселения, Вальдрес, обливался потом. Проход сквозь портал оказался до смешного прост. Вот воздух внутри арки стал чист, открыв вид на руины, шаг — и вот он уже здесь. Ни головокружения, ни тошноты, ни каких-либо других побочных эффектов. Воистину, творения древних, были сильны и надёжны.

— Пора, — поторопил сам себя Вальдрес. — Нужно успеть подготовиться.

Он зашагал к месту, куда в давние времена стекались караваны торговцев, паломники со всего света и другие посетители Смангора — к центральным воротам. Ворота как таковых не сохранилось, но и не они интересовали молодого мастера. Неподалёку от входа в город в землю была впечатана круглая плита в три роста диаметром, с нанесёнными на неё магическими рисунками. Именно там раз в пять лет проводился ритуал Призвания Стихий. Целью данного ритуала было слияние неофитов с четырьмя стихиями. Прошедшим ритуал присваивалось звание подмастерья.

«Подмастерья! Подумать только! — беззвучно возмутился Вальдрес. — И это уже через пять лет. Сейчас приходится учиться целых десять. Не говоря уже о последующих пятнадцати годах обучения на мастеров разных ступеней. А экзамены на жезл подмастерья просто смех! Да любой ученик прошлых лет с лёгкостью уложил бы на лопатки парочку нынешних подмастерьев!»

Достигнув границы мёртвой земли, Вальдрес прервал размышления. За чертой климат разительно отличался от царящего над древним городом. Даже воздух там казался свежее.

Плиту долго искать не пришлось — аура лобного места была видна, что говорится, «невооружённым глазом». Раздвигая густую траву, маг прошёл несколько шагов и остановился в центре круга. Приставил ладонь ко лбу, на манер козырька, и взглянул на небо — затмение близко, пора приступать.

Вальдрес принялся тщательно очищать место для ритуала. Как трава смогла вырасти на плоском камне, осталось для него загадкой. Хотя корни и лежали на поверхности, не погружаясь в камень — всё равно пришлось изрядно попотеть, оголяя круг нужного диаметра.

Закончив, маг отряхнулся, достал нож из кости морского ревуна[4] и стал водить им по впечатанным в камень линиям, освежая рисунок. Следуя его движениям, на ритуальном камне постепенно стала проявляться фигура, напоминающая пентаграмму с непропорционально растянутыми лучами. На них Вальдрес положил предметы, приготовленные заранее — каждой стихии свой. Для огня — мешочек с огнивом, для воды — фляга с водой, для ветра — ручное опахало (таким в жару обмахиваются знатные дамы), а земле досталась горсть зерна. Пятый луч маг просто рассёк тремя волнистыми линиями.

Вокруг каждого предмета раньше писались имена стихий, но с годами они стёрлись. Вальдрес достал из мешочка на поясе свиток с описанием ритуала и, сверяясь с записями, стал тщательно выводить кончиком ножа буквы давно забытого алфавита.

«Как удачно я натолкнулся на знающего хранителя библиотеки, — подумал молодой маг, скребя острой костью по камню и высунув от усердия язык. — Всё рассказал, показал и даже разрешил скопировать свиток».

Сперва дотошный хранитель показался Вальдресу подозрительным — всё выпрашивал да вынюхивал, неустанно хромая следом, но когда он вынес на свет нужный свиток все сомнения мгновенно развеялись и маг с головой ушёл в чтение. Всё это время хранитель сопел рядом, но Вальдрес настолько увлёкся, что не замечал ничего вокруг. Оторвался лишь однажды — спросить, может ли он сделать копию, на что горбатый старик кивнул...

Последняя линия сомкнулась, и Вальдрес убрал нож. Ритуал достаточно прост. Осталось поместить камень врат на волнистые линии, окропить кровью испытуемого и прочесть заклинание, текст которого так же нашёлся в свитке.

Незадействованным оставался Поглотитель Душ — узорчатый камень янтарного цвета, в форме яйца и размером с кулак младенца. Но в свитке на этот счёт было написано так: «Поглотитель во время ритуала следует положить подле ног...»

Заметно потемнело — начиналось затмение. Сведя руки перед грудью, Вальдрес сплёл из пальцев затейливый узор, опустил лицо к земле и стоял так некоторое время, шепча какую-то бессмыслицу. Затем резко развёл руки в стороны и выдохнул слово-ключ, активирующее мощную защиту — одну из личных разработок. Вокруг мага образовался прозрачный пузырь и стал увеличиваться в объёме, пока не заполнил всё пространство круга. Убедившись, что защита от непрошенных гостей встала как нужно, Вальдрес вновь достал ритуальный нож.

«Ну, вот и все, — подумал маг. — Сейчас решится то, к чему стремился многие годы — либо обрету силу, либо останусь ни с чем».

Он решительно провёл лезвием по запястью и, роняя бурые капли, вытянул руку над белоснежной поверхностью сапфира. Камень зашипел и засветился мягким голубоватым

светом. Когда свечение приобрело насыщенный синий цвет, Вальдрес поспешно перетянул руку заранее приготовленной тряпицей, спрятал нож и принялся нараспев читать слова древнего заклинания.

Вокруг лобного места стал закручиваться воздушный вихрь, плита задрожала, а в почерневшем небе засверкали молнии. Стихии откликнулись на зов дерзнувшего.

Вдруг серебряная дуга сорвалась с небес и впиталась в камень врат, отчего тот вспыхнул столь сильно, что Вальдресу пришлось зажмуриться. Широко раскинув руки, он поднял лицо к небу и прокричал:

— Вариту-мар сина-нэг рамур!

Слова повисли в воздухе светящимся узором, мага выгнуло дугой. Неимоверным усилием он выпрямился и продолжил:

— Вариту-мар тин-лар турух!

Из камня врат вырвался сноп нестерпимо яркого света и пронзил почерневшее небо, словно копье. Осталась последняя фраза, но ей не дано было прозвучать.

Поглощённый ритуалом Вальдрес не мог видеть, как в десятке шагов из густой травы за ним наблюдает внимательная пара глаз. На последних словах из взмокшей ладони сорвался серебряный росчерк и вонзился магу в шею, не встретив сопротивления в бушующей стихии.

Вместо крови из раны выстрелило чёрное облако — как морской гулап[5] выстреливает чернилами в случае опасности. Раздался близкий раскат грома. Вальдрес захрипел, упал на землю и засучил ногами.

Из струящейся черноты к притаившемуся наблюдателю потянулись жгуты-щупальца. Маг встал во весь рост, широко расставил ноги, ладони на уровне груди. Пальцы замелькали с немыслимой скоростью, выстраивая на пути ползущего мрака защитные заклинания, но чёрные щупальца неотвратимо приближались к цели.

Пробив последнюю защиту, чёрный сгусток лизнул тело наблюдателя, словно пробуя на вкус. Мага окатило ледяной волной. Холод проник в душу, коснулся сердца, сковал члены. Внезапно пришло осознание — это конец, не будет даже посмертия!

И тогда маг закричал. Закричал от безысходности, не желая умирать так. На мгновение мрак отступил, но наблюдателю этого хватило. Не разбирая дороги, он побежал, будто за ним гнался сам Харризис.

Тело Вальдреса вспыхнуло белым пламенем, и буквально через секунду над землёй остался лишь его контур, сотканный из золотистых капелек. Миг и они исчезли в поглотителе, а чёрное облако стало стремительно всасываться в камень врат. Снежный Сапфир взмыл в воздух, раскалился до красна и опал невесомым пеплом. Магический рисунок погас, ветер стих, небо начало светлеть.

Над выжженным ритуальным кругом воздух пошёл рябью и реальность исказилась. Через несколько минут рябь исчезла, а лобное место вновь оказалось покрыто густой травой. Невозможно было даже подумать, что ещё недавно здесь бушевала стихия. Лишь яркое пятнышко, над которым курился голубовато-серебристый дымок, пульсировало среди травы...

[1] Ассал — крылатый хищник, обитающий высоко в горах Небесного Хребта. Очень агрессивен. Размах кожистых крыльев не редко достигает трёх метров. Тело вместо перьев покрывает чешуя. Так же имеется пара дополнительных цепких лап. Единственное существо

на которое не действует магия.

[2] В переводе с древне-схетского Гир означает «остров». Встречаются и созвучные слова. Так, например Ир означает «материк», а Гар — «город».

[3] При достижении половой зрелости ассал становится неуправляем. Поэтому для быстрой передачи посланий используются только птенцы, так как они легко поддаются дрессуре. Понятие Ассалиная Почта.

[4] Морской ревун — редкий вид акул

[5] Гулап — головоногий моллюск, аналог земного кальмара. Может достигать до 20 метров в длину.

Глава первая

Яркий свет прорвался сквозь заплывшие веки. Вслед за ним раздался рёв сирены, оборвавшийся диким звоном в ушах. В наступившей тишине Колин ощутил себя стоящим на ногах. Тело, приученное частыми подъёмами, отреагировало мгновенно. Из динамиков раздался осточертевший механический голос:

— Встать!!! Звание!!! Имя!!! Личный номер!!!

— Сержант Колин Мак-Стайн. Личный номер 17-762.

Слова застревают меж стиснутых зубов. Страшно хочется спать. Свет включается каждые шесть часов, но понять день сейчас или ночь невозможно — камера лишена окон. Кожа зудит от пота и запёкшейся крови. Невыносимо болят рёбра. Каждый глоток затхлого воздуха вызывает тошноту...

Свет погас, ноги подогнулись, и сержант сполз по стене.

— Сволочи! — кулак зло вонзился в пол. — Твари! Ненавижу!

В каком бы положении ни оказался человек — привыкнет ко всему, даже к плохому. Вот и сержант Колин Мак-Стайн уже привык к постоянным допросам. А ещё неделю назад ревущая сирена застала его врасплох. Раздавшийся голос, скорее удивил, чем напугал. Колин тогда и не подумал отвечать на вопросы.

Последовавшие за этим события больно было даже вспоминать, не то, что переносить. Открылась дверь, ворвались люди в форме с плотными масками на лицах. Не произнося ни слова, начали методично избивать сержанта дубинками, как будто пыль выколачивали. После первых же ударов Колин скрючился на полу, прикрывая голову руками — не помогло. Безликие экзекуторы отлично знали своё дело. Очнулся один в поту и крови...

Следующей ночью всё повторилось: свет, сирена, голос. На вопросы арестант пробурчал что-то невнятное и вновь был безжалостно избит...

Зализывая раны, Колин пытался понять, кому перешёл дорогу. Будучи ещё новобранцем, слышал, что таким способом ломают опасных преступников. Всего через пару месяцев человек превращается в кусок скулящего мяса и тогда каторжная планета кажется спасением. Но сержант не был преступником (грешки молодости не в счёт), или всё же был? Вопрос не давал покоя, сверля мозг словно жук-короед. В бессильных поисках ответа, Колин раз за разом прокручивал день ареста но, увы, безрезультатно...

Спустя неделю дверь открылась. На пороге возникли двое десантников с автоматами наперевес. Щёлкнули затворы. Щурясь от слепящего света, сержант попытался рассмотреть третью фигуру. Ей оказалась госпожа капитан Зибровски. Женщина средних лет, с грубоватыми чертами лица и густыми светлыми волосами, касающимися поясницы кончиком тугой косы. С нехорошими предчувствиями, сержант вытянулся и попытался отдать честь. Капитан отмахнулась, встала в центре камеры, заложила руки за спину и, брезгливо морщась, оглядела арестанта.

— Сержант Колин Мак-Стайн, — утвердительно произнесла женщина. Кивнула сама себе и повернулась к двери.

— Следуйте за мной...

Военный трибунал по делам младшего командного звена предполагал в своём составе трёх офицеров — капитана, майора и полковника. Сегодняшнее заседание собиралось в спешке и майора не оказалось на месте. В последний момент пригласили офицера из исследовательского центра, приехавшего по каким-то делам. Им оказался майор Дорел Стоун, ветеран, приписанный к НИИ из-за ранения.

Атмосфера напряжённости, нависшая над заседавшими, усугублялась присутствием человека в штатском. Представившись простым капитаном, тот сел на своё место и тихо ожидал начала процесса.

Полковник Клаус Менке — розовощёкий толстячок с лицом добряка — являлся неизменным членом каждого трибунала. Хотя звание полковника он получил не за боевые заслуги (каждое повышение начальство устраивало с целью избавиться от непутёвого офицера), но в людях разбирался превосходно. Промокая одутловатое лицо огромным, как полотенце платком, он с опаской косился на «капитана». Клаус как никто другой знал, что за такой неброской внешностью чаще всего скрывается высокий чин, а судя по небрежному спокойствию этого — не ниже полковника внутренней разведки, что равносильно бригадному генералу. И это, скорее всего, чревато проблемами. Не иначе как явился с проверкой.

Вздрыгнув при мысли о проверке, толстяк шумно выдохнул и принялся в который раз промокать выступивший пот...

Пытаясь привести форму в порядок, Колин задержался на пороге. Этой заминки хватило, чтобы бегло осмотреть помещение. Напротив двери длинный стол, покрытый зелёным сукном, окно задрапировано плотными шторами. Из освещения лишь небольшая люстра под высоким потолком да лампа посреди кипы разложенных на столе папок. За столом трое, но лиц от двери не видно.

— Пройдите в центр зала и встаньте напротив стола, — сухой голос человека в штатском заставил вздрогнуть даже майора. Полковник с удивлением посмотрел на капитана.

«Что он делает? Почему ломает порядок заседания?»

Колин сделал несколько шагов и вскинул руку в воинском приветствии:

— Сержант Колин Мак-Стайн. Личный номер...

— Оставьте, сержант, — оборвал его капитан. Взял папку с делом, раскрыл и произнёс:

— Вы обязаны чётко и недвусмысленно отвечать на заданные коллегией трибунала вопросы. От достоверности сведений будет зависеть ваша дальнейшая судьба. Надеюсь, я ясно выразился?

— Так точно, господин... — Колин запнулся. Погон не видно, а вместо формы строгий, тёмно-серый костюм.

— Господин капитан, называйте меня так.

— Так точно, господин капитан, мне всё ясно.

— Занесите в протокол — трибунал в составе полковника Клауса Менке, майора Дорела Стоуна и капитана... э... Смитсона, начат.

Сзади раздались резкие щелчки, и сержант невольно вздрогнул. Обернувшись, заметил ширму, отгородившую от двери стол, за которым сидел секретарь в чине лейтенанта военной

полиции.

— Приступим. Надеюсь, господа трибунал не возражают, если я поведу? — капитан оглядел сидящих справа от него офицеров. Полковник пошёл розовыми пятнами, но промолчал, а майор сделал вид, будто увлечён рассматриваемой бумагой.

— Вот и славно. Итак, сержант, признаёте ли вы себя виновным в преступлении против империи?

Офицеры затихли и на арестанта уставились три пары глаз. Колин опешил и не сразу нашёлся что ответить. Ничего себе начало. Быть может это какая-то ошибка?

— Прошу прощения, господин капитан. Не могли бы вы уточнить, в каком конкретно преступлении меня обвиняют.

— Хм... — капитан пожевал губами. — Сержант, хотите сказать, что не знаете в чём ваша вина?

— Так точно, господин капитан, понятия не имею, — для наглядности он пожал плечами.

— Быть такого не может, — первый раз на лице капитана отразились хоть какие-то эмоции. — Во время ареста вас обязаны были поставить в известность.

— Никак нет. Две недели назад я был вызван с дежурства. По прибытии в штаб меня встретила госпожа капитан Зибровски и, сообщив о том, что я арестован, приказала сдать оружие. Меня отвезли в космопорт, оттуда на эту планету, а затем уже отконвоировали в здание военной полиции. Это всё.

— Хм... интересно. И вы даже не догадываетесь?

— Не догадываюсь, господин капитан.

— Думаю, госпожа Зибровски сможет пролить свет на эту странность, — вмешался полковник.

— Вы правы, Клаус, — от такой фамильярности полковник скривился. — Вызовите-ка её.

Утерев пот, полковник нажал скрытую под крышкой стола кнопку. Дверь немедленно распахнулась, и на пороге застыл рослый охранник. Покосившись на капитана, полковник произнёс:

— Пригласите... — голос предательски дал петуха. Откашлявшись, он повторил:

— Пригласите госпожу капитана Зибровски.

Охранник кивнул и вышел. Прошло несколько минут, прежде чем дверь снова распахнулась. За это время полковник вспотел так, что форму можно было выжимать. Капитан ожидал со спокойной миной, а майор так и продолжал разглядывать бумаги. Вошедшая женщина встала на шаг впереди от сержанта и вскинула руку в приветствии.

— Господа трибунал, капитан Зибровски по вашему приказанию прибыла.

Офицеры промолчали, а капитан поморщился как от зубной боли.

— Оставьте, госпожа капитан, давайте без официоза. Вот сержант утверждает, что был арестован без объявления причины. Как вы можете это объяснить?

Зибровски побледнела. Форма моментально стала тесной. Как она, капитан с безупречным личным делом, могла так опростоволоситься? Как минимум, это нехорошая пометка в личном деле, как максимум — ссылка на какую-нибудь богом забытую базу. И, судя по виду этого господина, скорей второе.

— Я... — запнулась она, — попытаюсь объяснить, господин... — слова с трудом проталкивались сквозь пересохшее горло.

— Господин капитан... Уж попробуйте, — он скрестил руки на груди.

— Господин капитан, — теперь Кайла Зибровски смотрела только на человека с незапоминающейся внешностью. — Вы несомненно помните какой переполох поднялся после того происшествия. Мне поступил приказ немедленно привезти сержанта в распоряжение военной полиции. Возможно, в спешке, я забыла сообщить ему об обвинении. В тот момент я полагала он и сам знает, за что арестован. Это моя ошибка, господин капитан. Уверяю, такое больше не повторится.

— Хм...

Полковника стало раздражать это постоянное хмыканье. Как бы он мечтал сейчас оказаться в номере гостиницы, где заказано шампанское и девчушка со смазливym личиком — он всегда любил расслабиться после «тяжёлого» рабочего дня. Но сейчас приходится лебезить перед важным «костюмом», неудержимо потеть и заискивающе заглядывая в эти холодные глаза.

— Хм... — повторил капитан. — Уж постарайтесь, госпожа Зибровски, впредь подобного не повторять. Хотя я вас понимаю, переполох тогда поднялся исключительный. До сих пор общественность не успокоилась. Ну да ладно, обойдёмся устным взысканием. Не смею вас более задерживать.

Отсалютовав, капитан развернулась к двери и на негнущихся ногах вышла. Сержант успел заметить крупные капли, выступившие у неё на лбу, и мысленно посочувствовал. Подумал, не будь она такой стервой, может быть была бы даже привлекательна. От мыслей оторвал голос капитана.

— Итак, сержант Мак-Стайн, вы обвиняетесь в преступлении против империи. В частности цитирую: «... в агрессивных действиях, повлёкших за собой массовое уничтожение представителей иных рас, находящихся под защитой империи или являющихся её гражданами».

— Это Эвиане-то граждане?! — вырвалось у сержанта.

— Сержант, вы забываетесь! — взвизгнул полковник, стукнув ладонью по столу, но тут же с опаской покосился на капитана — одобрит, нет? Тот сделал вид, будто ничего не заметил и продолжил:

— Ответьте на следующий вопрос, сержант, почему вы не послушались приказа о прекращении боевых действий относительно расы Эвиан и устроили кровавую баню? Чем можете оправдать такое поведение?

— Господа трибунал, при всём уважении, я понятия не имею, о чём идёт речь.

Полковник хмыкнул:

— Он, видите ли, не имеет понятия. А Эвиане вот уже две недели рвут и мечут, требуя выдать виновника гибели дипломатического шаттла. Мало того, виновника гибели принца!

Капитан поморщился.

— Прошу без эмоций, господин полковник. А вам, сержант, напоминаю, что четырнадцатого числа сего месяца вами был обстрелян и уничтожен космический шаттл расы Эвиан на планете Вакс-3. Не так ли?

— Так точно, господин капитан. Но я не понимаю, каким образом это событие относится к моему обвинению. С каких пор Эвиане стали подданными империи?

Офицеры переглянулись, а капитан продолжил:

— Давайте по порядку. Вы являетесь командиром отделения роты Дельта, в свою очередь находящейся под командованием лейтенанта Беккера?

— Так точно, господин капитан.

— Четырнадцатого числа, вам поступил приказ о патрулировании космопорта планеты Вакс-3?

— Так точно, господин капитан.

— В двадцать часов по местному времени, на планету совершил вынужденную посадку космический шаттл расы Эвиан. Гражданский шаттл, как следует из сообщения их командования.

— Так точно, господин капитан. Опознавательные знаки определяли принадлежность шаттла к гражданскому флоту. Но, господа трибунал, я до сих пор не могу понять, какое это имеет отношение к моему обвинению? Вот уже почти тридцать лет идут боевые действия с этой расой. Во всех известных нам секторах космоса постоянные стычки. Эвиане никогда не видели разницы между гражданским флотом и военным, уничтожая как тот, так и другой. Впрочем, так же как и империя. Чем же отличался уничтоженный мной шаттл?

Полковник Менке, красный как рак вскочил с места:

— Чем он отличался? Чем отличался?! Ты издеваешься, щенок?!

— Сядьте, полковник, — осадил его капитан. — Нет нужды переходить на личности. Держите эмоции в узде.

Задохнувшись от обиды, полковник плюхнулся в кресло. Какой-то «капитанишка» посмел ему указывать! Но вспомнив, что этот капитанишка из внутренней разведки, офицер выпустил набранный воздух и вновь принялся промокать шею и лоб. Пришлось даже расстегнуть верхнюю пуговицу. Убедившись, что полковник успокоился, капитан продолжил:

— Что же касается вашего вопроса, сержант, отвечу. Двенадцатого числа, то есть за двое суток до инцидента, Эвиане связались с командованием легиона с предложением подписать мирный договор, приняв их в состав империи. Замечу, на особо выгодных, для нас, условиях. Империи отходит весь сектор Декрис, сектор Мирто и ещё с десятков планет ранее контролируемых Эвианами. По обоюдному согласию, для встречи глав ранее враждующих империй, было выбрано место — сектор Зета, планета Вакс-1. Встречу назначили на пятнадцатое число сего месяца. Командование Эвиан, во главе с принцем-регентом Пхардж Камуром, выдвинулось в заданный сектор, но по пути возникло столкновение с метеоритным облаком, и обшивка шаттла претерпела повреждения. Нам поступил сигнал о бедствии. Было принято решение направить Эвиан в ближайший космопорт планеты Вакс-3. Лейтенанту Беккеру дали чёткий приказ — встретить и оказать содействие, — капитан прервался и налил стакан воды. Шумно выпил и продолжил:

— Так вот, сержант, мне бы хотелось знать, почему вы не отреагировали на данный приказ, а вместо этого хладнокровно расстреляли прибывший с мирной миссией шаттл, поставив тем самым под угрозу не только возможность закончить войну на выгодных для нас условиях но, что самое страшное, саму возможность мирного сосуществования с расой Эвиан!

С каждым последующим словом капитан всё сильнее распалялся, а последнюю фразу и вовсе выкрикнул. Но быстро взял себя в руки и продолжил как ни в чём не бывало:

— Отвечайте, сержант. Мы ждём.

Только тут до Колина начала доходить вся тяжесть совершённого им проступка. Тщательно подбирая слова, он стал отвечать:

— Спешу вас уверить, господин капитан, что не знал ни о каком приказе. Из-за

поломки радиостанции по связи мне ничего не сообщали. Сам же я не мог связаться с лейтенантом, чтобы сообщить о вторжении, хм... то есть об аварийной посадке шаттла, по той же причине. Попытки починить радиостанцию в полевых условиях успехом не увенчались. Когда локатор запеленговал снижающийся шаттл, согласно уставу, в распоряжение роты мною был отправлен капрал Глокк. Выждав положенное время и не получив вестей от лейтенанта Беккера, было принято решение сбить шаттл на подлёте к космопорту. Помня о стремительных вторжениях Эвиан на наши планеты, я посчитал данное решение единственно правильным. Теперь, зная истинную причину появления шаттла, хотел бы просить о снисхождении для моего отделения. Солдаты выполняли приказ. Готов понести наказание по всей строгости имперских законов.

Повисла гнетущая тишина. Майор наконец-то оторвался от бумаг и взгляделся в лицо сержанта. Что-то в нём зацепило офицера. Капитан молча вертел в руках стакан, а полковник произнёс:

— Возможно, всё обстоит именно так и вы не знали о мирном соглашении. Возможно, как утверждаете, радиостанция вышла из строя, хотя это ещё нужно проверить. Но вы же видели, что шаттл гражданский и что от него не исходит угрозы?!

— Так точно, господин полковник, я видел опознавательные знаки, но смею напомнить о способах ведения войны расой Эвиан. Надеюсь, все ещё помнят события десятилетней давности на планете Центурия?

— Нет смысла напоминать нам исторические факты, сержант, — капитан поморщился. — Нам ясна ваша позиция. Вы решили нанести превентивный удар.

— Так точно.

— Что ж, господа, будут ли ещё какие-нибудь вопросы к обвиняемому? — майор промолчал, а полковник отчаянно завертел головой. — Вот и отлично, — капитан дотянулся до кнопки и нажал дважды. Дверь распахнулась, вошли двое охранников.

— Уведите сержанта обратно в камеру.

Дверь закрылась, и капитан обратился к секретарю:

— Занесите в протокол время окончания заседания и можете быть свободны.

Отстучав несколько цифр, тот оставил офицеров одних. Полковник аж задохнулся от возмущения.

«Да что он себе позволяет?! Весь порядок заседания псу под хвост!»

Глядя прямо перед собой, капитан спокойно произнёс:

— Полковник, можете подать на меня жалобу... позже. А сейчас смирите свой гнев.

— Господин капитан, вы не понимаете...

— Я всё прекрасно понимаю, — перебил капитан, посмотрев прямо на полковника. — Но и вы поймите. Мне поручено разобраться в этом деле как можно скорее и как можно эффективнее. Поэтому нет времени на все процедуры. Так что возьмите себя в руки и выскажите соображения.

На полковника стало жалко смотреть. Словно рыба, выброшенная на берег, он жадно глотал воздух, а на последних словах налил очередной стакан воды и шумно выпил. Затем промокнул выступивший пот и процедил:

— Прошу простить мою несдержанность, господин капитан.

— Извинения приняты. Перейдём к делу. Какие будут мысли?

Стремясь показать готовность к работе, полковник ответил мгновенно:

— Думаю, ему нет оправдания. Сержант был обязан любым способом связаться с

командиром. В крайнем случае, отступить в расположение роты, но никак не атаковать гражданский шаттл.

— А вы что-нибудь помните о событиях, упомянутых сержантом? — раздался вдруг тихий голос майора. Оторвав взгляд от стола, тот посмотрел на полковника. — Эвиане тогда воспользовались как раз гражданским шаттлом. Сдаётся мне, вас не было в той заварушке, верно, господин полковник? А я вот был и именно там заработал этот чёртов протез, — майор поднял над столом руку, обтянутую чёрной перчаткой. — А вспомните количество потерь понесённых позже, в попытках отбить Центурию... Я считаю, малый поступил чертовски верно.

Полковник пошёл пятнами. Он терпеть не мог, когда кто-то указывал на его не боевое прошлое. Таким людям Клаус Менке всеми силами старался устроить неприятности. Майор пристально посмотрел на полковника и тот отвёл глаза, не выдержав тяжёлого взгляда. Обстановку разрядил капитан:

— Господа, перестаньте. Никто не говорит, что действия сержанта были неверны. Напомню — убит принц-регент. Понимаете, чем это грозит? Ситуация сложилась серьёзная и Эвиане готовы начать войну заново, если мы не выдадим им виновного.

Полковник понял, к чему клонит капитан и потому спросил:

— Предлагаете отдать сержанта на расправу?

— Хм... почему сразу на расправу? На суд... Предлагаю задним числом уволить его из легиона, плюс лишить имперского гражданства. Тем самым мы убьём сразу двух зайцев: сохраним честь империи и войну заново не развяжем.

— Вы в своём уме, капитан?! — вскинулся майор. — Он же наш! Он человек! Представляете, что с ним сделают Эвиане?

— Да, майор. Я в своём уме и прекрасно представляю, что с ним будет. Так же, как представляю, что будет со мной, если дам волю жалости. Мы просто обязаны предотвратить новый всплеск войны.

— Но это же бесчеловечно!

Полковник понял, что от него уже ничего не зависит и встал на сторону капитана:

— Господин майор, да, это бесчеловечно, но необходимо на благо империи.

Капитан скривился от прозвучавшего пафоса, а майор побагровел от злости.

— Плевать я хотел на такую империю, что выдаёт своих! Да ещё так подло. Непростительно отдавать граждан в руки врага.

— Бывшего врага, — заметил капитан. — Сейчас Эвиане такие же подданные империи как мы с вами...

— Ещё вчера я стрелял этих зелёномордых, а сегодня должен им руку подавать?! — лицо майора побагровело от гнева.

— Майор! — полковник стукнул кулаком по столу. — Думаю, не стоит напоминать, что вы числитесь при исследовательском центре. Нет, мы ни в коем случае не умаливаем ваши заслуги перед империей, но в данный момент у вас наименьшее преимущество. Посему вы просто обязаны согласиться с большинством. Что же касается рассматриваемого дела, думаю решение принято.

Майор с хрустом сжал протез в кулак. Как же хочется дать этому жирному ублюдку в морду.

— Прошу прощения, господин полковник, — процедил он сквозь зубы, — но я вынужден покинуть заседание. Честь имею, господа.

Майор поднялся из-за стола и направился к выходу. Сзади раздался голос полковника:

— Сядьте на место, майор, иначе мы сделаем вашу жизнь невыносимой!

— Плевать, — майор даже не обернулся, а выйдя, постарался хлопнуть дверью как можно сильнее.

Полковник повернулся к капитану:

— Нет, вы это видели? Уж я ему устрою весёленькую жизнь. С моими-то связями... Да он даже консержем не сможет устроиться!

Капитан протянул негодующему офицеру лист бумаги.

— Что это? — полковник перевернул лист, но и там не оказалось ни строчки.

— Это ваше решение отдать сержанта. Вы же глава трибунала, — лицо капитана не выражало никаких эмоций.

Полковник выпучил глаза, и кровь моментально отхлынула от лица. Он всегда боялся такой ответственности. Разбирая «непыльные» дела в трибунале Клаус Менке мысленно рисовал себе картину безбедной пенсии в каком-нибудь райском уголке, а теперь всё может пойти прахом.

Но страх перед внутренней разведкой оказался сильнее. Смирено взяв листок, полковник шумно вздохнул и размашисто подписал...

***

Майор Дорел Стоун характером соответствовал собственной фамилии. Седоусый офицер с квадратными скулами, внушал уважение подчинённым своим отеческим отношением. Всегда подтянут, свеж и гладко выбрит. Взгляд полон юношеского задора. Участвовал во многих кампаниях, за что дважды удостоивался высоких наград. Всегда находил свежие решения там, где пасовали остальные. Не единожды был ранен, но каждый раз незначительно. Везение оставило лишь однажды — в той заварушке на Центурии. Тогда майор спас немало жизней, грамотно руководя операцией, но получил увечья, сочтённые командованием несовместимыми со службой. В знак уважения к заслугам, ему предоставили выбор — идти на почётную пенсию, либо остаться военным консультантом при НИИ. Не представляя себя в гражданской одежде, майор выбрал второе. Совесть старого вояки не позволила бы стать балластом на шее империи...

Хлопнув дверью, майор шагал по коридору. Глаза застилал гнев. Брёл, не выбирая направления. Злость бурлила как в пышущем жаром котле. Первый раз в жизни хотелось на кого-нибудь наорать. Он стиснул зубы.

«Сукины дети! Бездушные твари!»

Кулак в чёрной перчатке вонзился в стену, отбив кусок штукатурки. Майор остановился и с удивлением уставился на протез, покрывшийся белой пылью. Мысленно досчитал до десяти. Стало легче. Отряхнув протез от пыли, офицер пошёл дальше. Гнев не исчез, но отодвинулся на задний план. Мысли стали яснее.

Из двадцати пяти лет прослуженных в легионе, двадцать майор воевал. Воевал с расой Эвиан. За годы войны он успел повидать многое, но самым страшным было видеть, как Эвиане поступают с пленными.

Всю войну майор неукоснительно следовал простой истине — империя своих не

выдаёт. Эту фразу в него вбили с самых первых дней службы, и когда какой-нибудь легионер попадал в плен, майор бросал все силы на его освобождение. Именно поэтому он не стерпел небрежности, с которой эти чинуши списали сержанта со счетов.

— Я просто обязан помочь парню, — произнёс майор вслух.

Фраза прозвучала в тишине коридора, как приговор самому себе. Он даже остановился. Постоял с минуту, собираясь с мыслями. В голову вдруг пришла отличная идея...

***

В тесной вонючей камере, на куске грязной парусины сержант пялился в потолок. Мыслей почти не было. Всё вытеснила одна — «это конец», пульсируя в мозгу, словно тревожная лампа. В свои двадцать шесть лет Колин не мог и предположить, что жизнь оборвётся, так и не начавшись. Школа, академия, затем обязательная служба...

Попад в легион, он поначалу обрадовался, ведь отслужившим в элите предоставлялось множество льгот, но один жирный минус перечёркивал всю радость — легион участвовал в боевых действиях. А воевать Колину не хотелось. Стать пушечным мясом — ищите дурака. Пришлось подключить знакомого семьи. Тому удалось перевести сержанта в гарнизон, патрулирующий относительно мирный уголок космоса. Со скандалом, но удалось.

Колин в который раз прокручивал в голове состоявшийся трибунал. Всё было не так. Будучи образованным человеком, он знал процедуру проведения таких заседаний, и сегодняшнее походило, скорее, на обычный допрос. Человек, представившийся капитаном, вероятно, шишка из внутренней разведки, а учитывая, кто находился на борту сбитого им шаттла — чином не ниже полковника. Этот тянуть не станет. Раз приговор не объявили сразу, значит всё уже решено заранее.

«Думаю, обойдутся без лишних обсуждений. Козёл отпущения найден, значит скоро можно ожидать визита. Вероятнее всего расстреляют в присутствии Эвиан».

Раздался лязг замка. Вошёл легионер с железным табуретом, поставил в центр камеры, вышел. На пороге возник высокий офицер, оглядел камеру, подошёл к табурету и сел. Колин узнал майора, присутствовавшего на заседании. Он встал и вытянулся по стойке смирно. Майор молчал и под его тяжёлым взглядом Колин стушевался. Мысли понеслись одна мрачнее другой.

«Неужели всё? Пришёл объявить приговор и отконвоировать на казнь?»

Как только дверь за принёсшим стул легионером закрылась, майор произнёс:

— Вы знаете кто я, сержант?

— Господин майор? — Колин растерялся. — Сэр, в легионе каждый слышал имя майора Стоуна.

Пауза затянулась. Наконец, что-то для себя решив, майор продолжил:

— Гадаете, зачем я к вам пришёл?

— Так точно, господин майор, — морщинистое лицо офицера перекопилось.

— Оставим чины, сынок. Я здесь не как майор легиона. Я пришёл дать тебе шанс.

Ноги арестанта едва не подкосились. Что происходит?

— Я не совсем понимаю, господин майор, что вы имеете в виду? Вы сказали шанс? Но шанс на что?

— Шанс на жизнь, на свободу, в конце концов.

Колин промолчал. Мысли стали путаться. Словив одну из них за ускользающий хвост, сержант спросил:

— Что меня ждёт, господин майор? Расстрел?

— Не всё так просто, сынок. Простая казнь Эвиан не устроит.

— Неужели что-то может быть страшнее казни? — по спине арестованного пробежал холодок.

— Уж поверь мне, сынок, ещё как может. Этими чинушами принято решение отдать тебя Эвианам. Сейчас готовятся необходимые документы. Тебя задним числом исключат из легиона, лишат подданства, и ты станешь врагом империи. Что по мне, ты действовал правильно, и на твоём месте я поступил бы точно так же. Я участвовал в тех боях за Центурию и прекрасно знаю как жестоки Эвиане. Но сейчас речь не об этом. Повторяю, я пришёл помочь.

В груди сержанта всё сжалось.

«Неужели, это правда?»

— Гадаешь, зачем мне это нужно? Не отрицай, вижу по лицу, — Колин промолчал. — Знай, майор Дорел Стоун никогда своих не бросал. Считаю, выдавать тебя просто бесчеловечно. Так нельзя. Империя обязана сама судить и карать своих преступников. Поэтому я принял решение и помогу тебе уйти от Эвиан.

Слова прозвучали. В наступившей тишине сержант лихорадочно пытался сообразить, чем ему может грозить такое откровение, ведь майор, несомненно, рискует многим.

— Понимаю, господин майор, но чем конкретно вы можете помочь в моей ситуации?

— Сейчас караул приняли верные мне люди. Легионеров, дежуривших у двери, никогда не найдут. Просто следуй за мной без лишних вопросов, — майор поднялся и повернулся к двери.

Сержант сглотнул подступивший ком — видимо отступать некуда. Раз дело дошло до устранения легионеров, на кон поставлено многое. В случае отказа, скорее всего, удавят прямо здесь. Словно почувствовав колебания арестованного, майор поторопил:

— Соображайте быстрее, сержант. Время поджимает.

— Позвольте один вопрос, господин майор.

— Слушаю, сынок.

— Я могу отказаться?

— Ну, конечно же, можешь, — офицер усмехнулся и повернулся к сержанту. — Только смотри не прогадай. Ты, конечно, сейчас узнал многое, но я не собираюсь мारать о тебя руки. Самое позднее — послезавтра будешь извиваться на лианах у дворца рода Камур. И это меньшее из того, что рисует моё воображение, — майор взглянул на часы. — У нас всего минута. Да, и мы уходим. Нет, и ты остаёшься, но тогда моли всех мыслимых богов о лёгкой смерти. Итак, твоё слово...

— Я согласен, — не стал больше тянуть Колин.

— Прекрасно, — майор стукнул в дверь и она тут же отворилась. Легионер, приносивший стул, железным голосом произнёс:

— Всё готово, господин майор.

— Хорошо... Всё спокойно?

— Так точно. Караулы ещё не менялись.

Майор принял у него комплект чистой формы и протянул сержанту, велел

переодеваться. Быстро скинув грязные лохмотья, в которые превратилась собственная форма, сержант натянул свежую. Майор оглядел его с ног до головы и удовлетворённо кивнул.

— Следуй за мной.

Не произнося больше ни слова, Стоун стремительно зашагал по коридору. Застёгиваясь на ходу, сержант поспешил следом. Перед поворотом оглянулся, успев заметить двух легионеров, вносящих в камеру изуродованное до неузнаваемости тело.

— Не удивляйтесь, сержант, — майор заметил заминку. — Я же сказал, всё серьёзно. Для всех вы скончались от кислоты, неожиданно хлынувшей из системы пожаротушения.

— Господин майор, позвольте поинтересоваться, куда мы идём.

— Всё объясню на месте. Иди за мной молча.

Долго петляли. Сержант уже потерял счёт поворотам, когда внезапно, перед следующим, майор остановился:

— Здесь запасной выход. На улице тебя ждёт машина, садись без вопросов. Водитель свой и довезёт куда следует. Я поеду сзади.

На улице стояла восхитительная погода: безоблачное небо, щебет птиц, а воздух будто застыл в безветрии. После вонючего сумрака камеры такая яркость красок просто ослепила сержанта. Щурясь, он стал оглядываться в поисках машины, но долго искать не пришлось. Авто с аббревиатурой ЦИИФЖ нашлось неподалёку. Колин поспешил забраться в салон и после долгого плутания по кривым улочкам водитель, наконец, свернул к зданию Центра Исследований Инопланетных Форм Жизни.

Оставив пассажира одного, авто рвануло с места, а Колин стал оглядываться, гадая, куда двигаться дальше, но долго ему скучать не дали. Из подъехавшего такси вылез майор, махнул рукой и поспешил к главному входу. Уже поднимаясь по широким ступенькам, офицер произнёс:

— Ведите себя естественно. Все ответы в моём кабинете, но до того, прошу, ни слова.

Вошли в здание. При входе, за небольшим столом, сидел охранник. Жуя огромный, как скала, бутерброд, он читал журнал, с глянцевого обложки которого улыбалась белокурая красотка. На вошедших даже не взглянул. Майор с сержантом прошли мимо и офицер нажал кнопку вызова лифта.

— Когда поднимемся, я сделаю несколько звонков. В это время можете воспользоваться баром или перекусить. Все вопросы после.

Выйдя на четвёртом, очутились в длинном коридоре. Пройдя почти до конца, майор остановился у двери, ничем не отличающейся от остальных, достал ключ, отпёр и пропустил сержанта вперёд.

— Прощу, дайте мне пять минут.

Оказавшись внутри Колин огляделся. Небольшой кабинет с кожаной мебелью и дубовым столом, такой же, как и миллионы других. Подошёл к бару, взял первую попавшуюся бутылку, плеснул в стакан на треть и сел в кресло. Сзади раздался голос майора:

— Нет, Вилли, корабль нужен мне через два, максимум — три часа... Мы же обговаривали условия всего час тому, что изменилось?.. Ничего?.. А, не принял мою просьбу всерьёз. Ну, так вот, Уильям, если через три часа корабль не будет готов к отлёту, я устрою тебе такие неприятности, что ты даже автомобилем управлять не сможешь... Ну, вот и славно, надеюсь на тебя. Отбой.

Майор положил трубку и стал набирать другой номер.

«Интересно, — подумал сержант, смакуя многолетний скотч. — Куда это майор собрался? И что за спешка?»

На том конце ответили и Стоун произнёс:

— Здравствуй, Макс, не отвлекаю?.. А, ты до сих пор в лаборатории. Чудно. Зайдёшь?.. Да, да, я сейчас у себя. Захвати, пожалуйста, все выкладки по делу номер триста восемьдесят один... ну по Аномалии... Да, сейчас очень нужно... Нашёл добровольца... Всё, жду.

«Добровольца? — восторженно спросил сержант. — Это он обо мне?»

— Возникли вопросы, верно? — вырвал его из раздумий голос майора. Колин кивнул. — Сейчас подойдёт мой коллега, и мы всё объясним. Как ты мог слышать, я взял на себя смелость утверждать, что ты согласен на эксперимент.

— Да, — ответил сержант. — Слово «доброволец» меня несколько смутило.

Раздался стук в дверь.

— Быстро он...

И повысив голос:

— Да-да, открыто!

Дверь неловко распахнулась. На пороге застыл парень лет двадцати пяти. Невысокого роста, волосы растрёпаны, когда-то белый халат чем-то заляпан, на носу очки, а в руках картонная коробка и ворох толстых папок.

— А, Макс, проходи, знакомься, — майор поднялся навстречу. — Это сержант Колин Мак-Стайн. Сержант — это Максимилиан Левмит, руководитель проекта Аномалия.

Отставив бокал, Колин поднялся из кресла, протянул Максиму руку и застыл, ожидая ответа. Тот неловко сдвинул пальцы сержанта и неуверенно промямлил:

— Кхм... да... оч-чень приятно...

Майор поспешил коллеге на выручку:

— Макс, не смущайся. Давай, вводи сержанта в курс дела.

— Вот, я принёс основные материалы. Здесь и фотографии, и видеофильм. Хм... итак, проект, названный нами Аномалия, представляет собой высоко структурированный сгусток материи, точнее отсутствие таковой на определённом промежутке пространства. Завихрясь в магнитном поле планеты, поток энергии образует своего рода тоннель между двумя точками пространственно-временного континуума, давая, таким образом, возможность...

— Эй, эй, полегче, Макс! — перебил учёного майор. — Даже мой мозг начал греться, не говоря уже о сержанте. Будь так любезен, без научных терминов.

Макс скривился:

— Без терминов сложно, боюсь, не всё поймёте.

— Поймём, поймём, — заверил его майор. — Просто расскажи нам всё по возможности своими словами. При этом не забывай, что находишься не на одной из своих конференций.

— Хорошо, сэр, я постараюсь. Итак, не далее как три месяца назад, на планете Глория, сектор Меолан, произошёл неконтролируемый всплеск гамма излучения. Инцидент был зафиксирован не по всей планете, а лишь в одном месте. Позже, когда радиоактивная буря улеглась, и мы смогли прощупать местность радаром, нам предстала следующая картина, — учёный достал из папки несколько фотографий, и протянул их сержанту.

— Взгляните, мистер Мак-Стайн.

Колин принял протянутые снимки и взгляделся. Фотографий оказалось множество, но на каждой из них было запечатлено одно и то же явление, только с разных ракурсов.

Сперва он решил, что кто-то сумел заснять галактику с её мириадами звёзд но, уже на

следующем снимке угол изменился и сержант понял, что ошибся. Больше всего это явление напоминало овал, границы которого, судя по снимкам, колыхались языками синего пламени, изрыгая бирюзовые протуберанцы, точно так же как корона любой звезды. Из центра овала бил ослепительный, голубовато-серебристый свет, не дающий надолго остановить на нём взгляд. Будто смотришь на гигантскую лампочку. Даже фото ослепляло. Картина впечатляла и одновременно завораживала. Из оцепенения его вывел голос майора:

— Ну, что скажешь, сынок? Видел когда-нибудь подобное?

— Нет, господин майор, никогда, — Колин отложил снимки. В глазах до сих пор мельтешили яркие пятна.

Макс продолжил:

— Как вы успели заметить, данное явление довольно стабильно, находится на одном месте и не изменяется в размерах. Аморфны лишь его границы, да и то незначительно. Что же касается габаритов, они следующие: высота — два с половиной, ширина — полтора метра.

Вспомнив о радиации Колин спросил:

— Макс, помнится, вы упоминали радиоактивную бурю. Насколько интенсивно излучение?

— Ионизирующее излучение имело место но, как мы предполагаем, оно способствовало лишь появлению аномалии. Ну, или было её следствием... как вам больше угодно. Однако факт на лицо — в радиусе ста километров уровень радиации не то что не превышает нормы, но практически отсутствует. Вот такой парадокс. Создается впечатление, будто аномалия впитала в себя все возможные виды излучений в округе.

Он протянул сержанту следующую папку с фотографиями.

— Как выяснилось помимо высоты и ширины аномалия имеет ещё и глубину. Правда вычислить её так и не удалось.

Приняв папку, Колин достал из неё пачку фотографий и стал разглядывать. Склонившись над ним Макс пояснял:

— Вот, видите, здесь мы просовываем внутрь стальной шест с засечками. Назад удалось вытянуть лишь часть, остававшуюся по эту сторону. Второй шест был длиннее, но так же, не ощутив преград, погрузился в аномалию полностью. Далее мы решили использовать записывающую аппаратуру, но здесь возникли некоторые трудности...

— Постой, Макс, — перебил майор. — Я же своими глазами видел снимки и видео с той стороны.

— Э... кхм... — стушевался учёный. — После потери четвёртой камеры, было решено оставить попытки, но благодаря случаю фото-видеосъёмка всё же была произведена. Правда...

— Смелее, Макс, — подбодрил майор. — Что произошло?

— Ну... мы... Господин майор, я не могу объяснить произошедшее с научной точки зрения!

— Не волнуйся, Макс. Рассказывай, мы тебя внимательно слушаем.

— Дело в том, что у одного из сотрудников в клетке жил кролик. Однажды он сбежал. Расставленные по периметру камеры слежения показали, что животное исчезло внутри аномалии.

— Что-что?! — майор аж привстал в кресле. — И я об этом ничего не знал?

— Ну, мы не сочли это достойным внимания — сбежал и сбежал — пока не

просмотрели видео. Так вот, в момент, когда животное проходило сквозь свечение, аномалия стала прозрачна. Позже, ради эксперимента мы направили внутрь кошку. При переходе картина повторилась, и одному ассистенту в голову пришла гениальная мысль — если аномалия пропускает лишь живые организмы, что будет, если вживить камеру в животное? Выбрали собаку с поведенческим чипом — фактически тот же робот, только живой. Команду дали следующую — сесть и сидеть. Вот эти-то записи вы и видели, господин майор.

Макс распаковал небольшую картонную коробку и достал из неё диск с несколькими фотографиями.

— Прежде чем начать просмотр, предлагаю ознакомиться с остальными фотографиями.

Колин взял в руки последнюю стопку. На первом снимке был тот же овал, но он располагался по окружности кадра. В центре — размытое зелёное пятно. Съёмка велась с расстояния в метр от земли, видимо собака оказалась довольно крупной. На следующей фотографии пятно стало приобретать чёткость, но ещё не до конца и лишь взяв в руки третий снимок, Колин понял, что ему напомнили линии на фото — деревья с пышными зелёными кронами. Чуть правее от них были разбросаны какие-то валуны правильной формы. Приглядевшись, сержант смог разобрать останки строений. Вероятно, то были руины какого-то города.

Отложив фотографии, учёный запустил видеозапись.

Яркий солнечный день. Ветки деревьев мерно покачиваются, на небе ни облачка. Землю укрывает густая трава. Кажется, вот-вот раздастся трель соловья, но видео без звука и остаётся лишь дорисовывать картинку в голове.

Первые десять секунд ничего не происходило, как вдруг со стороны развалин показалась низкорослая фигурка и стала стремительно приближаться к камере. Вскоре стало ясно, что это человек, вернее человекообразное существо. От нормального человека его отличала более крупная голова с большими ушами, клыки, торчащие из-под нижней губы и мелкая шерсть по всему телу. Ростом абориген тоже не вышел. Даже не имея возможности привязаться к размерам, сержант понял — существо невысокого роста. Одет коротышка был в набедренную повязку из шкур. В одной руке, своего рода копьё, в другой — огромная дубина.

Впереди, на некотором отдалении, бежал зверь, смахивающий на оленя, только вдвое выше ростом и без рогов. Большого рассмотреть не удалось, так как зверь промчался мимо. А вот абориген, по-видимому, охотившийся за этим зверем не заметил собаку, сидящую в высокой траве, и растянулся на земле. Изображение трянуло, но быстро выровнялось. В первое мгновение абориген в страхе отпрянул, но быстро взял себя в руки. Резким движением поднялся на ноги, крепче перехватил оружие и, убедившись, что со стороны собаки не исходит агрессии, нанёс несколько стремительных ударов массивной дубиной. После третьего удара изображение померкло...

Макс щёлкнул пультом.

— Ну и как вам такое, сержант? — майор откинулся в кресле. — Впечатляет, не правда ли?

— Даже не знаю, что сказать. Если я правильно понял, аномалия является тоннелем на другую планету?

— Не на планету, — с готовностью произнёс Макс, — а в другое измерение или в другой мир, если угодно. Мы сами пока многого не понимаем, но судя по видео, такой

флоры и фауны не встречается ни в одном уголке известного нам космоса.

Постепенно Колин стал понимать, чего хочет от него майор и от этого понимания по спине побежали мурашки. Обернувшись к молчащему офицеру, сержант усмехнулся и спросил:

— Полагаю, из людей буду там первым? Кстати, почему я? Других добровольцев не нашлось?

— Знаешь, сынок, — майор пожевал губами, — на это есть несколько причин... Во-первых, ты идеальная кандидатура — тебя никто не станет искать. А с добровольцами лишь бумажная волокита да компенсации родственникам. Во-вторых, тебя не нужно готовить к заброске на незнакомую территорию. Ну и наконец, в-третьих, я просто не хочу, чтоб тебя растерзали Эвиане. Ты ведь не виновен, просто дурное стечение обстоятельств. Как я уже говорил — не имею привычки бросать своих. Вот, собственно и все причины. Выбор за тобой.

— Скажите, господин майор, а если я откажусь, что тогда? Я ведь могу легко затеряться, залечь на дно.

— Отказаться, конечно, можешь, — произнёс майор, с усмешкой, — но как ты затеряешься, имея в голове чип? С ним особо не побегаешь, найдут даже на другом конце галактики.

Колин опешил, рука непроизвольно вскинулась к голове.

— К-какой чип? — от слов майора повеяло чем-то жутким. — Вы о чём? Откуда?

— Ха, сынок, да это же самая главная тайна легиона! Так они вас всех отслеживают.

— Но как? Когда? — мысли стали путаться, и сержант плотнул виски. — Как можно тайно вживить чип?

— Поверь мне, сынок, можно. Помнишь ваши ежегодные обследования? А вспомни, как проходит плановая процедура прививок от новых вирусов. Вспомнил? Да-да, усыпляют именно для того... В дальнейшем только калибруют.

Колин сидел как мешком стукнутый. Не остаётся даже иллюзии выбора. Придётся нырять в эти чёртовы врата. В памяти вдруг всплыл труп в камере.

— Господин майор, а как же подмена тела? Ведь считав информацию с чипа того бедняги следствие легко определит что это не я.

— Не беспокойся об этом, сынок, — отмахнулся майор. — У того бродяги нет никакого чипа. Мы просто выиграли немного времени.

— Как долго я могу думать?

— Всё произойдёт здесь и сейчас! — майор снова стал тем, кем был всегда — жёстким, но справедливым командиром.

— Почему-то другого ответа я и не ждал. Хорошо. Тогда мне понадобится следующее снаряжение: полный комплект обмундирования десантника, десяток ручных гранат, штурмовая винтовка легиона, пара автоматических пистолетов, ну и патроны к оружию. Ещё охотничий нож, комплект метательных, недельный запас пищи и всё для её приготовления.

— Другой разговор, — майор бодро выскочил из кресла. — Не сомневался в тебе, сынок. Почти всё из перечисленного сможешь найти на борту шаттла. Остальное подберём на месте. Сейчас мне нужно позвонить насчёт корабля, так что поговорите пока без меня.

Колин кивнул, взял со стола снимки и стал просматривать заново. Макс пристроился рядом и тихо комментировал. Сзади раздался бас майора:

— Алло, Вилли, это я. Ну, что с кораблём?.. Отлично, жди нас мы выезжаем.

Положив трубку, он обратился к присутствующим:

— Господа, корабль ожидает вылета...

***

Вблизи портал выглядел ещё более фантастически, чем на фотографиях. Создавалось впечатление, будто свечение заняло всё пространство ангара, воздвигнутого вокруг него. Всюду сновали люди в белых халатах с различными приборами в руках.

В дальнем углу ангара, на металлическом столе, громоздилась целая куча всевозможного армейского снаряжения. Колин взял первую попавшуюся винтовку, привычным движением передёрнул затвор, заглянул в патронник, отложил.

— Ну как? — спросил майор.

— Порядок, — ответил сержант, вертя в руках пистолет с прикладом.

— Здесь есть всё, что ты просил, а так же некоторые прототипы. Думаю, выжить при таком вооружении будет намного проще.

— Всё отлично, господин майор, — Колин отложил рассматриваемый нож и взглянул на офицера. — Но всё же кое-что не даёт мне покоя. Я, конечно, верю в ваше желание восстановить справедливость но, как реалист привык видеть и скрытую выгоду. Ведь было ещё и «в-четвёртых», я прав?

— Ты очень проницателен, сынок. Рад, что в тебе не ошибся. Да, есть ещё одно обстоятельство, но в первую очередь мною движет желание помочь. Хотя и выгода здесь тоже имеется — я очень хочу насолить тому полковнику, той тыловой крысе, — протез в чёрной перчатке сжался в кулак. — Скольких солдат пересажал ни за что...

— Понимаю, — кивнул сержант — И всё же?

— И, конечно же, деньги, — спокойно продолжил майор. — Если эксперимент пройдёт успешно, мы с Максом станем первыми, кому посчастливилось присутствовать при проникновении в другую реальность. А это, сам понимаешь, сулит огромные барыши. Я ведь уже не молод, а служба в легионе не принесла тех великих доходов, о коих мечтал юнцом, когда подписывал контракт. Такой вот расклад, сынок.

— Простите, господин майор, но о каком эксперименте идёт речь? Я ведь просто отправлюсь туда. Или вы мне не всё сказали?

— Нет-нет, сержант, всё не так сложно как кажется. Максимилиан, просветите, пожалуйста, нашего друга, — майор окликнул учёного, разговаривавшего неподалёку с другими сотрудниками.

— Не волнуйтесь, мистер Мак-Стайн. От вас не потребуются ничего сверхъестественного. Мы оснастили микрокамерами всё обмундирование, вплоть до оружия. Запись будет вестись до тех пор, пока не сядут аккумуляторы, а это, поверьте, случится очень не скоро. Всё, что от вас требуется — доставить записанный материал нам.

— Вы ведь говорили портал односторонний, — хмыкнул Колин.

— Ну да... — смутился Макс. — Но неизвестно как он себя поведёт с той стороны. Поэтому мы постарались предусмотреть все возможности. Вы же понимаете, мистер Мак-Стайн, если получится переправить записи, этот материал станет бесценным!

— Хорошо, Макс, я постараюсь сделать всё, что в моих силах.

— Отлично! — перебил майор. — Не будем терять времени. Собирайтесь, сержант. Всё это, — он сделал широкий жест рукой, — ваше. Мы с Максом рядом. Зовите, если что-нибудь понадобится.

Оставшись один, Колин принялся подгонять снаряжение. Стол ломился от оружия, одежды и других приспособлений, предназначенных для выживания на неизвестной местности, но взять с собой всё не получится. Пришлось выбирать...

У самой кромки врат в неизвестность сержант нерешительно остановился. Сзади раздался тихий голос майора:

— С богом, сынок. И... удачи тебе, — тяжёлая ладонь на мгновение сдавила плечо и тут же исчезла.

Успокаивая учатившийся пульс, Колин сделал несколько глубоких вдохов и решительно шагнул в сияющий провал. Глаза наполнились цветной рябью, виски сдавило болью, а голова закружилась так, словно её впихнули в центрифугу. Сержант обернулся и сквозь поплывшее сознание заметил широко распахнутые глаза собравшихся.

А затем мир для него окончательно померк...

Глава вторая

Колину снилось, будто он маленькая щепка, попавшая в гигантский водоворот, увлекающий податливое тело всё глубже и глубже. Не осталось сил сопротивляться, ни воздуха в лёгких, ни желания бороться. Хотелось лишь одного — скорей захлебнуться и забыться во тьме.

В поисках кислорода лёгкие горели огнём, но проклятый инстинкт самосохранения не давал сделать рокового вдоха. Вдруг промелькнула бирюзовая вспышка, затем мощным разрядом тока пришла боль, выбив, наконец, из груди остатки воздуха. И тишина... тьма и покой...

Пробуждение стало ужасной мукой — болела каждая клеточка тела. Боль рождалась яркими всплесками где-то в районе грудной клетки и, как эхо, блуждающее в пустой подворотне терялась в дальних закоулках мозга. Колин попытался разлепить веки, но тут же зажмурился от резкой боли. Попытка пошевелиться так же не принесла плодов — тело затекло и не слушалось.

Через некоторое время кровь медленно, нехотя начала приливать к членам. Колин несколько раз сжал кулаки, помогая сердцу качать застоявшуюся жидкость, и она побежала быстрее. Конечности свело сильнейшей судорогой, и пронзительный крик спугнул птиц, дремавших в густой листве.

Спустя вечность сержант решил подняться, но едва оторвал тело от земли, как в груди взорвался огненный шар, будто на кожу высыпали раскалённые угли. Закусив губу, он опёрся на дрожащие руки и оглядел себя с ног до головы. Из лёгких непроизвольно вырвался хриплый стон. Тело оказалось абсолютно нагим — ни одежды, ни снаряжения, а грудная клетка превратилась в сплошной ожёг.

Колин попытался вспомнить что произошло, но с памятью творилось неладное. Последнее что в ней отпечаталось — широко распахнутые глаза майора, а дальше провал и тьма. Зато образ низкорослого существа из видеоролика стоял перед глазами как живой. Даже представилось, как массивная дубина опускается на нагое тело.

Колин прислушался к ощущениям. Боль притаилась в груди пульсирующим комком готовая в любой момент вернуться острой вспышкой, но в целом всё было неплохо. Попытался встать. С трудом это удалось, но от резкого движения корка на груди лопнула и из трещины засочилась сукровица. Сержант зашипел, но буквально через минуту всё прошло.

«Странно, — подумал он, — впечатление, будто ожогу минимум неделя, но этого не может быть. За это время меня б давно задрали звери».

При мысли о зверях захотелось очутиться как можно дальше. Колин оглядел знакомый по фотографиям пейзаж и после недолгих размышлений решил идти к руинам. Он хотя и умел выживать в лесу, но не в голом же виде! А так есть надежда найти что-нибудь полезное.

Под ступню попало что-то твёрдое, сержант взвыл от боли и принялся скакать на одной ноге. Нагнулся взглянуть и обнаружил в траве узорчатый камень размером с детский кулачок. Он взвесил находку на ладони и почувствовал исходящее от камня тепло. Решил взять с собой.

Приблизившись к развалинам, Колин поразился, как изменился климат. За границами

города росли деревья, зеленела трава, а внутри царили песок и камни, будто в пустыне. Он подошёл к одному из строений заглянул внутрь. Там беспорядочно громоздились осколки развалившихся стен, балки перекрытий, битая черепица и прочий мелкий мусор.

— Полнейшая разруха, — вздохнул сержант и двинулся вдоль домов, ища более или менее сохранившийся. Несмотря на жаркую погоду спать гольшом на открытом воздухе не хотелось.

За очередным поворотом открылся сводчатый проход, зияющий прохладной темнотой, и Колин решил его исследовать. Короткий коридор вывел в небольшое помещение без окон, но с дырой в потолке, откуда лилось достаточно света. Босые ступни ощутили тепло дерева, и сержант твёрдо решил заночевать именно здесь. Но по закону вселенского свинства стоило выйти в центр комнаты, как истлевшие доски предательски хрустнули и часть пола ухнула вниз увлекая человека за собой.

Колину повезло, упал на что-то мягкое, ничего не повредив (шишка на лбу от упавшей следом доски не в счёт). Растирая ушиб, сержант огляделся и нервно засмеялся. Не было бы счастья, как говорится... Гора разноцветных тряпок, на которую ему посчастливилось сверзиться оказалась кучей разнообразной одежды — от расшитых золотом халатов до рубашек из грубой мешковины. Порывшись как следует, он стал обладателем пары прочных кожаных штанов, льняной рубахи грязно-серого цвета и куртки из кожи неизвестного животного, мелким мехом внутрь.

Первым делом Колин разорвал какой-то халат на широкие полосы и плотно замотал обожжённую грудь. Нижнего белья отыскать не удалось, но и здесь пришёл на помощь всё тот же халат. Из пары полос удалось организовать некое подобие трусов, поверх которых впору пришлишь кожаные штаны. Рубаха села как родная, а куртка оказалась слегка мала, но сержант решил лучше остаться не застёгнутым чем оставлять добротную вещь.

Одевшись, он оглядел комнату. Скорее всего, это подвальное помещение выполняло роль склада или оружейной. У противоположной стены до самого потолка возвышалась стойка с копьями, по стене слева висели огромные арбалеты и всюду громоздились разновеликие ящики.

Осмотр решил начать с тех, что окружили кучу тряпья. В первом обнаружилось кожаные цилиндры со шнуровкой. Память услужливо извлекла из глубин слово «наручи». Второй ящик содержал кожаные безрукавки с нашитыми медными пластинами, а третий оказался доверху набит добротными кожаными сапогами. Колин сразу же выбрал пару по ноге и пустил остатки халата на тряпки.

Остальные ящики так же содержали части амуниции. Плотные пластины, призванные защищать ноги, кожаные поясные ремни, островерхие шлемы, мечи, наконечники копий и в последнем — пустые фляги. За ящиками высилась бухта каната. Колин обошёл её и от неожиданности застыл. За деревянным столом у двери, положив голову на руки, спал человек.

Стараясь ступать бесшумно — а ну как проснётся, да пырнёт чем-нибудь — сержант подошёл к столу и тут же с ужасом отшатнулся. На мгновение показалось, будто заглянул в глаза самой смерти. Вместо лица чёрными провалами глазниц зиял голый череп.

Колин взял себя в руки и ещё раз осмотрел комнату. Света из далёкой дыры в потолке становилось всё меньше, и он стал оглядываться в поисках фонаря. Такого нигде не обнаружилось, зато нашёлся факел, вдетый в кольцо справа от двери.

— У этого покойника точно должна быть зажигалка, — прошептал Колин, протягивая руку к ближайшему карману. — Ему ведь уже ничего не нужно, верно?

Дрожащие пальцы вытянули на свет небольшой чёрный мешочек величиной с ладонь. Сержант развязал тесёмки и обнаружил внутри полоску закалённой стали с мелкой насечкой, камешек пяти сантиметров в длину и какой-то пучок серого цвета, похожий на вату.

— А ведь я о чём-то таком читал, — Колин почесал затылок. — Что-то на «о»... Вспомнил, огниво! Ну-ка, попробуем.

Он чиркнул кресалом и поднёс задымившийся пучок к факелу. Огонь вспыхнул моментально, что не удивительно, учитывая могильную сухость в подвале. Света факел давал немного, но достаточно, чтобы дальше обследовать покойника.

На поясе нашёлся кинжал в простых деревянных ножнах и связка ключей на стальном кольце. Колин аккуратно отстегнул нож от пояса, повертел, проверяя балансировку и не задумываясь, привесил к своему ремню. Хотя рядом и стоял ящик, доверху наполненный новёхонькими мечами, он все же решил остановить выбор именно на кинжале. Из холодного оружия сержант владел лишь метательным, а фехтовать научиться, как-то не довелось.

Перебирая массивные ключи, Колин подошёл к двери и принялся один за другим втыкать их в замочную скважину. Долго возиться не пришлось, третий легко провернулся, пару раз щёлкнула пружина, и массивная дверь подалась, открыв теряющийся во тьме ход.

Сержант поднял факел повыше, но света едва хватило, чтобы рассмотреть кусок коридора, стены которого были выложены жёлтым песчаником. Ночевать в комнате с покойником как-то не хотелось, и он решил прогуляться. Но сперва...

Колин вернулся к куче тряпья и достал из неё кожаные штаны большого размера. Перетянул штанины полоской ткани, обрезал лишнее и, разодрав обрезки штанин на длинные лоскуты, добавил пару лямок. Получилась небольшая, но вместительная сумка, в которую сержант сложил найденные вещи: камень, огниво и про запас ещё одни штаны с грубой рубахой. Здравомысленно, достал из ящика флягу и тоже забросил в сумку — если по пути обнаружится вода, ёмкость не помешает.

На стенах нашлось ещё три факела и Колин привязал их к поясу, кто знает сколько предстоит бродить в темноте.

Люди больших городов настолько привыкли к шуму машин, рёву сирен, гомону толпы и другим плодам цивилизации, что, находясь за глухими окнами у себя дома, считают отсутствие звуков истинной тишиной. Но на самом деле мы не замечаем тиканья часов, рычания холодильника, бегущей по трубам воды и ещё кучи привычных звуков, из которых и соткана наша «тишина».

Шагая по тёмному коридору, Колин, как истинный сын техногенного мира впервые познал, что такое настоящая первозданная тишина, нарушаемая шипением сгорающего факела и поскрипыванием песка под подошвами сапог. Она давила тяжёлым ожиданием, пугала неизвестностью, путала мысли. Чтобы не ощущать себя микроскопической песчинкой готовой раствориться в океане вселенной сержант засвистел незатейливый мотивчик. Стало легче.

Через пятнадцать шагов впереди показалась стена, а коридор, образуя букву «Г» разбежался в стороны. Воздух здесь был несколько свежее и, поведив факелом, Колин понял почему — ответвление справа заканчивалось лестницей наверх.

— А вот и выход, — обрадовался сержант и поспешил к стёршимся от бесчисленных ног ступеням. Но радость оказалась преждевременной. Через три пролёта лестница упёрлась в заваленную каменными глыбами дверь.

Второе ответвление коридора убежало вниз но, сколько Колин ни светил конца так и не увидел. Решил спуститься. Лестница оказалась настолько длинной, что после сотни ступеней сержант перестал их считать. В какой-то момент даже появилась мысль вернуться и составить ящики пирамидой но, вспомнив, сколько те весят, стиснул зубы и продолжил спуск. Наконец ступени упёрлись в пол, а коридор, так и не расширившись, потянулся куда-то вглубь плотной как вата темноты.

Через три сотни шагов сержант твёрдо решил вернуться в оружейную, но вдруг факел зашипел и стал затухать. Пришлось наощупь искать в сумке огниво и поджигать ещё один, который предусмотрительно висел на поясе. От ярких вспышек зарябило в глазах, но когда огонёк затрепыхался на кончике факела, Колин увидел впереди отблеск. Через десять шагов путь преградила деревянная дверь, обитая железными пластинами. Он дёрнул за тяжёлое кольцо и разочарованно выдохнул — связка с ключами осталась в оружейной.

— Чтоб тебя! — сержант в сердцах пнул дверь сапогом, и госпожа Фортуна улыбнулась скрипом петель. — Надо же...

За дверью оказалась ещё одна лестница, которая оптимистично пронзала темноту. Памятуя о том, что факела на обратный путь может не хватить, Колин резво поскакал наверх.

— Твою ж галактику! — Фортуна улыбалась недолго. Лестница упёрлась в прямоугольный щит, сколоченный из толстых досок. Ни замка, ни ручки.

От души наподдав преграде, сержант развернулся и вдруг заметил в стене небольшую выемку. Посветил в неё и обнаружил толстый деревянный рычаг.

— А если потянуть?

Деревянная рукоятка плавно пошла вниз и в стене что-то глухо стукнуло. Затем раздался неприятный скрип, а потом...

— Дзонг!!!

Колин едва не выронил факел. Ему показалось, будто рядом порвался стальной трос. Щит или скорее дверь, загораживающая проход, как в замедленной съёмке, повалилась вперёд, взметнув в воздух вековую пыль. Пламя в руке погасло, а сам сержант, кашляя как астматик, выскочил на свежий воздух.

Когда глаза перестали слезиться, он огляделся и понял что оказался внутри разрушенного строения. Подошёл к ближайшему проёму в стене (назвать окном эту дыру не повернулся бы язык) и выглянул наружу. В свете луны видно было не так уж много, но разобрать всё те же нагромождения древних развалин оказалось несложно.

Где-то на периферии зрения мелькнул огонёк. Колин взгляделся в темноту, но ничего не разглядел. Переместился чуть правее и снова увидел отблеск. Определённо в лесу горел костёр.

— Нужно аккуратно разведать, кто там с огнём балуется, — сержант уже привык разговаривать с самим собой. — Глядишь, контакт с аборигенами налажу, — улыбка получилась измученной — пить хотелось невозможно.

Он стал пробираться меж деревьев стараясь ступать как можно тише. Когда до круга света оставалось около десяти метров, Колин прильнул к толстому стволу и застыл, оценивая обстановку.

Видимо контакт отменяется. У костра спиной к сержанту сидел тот самый коротышка из видеоролика, немного поодаль ожесточённо спорили ещё двое. Над огнём висела туша какого-то животного, от аромата которой в желудке тотчас заурчало. Сержант напрягся. Что

делать дальше? Видеоролик ясно показал, как коротышки поступают в незнакомой ситуации. Похоже, стоит найти другой путь.

Опорная нога стала затекать и под ступнёй предательски хрустнуло. Крепыш у костра тут же наострил большие уши, шикнул на спорящих и, схватив дубину, устремился в сторону затаившегося сержанта. Поняв, что миром дело не кончится, Колин выхватил кинжал и откинул сумку в сторону. Всплеск адреналина мгновенно развеял усталость.

Противник оказался до банального прост — он нёсся на сержанта, высоко подняв увесистую дубину. Сержант хищно оскалился и принял боевую стойку. Когда тяжёлое оружие начало движение тренированное тело само подалось в сторону. Колин резко выставил ногу и дикарь, не успев затормозить, кувырком полетел в траву. Сержант не дал ему подняться — рукоять кинжала впиалась в затылок, и коротышка затих в траве.

Видя участь вожака те, что спорили у костра, снизили шаг и принялись обходить сержанта с разных сторон. Вдруг один резко выкинул руку вперёд, и копьё устремилось Колину в грудь. Он ждал чего-то подобного и потому легко увернулся. А вот второй оказался умнее. Он кинул напарнику короткую фразу, по-звериному пригнулся и выставил копьё в сторону сержанта.

Коротышка, оставшийся без оружия, недобро сверкнул зубами и метнулся к костру. Увидев, как он лихо раскручивает бола, Колин легко просчитал, что будет дальше. Сейчас тот, что с копьём сделает отвлекающий бросок и следом полетят спаренные камни. Пора заканчивать представление.

Лезвие тихо прошипело в воздухе и по рукоять вошло в мохнатую грудь метателя камней. Тот захрипел и стал оседать на землю. Коротышка с копьём что-то дико закричал и широко размахнулся. Копьё полетело в человека, а абориген развернулся на сто восемьдесят и ринулся в кусты.

— Чтоб тебя! — выругался сержант. Он даже не стал уклоняться, коротышка безбожно промахнулся. — С толпой этих гадов я не справлюсь. Пора сваливать.

Он подскочил к затихшему метателю камней, выдернул кинжал и подхватил сумку. Неподдалёку раздались крики...

***

Коротконогие аборигены не отставали. Погоня длилась уже полчаса, и всё время их дружный гомон подстёгивал уставшего человека. Сержант бежал, не разбирая дороги, сил петлять не было. Наконец лес поредел, и он заметил тёмную гладь реки. Есть шанс уйти от погони. Взметнув тучу брызг, Колин ворвался в воду, нырнул и изо всех оставшихся сил погрёб от берега.

Несколько десятков коротышек застыли на берегу, злобно потрясая оружием. Плавать они не умели, и сержант возблагодарил судьбу. Но судьба считала иначе.

Растолкав воинов, на берег вышел коротышка в балахоне, сшитом из множества цветных лоскутков. Рука, сжимающая странный жезл из резной кости указала в спину беглецу и ночной воздух прорезала замысловатая фраза. С наверхия сорвался шарик ослепительного света но, соприкоснувшись с водой, разлетелся тысячью светящихся осколков. Вода вокруг Колина вдруг забурлила и стала вязкой. Он застыл в ней как мошка в патоке.

«Я что сплю? Так же не бывает!» — волосы на затылке зашевелились от ужаса.

Аборигены победно взвыли. Какой-то коротышка раскрутил над головой мелкаячеистую сеть с грузами и прицельно швырнул в человека. Сержант почувствовал себя рыбой, когда его потянули к берегу.

Коротышка в балахоне властно прикрикнул на галдящих воинов и подошёл к пленнику. На Колина уставились немолодые холодные глаза.

— Кутсо, — утвердительно выдохнул «балахон» и обрушил на голову сержанта резной жезл.

Раздался глухой звук, будто ударили в слабо натянутый барабан, запахло озоном. Голова сержанта взорвалась болезненными искрами и сознание потухло...

***

— Брат, что произошло?! — воздух вокруг Сеттиллеса искрился от напряжения. Светловолосый бог метался в своём чертоге взад и вперёд. — Я ведь тебя предупреждал! Я ведь говорил! Ты заигрался!!!

Он остановился, и перст с перламутровым ногтём укоризненно упёрся в Харризиса. — Ты хоть понимаешь, что натворил?! Все наши планы, — светлый бог с хрустом сжал кулаки, — в Бездну, будь она неладна! Что молчишь? Нечего сказать?

— Сетт, мне нечего было сказать тогда, в первый раз, когда наши так тщательно выстраиваемые планы, сорвались из-за одного мага-недоучки. Помнится, ты, тогда не задумываясь, отдал Иглу Мрака в руки убийцы. Во второй раз мне, почему-то, снова пришлось оправдываться, хотя моей вины как раз и не было. А теперь... Знаешь, брат, один раз случайность, два — совпадение, но три... Три это уже закономерность. Поэтому умерь гнев и давай думать, что делать дальше.

— В этот раз ты что-то заметил? — юноша в тоге, отороченной золотом, опустился в стремительно метнувшийся навстречу его телу туман, который тут же обратился мягким глубоким креслом. — Рассказывай.

— А разве ты сам не заметил тех чёрных щупалец? — вопросом ответил Харризис. — Дыхание Бездны, излюбленное детище нашего отца. Я как его почувствовал, так весь аж затрясся. Помнишь, братец, как он нас в детстве наказывал?

— Не напоминай, Харр, — и без того светлая кожа Сеттиллеса стала ещё белее. — Тому магу крупно повезло ощутить прикосновение самой Бездны и остаться в живых. На его месте я бы точно так же драпал. Но брат, разве не из-за твоего Поглотителя Душ мы потеряли сильнейший из камней врат?

— Не думаю, Сетт. Мне кажется, если б не Дыхание Бездны, всё бы прошло, как задумано. Ну, ещё бы мне досталась душа сильного мага.

— Знаешь, брат, после третьего краха я всё больше убеждаюсь, что в планировании мы и в подмётки не годимся нашему отцу. Вспомни, как лихо он нас сюда заточил.

— Помню, прекрасно помню, Сетт. Но что мы станем делать без Снежного Сапфира? Как прорвёмся сквозь Дыхание Бездны?

— Есть вариант использовать последний камень, что остался в Храме[1].

— Брось, ты, — отмахнулся Хозяин Ночи. — Камень на Каменном острове лишь

пустышка. Просто ключик, открывающий порталы, не более, и нам он не подойдёт. Нужен новый план.

— Кстати, а где поглотитель с душой того мага? — Сеттиллис хитро прищурился.

На чернобрового бога стало жалко смотреть. Невозмутимый Харризис потупился как незамужняя девушка при виде голого мужчины.

— На месте гибели мага его не оказалось. Быть может, подобрал тот парень, что вывалился из портала?

— Всё возможно, — не стал возражать Сеттиллис. — Во время ритуала возникли такие возмущения, что даже я не всё разобрал. А ты? — Светловолосый напрягся, наблюдая за реакцией брата, но тот лишь небрежно взмахнул рукой.

— Брат, в этих делах я разбираюсь значительно хуже твоего. Но есть одно соображение...

— Продолжай, — поторопил юноша в тоге.

— Я передам магистру Эжжилеру, чтобы он направил своего наблюдателя на поиски чужака. Уверен, после всего перенесённого парень не мог далеко уйти.

— Тьфу ты, — сплюнул Сеттиллис. — Я, было, решил, будто у тебя родился какой-то план. Хотя... другого варианта всё равно ведь пока нет? А терять иномирца из виду не стоит. Вдруг чужак сможет пролить свет на случившееся. Давай, подключай своего магистра...

[1] Храм Теней — находится на острове Хеграт-Гир (Каменный остров). О Храме мало что известно, так как он не вмещивается в происходящее в мире. Лишь иногда воспитанники покидают его стены, но их целей никто не знает.

Глава третья

— Вальдрес! Вальдрес, сынок, где ты?!

Такой знакомый и родной голос матери вырвал из сна мальчика задремавшего в тени дерева рулхх[1], росток которого привёз когда-то дед из своих бесконечных странствий. Он посадил его в семейном саду, и с тех пор дерево раскинулось выше дома став гордостью семьи.

Вальдрес мечтал, когда вырастет, как и дед станет магистром, и так же будет странствовать по свету, но отец не одобрял и не понимал такого стремления. Уважаемый советом мастер Деллик был искущён в политике и редко появлялся дома, почти не замечая сына.

— Вальдрес, негодник, ты опять спишь вместо того, чтобы заниматься? — мама встала над ним, уперев руки в бока. — Хочешь, чтобы наставник снова тебя выпорол?

Вальдрес открыл глаза и взглянул на мать. В этом красном платье, отороченном чёрной тесьмой она была просто неотразима.

Изучая историю международных отношений, отец часто бывал в разъездах и в одной из таких поездок познакомился с матерью. Уроженка Сумарского Халифата, что распростёрся к юго-востоку от Небесного Хребта, она была дочерью первого советника Халифа. Будучи на светском приёме, отец без памяти влюбился в юную сумарку и долго добивался её расположения. А после стал частенько навещать в Сумарент по делу и без, пока девушка не ответила на предложение стать его женой. Тогда отец привёз её домой в Келир и вскоре на свет появился Вальдрес...

— Ну, и долго вы собираетесь тут лежать, молодой человек? — этот наигранный гнев был матери только к лицу. Злясь, она становилась ещё прекраснее. Вальдрес улыбнулся, понимая, что мама сама еле сдерживает смех.

— Вы только поглядите, он ещё и улыбается! — она погрозила пальцем. — Вставай-ка, Вальдрес. Сейчас придёт мастер Вейслекс и если он увидит тебя отдыхающим вместо того, чтобы повторять вчерашний урок, будь уверен порки не избежать, — она улыбнулась, озарив мальчика небесной красотой.

— А отец ещё не освободился? — Вальдрес потянулся и поднялся. — Так хочется, чтобы он посетил моё занятие с наставником. Я бы ему показал заклинание, которое выучил вчера, — юноша мечтательно зевнул.

— Вальдрес, ты же знаешь, отец очень занятой человек. Через седмицу ему предстоят важные переговоры, и он к ним готовится. А потом Деллик обещал свозить нас на ярмарку в Торсот.

— Отцу никогда нет до меня дела, — надулся Вальдрес. — Вечно находится что-нибудь более важное, — он с грустью посмотрел на мать, но вспомнив о предстоящей поездке, тут же с радостью запрыгал на одной ноге. Как и у всех детей, его настроение менялось молниеносно.

— А можно я зайду к нему перед началом занятий?

— Не думаю, сынок, — мать поймала скачущего сына за рукав и заглянула в глаза. — Ты же знаешь, как отец сердится, когда его отвлекают. Лучше пойдешь, умойся и готовься к приходу наставника. Не забывай, — она строго погрозила пальцем, — скоро поступать в

академию и ты не имеешь права провалить экзамен.

— Не беспокойся, мам, — Вальдрес прекратил скакать и заискивающе заглянул женщине в глаза. — Всё будет хорошо. Ты же меня знаешь, я вылитый дед, — он гордо выпятил грудь и мать рассмеялась.

— Да уж, знаю, — она потрепала сына за волосы. — Прекрасно знаю. Ну, всё беги. Удачных занятий. Я тебя люблю, сынок.

— Я тоже тебя люблю, мама, — Вальдрес поцеловал женщину в щёку и побежал по тропинке к дому.

Проходя мимо кабинета отца, мальчик решил из баловства подглядеть в замочную скважину, но вдруг заметил, что дверь приоткрыта.

«Странно, — подумал Вальдрес. — Обычно отец во время работы запирает дверь. Может уже освободился? Вот здорово! Пойду, приглашу его на занятия».

Радостно толкнув дверь, юноша вошёл и тут же натолкнулся на несвойственный этому месту беспорядок. Бумаги из вывернутых ящичков стола устлали пол сплошным белым ковром. Высокий канделябр был опрокинут, и свечи разлетелись по полу. Книги, раньше стоявшие в шкафу, горой возвышались под ним.

Вальдрес обошёл резной стол и замер, не решаясь подойти к застывшему на ковре телу. Отец лежал лицом вверх, запрокинув голову и широко раскинув руки. На лице застыло удивлённое выражение, словно перед смертью его что-то сильно поразило. На теле не обнаружилось ни единой капли крови, и юноша, не обделённый способностями, почувствовал витающий в воздухе неуловимый обычному человеку «аромат» магии. Но потрясённый до глубины души он не придал этому никакого значения.

Вальдрес в ужасе попятился к двери, но вдруг в оконном проёме промелькнул тёмный силуэт. Не понимая, что делает, мальчик перескочил через стол и выпрыгнул в окно. Снаружи никого не оказалось.

Забежав за угол, Вальдрес споткнулся о тело мастера Вейслека и тут же согнулся в жестоком приступе рвоты. Лицо мага превратилось в сплошное месиво из костей и крови. Опорожнив желудок, юноша решительно сжал кулаки и ринулся по направлению к калитке. В ту минуту он даже не задумывался что будет, когда догонит убийцу. Овладевший сознанием гнев, заставлял мчаться, не разбирая дороги.

Выбежав за ограду, мальчик остановился посреди пустынной улицы и внезапно вспомнил о матери. Страх обжигающим холодом стеганул по спине. Вальдрес без оглядки бросился за дом, где зеленел небольшой сад. У невысокого фонтанчика мама любила размышлять, наблюдая, как сверкают серебряные капельки в лучах Иссилы. Там он её и нашёл...

***

— Мама!!!

Колин проснулся оглушённый собственным криком. Тело покрылось холодным потом, а перед глазами всё ещё стояли картинки из сна — такие яркие и живые, словно посмотрел видеофильм.

«А сон ли это был? — подумал сержант. — Я будто видел давно ушедшие события. Всё

было так реально... Нет, бред! Какая, к чёрту, магия? Вероятно это всё последствия удара по голове...»

Только тут он вспомнил момент пленения: куча коротышек с оружием, вода, превратившаяся в кисель, «цветной балахон», ударяющий жезлом по голове и... всё. Дальше провал и тьма.

Колин попытался сесть, но руки оказались туго стянуты за спиной и онемевшие запястья тут же отозвались острой болью. Кое-как всё же удалось прислониться спиной к стене. В крошечной тьме разглядеть ничего не удалось, но судя по запаху сырой земли, это был какой-то подвал или, скорее, погреб.

Сержант прислушался к своему состоянию, но кроме ноющих запястий не ощутил ни боли в голове, ни тем более в груди. Так же не было и голода, хотя последний раз он ел ещё по ту сторону аномалии.

— Ладно, — проворчал он, устраиваясь поудобнее. — Как говаривал наставник по боевой: «Если чего-то не понимаешь, смело списывай на местный климат». Попробую выспаться. Надеюсь, до утра меня не потревожат... или до ночи? Хотя какая теперь разница?

Сержант прислонил затылок к стене и закрыл глаза.

Сон не шёл. Погрузившись в ватную тишину, сознание зависло как муха в липкой древесной смоле. От чего-то закружилась голова и в животе начало зарождаться сосущее чувство. Тишина подхватила сознание человека, закружила бурным водоворотом, утягивая всё глубже и глубже в свою пучину. Устав сопротивляться, Колин дал, наконец, себя унести.

Там на дне показалось что-то светлое и стало приближаться, увеличиваться, раздуваться, охватывая всё пространство вокруг. Глаза обожгло нестерпимой болью и Колин что есть сил зажмурился.

— Эй, ты кто? — раздалось вдруг за спиной.

Сержант отнял руки от лица и часто заморгал, пытаясь хоть что-нибудь рассмотреть сквозь слепящий свет.

В центре бесконечно-белоснежного пространства стоял человек в тёмно-алом плаще и скрещёнными на груди руками. Чётко очерченные скулы, хищный нос с горбинкой, высокий лоб — всё выдавало в нём волевого человека способного на великие свершения. Человек был высок и строен, истинный вожак. За таким пойдёшь, не задумываясь даже на преступление. Колин широко распахнул глаза.

— Вальдрес? — поражённо выдохнул он, узнав в тридцатилетнем человеке мальчика из сна.

— Мы разве знакомы? — маг удивлённо задрал бровь.

— Нет, но... — сержант на миг задумался и почесал в затылке. — Понимаешь, ты мне приснился, но сон был такой странный, словно я видел всё твоими глазами... Ах да, там же всех убили! И твоего отца, и твою мать, и ещё какого-то человека в золотом плаще...

Заметив как меняется лицо собеседника, сержант прервался на полуслове.

От Вальдреса ощутимо повеяло угрозой. Его руки со скрюченными пальцами застыли на уровне груди, и Колин не поверил своим глазам — воздух между ладонями вдруг заискрился и начал сгущаться, формируясь в тугий комок яркого света. В вибрирующей тишине громом прозвучал голос:

— Кто ты, незнакомец?! Откуда тебе известно о трагедии моей семьи?! Отвечай! И не вздумай лгать!!! Ложь я легко распознаю!!!

— Ты что, с катушек слетел? — Колин выставил ладони и попятился. — Я же сказал, это был сон! Остынь приятель!

Сержанта напугало не само свечение между ладоней Вальдреса, сколько то, что исходящую от него угрозу он ощутил каждой клеточкой тела. На мгновение в сознании даже возник образ всепоглощающего огня, вырывающегося из рук собеседника, и ноздри уловили запах горелого мяса. Колин зажмурился, но вдруг давящее чувство стало отступать.

— Ты не лжёшь, — произнёс Вальдрес, стряхивая с рук остаток энергии. — Действительно всё так и было. Прости мне эту вспышку гнева, мой друг и позволь представиться. Моё имя Вальдрес. Я мастер первой ступени огненной стихии, — маг приложил правую руку с перстнем к груди и склонился. — Назови же себя.

Опасливо косясь на руки Вальдреса, сержант назвался.

— Колин... Колин Мак-Стайн. Я сержант.

— Ну что ж, рад знакомству, Колинмакстайн-сержант.

— Нет, — перебил Колин, — я сержант Колин Мак-Стайн. Мак-Стайн — это фамилия, а имя — Колин.

— Фамилия? — удивился Вальдрес. — Впервые слышу. Что это?

— Ну, — сержант замялся, подбирая слова. — Там, откуда я родом принято к имени приставлять фамилию. А, — он махнул рукой, — не бери в голову. Зови меня просто Колин. Договорились?

— Как тебе будет угодно, собрат по ремеслу, — ещё раз поклонился Вальдрес.

— О! — радостно воскликнул сержант. — Так ты тоже военный?!

— Военный? — удивился маг. — Разве я похож на наёмника?

— Ты же сказал собрат по ремеслу, вот я и предположил... — сержант вконец запугался.

— Поверь, мой друг, я никогда не продавал свои услуги! — возмутился Вальдрес. — Я, так же как и ты — маг. Маг огненной стихии! Вот только твою стихию пока определить не могу, — он задумался, теребя подбородок. — Быть может воздух? Или вода? Но не земля точно...

— Эй, приятель, — прервал сержант размышления Вальдреса. — Какой я тебе маг? Ты о чём вообще? Маг это кто-то наподобие иллюзиониста, что показывает фокусы в клубах? Извини, но доставать кролика из шляпы я не умею!

На тираду сержанта Вальдрес загадочно улыбнулся, прошептал какую-то бессмыслицу и прищёлкнул пальцами. Над его ладонью тут же затрепыхались язычки синеватого пламени, образовав странную закорючку. Колин разинул рот и, не моргая уставился на невиданное зрелище.

— Что ты видишь? — голос мага отвлёк от созерцания пляшущих жгутиков, но Колин промолчал. Он не верил глазам. — Ну, — поторопил Вальдрес, — что у меня в руке?

— Чертовщина какая-то, — произнесли губы сержанта. — Такого просто не бывает... пламя прямо в руке. Это какой-то трюк, да?

— Не оскорбляй меня, я не балаганный факир, что веселит ярмарку. Я маг, — Вальдрес насупился и взмахом руки развеял пламя. — Сейчас ты видел одну из ипостасей огненной стихии. Руна Йор, так называется это плетение. Используется... впрочем, хватит и того, что ты её видел. Значит, способности к магии у тебя имеются. Странно, что ты сам этого не знаешь.

— Выходит я тоже так смогу? Ну, пламя из рук и всё такое, да? Здорово! — Колин как

ребёнок обрадовался открывшимся способностям. — Научишь?

— Всему своё время, мой друг, — маг усмехнулся. — Для начала тебя ждут десять незабываемых лет обучения в общей академии. Затем, когда получишь жезл подмастерья, необходимо будет пройти ещё и пятилетнюю стажировку у одного из мастеров не ниже второй ступени. Ему же сдашь и экзамен на мастера третьей ступени. Потом долгие годы самосовершенствования и ты уже мастер второй ступени. Потом первой. Как видишь всё в твоих руках, Колин Мак-Стайн, — Вальдрес иронично развёл руками. — Конечно, если сумеешь покинуть Поглотитель Душ. Кстати, а как ты в нём оказался?

— Какой ещё поглотитель? Каких душ? — искренне удивился сержант. От обилия новой информации голова шла кругом. — Я никуда не проникал. Просто заснул и увидел сон.

— Считаешь всё это сном? — маг обвёл рукой окружающее пространство.

— Хочешь сказать, что я не сплю, а моя душа куда-то там проникла?

— Нет, в данный момент твоя душа на месте, но её астральная проекция... Хотя, надо признаться, о возможности проникать в поглотитель я доселе не слышал.

— Стоп, стоп, — Колин замахал руками. — Так я только сильнее запутался. Можешь объяснить человеческим языком, что это за астральная проекция?

— Хм, но ты же маг, а любой маг знает, что такое астральная проекция или искра сознания, как её ещё называют, — увидев недоумение на лице собеседника, Вальдрес спохватился. — Представь, есть мир материальный, а есть Астрал — своего рода мир энергетический. Его потоки окружают нас повсеместно и маги способны ими управлять. Происходит это двумя способами — либо непосредственно из физического мира, либо погрузив искру сознания в Астрал. Но такое действие доступно лишь сильным магам.

— Я ни слова не понял из того, что ты сказал, — хмыкнул Колин. — Вероятно, прозрение приходит после обучения в этой вашей академии?

— Мысль верная, мой друг, — кивнул Вальдрес. — Но для этого тебе необходимо выбраться отсюда, — лицо мага тронула ироничная улыбка.

— И как же мне это осуществить? — Колин не понял иронии собеседника.

— Увы, мне это неведомо, — Вальдрес развёл руками. — Полагаю, в первую очередь стоит испробовать тот же способ, каким ты сюда попал. Кстати расскажи мне, как выглядит поглотитель?

— С чего ты взял, что я это знаю? До встречи с тобой мне и слов-то таких слышать не приходилось.

Маг задумался.

— Скажи, а не встречал ли ты в последнее время необычного камня?

— Камень видел, — встрепенулся сержант. — У развалин того города, как раз и видел. Такой небольшой жёлтый и весь в разводах. Я его ещё с собой прихватил. Постой, так это он во всём виноват?! — до Колина только теперь дошёл смысл вопроса.

— Всё верно, к тебе попал тот агат, что я использовал в ритуале. Он-то и поглотил мою душу. Это многое объясняет...

— Как насчёт моей проблемы? — Колин прервал размышления мага. — Я ведь так и не понял, как сюда попал и как выбираться обратно!

Мага поглотили мысли, и он не расслышал заданного вопроса.

— А помимо этого камня другого там не было?

— Нет, больше ничего не было... Да я и не искал! Я и на этот, если б не наступил, так прошёл бы мимо. Мне, знаешь ли, было не до поисков! Да ну, — отмахнулся Колин, —

долгая история.

— Я, как ты видишь, никуда не тороплюсь, — Вальдрес с улыбкой развёл руками. — Будь любезен расскажи, что с тобой произошло?

С минуту сержант колебался, но затем возможность выговориться пересилила, и он поведал магу о своих злоключениях.

— ... в общем, очнулся посреди травы голый и с ожогом во всю грудь. Еле оклемался. Потом блуждал меж каких-то развалин, провалился в подвал и кое-как оттуда вылез. Пошёл в лес, а там странные ушастые коротышки. Злые как черти! Хотел убежать, но у реки меня настигли, и их главный, в цветном балахоне, огрел дубинкой по голове. Очнулся в землянке, а потом попал сюда...

— Весьма поучительная история, мой друг, — вздохнул Вальдрес. — Признаться, я даже немного рад, что ты здесь. Встречать такого собеседника мне ещё не доводилось. Со своей стороны позволь тебя немного просветить. Город где ты провалился в подвал когда-то являлся столицей великой империи Схетхе, и назывался Смангор. Коротышки, пленившие тебя, несомненно, менкоа. Тебе как раз довелось познакомиться с их шаманом. Что же касается шрама... покажи-ка его мне.

Колин без вопросов стянул рубаху. Вальдрес подошёл ближе и стал изучать воспалённую грудь сержанта, вода над ней рукой.

— Вот это да! — издал он через некоторое время восхищённый вздох. — Просто невероятно! Камень врат, будто вплавился в твою грудь! Кто бы сказал, что такое увижу ни за что бы не поверил.

— И чем мне это грозит? — опасливо спросил Колин, натягивая рубаху. — Я что теперь мутирую?

— Это как? — встрепнулся маг, услышав новое слово.

— Ну, изменюсь внешне или ещё как?

— Насчёт внешне не знаю, но внутренне, безусловно. Хотя, что это будут за изменения, даже предполагать не берусь. Увы... — он развёл руками.

— Ну и чёрт с ним, — ругнулся Колин. — Выжил и то славно. Лучше расскажи, как мне теперь вернуться обратно в тело, или в астральную проекцию, или ещё куда, лишь бы подальше отсюда.

— Прости, мой друг, здесь я тебе не помощник. Мне и самому...

Силуэт мага вдруг превратился в кляксу и растворился в поплывшем пейзаже. Искру сознания сержанта с непреодолимой силой куда-то потянуло, и белоснежное пространство стало стремительно отдаляться. Лицо «обожгло» холодом и в следующий миг Колин ощутил себя на земляном полу в луже воды. Повернулся на бок и его тут же вырвало. Когда спазмы закончились, сержант понял, что в землянке кто-то есть. Над пленником склонился коротышка в балахоне из цветастых лоскутков, а двое других высоко поднимали чадающие факелы, стараясь дать ему как можно больше света.

Этого, в балахоне и с костяным ожерельем на груди Колин узнал сразу. Ещё бы не узнать того гада, что шарахнул жезлом по голове, отправив сознание чёрт знает куда. Коротышка с непринуждённым видом водил над его телом сухими пальцами, бубня под нос какую-то бессмыслицу. В другой руке «балахон» сжимал небольшой горшочек, из которого клубился сизый дымок. Только сейчас Колин ощутил, что помещение наполнено странным пряным ароматом.

Наконец шаман закончил пассы, подхватил сумку пленника и властно произнёс:

— Ор ту ви нарэк. Тил а нэр карут! (Всё, он очнулся. Тащите ко мне! — язык менкоа.)

— Во рудт тэ, савир. (Будет исполнено, господин.)

За пределами темницы стоял погожий день, и сержант первое время шурился от яркого солнца. Когда глаза привыкли, он с интересом стал вертеть головой, пытаясь рассмотреть как можно больше.

Вокруг насколько хватало взгляда, располагались палатки из шкур. Кто-то у костра разделывал туши животных, кто-то рубил дрова, кто-то носил воду, в общем, жители занимались своими делами, хотя на пленника поглядывали не без любопытства.

Вскоре палатки закончились, и они оказались на берегу широкой реки, где за невысоким холмом возвышалась одинокая палатка. Даже не палатка, а целый шатёр, на создание которого, по прикидкам сержанта, ушла целая тьма скота. Колина ввели внутрь и усадили на пол. «Балахон» (так сержант стал называть шамана) положил сумку на небольшой столик и повернулся к стоящим у входа охранникам:

— Курат ёкшил. (Ждите снаружи.)

— Ита, савир. (Да, господин.)

Воины поклонились и вышли, а шаман выбросил в сторону пленника руку с резным жезлом. С его кончика сорвалась голубая искорка и врезалась Колину в лоб. По телу пробежала судорога, и сержант с ужасом осознал, что совершенно не может пошевелиться. Выпучив глаза, он уставился на шамана. Тот подошёл и стал бесцеремонно шарить в карманах куртки. Не найдя ничего, кроме огнива, «балахон» вытащил кинжал из ножен, положил на стол и, потеряв к человеку всякий интерес, стал изучать его сумку.

Выудив из неё агат, шаман вдруг застыл как истукан, а потом резво подскочил и принялся возбуждённо трясти пленника за плечо.

— Та са мута ратк?! Та са ратку мута илут?! (Где ты это взял?! Где ты взял этот камень?!)

— Я не понимаю, что ты там лепечешь, — проговорил Колин, еле ворочая языком. Оцепенение не давало быстро говорить. Услышав незнакомый язык, «балахон» прекратил трясти пленника и крикнул:

— Шихатху! (Войдите!)

В шатёр вошли те двое, что тащили сержанта, и шаман властно проговорил:

— Этху, стлэс, навита! Ануста мора лин туска! (Увести, накормить, охранять! Скоро он мне понадобится!)

Охранники, подхватили Колина под руки и потащили на выход, но сзади раздался раздражённый голос хозяина шатра:

— Тиатху! (Стойте!)

«Балахон» направил в сторону сержанта жезл, произнёс что-то нечленораздельное и Колин ощутил, что может шевелиться. Коротышки поклонились и выволокли пленника наружу...

***

Усевшись на пол землянки, Колин с блаженством вытянул ноги. То самое помещение, где он в первый раз очнулся после пленения, за неполные три седмицы успело стать родным.

Вот уже двадцать дней график пленника не отличался разнообразием. Поутру приходил один и тот же коротышка по имени Нурх и водил сержанта по деревне. Указывая то на огонь, то на животных, то ещё куда, Нурх произносил их названия на языке менкоа, а Колин должен был повторять и запоминать. По прошествии семи дней его отводили в шатёр к шаману, где тот проводил с ним различные эксперименты.

В первый раз шаман велел раздеться, а потом долго осматривал тело сержанта. Его заинтересовал ожог, который к тому времени стал шрамом, образовавшим на груди интересный рисунок. От пятна, величиной с небольшую монету в разные стороны разбегались десятки белых ломаных нитей различной длины. Шаману шрам напомнил паутину, но на самом деле узор более всего был похож на треснувшее стекло.

Во второй раз коротышка снова заставил сержанта раздеться и лечь в центре шатра. Затем стал производить какие-то манипуляции со шрамом, отчего тот засветился мягким голубоватым светом. Это свечение настолько поразило Колина, что он попытался встать, но получив обездвиживающий разряд, вновь растянулся на полу.

А завтра его поведут к «балахону» в третий раз...

— Лучше не дёргайся, человек! — произнёс шаман, когда воины оставили их с сержантом один на дин. Жезл недвусмысленно поднялся в воздух. — Не то сделаю очень больно.

Проведя среди коротышек почти месяц Колин так и не смог сносно общаться на их каркающем наречии. Поэтому сейчас понял лишь слово «человек», что постоянно употребляли по отношению к нему, да и жезл в руках «балахона» был весьма убедителен. Испытывать на себе действие этого странного предмета больше не хотелось, и поэтому сержант решил не делать лишних движений.

Убедившись, что пленник слушается, шаман подошёл к одному из столиков и принялся что-то толочь в глиняной плошке. Потом пересыпал её содержимое в другую ёмкость, подлил воды и, помешивая, стал нащёптывать какие-то слова. Наконец закончил и жестом приказал сержанту раздеваться. Колин по привычке стянул только рубаху, но шаман указал и на остальную одежду. Пришлось раздеться донога.

Как и в прошлый раз, бубня под нос, шаман стал водить рукой над рисунком и нити шрамов в ответ засияли мягким светом. Через некоторое время сержанту показалось, будто на его грудь кто-то капает кислотой из пипетки. Он стал ёрзать, но ладонь коротышки с силой прижала к полу. Пленник посмотрел в глаза своего мучителя и ужаснулся. Глаз не было, вместо них пылало белое пламя.

Речитатив шамана, отдающийся болью в шраме, становился всё громче и громче. Ему вторило свечение на груди пленника, пульсирующее в такт. Наконец коротышка взвыл на высокой ноте и воздел жезл к потолку. Пламя в его глазах погасло, и шаман выплеснул приготовленное зелье на светящиеся линии. В тот же миг из центра рисунка выстрелила ослепительная молния и ударила коротышку в лоб. Тот отлетел к дальней стене, а Колин едва не оглох от собственного крика. Боль была настолько невыносима, что не потеряй он сознание, непременно бы умер от болевого шока.

Последнее, что успел зафиксировать его взгляд, были охранники, вбегающие в шатёр и яркие вспышки...

Открыв глаза, Колин сразу же понял куда попал. Несомненно, это было место, где в прошлый раз довелось познакомиться с магом по имени Вальдрес. Сержант встал и огляделся, но ничего кроме белоснежного тумана рассмотреть не удалось. Белёная мгла клубилась у ног, словно игривая кошка, а пейзаж вокруг оставался неизменен. Человек будто завис в коконе шелкопряда, за той лишь разницей, что этот кокон был невесом и неосязаем.

— Да что же за чертовщина?! — выругался сержант. — Такое впечатление, будто я застрял в куске ваты.

— Не ожидал тебя снова здесь увидеть, — раздался за спиной знакомый голос.

— Вальдрес! Чёрт как же ты меня напугал, — произнёс сержант, опуская выставленные кулаки. — Где ты прятался?

— Я не прятался, — улыбнулся маг. — Просто здесь каждый видит то, что хочет видеть. Быть может я первый, кто разгадал свойства артефакта-поглотителя. Правда, рассказать об этом могу лишь тебе, — маг печально вздохнул.

— А разве ты не можешь вернуться? — удивился Колин. — Я-то в первый раз смог. Не сам, шаман помог, но всё же...

— Увы, мой друг, — развёл руками Вальдрес. — Тебе было куда возвращаться, а моё тело, скорее всего, уничтожено.

— Как? — поражённо выдохнул сержант. — Ты мёртв? Но... как?

— Как с тобой беседую, это ты хотел спросить? — в ответ на реакцию собеседника губы Вальдреса расплылись в улыбке. — Не удивляйся, вопрос был написан на твоём лице. Это произошло во время одного интересного ритуала. Как, пока сказать не могу — сам ещё не разобрался. Что же касается наших бесед... Вспомни, что я говорил об астральной проекции? — Вальдрес заметил непонимание в глазах сержанта. — Ладно, не бери в голову. Может, когда-нибудь поймёшь. Расскажи лучше, как ты во второй раз сумел сюда проникнуть?

— Сам не знаю, — Колин почесал затылок. — В прошлый раз шаман огрел меня чем-то по голове. Сейчас тоже сделал что-то такое, отчего я потерял сознание... — сержант задумался.

Видя, что собеседник не может вспомнить произошедшее, Вальдрес сказал:

— Не утруждайся, главное выбраться обратно, — Вальдрес задумчиво потерев рукав просторной рубахи.

— А что будет, если я не сумею?

— Твоё тело, конечно же, погибнет, и ты останешься здесь навсегда, так же как и я.

— Почему-то так я и подумал, — усмехнулся сержант. — Ну да ладно, вытаскивать меня пока никто не спешит, — он развёл руками, — тогда расскажи немного о своём мире. Хочу знать, как тут жить.

— С радостью расскажу. Что тебя интересует?

— Всё, — решительно произнёс Колин.

— Всё? — маг иронично выгнул бровь. — Всего, мой друг, не знают даже боги.

— Расскажи о городе, что разрушен. Магор, если не ошибаюсь?

— Смангор, — поправил Вальдрес. — Он был столицей древней империи Схетхе. Основан три тысячи четыреста пятьдесят семь лет назад. От этого события ведётся наше летоисчисление. Впрочем, — маг повёл рукой и на глазах изумлённого сержанта, прямо из

воздуха материализовались два мягких кресла, — присаживайся, рассказ будет длинный.

Колин «подобрал» отвисшую челюсть и, последовав примеру Вальдреса, проговорил:

— Знаешь, я стараюсь уже не удивляться ни поглотителям, ни безумным коротышкам с электрошокерами в руках, но вот это переходит все границы. Откуда ты достал эти кресла?

— Я ведь всё-таки маг, — усмехнулся Вальдрес. — А маги ещё и не то могут. Кстати, не коротышки, а менкоа. Запоминай.

— Хорошо, хорошо, — выставил ладони Колин. — Я запоминаю.

— Помимо менкоа есть ещё менкоул. Они населяют Хайвердский лес и люто ненавидят дальних родственников. Вернее, так думают сами менкоа. На самом деле обитателям леса глубоко плевать на всех. Они ведут затворную жизнь и ревностно блюдут границы своих владений. Так же, далеко на западе, Змеиные острова облюбовали гадрахи или змееглавцы, как их ещё называют. Их не так уж много — четыре островка по количеству кланов. А под Небесным Хребтом живут давние его хозяева — карлики кумтар.

— М-да... — задумчиво протянул сержант. — А людей-то много?

— А как же! Основное население материка Гельд-Ир как раз и составляют люди.

— Это хорошо. А то я уж было подумал, что придётся жить среди этих... — Колин прищёлкнул пальцами, подбирая выражение, — всяких, — подходящее слово так и не нашлось. — А что произошло с этой вашей империей Схетхе? Почему разрушен Смангор?

— Война, мой друг, — Вальдрес развёл руками.

— Расскажи, обожаю истории о войнах.

— Ну, коль времени у нас предостаточно слушай. В незапамятные времена маг по имени Эффис — гений своего времени — открыл, что во время жертвоприношений высвобождается поистине чудовищная энергия. И если бы Эффис гнался за властью, то стал бы сильнейшим ещё тогда. Но его интересовала лишь наука. Наверняка, всё началось в тот момент, когда он пришёл в совет магов и представил подробный отчёт о своём открытии. Не стоило ему говорить, что максимальный всплеск силы происходит при человеческих жертвах. Совет был обескуражен, мнения разделились. Часть магов склонялась дать ход изучению новой ветви в магическом искусстве, но большинство — пожилые и уважаемые магистры — категорически настаивало на наложении строгого запрета, понимая, к чему это может привести. Эффиса подвергли гонению, он впал в маразм, прекратил заниматься какими-либо делами и лишь гулял по улицам города. А когда его не стало, Совет магов вздохнул с облегчением. После этого долгий десяток лет в империи Схетхе царила относительно спокойная жизнь. Но однажды на улицах Смангора стражники натолкнулись на странного мертвеца. У него до костей были прорезаны запястья и лодыжки, а голова болталась на позвоночнике. Тогда этому не придали значения. Как оказалось зря.

— Неужели кто-то продолжил его дело? — догадался Колин.

— Именно. Тот труп стал отправной точкой. Впоследствии таких покойников находили часто.

— И кто же это был?

— Тот, кто на протяжении трёх десятков лет являлся главой ордена Эффисситов. Гортемус, получивший прозвище Кровавый. История гласит, что, проникшись учением Эффиса, этот ленивый маг очень обрадовался возможности получить могущество, не тратя времени на долгое обучение. Язык у Гортемуса был подвешен превосходно, и найти сторонников в провинции не составило труда. Сколотив небольшую банду — по-другому и не скажешь — он бесчинствовал, принося жертвы до тех пор, пока не пришёл к мысли о

создании мощного артефакта-накопителя. С этого момента начинается новый виток истории ордена Эффисситов. Их учение распространяется по всей восточной части материка. Исключение составил лишь Сумарский Халифат, где с миссионерами-некромантами жестоко расправлялись. Но Гортемус и не стремился овладеть Сумарентом. Его интересовала империя Схетхе. Нужно отдать должное упорству этого мага, так как ему удалось небывалое — всего за пять неполных лет из небольшой банды создать влиятельный орден. В году тысяча триста восьмидесятом орден Эффисситов во главе многотысячной армии северных варваров и дружественных городов выдвинулся в сторону южных земель империи Схетхе. Города, остававшиеся верными совету магов, не в силах противостоять чёрной магии вырезались один за другим. Эффисситы не щадили ни стариков, ни женщин, ни детей, а от жертвоприношений кровь, в буквальном смысле текла по улицам. Совету магов, дабы остановить этот натиск не оставалось ничего, как на невыгодных условиях объединиться с Сумарским Халифатом и вскоре соединённые армии выдвинулись навстречу войску ордена. Состоялось кровавое сражение. Хотя перевес и был на стороне империи, стихийные маги не смогли эффективно противостоять магии смерти. В результате оба противника разошлись по своим углам зализывать раны. Приблизить конец войны помогла смерть Гортемуса. Говорят, сами боги вложили в руки убийцы легендарную Иглу Мрака. Противостоять божественному оружию не смог даже некромант с могучим посохом, переполненным силой смерти. Узнав о гибели лидера Эффисситов, объединённые армии вновь воспряли духом и за полтора года вытеснили некромантов на север, к Холодному морю. Вражеская армия захватила порт Тхас и, неся огромные потери, стала переправляться на Ледяной остров. В это время сумарцы, не привыкшие воевать в условиях холода потянулись обратно на юг, и армии империи ничего не осталось, как последовать за союзниками. Посчитав разгром достаточно хорошим уроком догонять и добивать Эффисситов никто не стал, и это оказалось роковой ошибкой. Буквально через год Смангор накрыло невероятное заклятие. В одночасье город перестал существовать. Как оказалось, для накопления такой огромной мощи некроманты принесли в жертву несколько тысяч жителей Ледяного острова и своих собратьев, но эта гекатомба сыграла решающую роль. Дома, храмы, городские стены, ратуша — всё стало оплавляться, теряя очертания, изменяя формы, словно какая-то болезнь охватила город. Жители умирали хотя и быстро, но мучительно. Среди этого праздника смерти невредимой оставалась лишь башня Магической Гильдии, продолжавшая красоваться среди руин немым укором магам, не сумевшим спасти город. В башне шла ожесточённая борьба с проклятием некромантов, пытавшимся подмять и этот клочок жизни. Но как маги не старались, в дальнейшем смерть поселилась и там. Уцелеть удалось лишь немногим магистрам, успевшим в последний момент переправиться через арку портала. Но магические завихрения разбросали их по всему свету. Одни перенеслись уже мёртвыми, другие умерли позже. Выжившие впоследствии обосновались на том месте, где сейчас стоит Ивокарис. Такова история падения империи Схетхе, мой друг, — закончил Вальдрес.

— Забавно, — потёр лоб Колин. — Ты сказал, здесь раньше была целая империя, но я увидел руины лишь одного города. Ещё видел реку, а сразу за ней раскинулся густой лес с огромными деревьями.

— Всё верно, Колин. Сейчас почти всю территорию бывшей империи Схетхе занимает Хайвердский лес. И это ещё одна из загадок древности. Через несколько лет, после описанных мной событий, по ту сторону Полноводной начали прорастать высокие деревья.

Где вырубали дерево — выросло три, причём довольно быстро. Жители, пытающиеся одновременно отстроить разрушенные города и бороться с надвигающимся лесом потянулись с насиженных мест. Всего за какую-то дюжину лет Хайверд заполнил почти весь северо-восток материка, плотно придвинувшись к Мёрзлым землям и Небесному Хребту.

— Да уж, побила вас жизнь, — посочувствовал сержант.

— И не говори, — подтвердил Вальдрес. — Но с тех пор прошло много лет, и память о кровавых событиях осталась лишь в свитках...

После некоторой паузы сержант задумчиво протянул:

— Знаешь, чего я не могу понять? Почему мы с тобой разговариваем без помех, а тех коротышек... — он наморщил лоб, — менкоа, я так и не смог понять? Неужели тебе известен наш язык? Это довольно-таки странно, не находишь?

— О! — поднял брови маг. — Как раз это очень просто. Дело в том, что в Астрале мы находимся не в физической оболочке и, следовательно, общаемся посредством мыслеобразов. А Поглотитель Душ как раз и есть не что иное, как часть Астрала свёрнутая в артефакт. Так что, мой друг, ничего не поделаешь, — он развёл руками, — язык учить всё равно придётся. Но кое в чём я могу тебе помочь, — Вальдрес поднялся из кресла и встал у Колина за спиной. Положа ладони ему на голову, маг закрыл глаза и принялся шептать какие-то слова.

Колин ощутил, как сотни иголок разом впились в затылок. Боли не было, но и приятного тоже мало. Наконец Вальдрес закончил и вернулся в кресло. Сержант потряс головой, но ощутить ничего нового не смог.

— И что ты со мной сделал?

— Ничего особенного, — засмеялся Вальдрес. — Просто обучил языкам.

— И что, я теперь смогу говорить по-вашему?! — сержант от изумления даже выпучил глаза.

— Говорить сразу не сможешь, — разочаровал его маг, — но понимать общеимперский язык или торрис как его ещё называют, сможешь. Да и изучить его теперь станет значительно легче.

— Спасибо и на этом, — Колин расслабился и откинулся в кресле. — Хотя, признаюсь, звучит невероятно.

— Привыкай, мой друг, ты попал в мир, где в ходу магия, — Вальдрес прищёлкнул пальцами и на ладони появился шарик жидкого пламени, переливающийся всеми оттенками жёлтого цвета. — Если проявишь усердие, то и сам вскоре...

Внезапно окружающий пейзаж пошёл рябью, а пространство вокруг собеседников наполнилось красками, будто в молоко плеснули цветных чернил. Подул горячий ветер, затем раздался оглушительный свист и за спиной Вальдреса появился зияющий чёрной пустотой провал. Глаза мага расширились и его «всосало» в эту «чёрную дыру».

Колин от удивления даже привстал, но в ту же секунду его самого с непреодолимой силой потащило куда-то назад. Он попытался ухватиться за кресло, но оно расплылось белым туманом. В глазах на миг потемнело, а потом Колин понял, что видит небо сквозь прожжённую дыру в куполе шатра.

На первый взгляд с момента, как сержанта утянуло в поглотитель, ничего не изменилось. Но это лишь на первый взгляд. В глубине шатра в неестественной позе лежало тело шамана, а над ним плотной тучей роились золотистые мушки. Довершали картину два обугленных тела у входа в шатёр.

— Дела... — поразился Колин, но тут же себя одёрнул. — Поражаться буду после, а сейчас пора сваливать! Другого случая может не представиться.

Он выглянул из шатра — ни души. Удалённость жилища шамана оказалась как нельзя кстати.

Колин вернулся внутрь, подобрал свои вещи и оделся. Затем прошёлся у столов, где обнаружил флягу с кинжалом, который тут же привесил к поясу. Наполнил флягу из кадки в углу и повесил рядом.

Всё это время золотистые мушки продолжали роиться над бездыханным телом шамана. Колин опасно приблизился, и тут его взгляд уцепился за резной жезл рядом с «балахоном».

— А вот эта вещица может пригодиться.

Он протянул руку за жезлом, но когда пальцы сомкнулись на рукояти, прогремел беззвучный гром, и сержанта отшвырнуло на несколько шагов. В глазах на мгновение потемнело и, чертыхнувшись, он принялся баюкать онемевшую руку. Трезво рассудив, что палка под напряжением принесёт больше вреда, чем пользы, Колин плюнул и поспешил к выходу. Стоило поторопиться, иначе велика вероятность с кем-нибудь столкнуться.

На пороге задержался. Хлынувший в лицо поток свежего воздуха показался глотком ледяной воды после долгой жажды. Блаженно вдыхая аромат ветра, наполненный запахом трав, бывший пленник с минуту постоял, выбирая направление, а затем заторопился в сторону реки.

Удаляясь от шатра, Колин не мог видеть, как рой золотистых мушек втянулся в тело шамана, и коротышку выгнуло дугой.

***

Жадно глотая воздух Вальдрес уставился в потолок шатра. В голове поселился неустанно звонящий колокол.

Разговаривая с Колином, маг постоянно ощущал в ушах какое-то странное давление, словно он стремительно всплывал с большой глубины. Постепенно усиливаясь, оно раздражало своей неизвестностью и когда Вальдреса вытолкнуло из поглотителя, он уже ничего не успел предпринять. Теперь лёжа на полу и глядя в потолок из шкур маг попытался привести разбегающиеся мысли в порядок.

«Стоп!!! Какой потолок?! Где это я?!» — ошеломлённое сознание вновь загудело.

Вальдрес огляделся, но окружающая обстановка не внесла ясности в сумбур мыслей. Тут взгляд скользнул по собственному телу, одетому в балахон из цветных лоскутов и он поражённо выдохнул:

— Невероятно!

Не ощущая никакого дискомфорта, он поднялся, оглядел себя со всех сторон, поднёс руки к лицу и повертел головой.

— Не может быть, — застонал маг. — Моё тело...

Но тут же сам себя осадил:

— А чего ты ожидал?! Думал очнуться в собственной шкуре? Радуйся, что вообще очнулся!!!

Он ещё раз разглядел одежду и нащупал амулеты на шее.

— О боги! Я в теле шамана!

Вальдрес разразился смехом. Он опустился на пол и смеялся до тех пор, пока живот не скрутило судорогой. Отдышавшись, маг снова поднялся и прошёлся по шатру. Было непривычно смотреть на мир с «высоты» нового роста.

— Хвала Сеттиллису хоть не в тело простого воина, — маг прищёлкнул пальцами, но ничего не произошло. — Странно, присутствие магии ощущаю, но она почему-то не откликается.

Вальдрес закрыл глаза и прислушался к ощущениям. Представшая внутреннему взору картина не обрадовала — энергетические нити тела спутались, а большая их часть и вовсе оказалась разорвана.

— Видимо придётся заново овладевать магией, — с грустью подумал Вальдрес. — Но, во всяком случае, это не самое худшее, что могло произойти.

Он прошёлся вдоль столиков, изучая содержимое, но ни что из лежащих там вещей не привлекло внимания.

— Полнейший примитив, — вздохнул маг. — Шаман-то был не из слабых, но силу, как погляжу, полностью не использовал.

Вдруг его взгляд привлёк лежащий на полу резной жезл. Маг наклонился было поднять, и обнаружил рядом агат.

— Ага, вот и мой поглотитель! — Вальдрес взял камень и стал рассматривать то, что ещё недавно было темницей для его души. — Странно, раскололся... Сдаётся мне, это не шаман, а именно камень принял на себя удар. Вот, значит, каким образом меня утянуло в это тело. Жаль, конечно, но теперь он бесполезен, — маг зашвырнул камень в угол и поднял жезл, ощутив при этом тепло резной рукояти. Заткнул за пояс и двинулся к выходу из шатра.

— Нужно как можно быстрее добраться до столицы, — решил Вальдрес. — Надеюсь, Архимаг Себелиус поможет избавиться от этого тела?

Несмотря на то, что в истории магии случаев переселения душ из тела в тело не было зафиксировано ни разу, маг старался об этом не думать.

На пороге задержался и стал размышлять, какой путь выбрать. Дорога через Сумарент отпадала сама собой. В таком виде если не убьют, то в рабство продадут точно. Оставался путь через Хайвердский лес к Небесному Хребту. На постоялом дворе у прохода можно примкнуть к какому-нибудь каравану, а уже с ним легко добраться до Келира.

— Кстати, прекрасный повод посетить родные места, — в который раз оглядев новое тело, хмыкнул маг. — Если мне не изменяет память, дома можно разжиться кое-чем, что поможет без проблем добраться до Ивокариса. Вот только как быть с обитателями Хайвердского леса? Менкоул ведь могут и не выпустить из своих владений. Хотя если не углубляться в лес, а пройти по кромке...

Определившись, наконец, с направлением, Вальдрес зашагал по тропинке, ведущей к реке. Выйдя на берег, заметил рыбацкие лодки, но сразу же засомневался в их способности плавать не переворачиваясь. Да и вёсел поблизости не обнаружилось. Пройдясь по берегу и не найдя ничего чем можно грести, Вальдрес со злости попытался испепелить одну, но потянувшись к внутренней энергии, понял, что ничего не ощущает.

— Тьфу! — сплюнул маг. — Совсем забыл.

Он плюхнулся на прибрежный песок, достал из-за пояса жезл и воткнул у ног. Возложив руки на оголовье, закрыл глаза. В кончиках пальцев закололо, но как Вальдрес не старался

дальше покаяния дело не шло.

«Странно, — подумал он. — Не могу заставить силу откликнуться. Чувствую, что она здесь, рядом, только руку протяни, но ничего не выходит».

В отчаянии маг попытался скользнуть искрой сознания в Астрал, но ничего не вышло. Зато эта попытка дала возможность понять, что же его оградило от распоряжения энергией нового тела. Всё оказалось довольно просто, энергетические каналы Вальдреса не были связаны с каналами силы шамана. Вернее связи существовали, но лишь те, что отвечали за симбиоз души и тела (вероятно при слиянии они срослись сами собой), тогда как все остальные предстали в виде спутанного клубка.

— Ничего не поделаешь, — вздохнул маг, — придётся заново сращивать все нити. Благо, опыт имеется, — Вальдрес вздрогнул, вспомнив события в храме богов, когда заклятие, охраняющее Снежный Сапфир едва не лишило его жизни.

Он глубоко задышал, входя в резонанс с собственным сердцебиением и принялся одну за другой вытягивать нити из «клубка», сращивая их с себе подобными. Нить за нитью, узелок к узелку. Сколько при этом минуло времени, Вальдрес сказать не мог, но к тому моменту, когда работа была закончена, ему показалось, будто прошла целая вечность...

С трудом разлепив отяжелевшие веки, Вальдрес решил было, что с глазами что-то произошло, так как мир предстал в блёклых серовато-зелёных тонах, но уже через минуту понял, всё в порядке. Просто вокруг давно царил глубокая ночь.

— Приятный сюрприз, — удивился маг. — Я и не знал, что менкоа видят в темноте.

Вдруг почувствовав то, ради чего провёл столько времени в трансе, маг широко улыбнулся и прищёлкнул пальцами. Над его ладонью тут же засветился слабенький огонёк, но через несколько мгновений погас. Перед глазами зароились светящиеся «мушки» и сильно закружилась голова.

— Что-то я немного не рассчитал своих сил, — прошептал Вальдрес, растянувшись на песке.

Тут его рука нащупала жезл, торчащий из песка, и пальцы непроизвольно сомкнулись на резной рукояти. Внезапная вспышка боли выгнула обессилевшее тело дугой и не в силах остановить мощный поток энергии, хлынувший через него, маг засучил ногами. Из жезла в небо выстрелил ослепительно-яркий столб света, но тут же втянулся обратно. Рука бессильно разжалась, а жезл почернел и осыпался пеплом, который тут же подхватил порыв ветра.

***

В эту ночь в деревне менкоа никто не спал. Все, от мала до велика, видели это светопреставление, но никто не решился пойти выяснить, что происходит на берегу реки. Крепыши знали, рядом живёт шаман, и он со всем справится. А если не справится, то простым воинам там и подавно делать нечего...

Но был ещё и тот, кого магическая круговерть заинтересовала сверх меры. Находясь в тот момент далеко от деревни, Гелимрах сразу же поспешил к реке. Будучи сильным магом, посланец магистра Эжжилера понимал, творится нечто из ряда вон выходящее. Но он опаздывал, безнадежно опаздывал...

Ранним утром наблюдатель выбежал на побережье Полноводной, но там к этому моменту уже никого не было. Маг прошерстил взглядом окрестности и вдруг заметил одинокую лодку, причаливающую к противоположному берегу. Из лодки выпрыгнул шаман и поспешил к развалинам моста. Сплюнув, Гелимрах развернулся было уйти, но что-то его зацепило. Напрягшись, словно дикий зверь перед броском, маг сверлил взглядом удаляющуюся спину до тех пор, пока шаман не исчез из виду. Его аура приковала взгляд тёмного мага.

Не задумываясь ни минуты, он схватил одну из лодок и спихнул в воду. Из ладони вырвалось чернильное облачко и вонзилось в гладь воды. Лодка пришла в движение и постепенно стала ускоряться. Оскалившись, некромант до рези в глазах вглядывался в то место, где шаман причалил к берегу. Перед глазами стоял взгляд мага, пронзаемого Иглою Мрака...

[1]Дерево Рулхх — встречается только на Змеиных островах. Самое твёрдое и дорогое дерево. Обладает магическими свойствами, поэтому из него изготавливают посохи и прочий магический инвентарь.

Глава четвёртая

Архимаг Себелиус внезапно проснулся и сел на кровати, свесив босые ноги. Произошло что-то из ряда вон выходящее. Что-то такое, что вырвало главу совета из сна.

Покинув спальню, Себелиус ворвался в свой кабинет, совмещённый с заклинательным покоем, нервно прошёлся взад-вперёд, а затем плюхнулся в резное кресло. Попытался собраться с мыслями, но остатки сна не давали сосредоточиться. Какое-то знакомое чувство всё время маячило на задворках сознания, но когда маг уже почти готов был понять — наваждение рассеивалось, оставляя всё ту же неясность.

Себелиус встал, подошёл к шкафчику в углу, взял с полки глиняную бутылку и бокал из тончайшего хрустала. Вернулся в кресло и, кинув в бокал щепотку нюхательной соли, прошептал пару слов. Вино за прозрачными стенками забурлило, зашипело, покрылось густой пеной, и по комнате разнёсся аромат восточных пряностей. Через минуту содержимое бокала «успокоилось» и приобрело насыщенный оттенок древесной смолы. Причмокнув, Себелиус опустошил бокал и тут же ощутил, как в голове пронёсся ураган, выветрив всё лишнее.

— Так-то будет лучше, — удовлетворённо улыбнулся маг, возвращая бокал на стол. Откинувшись на спинку и вновь попытался вспомнить сон.

Взгляд отрешённо скользил по карте материка Гельд-Ир сотканной искусными умельцами империи Схетхе. Помимо солидного возраста она имела и ещё одну особенность. Весь материк был усеян жемчужинами, пришитыми прямо к полотну, которые исполняли роль астральных проекций наиболее богатых жил природной энергии.

Вдруг блуждающий по картине взгляд наткнулся на нечто новое. Себелиус широко распахнул глаза и уставился на полотно, забыв об ускользающем сновидении. В окрестностях древнего города вместо одной из жемчужин зияла выжженная дыра.

— Этого не может быть, — прошептали губы мага.

Он выскочил из кресла и подбежал к картине.

— Не может быть! — повторил Архимаг уже громче. — Неужели одна из жил перестала... Нет! — он сам себя одёрнул. — Прежде чем паниковать необходимо всё как следует проверить.

Себелиус метнулся ко входу в заклинательный покой, но на пороге остановился. Скинул сандалии и халат, оставшись нагишом (сейчас ни что не должно мешать) и прошёл внутрь Зеркальной комнаты.

Такое название комната получила из-за огромного зеркала, выполняющего роль пола, всю поверхность которого покрывали различные рисунки, руны и другие магические письмена. Зеркало позволяло сфокусировать в центре комнаты сгусток энергии по мощности равный силе трёх дюжин магистров объединившихся в круг.

Себелиус поставил ноги на круги, вписанные в пересекающиеся пентаграммы, поднял лицо к потолку, развёл руки в стороны и произнёс слово-ключ. В то же мгновение дремлющая магия откликнулась на зов и каждая чёрточка на гладкой холодной поверхности засветилась насыщенным ультрамарином. Воздух загудел от копящейся в помещении силы.

Почувствовав, что концентрация энергии достигла нужного уровня, Себелиус принялся выкрикивать слова заклинания Призрачной Ищейки.

Издревле ускользя в Астрал, маги распорядились лишь небольшим его клочком в месте, где был осуществлён выход. Однажды в чьей-то гениальной голове родилась идея перенестись в Астрале на другой конец света. После многих проб и ошибок была найдена формула заклинания Призрачной Ищейки. Первое время восторгу магов не было предела, но лишь до тех пор, пока не обнаружился один побочный эффект — заклинание весьма негативно сказывалось на здоровье.

Искра сознания Себелиуса привычно скользнула в Астрал, материализовавшись в облике крылатой рептилии. Направив чешуйчатое тело в сторону древнего города, магистр усилием воли взмахнул призрачными крыльями. В стремительном полёте яркие краски Астрала слились бледным пятном...

Достигнув окрестностей Смангора, Себелиус заметил тёмное пятно посреди которого яркой точкой выделялась аура шамана менкоа.

«Странный шаман. Таких не бывает. Интересно».

В состоянии Призрачной Ищейки мысли мага, как всегда были лаконичны.

«Земля будто выжжена. Энергии мало».

Магистр покружил какое-то время и не найдя более ничего интересного решил возвращаться, но вдруг уловил в ауре шамана что-то знакомое. Даже не уловил а, скорее, ощутил обострёнными чувствами рептилии. Так случается, когда идя по рыночной площади, замечаешь промелькнувшее в толпе лицо старинного друга, которого не видел добрую дюжину лет. По инерции проходишь мимо, но вдруг понимаешь, останавливаешься. Возвращаешься, ищешь и не находишь. И весь дальнейший путь гадаешь — видел или нет...

Сознание толчком вернулось в тело. Онемевшие ноги подкосились, и Себелиус повалился на пол зайдясь в кашле. Когда дыхание восстановилось, старик вернулся в кабинет и повторил манипуляции со стоящим на столе вином. Ощувив прилив сил, не без удовольствия откинулся в кресле. По телу прокатилась волна облегчения. Пора проанализировать увиденное.

— Итак, что мы имеем? — спросил сам себя маг. В одиночестве он всегда размышлял вслух. — Одна из энергетических жил в окрестностях Смангора исчерпала свой потенциал... Или взорвалась? Хм... Так или иначе событие неординарное. Боюсь даже предположить, чем обернётся её исчезновение, — магистр поднялся, дёрнул за шнурок и подошёл к ущербной карте. — Нужно немедленно отправить на место поисковую группу.

Новый приступ кашля скрутил Архимага и он не заметил, когда в кабинете появился его помощник.

— Вы себя не бережёте, мессир. Снова использовали заклинание Призрачной Ищейки?

— Ты как всегда проницателен, мой верный Тертус, — Себелиус вернулся к креслу, погрузился в мягкий бархат и спросил:

— Ты ведь ощутил этой ночью магические возмущения Астрала?

— Да, мессир, — с готовностью ответил помощник. — Думаю, их смог бы ощутить даже никчёмный неофит. Вот понять, что произошло...

— Этой ночью рядом с древним городом исчезла энергетическая жила, — перебил магистр, морщась от боли в висках. — Найди командора Лесс-Скира, а затем загляни на кафедру магических исследований. Пусть Клатис прихватит одного из перспективных подмастерьев и явится ко мне.

— Что-нибудь ещё, мессир?

— Это всё. Поторопись, — Себелиус наполнил бокал, добавил нюхательную соль и

шепнул пару слов. Не дожидаясь пока пена осядет, залпом осушил бокал. После будет нехорошо, но сейчас необходимо собрать разбегающиеся мысли воедино. Боль тут же отхлынула от висков, принявшись маленьким «тараном» атаковать лоб.

— Вызывали, мессир? — голос командора отряда боевых магов вырвал Себелиуса из раздумий.

— Да-да, Лесс-Скир, проходи. Есть небольшое дело для тебя и твоих мальчиков, — Архимаг с улыбкой повёл рукой, приглашая сесть, но мужчина остался стоять.

— Я весь внимание, мессир, приказывайте!

Всё выдавало в нём военного: прямая как доска спина, строго сидящий мундир, неизменная рапира у пояса и начищенные до блеска высокие сапоги. Мастер первой ступени Лесс-Скир являлся командором группы быстрого реагирования, в состав которой входили подготовленные к боевым действиям молодые мастера и подмастерья.

— Ценю твою преданность, мой друг, но всё же присядь.

Предпочитая выслушивать приказы стоя, Лесс-Скир нахмурился, но последовал настойчивому приглашению.

— Мне нужно чтобы ты со своими птенцами отправился в окрестности Смангора, — проговорил Себелиус, задумчиво взглядываясь в прожжённое место на картине. — Будете охранять исследовательскую группу.

— Какого характера исследования?

— Там что-то случилось с энергетической жилой. Ты же почувствовал ночные возмущения Астрала? — командор кивнул. — Вот это они и будут изучать. Ты тоже там... «понюхай», — Архимаг покрутил пальцем в воздухе. — Мне интересно и твоё восприятие произошедшего.

— А... — начал было Лесс-Скир, но Себелиус предугадал его вопрос:

— Отправитесь из зала Портала. Я тотчас же извещу совет о необходимости созыва круга для активации врат и, думаю, уже после полудня сможете выдвигаться. Ещё есть вопросы? — Лесс-Скир отрицательно покачал головой. — Можете быть свободны, командор...

Архимаг вернулся в кресло и решил просмотреть некоторые бумаги, но уже через несколько мгновений его отвлекло лёгкое покашливание.

— Мессир, вы просили позвать Клатиса. Он ожидает за дверью.

— Да-да, я помню, — Себелиус откинулся в кресле. — Пригласи. И... Тертус, оповести магистров тех, кто сейчас в городе об экстренном собрании совета. Скажем... через три отрезка свечи. Повод — ночные события. И пускай не медлят.

Тертус поклонился и отступил, пропуская в кабинет двух молодых магов. Одноглавый глава совета знал и раньше, так как не единожды знакомился с его открытиями и усовершенствованиями существующих заклинаний. А вот второго юношу Архимаг не знал, но мог предположить, что он не менее одержим, чем сам Клатис. С другими юный исследователь просто не уживался.

— Я так понимаю, мессир, мы здесь из-за ночных событий? — Клатис не дал хозяину кабинета и рта раскрыть. Он всегда был не сдержан, но Себелиус терпел, ставя превыше всего полезность этого молодого человека. — Весь Астрал словно взбесился!

— Ты прав, Клатис, — поморщился Архимаг. — Именно это и послужило причиной вашего вызова. По моим предположениям одна из энергетических жил близ Смангора исчезла... или исчерпалась. Вам необходимо выяснить, что произошло на самом деле.

Отправляйтесь сегодня после полудня через портал. Главным в вашем отряде будет командор Лесс-Скир. Подчиняться ему беспрекословно и на рожон не лезть. По возвращении сразу ко мне со всеми выкладками...

***

Полумрак слегка притушенных масляных светильников располагал к неторопливой беседе, но сейчас в зале Портала за долгие годы было не в пример оживлённо. Седые и статные мастера различных ступеней столпились около арки, еле слышно обмениваясь новостями. Себелиусу как всегда удалось подобрать нужные слова, дабы убедить совет в необходимости срочной переброски поисковой группы.

Вокруг стола хранителя сгрудилась пятёрка боевых магов, что-то оживлённо обсуждая и весело смеясь. Пожилые маги с укором косились в их сторону но, зная вспыльчивость этих сорвиголов, одёрнуть никто не решался.

На пороге появился Лесс-Скир, за спиной которого поспешали двое молодых исследователей.

— Господа, мы можем приступать!

Масло в светильниках вспыхнуло с удвоенной силой, загнав остатки полумрака в дальние концы зала. На полу проявились восемь концентрических кругов, в центре которых расположился сам портал. На линии каждого круга был нарисован ромб, отмечающий место, где должен стоять маг, обеспечивающий активность врат.

Магистры стали неспешно расходиться по местам, а пятеро «птенцов» Лесс-Скира прекратили веселиться и, похватав сумки, собрались в центральном круге у пока ещё не активного дольмена. Вскоре к ним присоединился и сам командор.

Восемь магов расположились на кругах, а самые сильные из них встали в октограммы по бокам.

— Начали! — прозвучало под сводами зала и в тот же миг маги воздели руки к потолку.

От пола к их ладоням потянулись ростки синего света. Ультису показалось, будто руки магов поддерживают столбы, мерцающие синевой самого неба. Над раскрытыми ладонями каждого заискрился воздух, а затем, будто сотни голубых нитей устремились к арке, внутри которой всё ярко засияло.

Седой магистр в одной из октограмм выкрикнул несколько магических фраз и через мгновение в проёме проступили очертания развалин древнего города.

— Готово! — видно было, что слова даются ему с большим трудом. — Поторопитесь! Творится что-то неладное!!! Портал почти не поддаётся контролю! Долго нам его не удержать!!!

Дважды повторять не пришлось. Лесс-Скир бесцеремонно схватил разинувшего рот Клатиса и впихнул в проём. Следом полетел его напарник, а потом и сам командор, показывая пример остальным.

Когда первый боевик занёс ногу в светящуюся арку маг, пытающийся удержать расплывающееся плетение, с криком отлетел в сторону. Затем яркая вспышка, взрыв и Ультиса отшвырнуло на стену. Через какое-то время сознание вернулось, но перед ним предстала совершенно невероятная картина — всюду каменные обломки, пыль и мёртвые

***

Полуденное солнце, до красна раскалившее руины древнего города, вдруг исчезло за внезапно набежавшими тучами. Поднялся ветер и принялся кругами носить сухую траву. В потемневшем небе промелькнула молния, раздался раскат грома. Со времён проклятия, когда климат над древним городом перестал меняться, застыв вечным летом, такое происходило впервые.

Неподалёку от Смангора, между рекой и лесом расположилась гигантская каменная арка — сестра той, что взорвалась в зале Портала. Сорвавшаяся с неба ломаная линия впиалась прямо в её центр. За ней ещё одна, затем ещё, ещё и вот уже тысячи искрящихся стрел атакуют зияющий пустотой проём.

Но вдруг всё прекратилось — молнии исчезли, тучи рассеялись, а из арки, словно пуля вылетел человек и скрылся меж деревьев. Мгновением позже дольмен «выплюнул» ещё двоих. Следом прогремел мощный взрыв, и окружающий пейзаж осыпало каменной шрапнелью.

Очнувшись, Лесс-Скир первым делом прогнал по телу мысленный импульс, ища повреждения. Тёртый калач, побывавший не в одной передряге, он как будто сразу почувствовал неладное. Так и вышло — правая рука оказалась вывихнута и плохо слушалась. На фоне этой новости маг не сразу заметил, что находится под грудой мелких каменных осколков. Он кое-как раскидал их и вылез на поверхность.

Помогая себе зубами, командор оторвал от полы собственного камзола длинную полоску и соорудил перевязь, в которую продел повреждённую конечность. Оглядевшись, заметил ещё одну кучу каменного крошева, из которой торчали чьи-то сапоги. Лесс-Скир выругался, опустился на корточки и стал разгребать мусор. Через некоторое время удалось откопать лицо, но одного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять — молодому исследователю уже ничем не поможешь.

Вдруг от леса послышался странный звук и Лесс-Скир насторожился. Из-за деревьев показался Клатис и направился в его сторону. Парень шатался, на лбу запеклась кровь, но взор его был ясен. Махнув исследователю рукой, командор вернулся к телу.

— Гляжу, вам досталось. Как рука?

— Кто-нибудь ещё уцелел? — вопросом ответил командор.

— Не знаю, — Клатис потряс головой, пытаясь избавиться от звона в ушах. — Меня выкинуло в лес, и я хорошенько приложился головой о дерево. Когда очнулся, подобрал сумку и пошёл сюда... И всё же, командор, как ваша рука?

— Парень, за всю мою долгую жизнь я столько раз получал ранения, что давно привык к боли. Если в первую очередь думать о ране, позабыв о противнике, который её нанёс, долго можно не прожить. Лучше давай осмотрим окрестности, вдруг кому-то ещё нужна помощь.

Через некоторое время они встретились возле мёртвого исследователя.

— Никого? — спросил Лесс-Скир. Клатис отрицательно покачал головой.

— Что теперь делать?

— А разве приказ Архимага кто-то отменял?..

В полумраке трюма нестерпимо воняло рыбой, промасленными снастями и чем-то настолько кислым, что постоянно щипало язык. В особо крупных щелях завывал ветер, и волны плескались о скрипучее дерево бортов. Среди многочисленных тюков с каким-то барахлом постоянно шуршали крупные серые зверьки с чешуйчатыми хвостами. В ладонь упёрся противный влажный нос и Колин одёрнул руку.

«Крысы, — сержант брезгливо отёр пальцы о штаны. — Эти твари одинаковы во всех уголках вселенной».

Говорят, человеческое обоняние быстро привыкает к постоянному запаху и уже через некоторое время как бы «принюхивается». Колин готов был выколоть глаза тому, кто так говорит. За всё время пребывания в трюме от нещадной вони нос, казалось, даже распух, пульсируя при каждом вдохе. Поэтому сержант старался дышать ртом, но толку от этого оказалось мало. Ощущение было такое, будто вонь проникает сквозь поры и вгрызается глубоко в мозг.

Прислонившись к одному из ящиков, Колин ловил вялые мысли. Взгляд бессмысленно блуждал по вонючему пространству корабельного трюма, не задерживаясь ни на чём, но в то же время привычно фиксируя окружающую обстановку. С потолка свисали сети, грубые железные крючья и различные верёвки. На стенах были закреплены снасти: вёсла, свёрнутое полотно (видимо запасной парус), валялся якорь и прочая корабельная утварь. Трюм был разделён на несколько помещений, сообщающихся между собой кривыми дверными проёмами. Как понял сержант, пленников держали в носовой части, но передвижение в другие помещения не возбранялось — с корабля не убежишь.

Так же с Колином переносили тяготы ещё четверо: седой беззубый старик, молодой паренёк лет семнадцати да парочка коротышек менкоа.

Взгляд скользнул по проёму, ведущему в соседнее помещение, и Колин невольно вздрогнул. В первый день, пытаясь освоиться на новом месте, он туда заглянул. В углу было приковано настоящее чудовище почти на три головы выше самого сержанта. Широкий лоб, приплюснутый нос с узкими ноздрями, высокие надбровные дуги и два огромных клыка, что острыми саблями загибались под подбородок. Колин лишь позже понял, что его лицо напомнило ему змею.

«Упаси меня космос встретить такого монстра где-нибудь ночью», — ужаснулся сержант, вспомнив глаза, горящие зелёным огнём...

Колин мысленно перенёсся к моменту пленения.

Минуло чуть более двух седмиц с той поры, как сержант вышел к реке и, недолго думая, разделся, увязав всю одежду в ком. Человеку из будущего и в голову не пришло бы провести параллель между лодкой и теми брёвнами с выжженными углублениями, что валялись на побережье. Поэтому, привязав получившийся тюк к какой-то ветке, сержант вошёл в воду и поплыл к видневшемуся вдали лесу. Погода стояла безветренная, и плавание казалось одним удовольствием. Толкая перед собой вещи, Колин наслаждался выпавшей возможностью смыть с себя усталость, грязь и пот.

Примерно на середине реки занял шрам, но сержант не придавал этому большого значения. Вскоре ноющее чувство переросло в пульсирующую боль, которая с каждым

вдохом становилась всё сильнее и сильнее. Колин хотел было перевернуться на спину и немного отдохнуть, как вдруг боль исчезла. Ещё не веря внезапному облегчению он поднял взгляд и обомлел. словно материализовавшись из воздуха, перед ним возвышалось парусное судно.

Открыв в изумлении рот, сержант упустил момент, когда сверху свалилась сеть. Реакция не подвела, нырнул, но уйти глубоко под воду не успел и забился, словно рыба меж прочных нитей. Раздалась команда, затем кто-то оглушительно свистнул, и пленника потащили наверх. Вовремя вспомнив о кинжале, сержант попытался извлечь его из ножен, но резкий рывок туго затянул сеть, прижав руку к телу под неудачным углом. В плече больно хрустнуло и Колин решил больше не шевелиться.

Оказавшись на палубе, попытался осмотреться, но тяжёлая сеть не дала широкого обзора. Ясно было одно — на этот раз попал к людям. Хотя этот факт не менял положения — из огня, как говорится да в полымя.

«Голодранцы» — вот то слово что наиболее точно характеризовало тех, кто столпился вокруг сержанта. И не удивительно — моряки были одеты кто во что горазд и больше всего напоминали уличных попрошайек. Одинаковыми были лишь густые бороды, что скрывали лица по самые глаза. Обувь отсутствовала у всех за исключением одного, чья внешность заслуживала отдельного описания.

Человек был одет в широкие кожаные штаны, рубаху из алого шёлка и кожаную жилетку. На ногах сапоги с высоким голенищем, а голову венчала широкополая шляпа. Бороды он не носил, а по тому, как все расступились, Колин понял — он здесь главный.

Капитан гаркнул на галдящих матросов, заставив утихнуть, бросил резкую команду и исчез так же стремительно, как появился. Моряки тут же разбежались по своим местам, а двое принялись извлекать пленника из сети...

Страхнув воспоминания, Колин пошевелил озябшими ногами. Хотя его одежду и выловили вместе с ним, но сержант её больше не увидел. Пленнику кинули ворох какого-то тряпья и спихнули в трюм. Там уже сидел старик и молодой паренёк. Коротышки появились чуть позже.

С пареньком Колин познакомился почти сразу после пленения. Он подсел к нему едва сержант освоился в полумраке трюма.

— Привет, я Векти. А тебя как зовут?

Колину сперва показалось, будто юноша разговаривает на его родном, общеимперском языке но, попытавшись ответить, увидел на лице собеседника непонимание. Поразмыслив позже над этой загадкой, он пришёл к выводу что это, скорее всего и есть последствия тех манипуляций, что Вальдрес проделал с его головой.

«Как он там говорил? Буду понимать многие языки, и легче станет изучать?»

И действительно, чем дольше они с Векти общались, тем больше слов Колин запоминал, причём даже не напрягаясь. В голове вдруг начинали выстраиваться параллели с его родным языком и уже вскоре сержант смог произносить несложные фразы. Мальчишка тоже это заметил и теперь от него не отходил, постоянно что-то рассказывая. А поболтать парень был горазд.

Через пять дней плавания, когда сержант уже сносно изъяснялся на новом языке Векти преподнёс сюрприз.

— Гля, чо могу! — он закрыл глаза и застыл, затаив дыхание.

Через некоторое время над ладонью появилась светящаяся точка и стала увеличиваться.

Колин с восхищением уставился на невиданное чудо, но внезапно свет погас и парень учащённо задышал.

— Это я совсем недавно научился, — на лице Векти отразилась вселенская скорбь и юноша вздохнул. — Вот как раз из-за этого сюда и попал. Сидел как-то ночью на берегу, баловался да и перестарался. Очнулся уже на корабле...

За воспоминаниями сержант не заметил, как задремал. Разбудил его чей-то истошный крик. Колин резко сел и стал прислушиваться, но крик больше не повторялся, зато с верхней палубы донёлся хор голосов, затянувших заунывную песню на незнакомом языке. Рядом лежал Векти и хныкал.

— Ты что? — сержант потормошил парня за плечо. — Плохой сон?

— О-о-они де-деда у-убили, — заикаясь от слёз, пробормотал Векти.

Колин оглядел тёмный трюм и только тут заметил, что старика действительно нигде нет.

— То есть, как убили? За что?

— Его забрали, пока ты спал. Сказали, что нормального раба из деда всё равно не выйдет, и поэтому они принесут его в жертву Харризису, чтобы дорога через море была гладкой, — провыл на одной ноте Векти.

— Да объясни же толком, что случилось? Кому принесут жертву? — Колин сильнее встряхнул паренька. — Слышишь меня?! Успокойся и объясни!!!

И тут из-за тонкой перегородки, где сидел великан, раздался глухой бас:

— Харризис — отец воинов народа Гадрах! Харризис — бог большой воды!

Колин перестал трясти юношу и в это время наверху зазвучали финальные аккорды песни. На самой высокой ноте где-то далеко раздался мощный раскат грома.

— Харризис принял жертву, — прорычал из темноты гадрах и словно в ответ на его слова на верхней палубе восторженно взревели пираты...

***

Большой воды пиратский неф достиг ещё два дня назад, но капитан запретил какой-либо шум, отобрав даже фляги с вином. Причина к беспокойству была одна — возможность нарваться на плавучую крепость гадрахов. Случись такое и пиши пропало, змеглавцы церемониться не станут. А если учесть что в трюме их лидер так и вовсе ложись да помирай.

Опрокидывая в лужёную глотку очередной стакан крепкого урапа, Джадтинс Холёный был мрачен как туча.

— И дёрнул меня Харризис ввязаться в эту авантюру!!!

Капитан с шумом стукнул опустевшим стаканом по столу. Затем наклонил огромную бутылку и, расплёскивая пойло, вновь наполнил ёмкость. По иронии судьбы урап был национальной гордостью тех же самых гадрахов, будь они не ладны!

Чуть более трёх седмиц как Длань Волны кинула якорь в Секлахше — северном порту Сумарского Халифата. В отличие от жителей Кеннека (где за Холёного давали кругленькую сумму), сумарцы более терпимо относились к «искателям ветра», как они называли пиратов и, закрыв глаза, принимали как торговые, так и разбойничьи суда. Южанам было глубоко плевать, кто кладёт золото в их широкие карманы.

Вопреки ожиданиям в Секлахше выручить много не удалось и, сидя в портовой таверне, капитан «заливал трюмы» вином. Там к нему и подсел этот странный тип, закутанный с ног до головы в чёрный плащ, хотя в здешних краях Иссила жарила по-особому, высушивая даже душу.

Не откидывая капюшона, человек представился Хомиром и предложил такое, за что Холёный в иной раз, не задумываясь, дал бы в морду, но уж очень велика оказалась плата. Причём увесистый кошель с авансом Хомир тут же сунул капитану в руки. Развязав тесёмки, Джадтинс сипло присвистнул и дальше слушал вполуха. А послушать стоило, быть может, тогда бы он и не согласился везти пленённого гадраха.

Проснувшись с головной болью, Холёный не сразу вспомнил о заказе. Лишь наливая опохмел, заметил на столе злополучный кошель. Тогда в мозгу словно щёлкнуло, и память вернулась. До самого вечера Джадтинс ходил как неприкаянный в надежде, что гадрах вырвался и убежал, но судьба распорядилась иначе.

Сразу после полуночи к Длани подкатила крытая повозка, из которой выскочил давешний заказчик и распорядился, чтоб позвали капитана. Когда Холёный появился на палубе из повозки уже выводили гадраха. По тому, как вяло он переставлял ноги, Джадтинс понял — великана чем-то опоили.

Поднявшись на палубу следом, Хомир протянул капитану ещё один мешочек и карту, где обозначил место прибытия.

— Кому передать груз? — поинтересовался Холёный, играя желваками. Внутренний голос вопил: «Откажись!» в то время как жадность шептала: «Когда ещё так перепадёт?»

— Вас встретят, — пообещал Хомир. — Поторопитесь, капитан. В ваших интересах мчаться на всех парусах.

— Не учи, салага, шхеры проходить, — Джадтинс сплюнул под ноги, чем вызвал дикий смех старпома.

Хомир дождался возвращения своих людей, и повозка умчалась, оставив команду наедине с опасным пассажиром. Свеча не успела догореть, как судно вышло на простор Полноводной...

Капитан в очередной раз наполнил бронзовый стакан и осушил одним глотком.

В ту же ночь случилось непредвиденное. Джадтинс набрался под завязку и ушёл спать, оставив старпома командовать а тот, вместо того, чтобы плыть в сторону Смангора сделал обратный крюк к Кеннеку. Утром помощник оправдывался хорошим уловом — удалось пленить юнца и старика, но Холёный рвал и метал, и едва не зарезал беднягу. Эта задержка забрала у них драгоценное время.

Возле древнего города команде повезло дважды — поймали пару менкоа, что рыбачили посреди реки и молодого парня. Теперь хоть будет, что выставить на торги в Виро. За молодых дорого дадут, а менкоа... что ж, пойдут в прислугу какому-нибудь купцу.

Джадтинс Холёный вышел на мостик, наполнил стакан и откинул бутылку с остатками гадрахского пойла за борт. Вдруг сверху раздался крик вперёдсмотрящего:

— Капитан, слева по борту Безымянный остров!!!

Холёный посмотрел в указанном направлении и непроизвольно сдвинул стакан в руке. Из-за острова выплывал гадрахский дракен...

Из короткого сна сержанта выдернул оглушительный взрыв, качнувший судно так, что он хорошенько приложился лбом о борт. Колин огляделся. В дальнем углу истошно верещали менкоа, рядом что-то неистово бормотал Векти. На верхней палубе раздавался топот множества ног, звучали команды, орали матросы.

Грохочущий треск дерева возвестил, что в корабль попали. В потолок что-то гулко стукнуло и пленников разбросало по полу. И снова взрыв теперь уже где-то позади.

— Слышал?! — раздался сквозь грохот голос Векти. — Шаманы, будь они неладны!

— Шаманы? — Колин удивлённо уставился на парня. — Я думал, это артиллерия!

— Какая тилерия?! — Векти сделал большие глаза. — Это гадрахские корабельные артефакты! Видно за своим пришли!

Очередной взрыв разметал дальний угол и добрую часть верхней палубы. Сидевших там менкоа просто-напросто не стало. Взрывной волной пленников швырнуло на хлипкую перегородку и та сложилась пополам, накрыв их обломками.

Высвободившись из-под досок Колин заметил Векти. Парню сильно досталось; взгляд был затуманен, по лицу сочилась кровь, а нижняя губа лопнула как переспелая слива. Сержант помог ему подняться и вдруг заметил, как великан расшатывает крюк, крепящий его цепи. Нехорошее предчувствие подтолкнуло в спину и Колин поволок Векти к пролому.

Цепи грохнули о пол и, не обращая внимания на людей, гадрах выглянул наружу. Осмотрелся, издал оглушительный рык и выпрыгнул за борт. Цепи словно гигантские змеи скользнули следом.

Сержант посмотрел на Векти. Парень едва стоял на ногах, но в глазах появилась осмысленность.

— Ты как?

— Плыть смогу, — Векти пятернёй взъерошил волосы, вытряхивая застрявшую солому.

— Думаешь, стоит тоже?.. — Колин кивнул в сторону пролома.

— А ты сам посмотри.

Кинув взгляд на морскую гладь, сержант заметил гадраха. Мысленно позавидовав могучему великану, он проследил направление его движения и от неожиданности отшатнулся. Вдалеке параллельным курсом шёл корабль. Но не просто корабль, а сущий гигант по сравнению с пиратским судёнышком. На высоченных мачтах в безветрии обвисли ярко-алые паруса с изображением огромного молота. Два ряда огромных вёсел мерно пенили воду, и даже с такого расстояния Колин услышал стук мощных барабанов, задающих ритм.

— Кто это? — поражённо спросил сержант.

— Гадрахи, — ответил Векти. — И вправду говорят, своих не бросают.

От верхней палубы плавучей крепости отделилась светящаяся точка и стремительно понеслась к ним. Сержант застыл, словно истукан, но Векти не растерялся. Он что есть силы толкнул Колина в спину и прыгнул следом. Над их головами раздался оглушительный взрыв и сознание сержанта, в который раз померкло...

На этот раз не было ни поглотителя, ни Вальдреса. Был сон, в котором Колин пытался убедить майора Стоуна, что огонь, горящий над его ладонью, и есть та самая магия. Майор, почему-то одетый в балахон из цветных лоскутков, грозно хмурил брови и говорил, что отправил сержанта не за развлечениями, а в серьёзную экспедицию. Рядом, потупив взор и ковыряя бетонный пол носком ботинка, стоял Векти в форме десантника. Сержант хотел призвать парня в свидетели, но почему-то не смог произнести ни слова. Погрозив пальцем, майор взмахнул невесть как очутившимся в руке белым резным жезлом, наклонился к самому уху сержанта и с силой в него дунул. Вытаращив от удивления глаза, Колин отпрянул, но черты офицера вдруг поплыли, и перед ошеломлённым сержантом предстал Вальдрес. Маг произнёс пару неразборчивых слов, и фигура Векти исчезла в огненном вихре. Сказав, что теперь им никто не помешает, Вальдрес отворил появившуюся прямо из воздуха дверь и сержант обомлел. За дверью оказалась та самая камера, в которую вместо него подбросили труп бродяги. Изуродованное кислотой тело всё так же лежало в углу. Колин было отпрянул, но толчок в спину заставил ввалиться внутрь. Отняв лицо от пола, он осмотрелся, но вместо обугленного трупа обнаружил в помещении капитана Зибровски. Женщина стояла к нему спиной и задумчиво разглядывала трещины на серой стене. Колин её окликнул. Госпожа капитан обернулась и заорала дурным голосом, напомнившим птичий клёкот. Сержант отшатнулся и... проснулся.

Рядом повторился птичий крик, захлопали крылья, и лицо обдало ветром. Разлепив опухшие веки, Колин уставился в безоблачное небо. Сколько времени он так лежал, знают лишь боги. Монотонное покачивание поверхности под спиной и шелест лёгкого ветерка поместили сознание человека между сном и явью.

Вдруг совсем рядом кто-то застонал. Колин приподнялся на локтях и огляделся. Оказалось, он лежит на широком куске палубы посреди бескрайней воды сплошь усеянной останками корабля вперемешку с телами. В голову сразу полезли нехорошие мысли, но их выветрил повторившийся стон. Колин стал рыскать взглядом среди деревянных обломков и вскоре заметил кусок мачты, в который судорожно вцепились чьи-то пальцы.

— Эй! Ты кто?

— Колин! — раздался из-за бревна голос полный страха. — Колин, это я, Векти!

— Жив?! — то ли спросил, то ли утвердил сержант. — Парень, я здесь! Плыть можешь? — в ответ раздалось нечленораздельное бульканье, затем кашель. Наконец Векти простонал:

— У меня не осталось сил, бревно всё время переворачивается. Помогите!

— Держись, я сейчас!

Колин подхватил обломок широкой доски и погнал свой «плот» к нему. Когда он подплывал, Векти ещё держался, но видно было, что готов сдаться. Вот уставшие пальцы в последний раз соскользнули и тело пошло ко дну, но сильная рука выдернула парня из воды словно котёнка.

— Жив? — спросил сержант, растянувшись на плоту.

— Ага... — тяжело дыша, ответил Векти.

Помолчали...

— Что будем делать?

— А есть какие-то идеи? — паренёк с трудом приподнялся и посмотрел на Колина.

— Нужно узнать, где материк и плыть к нему. Без пресной воды мы очень скоро

загнёмся. Других идей пока нет.

— И как ты определишь направление? — иронично усмехнулся Векти.

— Ну, есть несколько способов, — почесал затылок сержант. — Например, по компасу... которого у нас нет. Или по звёздам...

— Вот видишь, — всё с той же иронией перебил парень, — никак.

— И что ты предлагаешь?! — взвился Колин. — Просто сидеть и сохнуть?!!

— Не знаю, — как-то отрешённо ответил Векти. Видно было, что он не до конца отошёл от плавания на бревне. — Маг бы легко определил направление, да где ж его взять?

У Колина после этих слов в голове, будто переключатель щёлкнул.

— А ты разве не маг? — вкрадчиво поинтересовался он. — Помнишь как тогда на корабле?

— Что ты, что ты? — замахал на него Векти. — Какой я тебе маг? Огонёк умею и только.

— Значит, придётся научиться!!! — сержант для убедительности ткнул пальцем ему в грудь. — Поверь, Векти, — он сбавил тон, — уж лучше было пойти ко дну вместе с пиратами, чем усохнуть от жажды. Та ещё смерть, — сержанта аж передёрнуло, а в голове промелькнула мысль:

«Стоило убежать от Эвиан, чтобы сдохнуть посреди моря так и не увидев нового мира?»

— Но ведь я даже не знаю, как они это делают, — рассеянно пробормотал Векти.

— Неважно! — отрезал Колин. — Придумай свой способ!

Приказной тон подействовал. Парень послушно сел, закрыл глаза и расслабился. Не представляя, что делать он попытался войти в резонанс со своей энергией, но вдруг вспомнил о доме. В голове что-то тренькнуло, и Векти ясно понял, где находится его родной Кеннек. Не открывая глаз, паренёк протянул руку в том направлении и...

— Ты чего руками размахался?! — вырвал его из прострации голос сержанта. — Говорю, ищи направление к берегу, а он развлекается.

— Знаешь, а я ведь что-то почувствовал, — огрызнулся паренёк. — Если бы ты не отвлёк...

— Всё-всё, не продолжай, — выставил ладони Колин. — Согласен, виноват. Просто я как-то иначе себе это представлял. Попробуешь ещё?

— Знаешь, если меня не обманывают глаза суша там, — Векти глупо хихикнул и указал вдаль.

Колин стал вглядываться в горизонт. Через некоторое время ему удалось разглядеть темнеющую линию, и он мысленно позавидовал глазам паренька. Не говоря ни слова, сержант подхватил из воды подходящий обломок и принялся грести. Буквально через минуту к нему присоединился и Векти. Подгоняемые страхом навсегда остаться посреди моря друзья гребли без остановки. Когда Иссила, окрасила небо багровым, полоска берега успела вырасти до чётких очертаний острова.

Трезво рассудив, что проплыть мимо теперь будет сложно, пленники большой воды решили устроить небольшую передышку. Колин вызвался проследить за плотом и Векти благодарно отрубился. Глядя на мерно посапывающего друга сержант свесил ноги в воду и стал разглядывать чужое небо.

«А чужое ли?» — проскользнула мысль.

Вдруг взгляд уцепился за едва видимое свечение, пробивающееся из-под рубахи. Колин стянул огрубевшую от солёной воды одежду и ахнул. Причудливый рисунок, оставленный на

груди камнем врат, светился тёплым серебристым светом, то угасая, то разгораясь. Усталость отпрянула, а в теле поселилась такая лёгкость, что Колин забыл о часах безудержной гребли. Он вдруг почувствовал, что если срочно не свернёт какую-нибудь гору, то его просто-напросто разорвёт от переполняющей энергии. Схватив импровизированное весло, сержант погрёб к берегу.

Когда плот упёрся в прибрежный песок, он оттащил спящего Векти подальше от воды, а сам уселся рядом и стал анализировать ощущения.

— Такое чувство, будто мне вкололи пару шприцов стимулятора, — сержант растерянно почесал затылок. — Ни сна, ни усталости, да ещё и это... — он потрогал кожу на ладонях, где не осталось следа от кровавых мозолей. — Если это и есть магия, то она мне уже нравится!

Он откинулся на песок и устремил взор в светлеющее небо. Так и лежал, слушая прибой, пока рядом не застонал Векти...

— Мы что, уже на острове?!

Колин приподнялся и посмотрел на парня.

— Ночью мне не спалось, и я потихоньку догрёб.

— Где только силы нашёл? — Векти попытался встать, но тут же со стоном откинулся обратно на песок.

— Идти сможешь? — спросил Колин, задрав голову. — Скоро начнёт жарить и лучше бы нам укрыться.

— Постараюсь, — Векти отряхнул ладони от песка и зашипел от боли. — Зараза, все руки стёр! Я сейчас... — он скрестил ноги, закрыл глаза и положил кисти на колени.

Через десять минут тягостного ожидания сержант не стерпел и решил потормозить парня, но заметил, что его ладони светятся. Он заинтересованно присел рядом и стал наблюдать за происходящим, но Векти неожиданно побледнел, захрипел и повалился на песок.

Помянув его нерадивых родственников, сержант пошлёпал парня по щекам и приложил пальцы к сонной артерии. Пульс прощупывался, но Векти ни на что не реагировал. Тогда Колин схватил друга под мышки и потащил в рощу, окаймившую песчаный берег. Там прислонил его к дереву потолще и уселся рядом перевести дух. Хотя парень и выглядел шупло, но волочь по песку безвольное тело та ещё работа.

Через некоторое время Векти открыл глаза и с недоумением уставился на друга.

— Ну и испугал же ты меня, — хмыкнул Колин. — Когда в следующий раз вздумаешь свалиться в обморок, хотя бы предупреди.

Векти поёрзал, устраиваясь поудобней.

— Извини, что заставил волноваться, — в голосе парня проскочили нотки раскаяния. — Но зато вот! — он протянул ладони и верно, от волдырей не осталось и следа, а кожа приобрела ровный розовый оттенок.

— Неплохо, — присвистнул Колин. — Но пока не восстановишь силы, советую с экспериментами повременить. Кстати, о силах, хочу немного прогуляться. Может, найду что-нибудь поесть. Да и вода бы нам не помешала.

— Я с тобой, — Векти сделал попытку подняться, но тут же был остановлен.

— Сиди уж, я недолго. Если что — кричи.

Колин направился вглубь рощи, но она закончилась так и не успев как следует начаться. За рощей начиналась холмистая равнина, дальний край которой упёрся в скалистые горы. Их

правый склон выступал далеко в море, а левый, постепенно понижаясь, терялся где-то за холмами.

Не найдя в раскинувшемся пейзаже ничего интересного, Колин вернулся в рощу. Прошёл немного вправо и оказался на поляне, по краю которой росли невысокие деревца с зеленовато-серыми плодами.

— Интересно они съедобные?

Сержант сорвал один из фруктов и принялся. Запах оказался ему незнаком, но кожура напомнила апельсиновую. Он стянул рубаху, завязал рукава вокруг горла и накидал в получившийся мешок с десятков плодов.

— Найду воду и попробую.

Векти, как только увидел, что принёс сержант, тут же с жадностью вгрызся в сочную мякоть. Колин попытался его образумить, мол, плоды могут быть ядовиты, но парень не слушал. Он с упоением рвал зубами мясистые фрукты, разбрызгивая ярко-зелёный сок. Дождавшись, наконец, когда друг обратит на него внимание, Колин потребовал объяснений.

— Извини, не удержался, — смутился Векти. — Понимаешь, татака отлично восстанавливает внутреннюю энергию, но она такая дорогая, что обычному человеку не купить. Однажды нам с друзьями удалось пощипать телегу с продуктами для магической гильдии, и я впервые сумел наколдовать огонёк.

Колин взял один из плодов, повертел в руке, понюхал и аккуратно откусил кусочек. Скулы на миг свело кислым, а затем во рту взорвался фугасный снаряд, начинённый леденящим соком. Язык обдало свежестью, по спине пробежал холодок, а в голове пронёсся ураган, мгновенно выветривший усталость.

— Понравилось, — утвердительно хмыкнул Векти, наблюдая за ошеломлённым лицом сержанта.

Колин не ответил и вгрызся в очередной плод. Татака действительно не только утолила голод, но так же принесла странную лёгкость, будто ослабла сама гравитация.

— Знаешь, а я ведь никогда не забирался так далеко, — протянул Векти, нашарив в рубахе последний фрукт, — хотя всю жизнь мечтал путешествовать. Пару раз даже была возможность устроиться юнгой на корабль, но как представляю, что впереди ждёт неизвестность, аж в дрожь бросает.

— Вот твоё путешествие, — сержант обвёл окружающую местность рукой.

— Это всё не то, — отмахнулся парень. — Мне охота оставлять тропу за тропой, мерно покачиваясь в уютном седле; ночевать под звёздами, скармливая жаркому костру сухие ветви; сбивать с сочной травы утреннюю росу, продираясь сквозь липкий туман. Хочу мчаться во весь опор, подставив лицо под ласковые капли тёплого дождя...

— И на всём скаку мордой об ветку, — не удержался сержант.

— Да ну тебя, — Векти сделал вид, будто обиделся.

— Ладно, не обижайся, — отсмеявшись, сказал Колин. — На самом деле романтики вроде тебя никогда не покидают родных стен. В реальности ведь всё по-другому.

— Что верно, то верно, — согласился парень. — Ладно, мечты мечтами, но нужно подумать и о настоящем. Что будем дальше делать?

— Вот такой разговор мне по душе, — Колин поднялся и из-под ладони посмотрел на солнце. — Там за леском начинается холмистая равнина и тянется до самых гор. Предлагаю заночевать в какой-нибудь пещере. Если найдём, конечно.

Векти не стал возражать, и друзья двинулись в выбранном направлении, попутно

заглянув на поляну с татакой. Вечером вышли к подножью западного склона, где между хребтом и морем образовался широкий проход, соединивший две части острова. Пещер здесь не оказалось, зато у самых гор расположилась небольшая рощица карликовых деревьев, где друзья и решили остановиться.

— Как думаешь, сможешь поджечь? — сержант протянул Векти поднятую ветку.

— Если только постучать камнем о камень, — парень пожал плечами. — Но мне что-то недосуг. Ночи здесь тёплые могу и без костра обойтись, — Векти демонстративно зевнул и растянулся на земле, положив голову на небольшой плоский камень.

— А магией?

— Магией? — встрепенулся парень. — Я как-то не подумал. Нужно попробовать.

Он забрал ветку, воткнул её в землю и затих, закрыв глаза.

— Эй, ты только не переусердствуй! — предостерег сержант, но вдруг запахло горелым деревом, и над кончиком палки закурился белёсый дымок. Парень открыл глаза и в тот же миг огненный цветок распустил свои лепестки.

— Видал как просто? Это всё татака, — Векти выглядел таким счастливым, будто отыскал мешок с золотом.

Широко улыбаясь, он протянул Колину горящую ветку, и сержант тут же ткнул её в кучку заранее подготовленных дров. Через некоторое время между лежащими на земле друзьями уже горел небольшой костерок, наполняя жёсткий ночлег уютом...

Ночь прошла без происшествий и, завтракая татакой, Векти спросил:

— Какие у нас планы? Куда пойдём?

— Предлагаю осмотреть ту часть острова, что за горами. Программа минимум — найти ещё еды и по возможности воду, программа максимум — решить, как отсюда выбираться.

Приблизительно к полудню друзья обогнули хребет. За ним начиналась ещё одна холмистая равнина, окаймлённая со стороны моря густым лесом. Трезво рассудив, что там можно разжиться как пищей, так и водой друзья решили двигаться в сторону зелёных насаждений.

Когда солнце только-только начало клониться к горизонту они, наконец, добрались до деревьев. Решили пройти немного вглубь, попутно собирая ветки для костра. На самом деле дров вовсе не требовалось, но засыпать под потрескивание костерка куда как приятнее.

Буквально через две сотни шагов друзья вышли на поляну, посреди которой мёртвым напоминанием о бушевавшей когда-то стихии возвышался обгоревший остов дерева. Увидев растущие кусты татаки, Векти издал радостный возглас и бросился к ним.

— Всё-то не съедай, — усмехнулся сержант, глядя, как Векти жадно кусает очередной плод, не успев, как следует прожевать предыдущий.

— Фуф, — выдохнул парень, проглотив сочную мякоть. — Если бы не татака мы бы давно загнулись.

Он с удовольствием облизал пальцы и продолжил:

— Хотя ты знаешь, вообще этот остров какой-то странный — ни ручьёв, ни водоёмов, одни деревья да камни. Никогда о таком...

Договорить ему не дали. Метнувшаяся из-за деревьев тень врезалась в Векти с такой силой, что парня, словно тряпичную куклу отбросило на несколько шагов. Он кубарем покатился по земле и затих где-то на краю поляны.

Колин среагировал мгновенно. Он отскочил в сторону, схватил палку с заострённым концом, которую сделал на предыдущем привале и выставил в сторону врага. Спину обдало

холодом. В нескольких шагах, пригнув к земле оскаленную острыми клыками морду, готовился к прыжку похожий на пантеру зверь.

Что делать? Бежать? И думать не стоит — зверь легко настигнет человека. Дубинка тоже не поможет. Тогда что?

В груди толчками стала пробуждаться горячая волна адреналина и чувства мгновенно обострились. Словно ведомый чужой волей Колин мысленным усилием отправил эту волну в ладони и в тот же миг лапы зверя оторвались от земли. Для сержанта время остановилось. Как в замедленной съёмке хищник разинул жуткую пасть и так же медленно в неё вонзился острый конец дубинки. Макушка зверя взорвалась кровавыми ошмётками... щелчок и время вновь бежит с привычной скоростью.

Ещё не осознавая, что умер, зверь на полном скаку врезался в человека, и тот на миг отключился. Когда сознание вернулось, Колин понял, что не может подняться. Мёртвый хищник придавил его к земле не давая сделать и вдоха. С трудом высвободившись, сержант растянулся на земле, но где-то рядом застонал Векти. Превозмогая навалившуюся слабость, Колин поднялся и отыскал парня. Тот лежал, зарывшись лицом в траву и не подавая признаков жизни.

— Ты как? — сержант присел рядом и аккуратно перевернул друга.

Лицо парня было блее бумаги, а рубаша на животе пропиталась кровью. Колин отодвинул подол и от неожиданности едва не отпрянул. Поперёк живота пролёг огромный разрез, зияющий лиловыми внутренностями.

Вдруг Векти открыл глаза и тяжело посмотрел на Колина.

— Что-то мне холодно, дружище. Чем это меня приложило?

— Не знаю, какой-то зверь, — парень попытался подняться, но сержант придержал его за плечо. — Послушай, Векти, тебе нужно собраться и залечить рану.

— А что со мной? Я ничего не чувствую.

Колин промолчал, но взгляд невольно упал на живот. Паренёк скосил туда глаза и вдруг с силой вцепился сержанту в руку.

— Что же это, Колин?! Я теперь умру, да?!

— Не умрёшь, если сейчас же займёшься своей раной. Давай!!!

— Я не смогу, — Векти обречённо откинулся на траву. — Нужен лекарь...

Парень закрыл глаза, но сержант думал иначе. Он отвесил ему хорошую оплеуху и Векти встрепенулся.

— Ты что?!

— Давай лечи себя!!!

— Не могу! У меня не хватит сил! Оставь меня.

— Ну, уж нет, — Колин навис над раненым. — Не хочешь сам, тогда расскажи, как ты это делаешь! Быть может, у меня получится.

— Но ты же не маг, — видно было, что слова даются парню всё трудней.

— А вот сейчас и выясним. Рассказывай!

С минуту Векти молчал, морщась от усиливающейся боли но, видя, что сержант непреклонен, откинулся на траву и закрыл глаза.

— Ты должен положить ладони на рану, расслабиться и почувствовать тепло в груди. Когда это произойдёт, направь его в руки, а дальше поймёшь что делать.

С минуту Колин колебался, но когда острый приступ исказил лицо Векти, он решительно возложил ладони на тёплые пульсирующие внутренности. Желудок тут же стал

подкатывать к горлу, но сержант вернул его на место парой глубоких вдохов. Затем закрыл глаза и попытался хоть что-нибудь ощутить. Через несколько минут стало понятно, что Вальдрес ошибся — никакой он не маг.

Только он так подумал, как в памяти всплыла волна жара, которую сержант посчитал всплеском адреналина.

«А что если это и было нужное мне тепло?»

Не найдя другого объяснения Колин стал делать частые глубокие вдохи, насыщая кровь кислородом. В голове зашумело, и он вдруг отчётливо увидел, как когти рвут живот не парня, а его собственный. Видение было настолько реальным, что заставило сердце ёкнуть, выплеснув долгожданную волну.

Едва не упустив момент, Колин мысленно направил тепло в руки. Сперва ничего не происходило, но когда он готов был сдаться, ладони засияли тёплым светом и от кончиков пальцев к ране протянулись серебряные нити. От неожиданности Колин едва не прервал установившуюся связь, но стон Векти заставил взять себя в руки. Сержант сосредоточился и, не шевелясь, смотрел, как тепло из его ладоней впитывается в рану.

Постепенно тепло превратилось в жар, нитей стало больше, а Колину показалось, будто края раны стали стягиваться. Он, было, обрадовался, но вдруг тело парня выгнуло дугой, и оглушительный крик разорвал связь. Векти засучил ногами. Спазм был столь силён, что на лбу вздулись вены, а из открытой раны выперли кишки. Не зная как помочь другу, Колин попытался прижать его к земле, но не тут-то было. Из рта Векти ручьём хлынула кровь и парень забулькал. С протяжным хрипом его тело в последний раз дёрнулось, а затем расслабленно вытянулось в рост.

Ещё не веря, что всё кончено сержант приложил пальцы к шее, но и так было ясно — Векти умер. Неумелым движением он прикрыл другу глаза и отполз в сторону. Мыслей не было — их вытеснило чувство потери.

Через некоторое время сержант пришёл в себя и решил, пока не стемнело похоронить. Он выбрал несколько прочных веток и стянул их рукавом от рубахи друга. В ином месте такой фокус, может быть, и не прошёл бы, но здесь почва оказалась рыхлой. Сильно мешала трава, но как только дёрн был снят дело пошло значительно быстрее.

Работа затянулась, и когда стало совсем темно, Колин почти наощупь спихнул тело Векти в могилу и принялся засыпать. Закончив, без сил растянулся на земле. В той же позе его застало утро...

Короткий сон не принёс облегчения. С трудом разлепив веки, сержант сел и обвёл поляну взглядом. Картина предстала удручающая — земля с пучками травы была накинута неровными кучками, а в одном месте даже торчала побелевшая ступня. Колин принялся ползать на четвереньках, выдёргивая траву и разравнивая могилу. Когда закончил, соорудил в изголовье небольшой холмик, куда водрузил камень.

В желудке заурчало, и лишь теперь сержант понял, насколько голоден. Преодолевая слабость в ногах, он поднялся и нетвёрдой походкой направился к плодовым кустам.

Татака падала на дно желудка, словно в бездонную яму. Не чувствуя ни вкуса, ни насыщения Колин рвал и рвал, давясь сочной мякотью. Спустя какое-то время по телу, наконец, разлилось приятное тепло. Усталость отступила, из головы выветрился шум, а боль в натруженных руках сменилась лёгким зудом.

Сержант стал гадать, в чем нести провизию. Несмотря на тёплую погоду разгуливать без рубахи как-то не хотелось. Вдруг взгляд упал на связанные ветки. Высвободив рукав, Колин

принялся набивать его плодами.

«На первое время пойдёт, — решил он. — А если больше ничего не подвернётся, вернусь за добавкой».

Мысленно попрощавшись с Векти, сержант неторопливо пошёл в выбранном наугад направлении. Через несколько часов лес окончился узкой каменистой полоской, подчёркивающей морской горизонт. Стараясь не наступать на острые камешки, Колин подошёл к краю.

Метрах в двадцати внизу бушевали волны, вспениваясь о скалы небольшой бухты. Сама бухта, выдаваясь в море кривым полумесяцем, оканчивалась почти отвесной скалой, спуститься по которой не представлялось никакой возможности. Слева убегала вдаль пенная полоса, отмечающая границу между морем и скалами, а вот справа, уже через какую-то сотню метров, скалы отступали от воды, отдавая на растерзание морю кусок песчаного берега.

Пробежавшись взглядом вдоль кромки песка и скал, Колин отметил, что отвесная стена постепенно понижается и если следовать этим направлением, то через пару километров можно будет спуститься к морю. А уже оттуда по песчаному пляжу вернуться к замеченной ранее бухте.

— Стоп, — прервал размышления Колин, — а зачем туда возвращаться? Что в этой бухте такого?

Он ещё раз внимательно осмотрел скалы и буквально сразу нашёл то, что заставило подумать о возвращении. На небольшой плоской площадке чуть выше уровня моря серыми горбами покоились три перевёрнутые лодки.

Поняв, что возможно нашёл билет с острова, Колин не раздумывая, повернул направо и чуть ли не бегом отправился искать спуск к морю. Правда, уже через несколько шагов застонал от впившегося в ступню камня, но это не охладило его пыла, а лишь заставило идти осторожней.

Всю дорогу лес то подходил вплотную, то вновь отступал от обрыва, но вскоре он остался позади и сержант вышел на плоскую равнину размером с футбольное поле. Колин огляделся, пожевал татаки и, не найдя в открывшемся пейзаже ничего интересного продолжил путь в сторону понижения рельефа.

Посреди равнины случился казус. Не ожидая подвоха от пустынной местности, сержант так приложился лбом, что едва не ослеп от посыпавшихся из глаз искр. От неожиданности он упал на пятую точку и принялся озираться, растирая ушибленный лоб. Ничего — местность оставалась пустынной. Догадавшись, что препятствие невидимо, Колин протянул руку и ощутил под пальцами тёплую шершавую поверхность.

— Это ещё что такое?

Воздух под ладонью всколыхнулся, и поверхность ощутимо завибрировала. Испугавшись, Колин отнял руку и попятился. Сердце сдавило чувство беспредельной тоски, а по спине побежали ледяные муравьи. В метре от него прямо из воздуха материализовалась чёрная пирамида...

***

Цепочка следов, оставляемая босыми ногами на мокром песке, следовала за сержантом к бухте. Шелест прибоя выветривал из головы вялые мысли, а лёгкий ветерок трепал жёсткие от соли волосы. Спустя несколько часов ходьбы под палящим солнцем, притупилось даже впечатление от найденной вчера пирамиды.

Чёрный монолит метров семи в высоту, так испугавший поначалу, оказался безобиден. Сколько Колин не ходил вокруг, сколько не притрагивался к холодному камню ничего не происходило. Появившаяся прямо из воздуха пирамида оставалась неизменна. Списав её появление на загадочную магию, сержант двинулся дальше.

Когда высота скал стала минимальной, Колин спустился к морю и первым делом окунулся в прохладную воду. Смыть с зудящего тела грязь пот и кровь оказалось таким наслаждением, что сержант почти час безвольно болтался на волнах. Затем подкрепился татакой и двинулся в обратном направлении.

Достигнув места, где песчаный берег упирался в скалы той самой бухты, Колин стал карабкаться вверх. Подъём не занял много времени и, преодолев гребень, сержант оказался на площадке с лодками. И сразу же испытал разочарование. Одного взгляда на эти посудины хватило, чтобы потерять веру в счастливое спасение. Во-первых, никаких снастей рядом не обнаружилось, а во-вторых, дерево настолько истлело, что при первом же прикосновении отломился изрядный кусок борта.

Колин уселся на край уступа и стал думать, как быть дальше. Судя по всему, он здесь застрял надолго. Выхода не было.

Шелест морской пены, умирающей на скалах и нещадно палящее солнце рождению идей способствовали слабо — мысли ворочались, словно тяжёлые валуны. Веки становились всё тяжелее и наконец, голова свалилась на грудь. От неожиданности Колин дёрнулся и рукав с татакой полетел в воду. Сонливость мгновенно развеялась.

— Вот чёрт! — он проследил, как потеря тонет в море. — Придётся возвращаться в рошу.

Вдруг взгляд скользнул по противоположной стороне бухты и сержант увидел то, чего раньше не замечал. Почти у самой воды образовалась каменная «поляна» явно искусственного происхождения, на которой сущим исполином возвышалась гигантская арка. В сердце что-то ёкнуло и непреодолимо потянуло к ней.

Прямо в одежде Колин плюхнулся в море и погрёб к противоположному берегу. Плыть было недалеко — около пятидесяти метров, но вскоре сержант понял, что это плохая идея. Он всегда считал себя хорошим пловцом, но в бушующем море его навыки оказались бесполезны. Накатывающие волны будто задались целью, во что бы то ни стало отправить человека на дно. Через час дистанция была пройдена и Колин, тяжело дыша, вывалился на камни.

Вблизи арка показалась сущим исполином. Огромные плиты, покрытые каким-то орнаментом, давили, заставляя человека ощущать себя букашкой под пятой великана. В то же время сержант почувствовал присутствие чего-то родного. Он положил ладонь поверх рунической вязи, и по камню пробежала дрожь, как по телу живого существа. Воздух внутри дольмена зарябил и Колин тут же одёрнул руку.

— Бред какой-то. Голову что ли напекло?

Он дотронулся до арки ещё раз и всё повторилось. Камень под ладонью ощутимо нагрелся, рябь исчезла, и воздух стал прозрачен.

— Невероятно! — выдохнул Колин увидев вместо скал пыльную каменистую равнину.

Он отступил на шаг, и пейзаж в проёме вновь исказила рябь. Снова дотронулся, рябь исчезла. Не убирая руки с камня, обошёл арку кругом, но и с другой стороны открывался всё тот же вид. Сержант вдруг вспомнил, как впервые очнулся под этим небом, и спину обдало холодом. А что если арка ведёт в другой мир?

Отгнав мрачные мысли Колин нагнулся, подхватил камешек и бросил в проём. Ничего не случилось. Взметнув облачко пыли, он беззвучно покатился по земле с той стороны. Тогда затаив дыхание он медленно сунул внутрь ладонь и тут же выдернул обратно. Как и ожидалось, ничего с ней не произошло. Лишь в груди стало как-то по-душевному тепло.

Колин оттянул ворот и увидел, как светится щрам. В памяти всплыли слова Вальдреса называвшего Снежный Сапфир камнем врат и части мозаики мгновенно встали на свои места.

— Похоже, это единственный выход отсюда, — вздохнул сержант и, зафиксировав в памяти окружающий пейзаж, шагнул в проём...

***

— Ну и что это, по-твоему, братец?

Харризис, наконец, решил нарушить тишину, прерываемую шелестом далёких волн да скрипом песка под золотыми сандалиями юноши в белоснежной тоге. Сеттиллис в ответ тряхнул гривой волос цвета спелого мёда и продолжил изучение чёрной пирамиды. Вот уже битый час он ходил кругом, не решаясь притронуться ко тьме холодного камня. Одного прикосновения хватило, чтобы получить разряд молнии невиданной силы, от которого стало не по себе даже богу...

Момент, когда сержант пробудил пирамиду, застал братьев в разных местах. Сеттиллис в облике огромного белого ассала кружил над Небесным Хребтом, а Харризис беседовал с магистром Эжжиилером. Но оба бога одновременно ощутили волны, всколыхнувшие ткань реальности.

Братья появились в Заоблачном замке одновременно и непонимающе уставились друг на друга. Через некоторое время Харризис решил нарушить молчание:

— Ты...

— Да, брат, — слова были не нужны. Оба прекрасно поняли — каждый ощутил одно и то же.

— Где? — Харризис подался вперёд. — Где это произошло? И что вообще случилось? Я думал, у меня глаза вылезут!

— Первая волна пошла откуда-то с запада. Я попытался её отследить, но меня накрыло ещё тремя. Север, юг, восток — они шли со всех сторон, но оканчивались неизменно в Хайвердском лесу, будь он неладен! — Сеттиллис стукнул кулаком по ладони.

— Лес это проблема, — подтвердил Харризис. — Но давай всё же выясним, что вызвало эти волны...

Харризис устал наблюдать за метаниями брата, и в который раз повторил свой вопрос:

— Так что же это, Сетт?

— Пока не знаю, но собираюсь выяснить.

Запрокинув голову, светловолосый бог устремил взор в безоблачное небо и развёл руки

в стороны. Прямо над ним появилось едва заметное облачко. Сеттиллис растопырил пальцы, и оно стало стремительно прибавлять в размере, попутно наливаясь чернотой, будто впитывала тьму пирамиды. Где-то в глубине проскочил первый разряд молнии, а в воздухе разлился ледяной запах озона.

Глаза Повелителя Туманов засветились перламутровым светом, и чёрная туча пошла рябью. Из неё вдруг выстрелили искрящиеся щупальца и устремились к пирамиде.

— Харр, подсоби!

Сеттиллис двумя руками ухватился за одно из таких щупалец и потянул на себя. Харризис оббежал пирамиду и последовал примеру брата. Грянул гром и туча, наконец, разродилась дождём.

Братья продолжали тянуть и стихия медленно, нехотя накрыла пирамиду, словно плотная кожа. Раздалось шипение, затем оглушительный свист, треск и наконец, всё стихло.

— Ну и что ты с ней сотворил?

— Ничего особенного, — светловолосый бог пожал плечами. — Просто решил проявить её сущность, но мне это не удалось. Зато удалось увидеть нечто другое. Смотри, — он указал на три золотые нити, разбегающиеся от основания пирамиды в разные стороны.

— Ну и что это, по-твоему?

— Брат, это же очевидно, — Сеттиллис ухмыльнулся, скрестив руки на груди. — Связующие нити.

— Связующие? Но что и с чем они связывают?

— Харр, не строй из себя... ты всё прекрасно понял. Такой артефакт может быть связан лишь с себе подобными. Следовательно, в Хигионе имеется ещё три такие же пирамиды. Вопрос в другом — зачем отец их здесь поставил?

— Отец? — лицо Харризиса вытянулось от удивления. — Ты уверен?

— Уверен, брат. Я ощутил след его магии.

— М-да, — протянул великан в алом плаще, — вопросов стало только больше...

Глава шестая

Стоя у опушки Хайвердского леса, Вальдрес зябко сжимал ладони. После того как он снова обрёл силу отчего-то постоянно мёрзли руки.

Через лес проходила одна дорога. По ней курсировали караваны от прохода под Небесным Хребтом и до Кеннека — портового города на реке Полноводная. Других дорог никто не знал и сейчас Вальдрес чувствовал себя первопроходцем. От останков моста, где он причалил на своей лодчонке, вглубь леса вела ещё одна не менее широкая, чем основной тракт. Выделяясь на фоне дикой природы, словно шрам в густой шевелюре она выглядела отлично сохранившейся.

Маг прошептал заклинание и вокруг тела радужными переливами заискрился энергетический щит. От осознания собственной защищённости даже настроение улучшилось и, насвистывая непристойную песенку, Вальдрес продрался сквозь густой кустарник.

Вопреки времени широкие плиты тёмно-жёлтого песчаника не вздыбились и не рассыпались, поэтому идти по ним было сплошным удовольствием. Ступая босыми ногами по прохладному камню, Вальдрес внезапно почувствовал кислый привкус, как бывало, если со щитом соприкасалось колющее оружие. Так и есть, у ног обнаружилась стрела.

«Видимо не зря защищался», — проскочила мысль, и скулы вновь свело.

Маг активировал огненное плетение и стал вглядываться в кроны деревьев, но лесные жители прятались на совесть.

— Кус-ата вук, торго?! — раздался справа вопросительный возглас.

— Не понимаю! — Вальдрес развёл руками, не сомневаясь, что его жест прекрасно виден.

— Я сказал, назовись, маг! — прокричали из-за деревьев уже на торрисе — основном языке материка Гельд-Ир.

— А кто ты такой, чтобы знать моё имя? — маг скрестил руки на груди и в ту же минуту кусты зашевелились.

Со всех сторон на поляну стали выскакивать воины менкоул с копьями в руках, и путник моментально оказался в кольце острых наконечников. Всего Вальдрес насчитал чуть более дюжины мохнатых коротышек так похожих на своих родственников с того берега.

Последним появился воин с копьём, у которого с обоих концов было два листовидных наконечника из зелёного металла. По длине каждого лезвия, выплетая витиеватый узор, бежали надписи на незнакомом языке. Пока маг разглядывал странное оружие, вожак подошёл ближе и с усмешкой вытянул копье в его сторону. Соприкоснувшись с поверхностью «мыльного пузыря» надпись на лезвии полыхнула оранжевым и, не встретив сопротивления, копье проткнуло защиту. Энергетический кокон исчез, а воин приказал:

— Не делай глупостей, маг, и давай шагай вон в ту сторону, — он кивнул вглубь леса. — И не вздумай магичить, иначе моя вулта отведаст твоей крови.

По мере продвижения пейзаж менялся. От того редкого подлеска, где пленили Вальдреса не осталось и следа. Ему на смену пришли высокие прямые деревья со стволами в три обхвата. Их корни были так огромны, что, не помещаясь под землёй, лежали на поверхности, словно гигантские змеи. То тут, то там попадались строения, настолько поросшие зелёным мхом, что казались частью леса. Живая зелень и мёртвые камни тесно

сплелись в причудливом симбиозе, и невозможно было понять, где заканчивается лес и начинаются руины. Вот стена дома насквозь прошита молодыми деревцами; вот забор из мелкого камня, густо оплетённый ползучими лианами, а вот провалившаяся каменная лестница, со ступенями из мха. И словно исполинские стражи навеки почившего города возвышаются над руинами могучие деревья.

Вальдрес изумлённо застыл и его провожатые ощутимо напряглись.

— Что это за место?

— Это место, откуда непрошеным гостям вроде тебя возврата нет. Топай, давай, — предводитель покрепче перехватил вулту. — Вон по той дороге.

Вальдрес посмотрел в указанном направлении, но среди обилия зелени не сразу заметил аллею, по краям которой высились каменные колонны, так сильно поросшие мхом, что ничем не отличались от деревьев.

Спустя некоторое время они вышли на широкую площадку, где раньше, вероятно, располагалось лобное место. В центре на очищенных от травы и корней плитах стояла каменная чаша высотой в человеческий рост. Рождаясь где-то внутри неё, на поверхность пробивались голубые языки пламени. Они сплетались причудливым узором и растворялись в воздухе, уступая место новым. Создавалось впечатление, будто огонь «вытекает» прямо в небо. Такого маг ещё не видел.

— Приветствую тебя в сердце Хайвердского леса, маг Вальдрес...

Из-за чаши вышел белый, словно верхушка Небесного Хребта менкоул. Он опирался на хрустальный посох, наверху которого раздваивалось. Меж «рогов» яркой звездой сиял тугой клубок таких же синих языков, что и в чаше. Воины с почтением поклонились, а вожак прижал кулак к сердцу и проговорил:

— Сарруж, мы поймали чужака.

Менкоул не обратил на них внимания. Он сделал широкий жест посохом и вслед за полыхающим наверху в воздухе остался ультрамариновый росчерк. Все, кто пришёл вместе с магом повалились где стояли. Вальдрес мгновенно активировал защиту.

— В этом нет нужды, — заверил его альбинос. — Просто наш разговор не должен коснуться лишних ушей.

— Откуда ты меня знаешь? — хмуро спросил Вальдрес. Его не оставляло чувство будто он участвует в каком-то спектакле.

— Источник Ирр поведал мне о твоём приходе, — непринуждённо ответил альбинос. — Меня зовут Атиш ти-Вару. Прошу, прими этот дар, — он протянул магу кожаный свёрток.

— Что это?

— Твоя судьба...

Вальдрес машинально провёл над свёртком рукой, но угрозы не ощутил. Для верности перепроверил. Результат тот же. Тогда он аккуратно его развернул и обнаружил внутри засохший цветок с шипастым стеблем. Подцепил двумя пальцами и вопросительно посмотрел на альбиноса.

— Моя судьба? — Атиш ти-Вару кивнул.

Мысленно пожав плечами, Вальдрес хотел вернуть цветок на место, но вдруг стебель как живой обвил его запястье.

— Проклятье! — он затряс рукой, пытаясь стряхнуть ожившее растение, но стебель только сильнее сжался, проколов шипами кожу.

Кончики пальцев онемели, и холод побежал вверх по руке. Маг выдохнул короткую

фразу, активирующую универсальное заклятие-антидот, но оно не помогло. С таким растением он столкнулся впервые.

Насыщаясь кровью, засохший бутон расцветал прямо на глазах. Внутри соцветия загорелся ярко-алый огонёк и принялся пульсировать в такт сердцебиению изумлённого мага. Вальдрес рухнул на колени, из последних сил пытаясь оторвать жуткий цветок от руки, но всё тщетно. Сил становилось всё меньше, и мир побежал по кругу.

Атиш ти-Вару подошёл ближе, сделал несколько замысловатых движений светящимся навершием и запел. Сперва тихо, но постепенно его голос креп, и через некоторое время окрестности наполнила тягучая мелодия. Она коснулась самого сердца мага, согревая теплом и лаской, словно мать прижала к груди младенца. По телу разлилась сладкая истома, и веки отяжелели.

Затуманенный мозг в последний раз попытался побороть одолевающую сонливость, но тело подвело, и маг с протяжным стоном повалился на землю. Холод, угнездившийся в руке, казалось, только того и ждал. Он рванулся вверх и впился в сердце. Грудь сдавило невыносимой болью, и сознание мага померкло.

Атиш ти-Вару сел рядом и прислонился лбом к древку посоха. Закрыв глаза и принялся мерно покачиваться, издавая при этом протяжный звук. Мысли текли размеренно, словно густой мёд из бочки. Через некоторое время мерцание в навершии вошло в резонанс с пульсацией цветка, и старик резко встал. Оттолкнул от себя сияющую палку, полоснул острым когтём по запястью и, вытянув руку над цветком, оросил бутон. Цветок зашевелился, заурчал и с шипением стал впитывать льющуюся на него кровь. Дав ему насытиться сполна, старик зашептал слова заклинания:

— Хэтта-рин-тас-сана! Хатгэр-иш-тэ-сана!

Раз за разом повторяя эту магическую фразу альбинос всё повышал и повышал голос. Когда шёпот перешёл в крик бутон вдруг раскрылся и издал оглушительный писк. Внутри соцветия обнажились острые зубы. Не медля ни секунды, Атиш ти-Вару схватился за стебель и резким движением оторвал от запястья Вальдреса. Цветок завизжал, словно раненный вепрь и забился в его руке. Не обращая внимания на разодранную ладонь, старик подхватил посох и направил навершие на беснующийся бутон. Раздался беззвучный гром и от сияющего посоха потянулись синие жгутики. Через несколько мгновений цветок оказался в плотном коконе, и вяло обвис в руке альбиноса.

Отложив посох, Атиш ти-Вару вспорол балахон на груди Вальдреса и без жалости вонзил острый коготь в район солнечного сплетения. Не встретив сопротивления, тот вошёл в живую плоть, словно нож в тёплое масло. Со сновкой опытного вивисектора альбинос сделал глубокий разрез и раздвинул края раны. Медленно, словно боясь потревожить успокоившийся цветок, он распростёр руку над раной и выдохнул одно лишь слово:

— Хешшах...

В тот же миг кокон вспыхнул ярче солнца, вытянулся в струнку и словно игла вонзился в разрез. Тело мага скрутило мощной судорогой, но уже через мгновение цветок полностью погрузился в плоть и всё закончилось. Рана затянулась, не оставив после себя даже шрама.

— Фух, — Атиш ти-Вару тяжело оглядел место ритуала. Ничего не изменилось, воины всё так же мирно спали. — Пора...

Он удовлетворённо растянулся на траве рядом с Вальдресом и лёгким импульсом вытолкнул искру своего сознания в Астрал.

***

Осознав куда попал, Вальдрес испытал целую гамму чувств. Официально ещё никому не удавалось выйти в Астрал с территории Хайвердского леса. Хотя «с территории» громко сказано. Из-за страха перед хозяевами попытки производились лишь на опушке. Но и эти жалкие потуги всегда оканчивались одним и тем же — сильным истощением и жуткой головной болью. А Вальдресу каким-то образом удалось оказаться там, где, по мнению учёных мужей, оказаться было невозможно.

Астрал здесь был весьма необычен. Воздух словно полыхал синим пламенем, не обжигая, но и не принося холода. С каждым шагом из-под ног выстреливались белёсые облачка и моментально растворялись в пламени.

Маг прошёлся туда-сюда, прислушиваясь к ощущениям, но вдруг в груди стало нестерпимо горячо. Сознание поплыло, в ушах появился противный писк, и сильно закружилась голова. Почувствовав, что вот-вот упадёт, Вальдрес попытался вызвать защитное плетение, но оно обожгло сердце, словно раскалённое тавро... и вдруг всё исчезло.

Тяжело дыша, Вальдрес обернулся и встретился взглядом с красными глазами альбиноса.

— И снова здравствуй, — Атиш ти-Вару широко улыбнулся. — Извини за некоторые неудобства...

— Что ты со мной сделал, старик?! — оборвал Вальдрес, не сдержав эмоций. Последние события изрядно выбили его из колеи. — Что это был за цветок? Как я здесь оказался? И что, в конце концов, тебе от меня нужно?!!

— Как много вопросов, — альбинос улыбнулся ещё шире. — Успокойся и давай поговорим.

— Мне не о чем разговаривать с тем, кто меня пленил, — Вальдрес скрестил руки на груди.

— Пленил? — ти-Вару картинно округлил глаза. — Так ли это?

— В таком случае как я оказался там, где до меня никто не бывал? — вскинулся маг.

— Разве?

— Во всех выкладках учёных мужей написано, что...

— Вздор!!! — отрезал Атиш ти-Вару. — Бредни слабаков! Я разочарован, — он покачал головой. — Как можешь ты, маг-практик, доверять тому, что написано? — палец, покрытый белой шерстью, укоризненно упёрся магу в грудь.

— Но...

— В магии не может быть никаких «но»! Разве дед тебя этому не учил?

— Что ты можешь знать о моём дедё?! — вновь вскинулся Вальдрес.

— О, — менкоул оскалил зубы, — ты даже не представляешь, сколько всего мне известно. Присаживайся, поговорим, — он повёл рукой, и пейзаж вокруг стал преображаться.

Повеяло прохладой, и воздух стал свеж и прозрачен. Из-под земли выбились два лиловых ростка и стали расширяться, приобретая форму бутонов болотной красавки. Миг и лепестки раскрылись, обнажив два кресла сотканых из прозрачных стеблей.

подавая пример, старик сел. Вальдрес глубоко вздохнул и последовал приглашению.

Между ними появился небольшой столик с кувшином и двумя бокалами. Атиш ти-Вару взял один, а другой протянул магу.

— Утощайся.

Вальдрес принял и мнительно провёл ладонью над бокалом. Раз, другой — тишина.

— Не бойся, не отравлено, — альбинос усмехнулся.

Маг посмотрел на него из-под бровей и аккуратно пригубил. И тут же его брови взмыли вверх. Он решил, будто надкусил плод татаки, что было невозможно. До сих пор ещё ни одному магу не удалось выжать сок из этих плодов так, чтобы в нём сохранились все полезные свойства магического фрукта. Сок всегда получался кислый, с неприятным привкусом плесени и по большому счёту бесполезный. Но бокал в руке говорил об обратном.

С губ сам собой сорвался вопрос:

— Как?

— Источник Ирр... — загадочно ответил альбинос.

— И что же он такое этот источник?

Некоторое время Атиш ти-Вару молчал, по-видимому, что-то для себя решая. Наконец уста его разомкнулись:

— Что ж, видимо, настала пора ответов. Устраивайся поудобней, мой мальчик, разговор будет долгим.

Он поёрзал в кресле, хлебнул напитка и начал рассказ. И чем дольше говорил, тем сильнее Вальдресу становилось не по себе. Как человек трезво мыслящий он понимал — с такими знаниями из леса не выпустят. Но не слушать не мог, потому что знания, полученные от альбиноса, стоили того, чтобы отдать за них жизнь.

— С тех пор как в основу Мироздания был заложен первый камень, прошло немало времени. Миры рождались, жили и умирали, уносясь в бескрайнее пространство первозданного Хаоса. Но как нельзя время повернуть вспять, так и миру не дано свернуть со своей дороги иначе может произойти непоправимое... Однажды чужой мир, сбившись с пути, столкнулся с моим в одной точке времени и пространства. Последствия этого столкновения были ужасны — реки кипели, горы рассыпались на миллионы песчинок, плодородные равнины превращались в бесплодные пустыни. Миру была нанесена смертельная рана, и даже верховный бог Иррилий смог лишь отсрочить неминуемое.

Альбинос замолчал. Вселенская скорбь отразилась на челе старого менкоул. Пауза затянулась, и Вальдрес решил нарушить молчание:

— Твой мир погиб?

Старик тряхнул головой, прогоняя воспоминания, и поднял взгляд.

— Да, Вальдрес, погиб. Так же как и тот, что сбился с пути.

— Значит Источник из твоего мира?

— Чтобы ответить на этот вопрос придётся немного рассказать обо мне. Я последний из расы онгувов, что жила в мире под названием Эршах. Не буду вдаваться в подробности его устройства, просто скажу, что верховным богом у нас был Иррилий. Онгувы служили его жрецами, но для народов Эршаха мы были младшими божествами. Так сказать гласом Иррилия.

— Вы тоже маги?

— Нет. В нашем мире не было магии, какой её знаете вы. Иррилий давал нам силу, с помощью которой мы могли созидать...

— Но как бог делился с вами силой? Неужели такое возможно?

— Вальдрес, мальчик мой, я умышленно называю Иррилия богом, чтобы тебе было понятнее. Это не ваши зарвавшиеся мальчишки, возомнившие себя невесть кем. За пределами Хигиона встречаются сущности древней и могущественнее Сеттиллеса с его братцем. На самом деле он был, скорее, сердцем нашего мира, своего рода источником жизни Эршаха. Он был един и в то же время многообразен. Его духовные нити пронизывали каждую пядь нашего мира. Высоко в горах находилась точно такая же чаша, что ты видел в лесу, но только во сто крат величественнее — её пламя подпирало само небо. С её помощью мы приобщались к силе Иррилия. После столкновения, когда скрепы мира стали рушиться, верховный попытался удержать расплывающееся мирозданье, но сил хватило лишь отсрочить гибель мира. Видя, как исчезает всё, что он так любил, Иррилий явил нам последнюю волю. Даже не волю, а подсказку как можно спастись. Вот только цена оказалась неподъёмной. Понадобилась кровь почти всего моего народа, чтобы пробить брешь в ткани бытия и проложить тропу в ваш мир. Почти из тысячи онгугов спаслось лишь шестеро. Подавленные и сломленные мы очутились в Хигионе. Какого же было наше изумление, когда выяснилось, что каждый из нас вынес частичку Иррилия в себе. Мы скрылись в озере, что восточнее нынешнего Халифата и принесли себя в жертву, дабы высвободить божественный разум...

После продолжительной паузы альбинос продолжил, уперев взор куда-то вдаль:

— Когда-то меня звали Хешшах. Я тот, кто впитал осколки Иррилия и дал ему новую жизнь...

— Но как... как тебе это удалось? — от новых знаний голова Вальдреса пошла кругом. Открывшаяся картина мира будоражила воображение.

— Минуты дни и годы я вплетал эти осколки в энергетические потоки вашего мира. Времени понадобилось трижды свернуться в кольцо, чтобы из семени некогда могущественного разума забил новый Источник. Я назвал его Ирр в память о моём народе. И как Хигион теперь нуждается в силе Источника, так и Источник зависит от энергии вашего мира. Ведь это именно он даёт вам то, что вы называете магией.

— Невозможно... — мир для Вальдреса встал с ног на голову.

— Магия — это возможность созидать, вплетая частичку собственной души в астральную конструкцию мира, — задумчиво продолжал альбинос. — Возможность манипулировать потоками энергии, придавая сырой силе различную форму. Магия — есть инструмент в руке творящего.

— Но как может быть, чтобы какой-то Источник наделял магией целый мир?

— Трудно сказать... Оказавшись в вашем мире, мы очень удивились сходству его астральной конструкции с нашим. В Хигионе, как и в Эршахе готов был зародиться новый разум. Нужен был лишь толчок. Но мы не учли того, что у наших миров разная энергетика. Тогда нам было не до таких нюансов. Мы были под впечатлением гибели собственного порядка и думали лишь о том, как его возродить. Поэтому сделали то, что сделали... После я много раз задавал себе вопрос, как бы выглядел Хигион, не вмешайся мы в ход его развития, но ответа так и не нашёл. Растворившись в энергетической паутине, семя Иррилия породило нечто новое. Новую форму энергии способную к взаимодействию и трансформации, но оказавшуюся губительной для первых богов Хигиона, — Атиш ти-Вару отставил бокал, поднялся и стал прохаживаться, заложив руки за спину. Через некоторое время он остановился и заглянул магу в глаза.

— Знаешь, Вальдрес, по-моему, они так и не поняли, что привело к их исчезновению. Мне кажется, сумей тогда Менка, Суолан и Хелна перестроить свои сущности, и мир бы

сейчас выглядел по-другому. Возможно, тогда в нём не нашлось бы места братьям, но это был бы уже совсем другой мир, — Атиш ти-Вару многозначительно замолчал, давая магу прочувствовать сказанное.

Задумавшись, Вальдрес сделал добрый глоток. Волна свежести промчалась по жилам.

— А Сеттиллис и Харризис? Выходит, они смогли приспособиться?

— Боги-братья родились не под этим небом. Это всё, что я могу тебе сказать, — альбинос вернулся в кресло и Вальдрес почувствовал, как тот напрягся, словно чего-то испугался. Маг решил проверить свою догадку.

— Неужели для хранителя Источника существуют запреты?

— Поверь, Вальдрес, даже к самому смелому можно подобрать ключик, отмыкающий темницу, где таятся его страхи. Тот, кто заточил братьев в этом мире, сумел подобрать ключ и ко мне...

От слов альбиноса повеяло холодом небытия, и желание спрашивать о богах отпало само собой. Вдруг маг вспомнил об одной нестыковке в сказанном ранее и поспешил уточнить:

— А почему Источник Ирр находится посреди Хайвердского леса? Ведь ты же говорил, что онгувы укрылись в озере...

Только тут до него дошёл смысл последнего слова и Вальдрес переспросил:

— Но ведь восточнее Халифата нет никакого озера! Там пустыня.

— Пустыня образовалась вследствие перемещения Источника. Во время вашей знаменитой войны мир оказался на грани гибели. Свершённое некромантами заклинание нанесло Хигиону смертельную рану, через которую стала утекать его энергия. Переместившись, Источник породил лес ставший своего рода заплаткой, не дающей энергии Хигиона растворяться в пространстве Междумирья. Ткань реальности на его территории значительно тоньше, чем где-либо и от того выход в Астрал более проблематичен. Но довольно об Источнике. Пора поведать об отведённой для тебя роли.

— Роли? — слово холодом лизнуло спину. Вальдрес вдруг вспомнил, что перед ним не простой собеседник, а тот за кем стоит сила Источника. Сразу же захотелось оказаться как можно дальше, но слова альбиноса заставили обратиться в слух.

— Как известно у всего существует обратная сторона. Закон Равновесия верен всегда и на любую силу найдётся противосила. В час, когда родился Источник Ирр, на другом конце света появился камень. До поры он просто валялся под ногами, пока на него не наткнулся шаман одного из кланов гадрахов. Но ему не хватило сил, чтобы распознать истинную сущность камня. Поэтому шаман отправил его в кучу других, попирающих подножие священного Кургана, где камень и находился до того момента, пока на острове не появился молодой, но талантливый маг. Он-то и разглядел в сером и невзрачном булыжнике скрытые свойства. Его звали Тох, но позже мальчик взял себе новое имя — Тхерес...

— Тхерес?! — Вальдрес округлил глаза. Он надеялся услышать любое имя, но только не имя самого Тхереса Магоубийцы. — Ты шутишь?!

— Разве я смеюсь, Вальдрес? Да, ты всё верно расслышал. Это именно тот Тхерес, что расколол невзрачный булыжник и извлёк на свет прозрачный как слеза самоцвет. Именно тот Тхерес, что распознал его свойства и, испытывая тягость к оружию, впечатал Сайхиис в рукоять собственноручно выкованного клинка. Это тот Тхерес под знамёна которого впоследствии встал весь юго-запад материка в придачу с гадрахами. И тот Тхерес, чью жизнь, так же, как и твою прервала Игла Мрака...

«Игла Мрака?! — Вальдреса будто мешком стукнули. — Это значит...»

— Мне даже не нужно читать твои мысли, мой мальчик. Вижу по лицу, что ты всё понял. Да, твоя смерть — дело рук богов. Вот только не знаю, входило ли в их планы то, что ты обрёл новое тело. Полагаю, нет.

— Ты лжёшь!!! — Вальдрес вскочил, перевернув столик с напитками. — Боги не могли так со мной поступить! Кто я для них?! — Вальдрес сжал кулаки, но холодный взгляд альбиноса укротил его гнев. Маг вздохнул, успокоился и спросил:

— Скажи, чего ты от меня хочешь?

— Я хочу чтобы ты отправился на запад и отнял Сайхиис у заигравшегося мальчишки. Камень, конечно же, заблокирует все магические проявления вокруг себя, но цветок Хииш поможет тебе превозмочь его силу. Это слишком сильный артефакт, Вальдрес, и за ним уже началась охота.

— А разве боги с их Иглой Мрака не сделают этого за меня? — Вальдрес скептически скрестил руки на груди.

— Тебе пора...

Атиш ти-Вару взмахнул рукой, и маг отлетел на несколько шагов. Из-под его тела выплеснулось разноцветное облачко и образовало сияющую корону. Окутав Вальдреса плотным коконом, она схлопнулась, не оставив после себя следа.

***

Штурм начался на рассвете. Вальдрес шёл впереди, держа руку на эфесе Сайхиис. Тепло камня, вплавленного в рукоять, приятно обволакивало сердце. Кочевники шли чуть поодаль сплошной стеной.

На расстоянии полёта стрелы армия остановилась, и Вальдрес медленно извлёк из ножен легендарный клинок. Его глазницы тут же наполнились жемчужным пламенем, и липкий ужас за клубился у ног. Он заструился по земле змеистыми ручейками, разрастаясь во все стороны. С каждой минутой воздух вокруг Вальдреса густел всё сильнее, окрашиваясь не в розовые краски грядущего рассвета, но в багровые цвета крови готовой пролиться.

У людей, стоящих на стене, похолодело в душах. Где-то взвизгнул ребячий голосок и тут же умолк, пристыженный кем-то из старших. Раздался трубный клич боевого рога и события завертелись бурным водоворотом. Сознание мага фиксировало их отдельными эпизодами.

Вот степные воины на бегу приставляют к стенам длиннющие лестницы и карабкаются наверх...

Вот взлетают верёвки с острыми крючьями на концах и цепляются за выступы на стенах...

Вот один из магов вылез из-за уступа и бросил вниз яркий стусток. Шаровая молния с весёлым треском пролетела над головами штурмующих и взорвалась среди них с оглушительным хлопком. И в тот же миг стрела вонзилась в незащищённое горло нерасторопного чародея...

Следующие события отложились в памяти, когда бой шёл уже на улицах Ивокариса. Воздух города магов наполнился звоном мечей и воплями умирающих. Маги пытались дать отпор, но всюду, где появлялся Вальдрес, их ждала неминуемая смерть. Сайхиис превращал

повелителей стихий в беспомощных младенцев.

Проходя мимо корчмы Скороход, где так любили гулять послушники магической академии, и где когда-то засиживался сам Вальдрес, он вдруг увидел, как покачиваясь и шаря дрожащими руками по сторонам, из дверей вышел слепой старик. Не сразу Вальдрес узнал в нём наставника по магической теории, что был завсегдаем корчмы, и к которому всегда приставляли отстающего в учёбе неофита, дабы тот помогал слепому старцу.

Сейчас старик был один — юного помощника с ним не было, и маг беспомощно опёрся спиной о стену, и остановился, не зная куда податься. Услышав стоны умирающих, он выставил вперёд посох, словно тот мог защитить его от неминуемой смерти. Пробегавший мимо степняк ткнул старца в живот. Он даже не остановился, тут же побежал мимо к группе товарищей окруживших троих рослых стражников, отбивающихся из последних сил, и влился в схватку.

Старик поначалу не шевелился, недоумённо зажимая рукой рану. Повертел головой, потом вдруг раскрыл рот, жадно хватая воздух. Повязка сползла с глаз, и они открылись в последний раз — огромные, незрячие, отчаянные. Старый чародей выронил посох, покачнулся и молча упал, вытянув худую шею. Тут из корчмы выскочил его поводырь — совсем ещё юный белобрысый паренёк в чёрном балахоне. Увидев мёртвого старика, юноша отшатнулся и в ужасе прижал ладони к лицу. Глаза его наполнились слезами. Подошедший сзади степняк снёс ему голову одним ударом меча.

Вальдрес отвернулся.

— Эмоции... — прошептали его губы. — Эмоции губительны для разума. Раз поддавшись им, можно на корню испортить начатое дело. Никаких эмоций, Вальдрес. Только вперёд...

***

Сон... всего лишь сон. Но какой яркий, живой и реальный. Рука до сих пор ощущает тепло Сайхиис, а в груди стучит так, что ноют рёбра. Но надо проснуться. Надо сделать над собой усилие и изгнать остатки жуткого сна. Надо... но до чего же не хочется. Сил нет даже думать, не то чтобы открыть глаза. Но надо, надо...

Пробуждение оказалось не из приятных. Вальдресу показалось, будто всё тело разбили на мелкие осколки, а потом собрали воедино, даже не потрудившись, как следует подогнать части. Он с трудом сел и огляделся.

С севера на юг протянулась широкая дорога, выложенная сероватым гранитом с розовыми прожилками. Её Вальдрес узнал сразу. Не так давно он держал по ней путь в Сумарский Халифат, выполняя задание Архимага Себелиуса. Вторая не менее широкая, но мощёная плитами тёмно-жёлтого песчаника так же была знакома. Именно она привела Вальдреса к Источнику. В прошлый раз он проехал развилку не задерживаясь — не хотелось нарваться на хозяев леса — а теперь вернулся сюда после встречи с теми самыми хозяевами. Воистину судьба не скупа на сюрпризы.

У ног обнаружился свёрток с одеждой и Вальдрес принялся стягивать с себя обноски, доставшиеся от прежнего хозяина этого тела. Новые вещи оказались добротно скроенными и, что самое главное, подогнаны по размеру. Вальдрес надел рубаху из лёгкой, но прочной

материи изумрудного цвета, натянул кожаные штаны и затянул потуже ремень с медными нашлёпками. На ноги в пору пришлись сапоги из мягкой кожи.

Под одеждой обнаружился небольшой мешочек из чёрной ткани. Вальдрес поднёс его к уху и потряс. Внутри что-то гулко стукнуло. Развязал тесёмки и перевернул над ладонью. Из мешочка выпали два продолговатых самоцвета каждый величиной с фалангу пальца. Вальдрес подхватил двумя пальцами один и глянул на просвет. В центре камня, прозрачного как слеза младенца, оказалась лёгкая молочная дымка, говорящая о том, что это чистейший нурфит из-под гор Сележ. Такие камешки добывались во времена процветания империи Схетхе и высоко ценились среди магического сословия.

Убрав бесценный подарок в карман, маг сориентировался в направлении и двинулся на север к постоянному двору, где можно будет примкнуть к попутному каравану. Вот только как это сделать, не привлекая внимания Вальдрес пока не знал. Отдать один из кристаллов? Жирновато. Даже за проход каравана карлики берут значительно меньше. Может дать себя пленить? Прислужники-менкоа за Хребтом ценятся дорого, и любой из караванщиков не преминет его сцапать. А что потом? За Хребтом ведь от попутчиков придётся избавляться. Не убивать же, в конце концов...

Сдавившая горло петля не дала закончить мысль. Тело рвануло назад, в глазах потемнело, и Вальдрес покатился по гранитным булыжникам. Извернувшись, схватился за верёвку и потянул на себя. Стало легче дышать, взгляд прояснился и он увидел того кто его душил.

Воин в добротной кожаной одежде с луком за спиной сидел на коне и, злорадно ухмыляясь, тянул аркан в совою сторону. Из-за его спины показался ещё один. Он спрыгнул с коня и потянул из седельной сумки сеть.

«Так вот почему я вас не услышал», — Вальдрес заметил, что копыта лошадей обвязаны ветошью.

Воин с сетью подошёл на расстояние броска, а держащий верёвку дёрнул за неё так, что Вальдрес клюнул носом землю. Глаза вновь наполнились темнотой и мысли разбежались, словно тараканы от включившегося света. Рука машинально сделала привычный жест, но в голове вдруг раздался чёткий приказ: «Убей!» и вместо огненной плети из ладони вырвался оцетинившийся изумрудным пламенем череп. Со стремительностью молнии он врезался в сидящего на коне и того отбросило куда-то назад.

Воздух наконец-то ворвался в лёгкие, но не успел Вальдрес подняться, как его накрыло сетью. Маг зло зарычал и впился глазами в бросившего. Увидев глазницы, полыхающие зелёным пламенем, воин в ужасе отбросил сеть и что есть мочи рванул к четвёрке приближающихся всадников. Но добежать не успел и вспыхнул, словно сухая солома.

Увидев, что произошло с их товарищем, всадники осадили коней. Двое сразу же вскинули луки и взяли мага на прицел. Остальные спешили и, обнажив оружие стали заходить с разных сторон.

Вальдрес скинул остатки сети, широко расставил ноги и обратил ладони к небу. Воздух вокруг него заискрился. Вдруг захотелось ощутить горячку боя, выплеснуть тьмы силы на головы противников, почувствовать вкус тёплой крови...

Крови?

Маг осёкся. Его ли это мысли?

Но разобраться не дали. Охотники выстрелили и тут же заново натянули луки. Залп и ещё две стрелы отлетают от воздвигнутого на их пути щита.

Вальдрес рассмеялся, и из его ладони выстрелила струя зелёного пламени. Свернувшись кольцом, она охватила тело подкравшегося ближе всех воина и от его крика кони испуганно заржали. Маг дёрнул рукой, и огненный аркан перерезал человека пополам. Крик захлебнулся и в тот же миг другой воин напал со спины.

Вальдрес этого ждал. Он резко обернулся и с силой выдохнул ему навстречу. Поток воздуха вспыхнул зелёными капельками и окутал охотника с ног до головы. Миг и на землю падает дымящийся костяк.

— Теперь ваша очередь! — маг развернулся к застывшим в ужасе всадникам и вскинул руки.

— Ради Сеттиллеса всемогущего остановитесь!!! — раздался рядом испуганный крик и с глаз, словно кровавая пелена спала. Вальдрес вдруг увидел дело своих рук и оторопел. Четыре трупа и два бледных всадника пытаются совладать с испуганными лошадьми.

— Ради Сеттиллеса, господин маг, прошу вас!!!

Вальдрес обернулся на голос. Оказывается, он не заметил каравана, окружённого вооружёнными всадниками. Впереди на сером коне немолодой, грузный мужчина в дорогой одежде и с седой шевелюрой вокруг лысой макушки. Он-то и окликнул Вальдреса.

«Судя по всему, я только что уничтожил разведчиков этого каравана, — подумал про себя маг. — Но что же на меня нашло? Неужели цветок даёт о себе знать? Нужно как можно скорее разобраться с этим подарочком, иначе...»

— Господин маг?

От раздумий оторвал голос караванщика, и Вальдрес понял, что так и стоит со сгустком огня в руке. Стряхнув остатки пламени, он взглянул на седого мужчину и тот отшатнулся, заметив, как в глазах мага угасает зелёный огонь.

— Ваши люди на меня напали, — холодно произнёс Вальдрес. — Мне пришлось применить силу.

— Да-да, я понимаю, — караванщик сглотнул подступивший к горлу ком, ещё раз оглядев последствия применения этой самой силы. — Нижайше прошу простить этих остолопов. Вероятно, они приняли вас за одного из коротышек менкоа. Вы же знаете, как дорого их можно продать за Хребтом? Ох, что же я такое говорю! — караванщик с ужасом прикрыл рот ладонью. — Простите мне мой язык, господин маг.

«Бездна, — мысленно ругнулся Вальдрес. — Совсем забыл, что я в теле менкоа».

— Вот что, почтенный...

— Залиф, господин маг. Просто Залиф.

— Залиф? — Вальдрес удивился. — Вроде я уже встречал это имя. Хотя... нет, кажется того звали Валиф.

— Господин знаком с моим братом? — брови караванщика поползли вверх.

— Если твой брат Валиф, что держит таверну на Южном тракте, то да, знаком.

— Это большая честь для меня, — толстяк прижал руку к груди и поклонился. — Простите господин маг, могу я вас кое о чём спросить?

— Я тебя внимательно слушаю, почтенный.

— Позволено ли мне узнать, куда вы направляетесь? — толстый Залиф заискивающе заглянул магу в глаза.

— А с какой целью ты интересуешься? — насторожился маг.

— Нет-нет, — караванщик выставил перед собой ладони, — исключительно из любопытства. Просто мы направляемся в Келир, и я хотел спросить... быть может... — он

замаялся.

— Да? — поторопил Вальдрес.

— Быть может, господин маг составит нам компанию? — на одном дыхании произнёс Залиф. Воины неодобрительно загудели.

— Что же ты такое везёшь, почтенный, раз на три повозки нанял две дюжины охранников?

Глаза толстяка воровато забегали, а Вальдрес подумал:

«Вот он истинный торгаш. Ему плевать на не остывшие трупы охранников. Ради выгоды готов нанять даже того кто их убил. Но мне это даже на руку. Пройти под Небесным Хребтом без каравана может лишь маг, но я сейчас без перстня, а каждый раз доказывать своё происхождение никаких сил не хватит».

— Успокойся, почтенный, мне нет дела до твоего груза. Я присоединюсь к вам, так как направляюсь туда же.

— Это просто чудесно, — караванщик шумно выдохнул. На лице расплылась улыбка и, обернувшись к охране, он рявкнул:

— Лучшего коня господину магу! Он едет с нами.

Один из охранников спешил и подвёл своего коня Вальдресу. На мгновение их взгляды встретились, и маг прочёл в немолодых глазах страх и ненависть.

— Отправляемся! — скомандовал толстый Залиф и стукнул пяткой плети по крупу коня. Следом двинулся весь караван.

— Значит, клан Звенящего Молота вернул своего предводителя? — спокойным тоном спросил магистр Эжжилер, теребя костяные чётки. Каждая костяшка в этом простом с виду ожерелье была выполнена из фаланг указательных перстов врагов магистра и, судя по длине чёток, судьба ими старика не обделила.

Магистр уместил костлявый зад на жёстком стуле с высокой спинкой, который сотворил прямо из материи Астрала и, запахнувшись в балахон цвета ночного неба, сверлил взглядом стоящего подле светловолосого юношу.

Когда Хомир передавал Хетттража в руки Джадтинса Холёного, он и помыслить не мог что что-то пойдёт не так. Кто же мог знать, что этот дурак где-нибудь задержится.

— Посмотри на меня, Хомир, — парень вздрогнул и медленно поднял взгляд, встретившись с холодом глаз магистра. По спине покатались ледяные капли. Словно смакуя исходящий от него страх, Эжжилер выдержал паузу и почти ласково произнёс:

— Я дам тебе шанс загладить вину, мой мальчик. И постарайся на этот раз меня не подвести.

Хомиру показалось, будто спину прижгли калёным железом, настолько холоден оказался струящийся по ней пот. Светловолосый некромант поспешил ответить:

— Всё что угодно. Приказывайте!

Эжжилер скривился как от зубной боли. Излишнее рвение в подчинённых он любил даже меньше чем подхалимаж. Но сейчас не до сантиментов. Поднявшись, магистр вплотную подошёл к светловолосому магу и в тишине Астрала его слова прозвучали, словно удары хлыста:

— Отправляйся к Смангору. Найдёшь там командора Лесс-Скира. Передашь ему это письмо.

Магистр извлёк из широкого рукава свёрнутый в трубочку пергамент, перетянутый алой лентой, и протянул Хомиру. Ещё не веря, что отделался лёгким испугом, молодой маг принял и склонил голову в ожидании дальнейших инструкций.

Эжжилер задумчиво посмотрел на мага источающего готовность к действиям, пожевал губами, а затем произнёс:

— В письме я прошу командора о встрече. Запомни, Хомир, мне нужна эта встреча, — сделав акцент на слове «мне» глава ордена Чёрного Копья посмотрел в глаза светловолосому магу. — Уж будь любезен пойми это и умерь свою гордость. Всё понял?

— Не сомневайтесь, магистр, я не подведу, — Хомир приложил руку с письмом к груди и низко поклонился.

— В таком случае более не задерживаю. Когда закончишь, отправляйся на запад и прерви нить жизни Хетттража. Хотя он и нужен был живым, что ж придётся изменить планы...

— Ничего не понимаю, — Клатис в который раз почесал нос.

Откровенно говоря, Лесс-Скира уже начала раздражать эта странная особенность его вынужденного попутчика. Боевой маг сидел на берегу и наблюдал, как молодой исследователь, раз за разом обходит вокруг странного места на песке.

Минуло трое суток с тех пор как напарники по экспедиции вышли к месту, где Вальдрес сращивал силовые нити нового тела. Здесь образовался круг потемневшего песка диаметром в несколько шагов, от которого на расстояние полёта стрелы «разило» магией (вернее её отсутствием), поэтому не заметить его оказалось весьма трудно.

— Не понимаю, — снова повторил Клатис и Лесс-Скир решил всё же поинтересоваться, чем недоволен маг-исследователь.

— Нашёл что-то интересное?

— Если бы! — Клатис в сердцах махнул рукой. — Такое впечатление, будто здесь никогда не было силовой линии.

— Неужели никаких следов?

— Следов как раз хоть отбавляй, — Клатис кивнул в сторону пяточка, где Вальдрес проводил свой обряд. — А вот магических ни единого.

— А почему ты ищешь следы жилы на поверхности? — как бы невзначай спросил Лесс-Скир.

— Вы хотите сказать...

Не договорив, Клатис подхватил небольшую ветку и, бормоча что-то под нос, принялся выводить значки на песке. Через некоторое время сияющий как попрошайка, заполучивший золотой он радостно воскликнул.

— Командор, вы гений!

Отшвырнул ветку и поспешил к загадочному месту. Скинул куртку, ботинки и плюхнулся прямо в центр круга. Из кошелька на поясе извлёк щепоть буроватого порошка и, сделав на песке небольшое углубление, всыпал внутрь. Затем тщательно разгладил поверхность, положил руки на колени и застыл словно истукан.

Через минуту командор заметил струйку дыма, потянувшуюся из того места куда Клатис сыпанул порошка. Постепенно дымок густел и вскоре окружил исследователя плотным облаком. А потом прозвучало негромкое «вуум» и дым рассеялся, обнажив лежащего на песке Клатиса.

Лесс-Скир подскочил к напарнику и надавил на шейную артерию. Исследователь был жив, но размеренный пульс недвусмысленно возвестил о глубоком обмороке. Досадно сплюнув, командор решил не ждать пока Клатис придёт в себя, и пошёл по берегу собирать ветки для будущего костра.

Спустя некоторое время он вернулся, сгрузил ветки на песок и встал над молодым магом. Ничего не изменилось. Тогда командор сложил ветки домиком и попытался зажечь. Не вышло. Повторил попытку. Результат тот же, но теперь в глазах замелькали цветные мушки, и заняла вывихнутая рука.

— Странно, — нахмурился Лесс-Скир, — такое впечатление, будто энергия рассеивается. Что ж придётся по старинке...

Он достал огниво и, кляня бесполезного «помощничка», принялся высекать искру. Через некоторое время огонь заплясал на сухих ветках и Лесс-Скир принялся медитировать. Из этого состояния его вывел стон молодого исследователя.

— Ох, моя голова... Как будто вина перебрал, — Клатис с трудом уселся и стиснул

виски ладонями.

— Что удалось узнать? — сухо спросил командор, подкидывая веток в костёр.

— Вы знаете, Лесс-Скир, я не могу объяснить того что ощутил. Нет, не ощутил, а увидел... Да, именно увидел.

— Рассказывай.

Командор обратился в слух, но молодого исследователя прервал мягкий голос, прозвучавший за их спинами:

— Будет ли дозволено одинокому путнику вкусить тепло вашего очага?

Тренированное тело отреагировало мгновенно, вбросив неуловимым движением эфес в мозолистую ладонь, и Лесс-Скир оказался на ногах даже раньше, чем Клатис успел обернуться на звук.

— Выйди на свет кто бы ты ни был!!!

Опуская капюшон, в освещённый круг шагнул светловолосый парень.

— Как видите, я безоружен, — он демонстративно вытянул руки и приветливо улыбнулся.

— Стой, где стоишь, проклятый прислужник Харризиса! — прошипел Лесс-Скир, словно его горло обожгла кислота.

— Я пришёл с миром...

Только теперь Клатис заметил сверкнувшую в складках чёрного балахона золотую змеиную голову, и застыл с открытым ртом. Никогда ещё ему не приходилось сталкиваться с живым некромантом.

— Хомир... — холодно процедил боевой маг.

— Лесс-Скир... — кивнул в ответ некромант.

— Ни на мгновение не поверю что ты здесь случайно. Что тебе нужно? — Лесс-Скир так и не сменил напряжённой позы, продолжая метить остриём в грудь ночного гостя.

— Ты как всегда проницателен, учитель, — Хомир погрозил командору пальцем.

— Не называй меня так! — гневно прошипел Лесс-Скир. — Я выжег из памяти тот день, когда взял тебя в ученики!!!

Клатис не поверил своим ушам. Вот это да! Оказывается, командор Лесс-Скир обучал некроманта. И как после этого относиться к напарнику? Стоит ли ему доверять?

Всё так же снисходительно улыбаясь, Хомир извлёк из складки широкого рукава свиток и протянул Лесс-Скиру.

— Что это? — боевой маг не пошевелился.

— Эжжилер настаивает на скорейшей встрече, — некромант бросил послание к ногам командора и отвесил шутливый поклон. — Господа маги... — он развернулся на каблуках и исчез в темноте.

Повисла напряжённая пауза, простреливаемая лишь треском сгорающих дров. Видя, что Лесс-Скир не собирается поднимать свиток, Клатис сделал это сам.

«Глава ордена Чёрного Копья командору Лесс-Скиру. Сим письмом нижайше прошу почтенного командора встретиться со мной в самое ближайшее время в Астрале. По готовности письмо следует предать огню».

— Что это значит, командор? Мне следует волноваться? — Клатис свернул письмо в трубочку и протянул Лесс-Скиру.

— Понимаю, у тебя возникли вопросы, — боевой маг взял себя в руки и с шумом вогнал рапиру в ножны. — А готов ли ты принять ответы?

С минуту молодой маг колебался, но вдруг понял, окажись Лесс-Скир предателем он давно бы прирезал напарника. Значит здесь что-то другое. Исследователь глубоко вздохнул и, глядя командору в глаза, твёрдо произнёс:

— Я хочу знать, что вас связывает с главой ордена Чёрного Копья.

— Что ж, садись, рассказ будет длинным, — и, подавая пример, боевой маг сам уселся у костра.

Клатис последовал примеру, но сел так, чтобы напарников разделило пламя. С минуту командор молчал, но потом задал неожиданный вопрос:

— Как считаешь, нынешний орден некромантов так же могуществен, как и в эпоху империи Схетхе?

Ожидая раскрытия страшных тайн, Клатис не сразу нашёлся что ответить.

— Знаете, командор раньше я не думал сравнивать нынешних некромантов с теми, что погубили древнюю империю. Но если попытаться... Судите сами, все сильные маги были либо убиты, либо принесли себя в жертву. Послушники... их и вовсе пустили в расход в первую очередь. Нет, как политически сильная единица сегодня орден Чёрного Копья не представляет никакой угрозы. По-моему, больше стоит беспокоиться о той силе, которую сдерживает пограничная крепость Заат-Гир.

Клатис так увлёкся рассуждениями, что не заметил улыбку на обветренном лице Лесс-Скира.

— Вижу, вы не согласны?

Командор иронично усмехнулся.

— Рассуждаешь ты как раз верно... для человека, который ни разу не выезжал за стены Ивокариса.

— Тогда просветите меня, — буркнул Клатис.

— После падения империи Схетхе на Ледяном острове в живых оставалось порядка сотни сильных некромантов. Они-то и решили возродить могущество ордена, насильно забирая у местного населения детей с малейшим проявлением магического таланта. Отмеченное богами место пустует редко и на осколках родился новый орден, ныне известный как орден Чёрного Копья... Долгие годы его воспитанники пытались напомнить миру о своём существовании, строя козни и нанося торговой империи булавочные уколы. Так продолжалось до тех пор, пока пятнадцать лет назад власть над орденом не захватил мой брат Эжжилер, — Лесс-Скир замолчал и стал наблюдать за реакцией напарника.

Смысл сказанного кольнул сознание, и глаза Клатиса широко распахнулись. Он вскочил и, задыхаясь от негодования вскричал:

— Проклятый некромант!!!

Его кисти заискрились, но уже через мгновение ноги подвели и Клатис без сил рухнул на колени. Из-за волны гнева он совершенно забыл об истощении организма, за что и поплатился.

Лесс-Скир молча поднялся, обошёл костёр, ухватился за ворот рубахи и резким движением вздёрнул Клатиса на ноги. Тот пошатнулся, но устоял, хотя для этого пришлось вцепиться в руку командора.

— Почему Себелиус не сумел распознать в тебе некроманта? — простонал парень.

— А разве я говорил, что состою в ордене Чёрного Копья? Вспомни-ка мои слова?... Я лишь сказал, что власть в ордене сосредоточена в руках моего старшего брата...

В глазах молодого мага, наконец, появилось понимание.

— Но как же это? Вы здесь... а он... там на острове?

— Для того чтобы слушать дальше тебе потребуются силы, которые ты так бездумно потратил, — укоризненно произнёс Лесс-Скир.

Он усадил Клатиса на песок. Затем подошёл к своей сумке, покопался во внутренностях и извлёк на свет плоский флакончик, заткнутый деревянной пробкой.

— Возьми. Отпей ровно половину и верни. Пойло, конечно, премерзкое, но придаст сил.

Задержав дыхание, Клатис осторожно пригубил и тут же принялся отплёвываться.

— Не переводи продукт парень, — нахмурился Лесс-Скир. — Такой флакончик, между прочим, стоит как пара добрых лошадей.

Клатис перестал плевать, сделал над собой усилие и кое-как проглотил. Тут же волна жара побежала от гортани к ногам, наполняя обессиленное тело порцией бодрой свежести. Исследователь закупорил крышку и вернул флакон командору.

— Из чего сделан этот напиток?

— Тебе лучше не знать, — Лесс-Скир бережно вернул флакон в сумку. — В который раз уже выручает. Продолжим?

— Да-да, командор. Расскажите, как так вышло, что ваш брат некромант, а вы нет.

— Мы с братом родились на западе острова Делеф-Гир в рыбацком городке под названием Барахо. Наша семья не отличалась богатством — отец занимался рыбной ловлей, мать возилась с пряжей. Когда старший брат достиг нужного возраста, отец стал брать его в помощь. В один из таких дней на город напали гадрахи. Не буду вдаваться в подробности, скажу лишь, что после Барахо перестал существовать. Выжить удалось не многим. Меня и Эджи приютил один из дозорных, высланных из столицы на разведку. Повидавший жизнь вояка как раз собирался осесть в городе, где его ждала любимая женщина. Детей им боги не даровали и он, не задумываясь, привёл нас к себе в дом. Здесь-то наши дорожки и разбежались. Эжжилер подался в город, где стал прислуживать какому-то некроманту, который впоследствии привёл его в орден, а я освоил воинское ремесло и уже к пятнадцати годам выехал в свой первый дозор. Когда наставника не стало я, не задумываясь, примкнул к отряду бывших дозорных решивших снискать славу на большом материке. Тогда, как по заказу началась война с горцами Небесного Хребта и в Келире давали хорошую цену за добрый меч. В двадцать я возглавил наш отряд. Ко мне как к успешному лидеру примыкали ищущие славы и звонкой монеты. Мне неукоснительно подчинялись даже воины, прожившие с мечом в руках втрое больше моего. И я вёл их от победы к победе, прорубая окно в славу верным мечом и изредка помогая себе магией, коей так и не научился владеть в полной мере. Когда в Заозерье взбунтовались баронства, мы само собой обратили взор туда. Но война там оказалась серьёзней — с применением магии. В первой же битве мой отряд лишился доброй половины знатных воинов, а я сам уцелел лишь волей случая, прикрыв себя и десяток близких, неосознанном силовым щитом. Тогда-то на меня и обратил внимание маг Себелиус, отвечающий за поддержку левого фланга армии торговой империи. Он даже вызвал меня к себе в шатёр познакомиться, но встреча не состоялась из-за начавшейся атаки южан, в которой я был смертельно ранен. Не спас даже выставленный щит. Да и что я мог противопоставить обученному магу? В результате мой отряд перестал существовать, а я выжил лишь благодаря усилиям Себелиуса и его друзей. Чтобы вытащить меня с того света они потратили прорву сил, несмотря на то, что на следующий день ожидалось наступление и упор делался на магов. Битву мы всё же выиграли, а я когда оклемался, принёс присягу

будущему главе Магического Совета...

— Такая вот история, парень, — Лесс-Скир замолчал и стал ворошить угли. В ночное небо взмыли сотни потревоженных искорок.

— Ну а дальше, командор. Вы ведь так и не рассказали о том, где обучались магии. И о том, кто такой Хомир, что принёс вам письмо.

— Себелиус пристроил меня в академию, — продолжил командор. — Помнится, тогда я перенёс множество насмешек из-за того, что был старше всех по возрасту. Но зато свой жезл подмастерья я получил не через десять, а через шесть лет. Тогда-то у меня и родилась идея создания отряда боевых магов, но реализовать её удалось лишь, когда Себелиус стал главой совета. Он дал добро и выделил денег.

— А Хомир? Вы действительно его учитель?

— Хомир... — Лесс-Скир скрипнул зубами, до хруста сжав пальцы в кулак. — Этого щенка я нашёл на пепелище небольшой деревушки близ Пограничного Кряжа. Его судьба показалась мне схожей с моей, и я взял его в свой отряд. Себелиус разглядел в парне искру таланта и предложил мне самому раскрыть его потенциал. Конечно, это был бесценный опыт, но если бы я только знал, что гадёныш впоследствии меня предаст, я бы ещё тогда собственноручно его удушил, — маг злобно сплюнул в огонь.

— Чем же он вам так насолил?

— Я долго его обучал, мне казалось, мы сблизились, но сколько не прикармливай верла он так или иначе укусит. В один прекрасный день Хомир перерезал горло моей жене и исчез, прихватив все наши сбережения, — командор на ладонь выдвинул рапиру из ножен и с шумом вогнал обратно. Пальцы на эфесе побелели.

— Но если этот Хомир причинил вам столько зла, почему вы тогда его не убили? Ведь была же возможность.

— Посланников не убивают, — наставительно произнёс командор. — Хотя не скрою, убить хотелось до дрожи в коленях. Но даже решишь я на это, энергии хватило бы только на громкий пшик.

Взгляд командора устремился к горизонту, где медленно разгоралось золотое зарево. Острые лучи пронзили глубокую синь небесного озера, отразились в глади Полноводной и окрасили воды в цвет речного песка. Золотые сполохи дрожали, словно неверное пламя свечи на ветру, отбрасывая длинные тени на верхушки Хайвердского леса, застывшего в суровом безмолвии на другом берегу.

Боевой маг сунул руку за пазуху и извлёк на свет послание Эжжилера.

— Ну что ж, приступим, — свиток полетел в огонь.

Почти угасшее пламя, словно фонтан выстрелило багровыми струями. Сворачиваясь вокруг незримой оси, они стали удлиняться, поднимаясь всё выше и выше. Выше, ещё выше и вот, наконец, пламя оторвалось от углей и трепещущей птицей повисло в воздухе. А внутри этого невероятного цветка вращалось письмо — целое и невредимое. Через несколько ударов сердца пламя испарилось словно дым, разогнанный небрежным жестом адепта воздушной стихии, а письмо обуглилось и осыпалось пеплом на тлеющее костровище.

— Лесс-Скир, что вы задумали? — Клатис аж привстал от удивления.

— Сдаётся мне, парень, тебе тоже интересно, чего хочет Эжжилер, — командор посмотрел на удивлённого напарника и утвердительно кивнул. — Так вот, мне это интересно не меньше твоего. Поэтому я сжёл послание-вызов.

— К-какое ещё послание-вызов? — проямлил сбитый с толку исследователь.

— Письмо... Значит так, — Лесс-Скир решительно поднялся, — сейчас выставлю защиту и отправляемся. Думаю Эжжилер нас уже ожидает...

Астрал встретил магов сухим безветрием и полнейшим отсутствием красок. Видимость была понижена до предела — вытяни руку, и кончики пальцев теряются во мгле.

— Ничего не понимаю, — задумчиво произнёс Лесс-Скир. — Раньше такого не было...

— А вы много раз здесь бывали, командор? — поинтересовался Клатис.

— Доводилось, — не стал вдаваться в подробности боевой маг. — Но каждый раз здесь было невообразимо красочно и... как-то уютно, что ли. А сейчас складывается впечатление, будто мешок с зерном на плечах держишь... Да, точнее и не скажешь.

— А всё оттого, что происходит перераспределение магических потоков, — раздался за их спинами каркающий голос.

Клатис подскочил как ужаленный, а Лесс-Скир как ни в чём ни бывало, повернулся будто только того и ожидал.

— Ну, здравствуй, брат. Давненько не виделись, — в голосе командора не отразилось ровным счётом никаких эмоций.

— Истинно так, братец, — подтвердил Эжжилер, — немало зим минуло. А ты, как я погляжу, почти не изменился.

— Да и тебя, смотрю, время не пощадило, — парировал командор.

— Увы, — магистр развёл руками. — Дела, заботы, суета. Ты же понимаешь... Кстати, не представишь мне своего юного друга?

— Нет, — отрезал Лесс-Скир, — не представлю. — Говори, зачем я тебе понадобился и разбежимся. У меня ещё куча неотложных дел.

— Позвольте представиться, магистр Эжжилер, меня зовут Клатис, — поклонился молодой маг, выходя вперёд.

Командор скрипнул зубами, но перечить не стал. Он потом расскажет этому сопляку, как подобает себя вести, когда разговаривают старшие.

— Клатис... Клатис... — задумчиво пожевал губами некромант. — Ты часом не с кафедры магических исследований?

— Вы правы, магистр, — удивился Клатис. — Но откуда?..

— Скажи, а не сын ли ты мастера Ислета? — перебил его Эжжилер.

— Да он был моим отцом, — Клатис поразился такой осведомлённости человека, которого он до сего момента ни разу не видел. — Но, магистр, откуда вы его знаете?!

— Поверь, мой мальчик, неважно, откуда я знаю твоего отца. Важно, что я про него знаю, — Эжжилер сделал ударение на слове «что». — Но мне ты не поверишь, поэтому будет правильней, если спросишь об этом у главы вашего Магического Совета. Себелиус, конечно, будет отпираться но, в конце концов, он обязан рассказать сыну о том, как погиб его отец.

Клатис едва не вскрикнул, но вовремя стиснул челюсть. Как-никак перед ним был некромант, враг перед которым не престало оголять эмоции.

— Перестань рассказывать сказки, брат, — вмешался Лесс-Скир, вставая между Эжжилером и впавшим в ступор молодым магом. — Скажи лучше, зачем тебе понадобилась эта встреча?

— Это далеко не сказки, братец, — костлявый палец некроманта упёрся командору в грудь. — И ты прекрасно об этом знаешь... Ну да ладно, не мне судить вас с вашим Себелиусом... А позвал я тебя вот зачем, — магистр ордена Чёрного Копья повёл рукой с

зажатым в ней чёрным посохом, и фигура Клатиса пошла рябью. Молодой маг раскрыл рот, но сказать ничего не успел и растворился в воздухе.

— Разговор не для его ушей, — пояснил Эжжилер и тут же поспешил ответить на невысказанный вопрос, — и да, с ним всё будет в порядке. Просто поспит немного, — в ответ Лесс-Скир лишь безразлично пожал плечами.

— Так что за дело заставило тебя вспомнить обо мне, брат?

— Сайхиис вернулся в мир, — отрешённо молвил Эжжилер глядя куда-то поверх головы командора.

— А мне какое дело? — пожал плечами Лесс-Скир. — Подумаешь, нашёлся очередной артефакт древности.

— Неужели твой «любимый» Себелиус ничего не сказал о значимости артефакта Тхереса? — некромант вопросительно выгнул бровь.

— Перестань, брат. Есть что сказать — говори. Нет — прощай.

— Сайхиис, Лесс, он причина нашей встречи, — Эжжилер переложил посох в другую руку. — Тхерес, когда его создавал, не смог до конца осмыслить какую скверну подарил миру. Он ведь не был ни красноречивым оратором, ни талантливым полководцем. Он был никем, а стал всем. Даже боги, осознав, какая сила родилась у них под носом, испугались и вложили в руки убийцы легендарную Иглу Мрака...

— Я не хуже твоего знаю легенду о Тхересе Магоубийце, — перебил Лесс-Скир. — Полагаю, на этот раз боги недолго станут думать, перед тем, как использовать своё оружие.

— Не всё так просто, брат. Иглой Мрака они могут пользоваться лишь раз в три столетия.

— Отчего же? — скептически поинтересовался Лесс-Скир.

— Сейчас не время и не место читать тебе лекцию по особенностям высших сил. Просто поверь мне на слово.

— Допустим, — кивнул командор, — но я всё равно не возьму в толк, куда ты клонишь?

— А ты подумай, — растянул губы в улыбке некромант, — сопоставь факты.

После непродолжительной паузы Лесс-Скир задумчиво произнёс:

— Из сказанного тобой напрашивается вывод, будто боги уже пользовались Иглой Мрака. Но этого не может быть. Маги бы почувствовали...

— Да ничего бы не почувствовали твои маги!!! — взорвался Эжжилер. — Брат, неужели ты до сих пор не понял, что та кучка напыщенных себялюбцев, которым ты служишь, уже давно не может ничего, кроме как управлять погодой?!

— Заблуждаешься, братец, — зло буркнул Лесс-Скир. — Эти, как ты их назвал «себялюбцы» способны на многое. Именно благодаря Себелиусу я до сих пор жив.

— Согласен, погорячился, — пошёл на попятную Эжжилер, — не все из них слабы. Но рассуди здраво, сможет ли торговая империя дать достойный отпор потомку Тхереса с могущественным артефактом? Не отвечай, — маг вскинул руку, останавливая раскрывшего рот командора, — я не закончил. О какой войне может идти речь, если всё, на что способны сегодняшние магистры, это интриговать друг против друга и без меры набивать карманы! Молчишь?! Нечего сказать?!

— Жду, когда ты закончишь, — сквозь зубы процедил командор. — Можешь сколь угодно брызгать слюной, понося Совет Магистров, но каким бы он ни был, не сомневайся, Игла Мрака точно бы не ускользнула от его внимания.

— Вздор!!! — вновь вскинулся глава ордена Чёрного Копья, но быстро взял себя в

руки. — Поверь, орудие возмездия увидело свет совсем недавно и произошло это как раз неподалёку от этого места. У главных ворот павшего города, если быть точным.

— Ты говоришь так, будто твоя рука направляла Иглу, — на устах Лесс-Скира появилась усмешка, но одного взгляда на серьёзное лицо магистра оказалось достаточно, чтобы она тут же померкла. — Я что, угадал?

— Не совсем, — Эжжилер отвёл глаза, — я был лишь посредником, передавшим Иглу Мрака кому следовало. Большого сказать не могу... Извини, не моя тайна.

— Ах да, я ведь совсем забыл, кому ты служишь, — покачал головой командор. — Ну, не мне тебя судить...

— Брат, подумай, сколько сильных мира сего захотят обладать столь могучим артефактом, когда узнают, что боги не вмешиваются, — глаза Эжжилера алчно сверкнули. — Этот меч может подарить как безграничную власть, так и отправить мир в Бездну!

— И чего же ты хочешь от меня? — Лесс-Скир пристально посмотрел на некроманта.

— Я хочу, чтобы ты, наконец, занял достойное место, — Эжжилер перестал изображать уставшего старика, тяжело опирающегося на спасительный посох, выпрямился и посмотрел на брата с высоты своего роста.

— Предлагаешь всё бросить и выступить против своих? Но как же Себелиус? Я ведь так и не выплатил ему долг чести. А мои птенцы? Я столько сил потратил, чтобы создать гильдию боевых магов...

— Брат, ты словно ребёнок научившийся ходить самостоятельно, но до сих пор цепляющийся за мамкину юбку. О каком долге может идти речь, если на протяжении стольких лет ты только и делаешь, что выполняешь все прихоти Себелиуса. Или я не прав? Что по мне, так твоя совесть давно чиста. А вот что тебя действительно удерживает, так это привычка. Согласись?

— Нет, — огрызнулся Лесс-Скир, но лишь потому, что брат попал в самую точку. Он и сам не раз задумывался, что его удерживает возле главы Магического Совета. И всякий раз мысль о привычке жестоко подавлялась. Но сейчас, когда её озвучил другой человек, в сердце боевого мага, наконец, зародилось семя сомнения.

— Пойми, брат, — смягчил тон некромант, — я лишь хочу, чтобы ты уяснил — времени для выбора не осталось. Решать придётся здесь и сейчас... И кстати, — он закрыл глаза и дотронулся двумя пальцами до виска, — было весьма опрометчиво ставить защиту без отводящего глаза плетения. Вас обнаружили...

***

Над Полноводной занималось утро. Иссила едва выглядывала из-за восточного края Хайвердского леса и её лучи, преломляясь в кронах, терялись в белёсой дымке, что струилась над тёмными водами. Возвещая безмолвной округе о наступлении нового дня, птицы устроили мелодичный пересвист.

А на противоположном берегу на влажном от предрассветного тумана песке собралось порядка полтора дюжины воинов менкоа во главе с шаманом и его учеником. Они окружили двух магов лежащих у догоревшего костра под защитой полупрозрачного купола.

Воины как один были вооружены каменными топориками, а на кожаных безрукавках было не сыскать места от нашитых костяных пластин. На шамане вместо обычного балахона из цветных лоскутков — кожаные штаны со шнуровкой по бокам и крепкие сапоги с костяной подошвой. Поверх добротной кожаной куртки сверкала на солнце кольчуга без рукавов.

Ученик шамана восхищённо наблюдал за действиями учителя, который сидел с закрытыми глазами и крутил между ладонями резной жезл. Со стороны могло показаться, будто он добывает огонь трением, но на самом деле шаман творил могучую волшбу, погрузившись в глубокий транс.

Вдруг жезл засветился, и ученик полоснул себя острой речной ракушкой по запястью. Кровь заструилась прямоком на жезл. Вопреки законам мироздания вместо того чтобы стечь по костяной рукояти на землю, она стала образовывать концентрические круги вокруг оголовья жезла. Шаман запрокинул голову и издал какой-то булькающий звук. В ответ кровавые круги почернели и опали пеплом, а из резного жезла к бесчувственным магам потянулись бледно-серые нити.

Достигнув защиты, они на миг остановились, словно пробуя её на вкус, а затем с жадностью впились в воздвигнутый Лесс-Скиром купол. Со стороны это было похоже на червей, проникающих сквозь упругую кожуру в сочную мякоть. «Кожура» прогнулась, заискрилась, и в этот момент командор возвратился в тело.

Вскочив на ноги, он потрянул головой, прогоняя мельтешащую перед глазами пелену, и моментально оценил обстановку. Устанавливая защиту, Лесс-Скир не рассчитывал на встречу со столь сильным противником, да и лишних сил перед встречей тратить не хотелось, вот и расплата — кокон долго не продержится.

Боевой маг склонился над спящим Клатисом и приложил ладонь к его лбу. Короткий пробуждающий импульс, как и ожидалось, потребовал энергии больше чем обычно.

— Если тратить силы на каждого нерадивого мага, тогда коротышкам и стараться не придётся, — проворчал Лесс-Скир, отвешивая исследователю звонкую пощёчину. — Эй, парень, просыпайся!

Молодой маг распахнул глаза и ошарашенно уставился на командора. Тот приложил палец к губам, призывая к молчанию.

— Тише, напарник, не паникуй... Видишь? — Лесс-Скир указал на менкоа. — Скоро они прорвутся сквозь защиту и мало нам не покажется. Так что вставай и приготовься действовать.

Клатис кое-как поднялся и с опаской огляделся. Заметил бледные нити штурмующие защиту и неуверенно переспросил:

— Вы сказали действовать? Разве эти коротышки опасны?

— Эти коротышки из клана Костяные Сердца! — зло отчеканил Лесс-Скир.

— Командор я, конечно, доверяю вашему опыту, но не могли бы вы подробнее рассказать об этих костяных сердцах?

Лесс-Скир обернулся, ища на лице молодого мага хоть тень иронии, но кроме чистого неподдельного любопытства ничего не обнаружил.

— Сейчас не время восполнять пробелы в твоём образовании! — отрезал он.

— И всё же? — Клатис скрестил руки на груди.

— Тьфу ты! — сплюнул боевой маг. — Нас сейчас убивать станут, а ему информацию подавай!!! Запомни, парень, Костяные Сердца сильнейший из всех существующих кланов

менкоа. Они способны противостоять даже магам. Понимаешь?!

Отповедь командора подействовала и Клатиса, наконец, проняло. Он весь подобрался и твёрдо спросил:

— Что будем делать?

— Когда рухнет купол, ударим вместе. За один раз, конечно, всех не уложим, так что придётся попотеть...

Слова командора прервал звук лопнувшей струны, возвестивший об исчезновении защиты. Клатис ещё стоял с раскрытым ртом, а Лесс-Скир уже начал действовать. Выхватив кинжал, он молниеносным движением швырнул его в шамана, но тот разлетелся чёрным пеплом, так и не достигнув цели. Больших надежд на брошенный нож маг не возлагал, но попытаться стоило.

Вслед за кинжалом полетело заклятие Огненного Молота. Загоревшийся над ближайшими воинами воздух образовал плотный столб огня молотом обрушившийся им на головы. Стоящие в эпицентре коротышки вспыхнули словно трава, лишённая соков, а боевой маг уже творил новое заклинание. Кругнувшись волчком, он выбросил руки в сторону нападавших сзади и мириады искорок, словно рой диких медоносов устремились к врагу. Воины прыснули в разные стороны, но один замешкался. Тончайшие иглы уплотнившегося воздуха пронзили нерасторопного коротышку насквозь. Мёртвое тело пробежало по инерции ещё несколько шагов, а затем рухнуло как подкошенное. Больше времени на серьёзные заклятия уже не оставалось, и командор выхватил рапиру.

И тут в дело вступил шаман. Как оказалось, он давно вышел из транса и пристально наблюдал за происходящим, опираясь на руку ученика. Когда, по его мнению, настал подходящий момент, он проворно выхватил жезл, прокричал что-то непонятное и направил сияющее навершие в сторону дерущихся.

Услышав команду, воины как один прыснули в стороны. С кончика жезла сорвалась кровавая капля и, увеличиваясь в размере, понеслась в сторону Лесс-Скира. Понимая, что опаздывает с защитой, он рухнул на спину, но вместо того чтобы пролететь мимо капля взорвалась прямо над ним.

Клатис от страха даже зажмурился — настолько чудовищно со стороны выглядела кровавая взвесь, окутавшая боевого мага. Но, открыв глаза, понял, что испугался напрасно — командор выжил.

Лесс-Скир и сам не понял, как спастись от заклятия Кровавого Возмездия. В момент когда капля взорвалась, ему показалось, будто он куда-то проваливается; мир на мгновение померк, уши заложило, а во рту появился привкус железа. Но уже через секунду всё встало на свои места, и боевой маг ощутил, что лежит на земле с дымящимся на груди камзолом.

Вскочив на ноги, командор швырнул в шамана мощный огненный сгусток. Не ожидавший от мага такой прыти, коротышка попытался отмахнуться жезлом, но не сумел, так как все силы потратил на кровавую каплю. Его поглотило пламя, и крик захлебнулся на высокой ноте.

Увидев, что произошло с учителем, ученик заверещал, словно заяц, схватил выпавший жезл и кинулся на Лесс-Скира. Маг даже не стал отвлекаться на обезумевшего мальчика. Ткнув рапирой в грудь, он вновь вступил в бой с оставшимися воинами. Распорол живот одному, развернувшись, проткнул шею второму, пахнул огнём третьего и с облегчением понял, что коротышек больше не осталось.

Выпустив из руки скользкий от крови эфес, он без сил опустился на землю. Как всегда в

горячке боя маг не заметил нанесённых ему ран, но сейчас, когда на тело навалилась свинцовая усталость, обострилась и боль. Оказалось, на груди красуется здоровенный ожёг, а левое бедро пересёк хотя и не глубокий, но длинный разрез. Бросив заживляющий импульс в рану на ноге, Лесс-Скир окинул взглядом поле боя.

Клатис лежал неподалёку. Песок под ним потемнел от крови, а на губах пузырилась розовая пена. Командор склонился и магическим взором окинул рану. Дело — дрянь. Брошенный топорик разрубил левое плечо и увяз в рёбрах, пульсируя рукоятью. Блуждающий по небу взгляд натолкнулся на Лесс-Скира.

— Вот ведь как вышло, командор, — изо рта потекла тёмно-красная струйка, и парень зашёлся в кровавом кашле. От резкого напряжения мышцы, где застрял топор, лопнули, и оружие выпало. Молодой маг засучил ногами, выплёскивая через рот реки крови.

Нависнув над умирающим, Лесс-Скир медленно вытянул кинжал из ножен и приставил к его груди. Их глаза встретились и командор на мгновение задержал руку. Клатис из последних сил вцепился в неё, словно утопающий, хотел что-то сказать, но боевой маг резко погрузил лезвие до самой гарды. Парень дёрнулся, по телу прошла мощная судорога, но уже через мгновение раздалось шипение выпускаемого воздуха, и он затих. Лесс-Скир медленно поднялся и прошептал:

— Встретимся на вечном пиршестве в Чертоге Славы.

Он затянул песню, которую принято петь над могилами павших воинов, а рука машинально потянулась к груди — в такие моменты он всегда зажимал в кулаке фамильный амулет. Но фигурки в виде встающего на дыбы шестилапого цуквана на месте не оказалось. Лесс-Скир прервался на полуслове.

— Куда бы он мог деться?

Тут в памяти всплыли слова матери, что костяной цукван когда-то принадлежал его прабабке, а та, по слухам, была знатной шаманкой.

— Выходит мать не врала, — Лесс-Скир мгновенно сопоставил факты. — Никогда бы не подумал, что эта безделушка спасёт мне жизнь.

Он хмыкнул и сорвал с шеи ставшую ненужной цепь. Затем ещё раз оглядел поле боя и проговорил:

— Что ж, брат, можешь на меня рассчитывать...

Хозяин Заоблачного замка — пресветлый Сеттиллис или Единый, как его ещё называют «серорясые», пребывал в гневе. И не просто в гневе, когда скрипят зубами и сжимают кулаки до хруста пальцев. Нет, светловолосый юноша, находящийся в облике золотого дракона, что называется, рвал и метал. Из-под огромных стальных когтей, терзающих пол замка, вылетали снопы искр, могучее пламя лизало древние камни, а несокрушимые стены сотрясал поистине разрушительный рык чешуйчатой бестии.

Харризис — Хозяин Ночи, Владыка Морей и прочая, и прочая (а по совместительству ещё и младший брат гневающегося божества), пребывая в облике могучего черноволосого воина с квадратными скулами, стоял у одной из трясущихся стен, понутив голову, словно нашкодивший ребёнок, и стыдливо ковырял носком ботинка каменный пол.

Внезапно дракон перестал изрыгать пламя и повернул голову, увенчанную алым гребнем, в сторону потупившегося великана. Распахнув пасть, усеянную тремя рядами острых как иглы зубов, дракон заговорил, и каждое его слово сопровождалось чёрным дымом:

— Ну что, братец, доигрался? Доволен собой? Говорил же я тебе не использовать Иглу Мрака!!! — с каждой фразой дракон всё больше и больше распалялся, и вскоре из зубастой пасти снова начали извергаться языки пламени.

— Невозможно предугадать, где найдёшь, где потеряешь...

— Что? — дракон с удивлением (конечно если драконы способны испытывать подобное чувство) уставился на черноволосого гиганта. Через мгновение тело могучей рептилии пошло дымчатой рябью и рядом с Харризисом встал златовласый юноша в белоснежной тоге.

— Прости, не расслышал, что ты там пробормотал? — Сеттиллис картинно приставил ладонь к уху. И хотя могучий воин на полторы головы возвышался над братом, стороннему наблюдателю могло показаться, будто это Сеттиллис смотрит на него сверху.

— Я сказал, что совершенно позабыл об этом злосчастном Сайхиис, — всё так же потупившись пробормотал гигант.

— В любой момент в мире может появиться могущественный артефакт, какой-нибудь мессия, что поднимет народы, или ещё что похуже. И каждый раз Игла должна быть готова к действию. А теперь что? Чем мы остановим этот камень? Молчишь?!

На Харризиса стало жалко смотреть. Из него будто выпустили весь воздух. Он осунулся, плечи опустились, голова упала на грудь. Всем своим видом воин стал источать полное раскаяние, но старший брат ему не поверил. Он взял гиганта за массивный подбородок и заставил посмотреть себе в глаза.

— Так может и Бездна с ним? Пускай немного повоюют? — робко проговорил могучий воин.

— Что, все триста лет? — жёстко усмехнулся Сеттиллис.

— Ну и что с того? — видя, что брат немного успокоился, Харризис приободрился. — Встряска этому миру пойдёт только на пользу.

— Харризис, Харризис, — светловолосый юноша покачал головой, отпустил лицо воина и отступил на шаг. — Не будь ты мне братом, я бы за твою беспечность тебя убил. Ты хоть

имеешь представление, куда стремится этот камень?

— Почём мне знать? Это ведь ты у нас умник, — огрызнулся Харризис.

— Верно, я умник, — согласился юноша, проигнорировав шпильку. — В прошлый раз я успел его немного изучить. Простая гимнастика для ума но, как видишь, пригодилось, — Сеттиллис перешёл на менторский тон, словно забыв о том, что ещё несколько мгновений назад желал придушить собственного брата. — Так вот, когда я коснулся астрального тела этого камня, меня поразило то неисчислимое множество связующих нитей, которые тянулись от него... догадаешься куда?

— Куда-нибудь в море? — безучастно предположил Харризис.

— Он стремится к Хайвердскому лесу! — ледяным тоном отчеканил златовласый юноша. — В этих связующих нитях мне удалось прочесть не только непреодолимую тягу к сердцу леса, но и неизмеримую ненависть к тому месту.

— Ты в этом уверен? — оживился темноволосый бог.

— Как и в том, что ты мой брат. Хотя, после выходки с Иглой Мрака я уже засомневался...

— Да что ты заладил Игла да Игла. Забудь уже про неё. Ничего не случится, если камень немного побудет в руках у смертного.

— Брат, ты либо пропустил мимо ушей всё, что я говорил, либо просто издеваешься. И я склоняюсь ко второму варианту. А если так, то разговор окончен...

— Сетт, не кипятись, — выставил ладони черноволосый. — Ответь, что плохого в том, что камень достигнет леса?

— А вспомни-ка, братец, сколько раз ты пытался туда проникнуть? — прищурился юноша в белой тоге. — Сколько поражений потерпели твои аватары? Вспомнил?

Харризис скривился как от зубной боли. Вспоминать об этом он не любил. В мире не существовало мест, куда бы ни смог проникнуть Хозяин Ночи, но сердце Хайверда до сих пор оставалось для него неприступным. Мало того, туда не смог войти даже его всезнающий брат, который в отличие от неугомонного гиганта оставил тщетные попытки сразу же после второго поражения.

— Там упрятано что-то настолько мощное, что не подпускает даже нас, — тем временем продолжал беречь рану Сеттиллис. — И я уверен ты понимаешь чем может обернуться встреча Сайхиис и этого нечто.

— Вот хоть убей не понимаю, — сделал большие глаза Харризис.

— Эх, братец, ты совершенно не любишь думать, — покачал головой, обрамлённой золотыми локонами Сеттиллис. — Напряги извилины. Что произойдёт, если то, что скрепляет на себе все магические потоки Хигиона, встретится с тем, что эти самые потоки гасит?

Харризис наморщил лоб и, почёсывая в затылке, стал изображать бурную мозговую деятельность. — Исчезнет магия? — выдал он, наконец.

— Исчезнет мир! — отчеканил Сеттиллис. — И раз уж нам довелось здесь застрять, так и мы вместе с ним, — брат Хозяина Ночи стал потихоньку закипать.

— Ты так в этом уверен? — озадаченно переспросил Харризис.

— Нет, не уверен! — огрызнулся светловолосый бог. — Но вероятность весьма велика. Поэтому необходимо как можно скорее разобраться с теми пирамидами, что связаны с сердцем этого треклятого леса. Чует моё сердце ключ от нашей темницы уже где-то рядом.

— Сколько раз я видел подобный блеск в твоих глазах и сколько раз путь оказывался

ложен, — проговорил Харризис, стерев с лица маску туповатого громилы-воина.

— Нет-нет, — задумчиво отмахнулся его брат, — на этот раз всё иначе. Вот увидишь, потянем за эту ниточку и распутаем весь клубок.

«Ну да, ну да», — скептически подумал Хозяин Ночи, но вслух сказал то, что Сетт и хотел от него услышать:

— А мне-то что делать, брат?

— Если пирамиды смог обнаружить смертный, то и активировать их дано смертному. Думаю, отец специально поставил защиту от дурака, вернее от дураков, то есть нас с тобой. Поэтому, напруги своего любимчика, пусть подключит к этому делу лучших людей.

— А что будешь делать ты? — задал резонный вопрос Харризис.

— А разве мало того, что я решаю, кому что делать? — округлил глаза Сеттиллис, но черноволосый вместо ответа состроил кислую мину.

— Так уж и быть, отвечу, хотя ты и не заслуживаешь. Я попытаюсь найти того кто обнаружил эти пирамиды. Передам для начала слепок его ауры своему доверенному лицу.

— Слепок? — удивился Харризис. — Но откуда он у тебя?

— Снял у той пирамиды. А если бы ты был чуточку внимательнее, то и сам бы смог это сделать.

— А... — отмахнулся черноволосый воин, — это же ты у нас мастер по этой части. Мне это умение ни к чему. Пойду-ка я, пожалуй.

— Иди, — согласился Сеттиллис, но когда брат был уже на пороге, вновь его окликнул, — кстати, Харр, раз уж всё так вышло, может, признаешься зачем тебе была нужна душа того мага? Ради чего ты воспользовался Иглой втайне от меня?

— Да что теперь-то вспоминать? — буркнул Харризис не снижая шага.

— И всё же, — златовласый юноша повёл бровью, и двери перед могучим воином с грохотом захлопнулись. Хозяин Ночи невольно остановился, обернулся и нехотя проговорил:

— Хотел сделать из него аватару.

— У тебя ведь и так их несколько, — удивлённо выгнул брови юноша в тоге. — Стоило ли жертвовать Иглой ради очередной забавы?

— Эта стала бы личностью! — рыкнул Харризис и пинком распахнул высокие стрельчатые двери.

Сеттиллис проводил брата взглядом, пожал плечами, и без каких-либо спецэффектов просто растворился в воздухе, оставив древние стены «переваривать» состоявшийся разговор.

***

— Мессир, к вам некий Ультис. Говорит, дело особой важности.

Архимаг оторвался от очередного документа и потёр глаза.

— По-твоему, это имя должно мне что-то сказать? Кто он, Тертус?

— С вашего позволения, он хранитель портала.

— У нас, если помнишь, более нет портала.

— Он был им долгие годы...

— Ультис... — вновь попытался вспомнить Себелиус. — Нет, не припомню... И чего

же ему угодно?

— Мне он не сказал, — Тертус пожал плечами.

— Ладно, зови, — маг помассировал виски. Как назло начала болеть голова.

— Я взял на себя смелость приготовить отвар из колчатника[1], — помощник поставил на стол глиняную плошку, источающую терпкий аромат и пригласил посетителя войти.

Припозднившийся гость остановился на пороге и, переминаясь с ноги на ногу, стал теревить подол поношенного балахона. Судя по выцветшему бледно-голубому цвету, когда-то он был тёмно-синим. Лысина на макушке покрылась испариной, а слегка затуманенный винными парами взгляд блуждал по кабинету не решаясь встретиться с холодными глазами Архимага.

Сесть вошедшему Себелиус не предложил. Хотелось поскорей выставить визитёра за дверь да забыться в уютной постели коротким сном. Отвар от головной боли начал действовать и на место молоточков, стучащих в виски, пришла настойчивая сонливость.

— Итак, какое дело привело вас ко мне в столь поздний час? — решил поторопить гостя Себелиус.

— Мессир, я бывший хранитель портала... — выдавил, наконец, из себя гость.

— Я прекрасно вас помню, мастер Ультис, — соврал Архимаг. — Рассказывайте.

— Вы меня помните? — искренне удивился пришедший, но тут же спохватился. — Ох, прошу меня простить. Я пришёл спросить о своём друге мастере Вальдресе...

— Да-да, я в курсе, что он недавно вернулся из длительного путешествия и имеет право на некоторый отдых, но всё, что могу предоставить — это ещё седмицу в придачу к тем трём, что уже дал. С радостью дал бы больше но, увы, — магистр улыбнулся и развёл руками, — мне Вальдрес необходим не менее вашего.

— О, прошу вас, не беспокойтесь! — всплеснул руками Ультис. — Я не об этом хотел просить. Просто... — он замялся.

— Да? — поторопил его Себелиус.

— Просто портал взорвался, и я не знаю, как он теперь вернётся, — на одном дыхании проговорил Ультис, уперев взгляд в пол. Ему вдруг показалось, будто он отвлекает главу совета по таким пустякам, что захотелось даже провалиться сквозь этот самый пол, лишь бы не видеть сурового взгляда. Но вместо гневной тирады раздался удивлённый возглас Архимага:

— То есть, как вернётся? Откуда? Я думал он в городе и отдыхает после долгого странствия.

— Он отправился к Смангору...

— Не поставив меня в известность? Странно... И когда же Вальдрес уехал?

— Дело в том, мессир, что он ушёл через портал...

— Вот как? — Архимаг зло прищурился. — Для него собирали круг? И кто же осмелился?! Рассказывайте!!!

Вокруг хозяина кабинета стала сгущаться недобрая аура и Ультис затараторил:

— Нет-нет, мессир, никто не собирал для него круг! Клянусь, я сам был тому свидетелем! У него был Снежный Сапфир!!!

Услыхав название древнего артефакта, пропавшего так давно, что даже воспоминания о нём превратились в легенды, которые в свою очередь стали мифами, Себелиус тихо переспросил:

— Что?

Гнетущая аура стала рассеиваться, и Ультис осмелился оторвать взгляд от пола.

— Прошу прощения, мессир?

— Каким образом Снежный Сапфир оказался у Вальдреса? — Архимаг пристально посмотрел в глаза гостю и тот невольно сглотнул подступивший к горлу ком. — Он что-нибудь рассказывал?

Ультис кивнул и во всех подробностях поведал о дне, когда Вальдрес появился после долгого отсутствия. Выслушав сбивчивый рассказ, Себелиус задумался.

«Подумать только! Снежный Сапфир был прямо у меня под носом. Если даже половина того, что я о нём знаю правда, он станет неплохим подспорьем в предстоящей войне. Нужно немедля выяснить, где сейчас Вальдрес».

Ультис сидел ни жив, ни мёртв и старался дышать как можно тише, дабы не потревожить дум Архимага. Наконец Себелиус обратил на него внимание.

— Помнится, вы потеряли достойное место. Готов помочь с новым. Что скажете?

— О, вы так щедры, мессир, — Ультис встал и низко поклонился. — Буду весьма вам признателен.

— Не стоит. На днях пришло к вам своего помощника. И... ещё раз спасибо за информацию. Прощайте, мастер.

Ультис ещё раз поклонился и вышел, а Архимаг нетерпеливо выскочил из-за стола и вбежал в заклинательный покой.

У дальней стены нашёл нужное место, провёл ладонью по шершавому аметисту и произнёс ключевое заклинание. В тот же миг по монолиту поползла светящаяся ломаная трещина. Начавшись от зеркального пола, она побежала вверх, но уже через несколько локтей резко свернула вниз.

Хрустя старческими коленями, Себелиус встал на четвереньки и с трудом протиснулся внутрь арки. Оказавшись по ту сторону, распрямился и привалился к стене, восстанавливая дыхание. Тут же за его спиной раздалось шипение рассерженной змеи и часть стены, что образовала проход, вернулась на место. Маг будто ужаленный отскочил от проёма.

— Проклятье на мои седины! — воскликнул он. — Всё позабыл!

Как в первый раз Себелиус оглядел помещение, в котором не был уже добрую дюжину лет. Великое множество магической утвари хранило это место: начиная от простых свитков, склянок, мешочков и шкатулок, и заканчивая парой мечей разной длины, одним арбалетом и несколькими кинжалами. Так же была здесь и одежда, и даже различные украшения: перстни, кулоны, серьги и многое другое. В общем, комната выполняла роль своего рода хранилища артефактов, собранных за долгие годы предшественниками Архимага.

В самом центре расположился высокий алтарь в виде широкой шестигранной чаши с плоским верхом. Вся его поверхность рублеными линиями покрывали руны подгорного алфавита, а к одной из шести граней для удобства была приставлена небольшая лесенка.

Себелиус несколько раз глубоко вздохнул и твёрдой походкой прошёл в конец комнаты к полке со шкатулками. Отсчитал третью справа, откинул крышку и невольно залюбовался переливающимися всеми цветами радуги шарами величиной с головку младенца.

— Глаза Шантры... — благоговейно прошептал магистр. — Как жаль, что вас осталось так мало.

Эти артефакты были созданы в эпоху империи Схетхе, как раз незадолго до разрушительной магической войны. Вероятно, Шантра довёл бы своё детище до совершенства, но судьба распорядилась иначе — маг погиб, оставив шары незавершёнными.

— А ведь нужно было всего лишь добиться стабильности структуры кристалла в самом начале синтеза, — проворчал Архимаг, аккуратно извлекая из шкатулки один из шаров. — В дальнейшем гармонизировать выращенный камень с наложенными на него заклятиями не составило бы труда. Может быть тогда «глаза» не были бы одноразовыми.

Себелиус взобрался по приставной лесенке и аккуратно поместил артефакт в самый центр гладко отполированной поверхности алтаря.

«Видит Сеттиллис, сохранись выкладки Шантры, я сам завершил бы его работу. Но, увы...»

Некоторое время маг любовался радужными бликами, пляшущими по собранным в комнате артефактам, не решаясь приступить к действию, результатом которого станет горка белёсого пепла на месте ценнейшего камня. После этого «глаз» Шантры останется всего лишь два...

Заклинание Хрустального Шара — простенькое, незатейливое заклинание, которому учат магов на первом году обучения. В связке с обычным шаром из горного хрусталя оно позволяет магу максимально сконцентрироваться но, применив его к «глазу» Шантры можно увидеть человека, имя которого произносится в конце длинной магической фразы. Сеанс длится настолько долго, насколько позволяет сила заклинающего мага. Во время сеанса можно видеть не только чем занимается искомый человек, но так же узнать где он в данный момент находится и даже ощутить его ауру.

Как всегда с первыми же словами поверхность хрустального шара помутнела, стала почти непрозрачной, потом вновь заиграла радужными переливами, готовая вот-вот открыть заклинателю тайну человека, на которого была направлена его сила. Всё шло нормально, пока Себелиус не произнёс имени интересовавшего его человека — Вальдрес.

Шар померк, налился чернильной темнотой густой как сажа, а затем с едва слышным шелестом осыпался невесомым пеплом. Заклинание, известное каждому неучу от магии не сработало! Архимаг невидящими глазами уставился в центр чёрной кучки так похожей на чернильную кляксу.

— Надо же... — только и смог произнести Себелиус.

Не желая поверить в то, что он просто так истратил ценный артефакт, маг зачерпнул пригоршню чёрной пыли и покатал между пальцами. Скрип пепла, раздавшийся в тишине тайной комнаты, красноречиво возвестил о том, что всё кончено.

— Неужели мальчик мёртв? — удивлённо прошептал Архимаг, отряхивая руки. — Другого объяснения просто не вижу.

Судя по воспоминаниям учеников Шантры и по единичному опыту самого Себелиуса, шар никогда не давал сбоя. По завершении сеанса он всегда осыпался пеплом, но тот был белёсый словно рыба кость. Того же, что произошло сейчас просто не могло быть.

Архимаг спустился с лесенки и возвратился в кабинет. Там, в глубоком кресле его и настиг спасительный сон...

***

Наступил день очередного заседания Магического Совета и чем меньше оставалось времени до его начала, тем более сильное волнение испытывал Архимаг Себелиус.

На заседание, проходящее раз в год, как правило, съезжались уважаемые магистры со всех закоулков торговой империи. Это были далеко не те маги, что постоянно торчали в Ивокарисе, и перед которыми можно было умолчать об истинном состоянии дел. Перед сегодняшним собранием волей-неволей придётся держать ответ за состояние как внутренней, так и внешней политики, и слово «война» особо никого не обрадует.

В который раз перебирая бумаги с подготовленным докладом, Себелиус тяжело вздохнул. Как бы ему не хотелось умолчать о появившемся нектати Сайхиис, но многие из приехавших живут в непосредственной близости от Пограничного Кряжа. И хотя крепость Заат-Гир надёжно удерживает слухи, ползущие с той стороны, маги, если чего-то ещё не знают, то догадываются о многом. А скрывая от них правду, глава совета тем самым своими руками вбивает клинья под ножки собственного кресла...

Большой зал Магического Совета представлял собой внушительных размеров амфитеатр, выполненный в виде ступенчатой чаши, «на дне» которой располагалась трибуна оратора. Кресла разбивали эту «чашу» на пять одинаковых секторов, каждый из которых способен был вместить до пяти десятков слушателей, и сегодня ни одно из мест не осталось свободным.

Достопочтенные мэтры от магии, шумно переговаривающиеся на своих местах, словно по мановению руки замолчали, лишь стоило главе совета появиться в зале; и пока Себелиус шествовал к центральной трибуне, он едва ли не кожей ощущал напряжение собравшихся. Встав у стойки, маг разложил бумаги с речью, кашлянул в кулак и обратился к присутствующим:

— Уважаемые господа совет, позвольте выразить вам моё глубочайшее почтение и начать очередное собрание. Как водится, я подготовил подробный отчёт о состоянии дел в торговой империи, с которым сейчас вас и ознакомлю...

— Твой отчёт волнует нас сейчас в самую последнюю очередь! — раздался вдруг голос справа и Архимаг едва не сплюнул, увидев того, кто осмелился его перебить.

Магистр Элкиан — превосходный маг водной стихии, а по совместительству ещё и лидер оппозиционно-настроенной группы магов, — встав со своего места, вперил гневный взгляд бескрайне-голубых глаз в главу совета.

— Ответь, Себелиус, до каких пор ты собирался держать совет в неведении?! Почему не рассказал, что в мир вернулся Сайхиис?!

Архимаг мысленно сдавил горло надутому болвану, посмевавшему его перебить и аккуратно подбирая слова ответил:

— Я никоим образом не собирался скрывать от совета какую-либо информацию. Ответ на прозвучавший вопрос так же содержится в моём сегодняшнем докладе, — Себелиус демонстративно потряс в воздухе первым попавшимся листом и оглядел сидящих магов. — Если бы магистр Элкиан был чуточку сдержаннее, я последовательно и подробно осветил бы данный вопрос.

— Сядь, Эл, дай главе совета выступить, — пробасил в бороду сидящий справа седой как вата магистр в коричневом одеянии.

Элкиан посмотрел на него сверху вниз, заскрипел зубами, но всё же прислушался к словам старшего брата и зло плюхнулся обратно в кресло. Себелиус слегка кивнул в знак благодарности и, чувствуя, что инициатива заседания вновь wpłyвает в его руки, стал степенно зачитывать выдержки из собственного отчёта...

— ... это то, что касается экономики, — Архимаг отложил последний лист и поднял

взгляд на собравшихся. — Теперь перейдём к делам более важным. И первым делом спешу подтвердить слова магистра Элкиана. Да, легендарный клинок Тхереса Магоубийцы вновь увидел свет...

Эти слова произвели эффект влетевшего в курятник огненного шара. Поднялся гвалт, многие магистры повскакивали со своих мест. Отовсюду посыпались вопросы.

— Господа, прошу чуточку внимания!!! — усиленный простым заклинанием голос Себелиуса прогремел под сводами зала заседания, заставив галдящих магов притихнуть. — Всё не так плохо как рисует вам ваше воображение! Согласен, Сайхиис серьёзная проблема, но смею вас уверить, что мною уже предприняты некоторые шаги, направленные на понижение нависшей над торговой империей угрозы.

— Какие, если не секрет? — скептически поинтересовался со своего места магистр Элкиан.

— Во-первых, мне удалось заручиться поддержкой Заозерья, а это, с вашего позволения не много и не мало, а почти две тысячи обученных и хорошо вооружённых наёмников. Во-вторых...

— С чего бы наместнику выделять воинов магам, коих так не любят в Заозерье? — перебил кто-то слева.

Архимаг повернулся в сторону спросившего и едва не выругался. Магистр Елитар — сильный «воздушник» и лучший друг его предшественника, — скрестив руки на груди, смотрел прямо на него. Себелиус всегда считал, что старик к нему лоялен, но тон, которым был задан вопрос говорил об обратном. Елитар был весьма уважаем среди старшего поколения магов и имел немалый вес в совете, поэтому конфликтовать с ним не стоило. Пока...

Глава совета взял себя в руки и ответил, улыбнувшись краешком губ:

— С вашего позволения, магистр Елитар, император, а не наместник.

— Это, каким же образом, позвольте узнать? — скептицизма в голосе старого мага было хоть отбавляй. — Единственная вещь, которая позволила бы наместнику провозгласить себя императором Заозерья это фамильный рог династии Лоун. Но он, как мы знаем, был утерян ещё во времена восстания последнего из этой династии — императора Лусмера Стального Когтя. Помнится тогда-то торговая империя и посадила на трон первого из наместников. Так ответь, Себелиус, что изменилось теперь? Неужели древнее Заозерье склонило голову перед мальчишкой, назвавшим себя императором?

— Церемония помазанья, скорее всего, будет приурочена ко дню зимнего солнцестояния, а покуда мальчик всё ещё наместник, — ничуть не смутившись, продолжил Архимаг. — Мы заключили с ним соглашение и рог династии Лоун, который я ему отдал, станет гарантом исполнения обязательств.

— Ты наивен словно ребёнок, Себелиус, — пробасил старший брат магистра Элкиана. — С какой стати наместнику выполнять обещанное? Заозерье давно вышло из-под нашего контроля и, отдав им рог, ты лишь усугубил это положение. Кстати, где ты его достал?

— Как оказалось, рог всё это время хранился в сокровищнице Ивокариса, — покривил душой Архимаг, — но об этом мало кто знал. Да это и не важно. Уверен, что отдав реликвию, я поступил правильно. Наёмники Заозерья будут нам весьма кстати. А чтобы вы прониклись моей уверенностью, сообщаю, что на церемонии помазанья в Аскеле будет присутствовать магистр Ковтис, который и проследит за выполнением условий сделки.

— Что ж, Себелиус, поживём, увидим, — холодно произнёс магистр Елитар. — Нам помнится, ты говорил, что предпринятых шагов было несколько. Надеюсь, больше ты ничего не разбазарил как тот же рог?

Себелиус скрипнул зубами.

— Вы правы, магистр Елитар, я так и сказал. Вторым моим шагом была отправка гонца в Гуммар.

На эту реплику со всех рядов стали доноситься одобрительные возгласы:

— Это дело!.. Вот это правильно!.. Крылатая конница нам не помешает!..

— Верное решение, Себелиус, — высказал общее мнение магистр Элкиан. — Но с чего ты взял, что они согласятся?

— Ни с чего, — пожал плечами Архимаг. — Гуммарцы воюют за деньги. Этого я предложил им с лихвой... Помимо того, мне удалось заключить союз ещё и с кланом Звенящего Молота. Их лидер Хеттраж готов выставить на нашей стороне все пять своих дракенов.

А вот эта фраза произвела такой же фурор как и та, что озвучила возвращение Сайхиис. Одни маги вскочили с мест, другие, чтобы привлечь внимание стали стучать ногами по полу. Отовсюду было слышно:

— Архимаг сошёл с ума!.. Где это видано, чтобы Ивокарис водил дружбу со змееглавцами?! Он бы ещё заручился поддержкой менкоа!!!

Но были и те, кто кивал с одобрением.

На этот раз, дабы утихомирить почтенную публику Себелиус не стал усиливать голос заклинанием, а просто подождал пока эмоции мастеров и магистров поутихнут сами собой. Наконец когда в зале стало тише и все вновь устремили взоры в его сторону, глава совета спокойно произнёс:

— Я не стану переубеждать почтенных членов совета в том, что гадрахи зло и все беды от них. Напомню лишь, что косность мышления никого ещё до добра не доводила.

— Себелиус прав, — встал со своего места мастер первой ступени Гиситор. — Клан Звенящего Молота самый сильный. Под началом Хеттража ходит целых пять дракенов, тогда как клан Болотных Шкуродеров насчитывает два, клан Ядовитых Клыков три, а клан Зелёных Ятаганов всего один дракен. И, несмотря на то, что кораблей у остальных кланов, вместе взятых больше, перевес всё равно будет на нашей стороне.

— Благодарим вас, мастер Гиситор, за этот увлекательный экскурс в жизнь гадрахов, — магистр Элкиан сделал вид, будто хлопает в ладоши, — но, думаю, господа совет меня поддержат, если скажу, что торговая империя не нуждается в помощи каких-то там чешуйчатых чудовищ.

По залу прокатилась волна одобрительных возгласов, и Себелиус до хруста стиснул зубы.

«Идиот!!! Какой же ты идиот, Элкиан! Ведь сам же прекрасно понимаешь, что без гадрахов мы не сможем отражать нападение одновременно с суши и с моря. Тебе бы только уколоть меня посильней, а там будь что будет...»

Тем временем магистр Элкиан продолжал:

— Вот видишь, Себелиус, совет против союза с кланом Звенящего Молота, так что можешь об этом забыть. Ответ лучше, почему бы вместо гадрахов не нанять, к примеру, легионеров Смера?

— Ещё раз напоминаю, что Аскель готов выставить на нашей стороне почти две тысячи

воинов. Это и есть ответ на твой вопрос, Элкиан.

Оппонент Себелиуса ничем не выказал, что его щёлкнули по носу и внешне остался спокоен, но Архимаг не без удовольствия заметил, как полыхнул гнев в его глазах.

— А где твои боевики, — раздалось вдруг справа. — Где Лесс-Скир?

Глава совета не успел разглядеть того, кто выкрикнул этот вопрос, но видя, как закивали остальные, понял, что он интересуется многих.

— В данный момент командор Лесс-Скир и несколько его подопечных отправлены к Смангору с целью выяснить, что послужило причиной недавней волны, взбаламутившей Астрал.

— А мы слышали, что во время перехода вся группа боевых магов погибла...

Теперь Себелиус смог рассмотреть того, кто задавал эти вопросы. Мастер Укрит и сам когда-то претендовал на место Лесс-Скира, но его кандидатура была отмечена лично Архимагом. Такие как он способны в любую щель пролезть без гусяного сала. Наглый и в то же время скользкий тип, но его отец из знатного рода и смог пристроить сынка в магический совет, поэтому приходится терпеть.

— Беспокоиться нет причин, — глава совета взял гордость в кулак. — Отряд невредим и Лесс-Скир уже два раза присылал мне отчёт. А пока он в отъезде, оставшихся боевиков возглавляет мастер первой степени Малора. Распоряжение я уже отдал. И уж коли речь зашла об отряде боевых магов прошу вынести на голосование вопрос об укреплении пограничной крепости Заат-Гир. Мне бы хотелось направить туда именно эту группу.

— В этом нет необходимости, Себелиус, — пробасил старший брат магистра Элкиана. — Крепость и без того надёжно укреплена и укомплектована. И уж если ей суждено пасть даже при таком раскладе, то усиленный гарнизон никак не исправит положения.

— И всё же я предлагаю проголосовать. Напомню, чем дольше продержится Заат-Гир, тем лучше мы сможем подготовиться к войне...

***

После заседания совета Себелиус чувствовал себя как выжатый плод касама[2]. От пота одежда липла к спине, щёки обжигал лихорадочный румянец, а во рту пересохло так, что язык готов был рассыпаться прахом, скажи Архимаг хоть слово. Ноги едва слушались и если бы не резной посох, на который маг грузно опирался, то неизвестно смог бы он вообще дойти до кабинета.

После бодрящего напитка из вина и нюхательной соли в голове немного прояснилось, хотя сердце всё так же продолжало бешено колотиться, будто у юнца впервые попробовавшего «вкус» женщины.

Заложив руки за спину, Себелиус принялся мерять кабинет шагами. Гнев застилал глаза не давая собраться с мыслями. Сегодня эти крысы заставили его оправдываться как какого-нибудь неопита на экзамене. Ничего, он им ещё покажет, что значит задевать Архимага! И первым в списке будет Элкиан. Этот себялюбивый болван пойдёт на всё лишь бы скинуть Себелиуса с кресла главы совета.

Архимаг обошёл массивный стол, дёрнул за шнурок и плюхнулся в глубокое кресло.

Было ещё одно дело, которое он и так уже долго откладывал...

— Кхм, — вежливое покашливание вырвало хозяина кабинета из полудрёмы. Как и всегда верный помощник появился совершенно бесшумно.

— Тертус, это письмо необходимо срочно отослать, — маг исподлобья посмотрел на помощника и двинул запечатанный конверт по столу.

— Место назначения?

— Змеиные острова. Клан Звеныщего Молота. Хеттражу.

Помощник удивлённо выгнул бровь, но переспрашивать не стал. Вместо этого задал другой вопрос:

— Дозволено ли мне будет узнать значение этого письма?

Себелиус пристально всмотрелся в его лицо.

— Мы заключили соглашение. Он пришлёт нам в помощь все свои дракены.

— Но стоит ли доверять гадрахам, мессир? Эти змееголовые великаны весьма коварны.

— Есть варианты лучше? Ты же знаешь, что было сегодня на заседании. Элкиан пытался выставить меня полным дураком. Ему плевать на империю. Он жаждет лишь власти, и даже старший брат не способен раскрыть ему глаза. Я просто обязан предотвратить если не самую войну, то хотя бы появление меча Тхереса под стенами Ивокариса. Но сил на это у меня не хватает. Поэтому мне так необходим этот союз.

— Не мне вас судить, — Тертус поклонился, — но, по-моему, вы ввязываетесь в опасную авантюру. Это всё равно, что сунуть руку в змеиное гнездо и ждать, что гады её лишь оближут.

— Спасибо за понимание, — усмехнулся Архимаг — но я всё же рискну...

***

— Давно не виделись, Владыка, — Эжжилер склонился перед Хозяином Ночи в почтительном поклоне.

Харризис, появившийся в кабинете главы ордена Чёрного Копья в облике могучего воина ничего не ответил. Бряцая огромным двуручным мечом, притороченным к поясу, словно обычный кинжал, бог подошёл к одному из высоких окон, взялся за подоконник и стал задумчиво разглядывать открывающийся вид на заснеженную равнину. Поняв, что учитель пока не расположен к беседе, Эжжилер молча встал рядом.

Через некоторое время бог нарушил молчание:

— Всё хотел у тебя спросить...

— Да, учитель?

— Почему ты выбрал эту мёрзлую дыру? Неужели мест потеплее не нашлось?

Маг опешил. Впервые за долгие годы Харризис интересовался его жизнью. Обычно их общение строилось по принципу хозяин — слуга; бог приказывал, маг исполнял. Реже они разговаривали как учитель с учеником, но чтобы Владыка Морей спросил о чем-то личном, такого не было ни разу!

— Учитель?

— Мне просто интересно, действительно ли тебе нравится, когда твоя тощая задница мёрзнет? Если мой вопрос чем-либо тебя задел, забудь и давай перейдём к делам.

— Нет-нет, учитель, твой вопрос ни в коем случае меня не задел. Просто он оказался несколько... неожиданным.

— Ладно, сменим тему, — Харризис хмыкнул. — Мы тут с братцем натолкнулись на одно прелюбопытное явление...

Он повёл рукой и в воздухе прямо между собеседниками, возникла полупрозрачная карта Хигиона. Эжжилер сразу же заметил в ней нечто новое.

— Эти нити что-то означают?

— Это энергетические каналы, — ответил Харризис. — Как видишь, они связывают острова...

— ... с Хайвердским лесом, — продолжил за него некромант. — Подобная картина мне знакома. Когда создаётся магический круг, такие же связи передают энергию стоящему в центре.

— Брат утверждает будто этот «стоящий в центре» и есть то, что удерживает нас в Хигионе. Лес закрыт, поэтому мы решили действовать с другой стороны. Твоя задача разобраться с пирамидами.

— С пирамидами?

— Именно, — Харризис указал на парящую в воздухе карту. — Каждая нить оканчивается каменной пирамидой. Брат думает, будто с их помощью мы сможем проникнуть в лес, и я склонен ему верить. От тебя требуется собрать четыре группы, по дюжине грамотных заклинателей Тьмы в каждой, и отправить их туда. Есть люди, которые смогут возглавить эти группы?

— Мой брат, Таффис и Хомир, — не задумываясь, ответил Эжжилер.

— Трое, а пирамид, как видишь четыре, — нахмурился Хозяин Морей.

— Если позволишь, Владыка, четвёртую группу я возглавлю лично.

— Хм, — Харризис на секунду задумался. — Что ж, так тому и быть. Отправляй магов в путь. Как только мой светлый братец адаптирует нужное заклинание для вас, смертных, я дам знать. Прощай...

— Постой, Владыка!

Хозяин Морей уже почти растворился в воздухе, но возглас Эжжилера его остановил.

— Учитель, помнишь, ты приказывал прервать нить жизни одного мага с помощью Иглы Мрака?

— Ещё бы, — усмехнулся великан в алом плаще. — Брат мне этой Иглой уже все уши прожужжал.

Эжжилер улыбнулся краешком губ, представив ругающихся богов.

— Мой наблюдатель сообщил, что неподалёку от Смангора встретил шамана менкоа с точно такой же аурой.

— Он мог ошибиться? — бог выгнул бровь.

— Исключено, Владыка. Этого мага я обучал лично и могу поручиться, что сведения достоверны.

— Надо же, — задумчиво протянул Хозяин Ночи, — выжил... Но как его душа попала в тело коротышки? Нашёл мой поглотитель? Нужно посоветоваться с братом...

— Наблюдатель отправился за ним следом, — участливо сообщил Эжжилер. — Если угодно, он прислал мне слепок его ауры, — маг открыл шкатулку и достал продолговатый тёмно-серый камень.

— Пусть продолжает наблюдение, — прорычал бог, пряча кристалл памяти в складках

одежды. — Я подумаю, как использовать эту информацию. Возможно, и сам поговорю с этим... «шаманом». Занимайся подготовкой заклинателей...

— Как будет угодно, учитель, — Эжжилер с достоинством поклонился, а когда распрямился, бога рядом уже не оказалось.

Оставшись один, глава ордена Чёрного копья дёрнул за шнурок и уселся на жёсткий стул, нервно ёрзая в ожидании. Наконец перед ним возник верный мажордом и некромант степенно проговорил:

— Как можно скорее разыщи командора Таффиса.

Не произнося ни слова, слуга поклонился и так же тихо исчез за дверью. Дабы не «сгореть» от нетерпения Эжжилер принялся изучать бумаги сложенные на столе аккуратными стопками. Понемногу это занятие его увлекло, и он не сразу заметил, что перед столом вытянулся во фронт его доверенный убийца.

Этот человек не был закован в доспехи, как простой солдат. Его чёрная туника была сшита из дорогого шёлка, а тонкая кольчуга из плотно пригнанных друг к другу чешуек, имела серебряную отделку. Шлема он не носил, да в нём и не было нужды — вряд ли забрало могло быть более бесстрастным, нежели бледное, с резкими чертами, лицо. Стянутые чёрной лентой светло-каштановые кудри прекрасно оттеняли матовый оттенок кожи, а глаза — серые с рыжими крапинками, пронзали собеседника не хуже, чем два отточенных кинжала.

— Тебе предстоит весьма ответственное задание, мой мальчик, — произнёс магистр, окинув внимательным взглядом гордую фигуру командора.

Таффис кивнул — если так можно назвать лёгкое движение ресниц, но Эжжилер давно уже привык к его манере общения и не требовал показного раболепия.

— Собери четыре дюжины верных и проверенных заклинателей Тьмы. Две бери с собой и направляйся в Кеннек. Там встретишь моего брата. Вот, возьми, — Эжжилер открыл небольшую шкатулку, стоящую на столе среди прочих, достал простенький перстень с агатом и протянул командору. Тот сделал шаг — только один — протянул руку и молча надел на безымянный палец.

— У моего брата точно такой же так что вы друг друга узнаете, — Таффис положил правую руку на рукоять меча, что должно было означать согласие. — К твоему приезду Лесс-Скир зафрахтует судно, и вы отправитесь на Безымянный остров. Там мой брат с дюжиной магов сойдёт, а ты с оставшейся группой поплывёшь на Каменный, — магистр откинулся на спинку кресла.

— Моя задача? — разомкнулись, наконец, стальные уста командора.

— На острове обнаружился некий артефакт, представляющий для меня немалую ценность. Выглядит как пирамида. Свиток с заклинанием поиска мой мажордом передаст тебе на выходе. Всё, дальнейшие указания получишь позже в Астрале, — жестом руки маг отпустил командора.

После его ухода Эжжилер тяжело вздохнул, нехотя спустился со стула и отправился в заклинательный покой. Впереди предстояли ещё две встречи, на которые придётся потратить немало сил...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Командор Лесс-Скир, сидящий у стойки бара в одном из заведений Кеннека, вдруг почувствовал жжение в районе сердца. Вот уже целую седмицу он ожидал вестей от брата в этом злачном месте, по ошибке богов названном портовой таверной. Каждый вечер Лесс-

Скир спускался в зал, заказывал стакан воды и сидел, наблюдая за постоянно меняющимися посетителями.

За прошедшую седмицу случилось столько драк, что и не перечесть. Дважды пьяные задиры касались и его, но после того, как хозяину пришлось избавляться от очередного трупа, к мрачному посетителю больше никто не подходил. Трактирщик скрипел зубами, но ничего поделаться не мог — маг обещал в случае чего собственной рапирой порезать его задницу на лоскуты.

Вдобавок ко всему приходилось продлевать наём корабля, капитан которого обнаглел настолько, что с каждым днём поднимал цену. Командор хотя и испытывал острое желание сжечь этого мерзкого человечешку вместе с его вшивой посудиною, но всё же платил. Иначе их с братом дело могло сорваться, так как больше ни один капитан не соглашался на его предложение...

Отставив стакан, к которому так и не притронулся, маг поднялся на второй этаж. Выставив магическую защиту, уселся прямо на полу аскетично обставленной коморки, сделал пару глубоких вдохов и толкнул сознание в Астрал. Брат его уже ждал.

Удобно расположившись в глубоком кресле, у спинки которого стоял неизменный посох, Эжжилер смаковал вино из пузатого бокала. Кивнув Лесс-Скиру так, словно последний раз они виделись ещё вчера, некромант приглашающе повёл рукой. В ответ на его движение справа взметнулся искристый вихрь, принявший форму точно такого же кресла. Командор проигнорировал приглашение сесть, нахмурил брови и скрестил руки на груди.

— Брат, где обещанные люди?! Сколько можно ждать?! Ещё пару дней в этом треклятом притоне и клянусь, от него не останется даже фундамента!

— Обстоятельства немного изменились. Присядь, братец, — Эжжилер повторил приглашающий жест, и боевой маг всё же опустил в кресло.

— Что значит «обстоятельства немного изменились»? Хочешь сказать, наши планы связанные с Сайхиис более не актуальны? — Лесс-Скир удивлённо выгнул бровь.

— Брат, прошу, не произноси имя этого артефакта здесь. Поверь, у Астрала тоже есть «уши».

— Как скажешь, — командор безразлично пожал плечами. — Так что насчёт этого... хм, артефакта?

— Всё остаётся в силе...

— Тогда какого верла я всё ещё в Кеннеке?! — перебил Лесс-Скир.

— ... но сдвигается во времени, — как ни в чём ни бывало, продолжил Эжжилер. — Поедешь за ним позже. Сейчас есть дела поважнее.

— Что может быть важнее Сайхиис?

— Брат, я же просил...

— Да, прости... Так что за дела?

— Учитель поручил разобраться с некими магическими монументами, недавно объявившимися в мире.

— Ах, тебе учитель поручил, — иронично протянул Лесс-Скир, откинувшись на спинку кресла. — Ты всё так же у него на побегушках?

— Брат, не забывайся!!! Ты сейчас говоришь не о ком-нибудь, а об одном из хозяев Хигиона! Прояви уважение. Напомню, учитель дал мне всё — силу, знания, власть и я не имею права его подводить.

— Ладно, брат, остынь, — Лесс-Скир примирительно кивнул. — План насчёт меча

пришёлся мне по душе, но мчаться куда-то по первому слову твоего... хм, учителя, я не нанимался.

— И всё же тебе придётся. Поверь, этот путь так же приведёт нас к мечу Тхереса.

— Что ты имеешь в виду?

Эжжилер поведал брату о состоявшемся разговоре с Харризисом, но Лесс-Скир так и не проникся его словами.

— Всё равно не возьму в толк, как связан Хайвердский лес и меч с другого конца света?

— Умозаключения, брат, — магистр постучал себя костистым пальцем по лбу. — Многие годы я собирал информацию, касающуюся Тхереса, но так и не смог узнать каким образом ему достался столь сильный артефакт. Ведь все легенды сходятся во мнении, что он создал свой меч сам. Меня постоянно смущала мысль как сын простого рыбака, пусть даже и обладающий некоторыми магическими способностями смог создать столь могущественную вещь. И знаешь, какой вывод я сделал? Он его нашёл...

— Если верить твоим словам, рыбацкий сын споткнулся о меч, валяющийся под ногами, словно мёртвая змея? Брат, а ты часом не выжил из ума? Мне кажется, власть и общение с твоим хозяином на тебя плохо влияют.

— Он мне не хозяин! — Эжжилер гневно сдвинул брови.

— С хозяином, с учителем, — отмахнулся Лесс-Скир, — какая разница. Я говорю о том, что такие мечи на дороге не валяются. Их создают.

— Тхерес меч и создал, — магистр перестал хмуриться и откинулся в кресле.

— Нет, братец, ты точно двинулся умом — начинаешь заговариваться. Только что говорил, будто Тхерес меча не создавал, а теперь говоришь обратное. Всё, не желаю больше слушать!

Лесс-Скир поднялся, но слова брата его остановили:

— Тхерес создал меч, но то, что сделало его артефактом, он как раз и нашёл...

— Хочешь сказать Сайхиис это не меч, а... что?

— Камень в его рукояти.

— Камень?

— Именно. Мало того, этот камень как-то связан с Хайвердским лесом, который закрыт даже от богов. Предполагаю, что это своего рода ключ.

— И ты хочешь...

— Узнать побольше о «замке». Рисунок, который мне показывал учитель, похож не только на магический круг, но и на мощнейший магический замок с силовой подпиткой сразу из четырёх источников.

— А Харризис знает о том, что ты знаешь?

— Важнее то, как мы с тобой воспользуемся обретенными знаниями. Разве тебе не хотелось бы занять их место? — Эжжилер многозначительно указал бокалом куда-то вверх, и брат невольно проследил за его движением.

Повисла пауза. Разглядывая, как на скулах командора заиграли желваки, некромант пригубил вина.

— Значит метишь...

— Не кипятись, брат, — перебил Эжжилер. — Не стоит озвучивать свои умозаключения в этом месте. Поразмыслишь над моими словами с холодной головой, пока будешь добираться до Безымянного острова. Примерно через полторы седмицы Таффис с заклинателями Тьмы будет в Кеннеке. Найми корабль и дождись их.

— Уже нанял... Как я узнаю твоего поверенного?

— О, поверь, ты его узнаешь, — усмехнулся Эжжилер. — Вы друг друга стоите.

— И всё же? — не принял шутки боевой маг.

— Я дал ему наш фамильный перстень.

— Ясно. Что-нибудь ещё?

Эжжилер поднялся из кресла и заглянул брату в глаза.

— Прошу, Лесс, отринь эмоции и трезво обдумай мои слова. Ты единственный в этом мире на кого я могу положиться.

— Я сообщу, когда буду на Безымянном, — процедил Лесс-Скир и развернулся уйти, но Эжжилер вновь его окликнул.

— И всё же, брат?

— И... да, я подумаю...

[1] Колчатник — остролистное растение, без каких бы то ни было магических свойств. Используется в медицине как сильное обезболивающее.

[2] Касам — дерево, обладающее некоторыми магическими свойствами, из плодов которого давят сок для дальнейшего использования его в зельеварении.

Глава девятая

Во время перехода не было ни вспышек света, ни болевых ощущений, ни какого-либо другого дискомфорта. Ничего. Лишь на мгновение зарябило перед глазами да лёгкое шевеление воздуха всколыхнуло волосы, и всё — Колин уже в другом месте.

Контраст с предыдущим пейзажем оказался просто поразителен. Вместо бескрайнего моря сухая каменистая равнина, поросшая кустиками жёсткой как щетина травы. Здесь даже пахло по-другому. Солоноватая свежесть морского воздуха сменилась скрипящей на зубах прогорклой пылевой взвесью.

Колин обернулся. Волны внутри арки всё так же штурмовали скалы бухты. Сделал шаг назад — изображение всколыхнулось, пошло рябью, и очертания бухты исказились. Ещё пара шагов и проём стал совершенно прозрачен, открыв взору картину, заставившую забыть, что ещё минуту назад сержант был совершенно в другом месте.

Арка расположилась у обочины растрескавшейся дороги, что словно змея ползла к горизонту по пологому каменистому холму. Там на самой границе земли и неба чётко обозначились останки какой-то крепости. Подсвеченные угасающим днём они выглядели словно «пеньки» во рту пропойцы.

Порыв прохладного ветра оторвал от созерцания руин и сержант поёжился.

— Судя по всему, ночью будет холодно, — он зябко обхватил плечи. — Придётся двигать к этим развалинам. Надеюсь, старые стены защитят от ветра. Иначе придётся всю ночь плясать, чтобы согреться, — Колин хмыкнул и зашагал по дороге.

До развалин оставалось не более сотни метров, когда холм резко пошёл вверх. Путь затруднился. То тут, то там на дороге стали появляться крупные камни, порой, даже целые валуны, которые приходилось обходить, а последние метры Колин и вовсе карабкался почти по отвесной стене, хватаясь за выступающие из земли сухие корни. Похоже, сооружение было настолько древним, что эрозия успела оголить его основание.

Оказавшись на ровном пятачке сержант невольно присвистнул. В стене чёрным оком зияла дыра. Но не сам факт дыры в камне вызвал удивление — мало ли кому понадобилось долбить себе ход. Нет, дыра была словно выжжена направленным пучком плазмы. Её края оплавилась и застыли подтёками, будто воск расплавившейся свечи.

— Не хотелось бы встретиться с тем, кто обладает таким мощным оружием.

Колин заглянул внутрь. Света в конце, конечно же, не обнаружил, но выход разглядеть удалось. Отвёл руку в сторону и коснулся стены. Пальцы ощутили гладкий как стекло камень. Держась за него словно слепой, сержант шагнул внутрь.

Ход вывел в широкий сводчатый коридор, щедро устланный каменным крошевом. Внимание сержанта сразу же привлекли подсвеченные трепещущим светом проёмы на противоположной стене. Один метрах в семи правее, другой намного дальше слева. Аккуратно выбирая наиболее чистые участки пола, Колин добрался до ближайшего выхода на широкую террасу и оказался под открытым небом, пересечённым редкими обрывками сводов давно обвалившегося потолка.

На улице уже окончательно стемнело, но внутри огромной овальной залы, над которой возвышалась терраса, было светло как днём от сотен факелов, горящих в настенных кольцах. Когда-то давно, возможно, там устраивали пышные балы, но теперь всюду царили уныние

обвалившихся сводов да торжество неумолимо наступающей природы.

Высокий — в рост сержанта — парапет был выполнен из узорчатого камня, насквозь испещрённого искусной резьбой, придающей лёгкость массивной конструкции. Большого сквозь рисунок рассмотреть не удавалось, и Колин решил влезть на парапет, но его остановил странный звук, словно кто-то резко провёл ножом по точилу. Правда и нож, и точило, судя по звуку, были огромных размеров.

Решив, что ослышался сержант замер, но уже через мгновение звук повторился, и волосы на спине встали дыбом. Сердце едва не выпрыгнуло из груди, но любопытство всё же побороло страх и, усевшись на перилах, Колин стал высматривать опасность.

Балкон находился метрах в пятнадцати над полом, что давало отличный обзор. Огромный зал окружила галерея высоченных колонн, на каждой из которых горело по дюжине факелов. В центре зала давно «погасший» фонтан, ограждённый невысоким каменным кольцом внутри которого застыла скульптура могучего воина в закрытом рогатом шлеме.

За массивной спиной воина Колин вдруг заметил шевеление. Услышанные ранее звуки доносились как раз оттуда. Затаив дыхание он, не моргая уставился в ту сторону, но с пятидесяти метров, да ещё с высоты второго этажа видно было плохо. Ясно одно — кто-то с кем-то дерётся. Колин решил перебраться на другой балкон как раз над фонтаном.

На соседней террасе факелы так же жонглировали текучими тенями. Выдернув один из кольца, сержант проворно вскарабкался на парапет. Посмотрел вниз и, наконец, увидел тех, кто издавал странные звуки.

Человек, вооружённый мечом и топором на длинной рукояти усердно отбивался от зверей как две капли похожих на хищника с острова. Пологий шлем закрывал лицо полумаской с узкими щелями для глаз, и было не разобрать, стар воин или молод. Жилистое тело покрывал пластинчатый доспех, одетый поверх кольчуги с длинным рукавом. На кожаных штанах, вдетых в высокие сапоги, так же были нашиты металлические пластины. Правая штанина оказалась разодрана выше колена и из широкой прорехи сочилась кровь. Человек то и дело припадал на раненую ногу, но уверенно противостоял натиску матёрых хищников. Рядом горел костёр, и лежали вещи. Судя по всему, звери застали воина врасплох.

Колин размахнулся как следует и швырнул факел в хищников. Горящая палка нарисовала на фоне ночного неба искрящуюся дугу и, отскочив от головы памятника, упала в двух шагах от зверей. Один буквально на секунду отвлёкся и в то же мгновение воин, будто только того и ждал, сорвал с головы шлем и швырнул в морду второго. Зверь мотнул головой, а черноволосый парень (на повестку оказавшийся примерно одного возраста с сержантом), совершив могучий прыжок с парапета, с оттяжкой рубанул животное топором по темени. Подсёк мечом передние лапы второго, отпрыгнул назад, и всё вернулось на круги своя.

Колин увидел, как воин тяжело привалился к ограждению фонтана, а хищники стали обходить его с разных сторон. И хотя силы немного изменились — у одного оказалась перебита лапа, а у второго кровоточил затылок, — сержант понял, скоро всё закончится.

«Нужно как-то ему помочь, — решил он для себя. — Если парень умрёт следующий на очереди я».

Паническая мысль зазвенела звонкой струной и стала подавлять волю намереваясь обратить в бегство. Но человек в отличие от животного однажды наступил на горло собственных инстинктов и перешагнул порог страха, выйдя тем самым на новую ступень эволюции. А став сильнее, он взял дубину и отвоевал власть у природы. Поэтому сержант

спрыгнул с парапета и поспешил к спуску на первый этаж.

Когда широкая лестница упёрлась в пол, Колин не стал торопиться и, притаившись в тени колонны, оглядел зал. Воин хотя и был сильно потрепан, но всё ещё оставался жив, что не могло не радовать. Он вертел перед собой мельницу и постепенно отступал под натиском рычащих бестий. Пластинчатый доспех с правого бока превратился в лохмотья, но крови не было. Судя по всему, удар когтистой лапы повредил рёбра.

У Колина родился безумный план. Возможно, в обычной ситуации он бы им не воспользовался, но сейчас адреналин бурлил в крови, и сержант стал действовать. Он подхватил булыжник поувесистей и, стараясь ступать как можно тише, двинулся к месту схватки.

Черноволосый воин ни чем не выказал удивления (вероятно сил на это уже не осталось), лишь мельком скользнул взглядом по странному человеку, появившемуся за спинами хищников, и тут же снова сосредоточился на оскаленных мордах. Звери почувствовали неладное, но наученные горьким опытом отвлекаться не стали сочтя война наибольшей опасностью. Колин решил этим воспользоваться.

Подскочив к одному из хищников он задрал булыжник над головой и что есть мочи опустил на лоснящийся загривок. Зверь завизжал, встал на дыбы и приложил сержанта корпусом. Удар оказался столь силен, что Колина смело будто пушинку. Он отлетел к колонне и хорошенько приложился спиной. На миг перехватило дыхание, а когда взгляд прояснился, сержант застыл от ужаса. Истекая кровью, хищник готовился к прыжку.

Сколько раз Колин слышал, что в критический момент вся жизнь пробегает перед глазами, но ничего такого не произошло. Вместо этого тело затряслось мелкой дрожью, а сознание будто поставили на паузу. Ни мыслей, ни образов — ничего. Лишь темнота...

Но зверь не спешил атаковать. Он то и дело мотал головой, стряхивая заливающую глаза кровь — выходка сержанта не прошла даром. Понимая, что долго так продолжаться не будет, Колин попятился, ища спасения за колоннами. Хотя это и не спасёт, но надежда, как говорится, тварь живучая...

Наконец зверь грозно зарычал и пригнулся к земле, чем вывел сержанта из ступора. Он решил продать жизнь подороже. Оттолкнувшись как следует, Колин подпрыгнул и ухватился за один из факелов. Совсем рядом раздался жуткий рык, затем звук удара, и зверь противно завизжал. Колин посмотрел вниз и застал невероятную картину. Черноволосый воин сидел на спине твари и проворачивал меч, пронзивший оскаленную голову.

Ещё не веря, что всё закончилось, Колин спрыгнул с колонны и посмотрел на своего спасителя. Тот резко выдернул меч и направил окровавленный клинок в сержанта. Грудь воина тяжело вздымалась но, несмотря на жуткие раны, оружие парень держал уверенно. Колину вдруг стало не по себе — кто знает, что у незнакомца на уме. Всего один взмах и сержант присоединится к мёртвым тварям.

Вдруг лицо молодого воина исказила гримаса боли. Он покачнулся, схватился за правый бок и припал на колено. Голова опустилась, и Колин услышал каркающий кашель. Выбросив из головы мрачные мысли, он подскочил и подставил плечо.

— Ну и силен же ты, приятель! В одиночку таких тварей завалил! Держись за меня и ступай аккуратно, — сержант даже не заметил, что говорит на своём родном языке. Ему было необходимо отвлечь парня, пребывающего в предобморочном состоянии, и незнакомый язык оказался как нельзя кстати.

Колин довёл воина до костра и усадил на расстеленную накидку из грубой ткани.

Парень безвольно повиновался. Горячка боя отступила и силы начали оставлять израненное тело. Сержант заглянул ему в глаза.

— В твоей сумке есть чистые тряпки? Мне нужно тебя перевязать, — воин не ответил и Колин потормошил его за плечо. — Ты меня слышишь?

Вдруг взгляд молодого парня прояснился, и он отчётливо произнёс:

— Я готов, о посланец Сеттиллиса. Веди меня в Чертог Славы...

— Чего?! — Колин округлил глаза. — Ты в своём уме?!

Но черноволосый не ответил и без чувств повалился на бок.

Первое мгновение сержант так и стоял, ожидая, что воин очнётся, но ничего не происходило. Тогда он склонился и придавил пальцами шейную артерию. Пульс присутствовал.

— Жив!

Эта простая, но в то же время радостная мысль заставила Колина собраться. Развязав горловину кожаного мешка, он вытряхнул содержимое на накидку и стал копаться в вещах воина, выискивая материал для перевязки.

Судя по всему, черноволосый парень основательно подготовился к походу. Среди нескольких комплектов запасной одежды и пары прочных сапог, Колин так же нашёл и металлическую кухонную утварь: котелок, кружку, ложку и миску. Кроме того, здесь же нашёлся кожаный чехольчик с набором для заточки оружия и комплект метательных ножей на кожаной перевязи.

В отдельном свёртке лежало огниво и небольшая глиняная баночка, наполненная какой-то пахучей слизью. Вероятно заживляющая мазь, но как ей пользоваться Колин не знал и поэтому, как и всё остальное отложил в сторону.

Перевернув котелок, нашёл внутри тряпичный свёрток. Развязал и от ударившего в ноздри запаха пищи, рот моментально наполнился слюной. Внутри оказался целый каравай ещё мягкого хлеба, какая-то зелень, мешочек с крупой и много вяленого мяса, нарезанного аккуратными кусками. Реакция истосковавшегося по еде организма оказалась вполне логичной и, схватив первый попавшийся кусок, Колин затолкал его в рот.

— Прости, друг, иначе совсем загнусь, — он виновато посмотрел на бесчувственное тело.

Слова, произнесённые вслух, вернули дезертировавшую совесть на место. Сержант отложил свёрток с едой и стал перебирать одежду, гадая, что из этой кучи лучше подойдёт для перевязки ран. Но портить одежду не пришлось. Под ней нашёлся большой моток сероватой ткани с ладонь шириной.

— Как нельзя кстати! — обрадовался сержант. — Сойдёт в качестве бинта.

Он аккуратно отодвинул окровавленные лохмотья на бедре и невольно поёжился. Нога воина была рассечена почти до кости. Кровь уже не сочилась, а края раны почернели, словно головёшки в костре. Колин склонился и принялся.

«Так вот откуда этот сладковатый запах, — его аж передёрнуло. — Вероятно, не обошлось без яда иначе, откуда взяться трупному гниению так быстро?»

Сержант решительно выхватил кинжал из ножен на поясе воина и, не медля ни секунды, вспорол штанину от щиколотки до паха. Затем стащил полный крови сапог и отвязал от пояса парня внушительную флягу. Больше всего в тот момент Колин боялся, что она окажется пуста и придётся бегать по округе в поисках воды, но страх оказался напрасен. Фляга по самую пробку была наполнена чистой водой.

Он оторвал от полосы ткани несколько кусков, свернул на манер тампонов, смочил и стал оттирать запёкшуюся кровь. Максимально очистив края раны, Колин глубоко вздохнул и окунул лезвие в языки пламени.

— Повезло, что однажды такое видел, — проворчал он, делая первый надрез.

Из раны тут же хлынул поток бледно-жёлтого гноя, словно мякоть переспелого фрукта, а края разреза заискрились голубоватыми капельками.

Колин одёрнул кинжал и вдруг ощутил, как внутри разреза что-то шевельнулось. Волосы встали дыбом. Выронив кинжал, он отшатнулся и стал наблюдать. Гной засветился, забурлил и стал твердеть. В конечном итоге вся рана оказалась заполнена чёрным морщинистым комком, так похожим на гнилое яблоко.

— Да будь проклят этот мир с его чёртовой магией!!! — взвыл Колин от омерзения. — Лучше бы я остался по ту сторону!

Но вдруг голову словно окатили ледяной водой.

— Магия! Ну, конечно же, магия!!!

Сержант сделал добрый глоток из фляги, поперхнулся и закашлялся. Это вернуло его с небес на землю.

— А что, если не смогу, не сумею? Ведь с Векти же не вышло...

Но кто-то внутри жёстко отрезал:

«Векти был безнадёжен, а ты наивен! Здесь же ничего, кроме пореза! Соберись и действуй!!!»

Колин аккуратно положил ладони поверх раны и закрыл глаза. Как и в прошлый раз, он задышал глубоко и часто, насыщая кровь кислородом. Вероятно, в памяти что-то отложилось, так как тепло в районе солнечного сплетения удалось ощутить сразу. Но как сержант не старался, оно упорно не хотело перемещаться в ладони.

Вскоре удерживать обжигающий сгусток энергии стало невозможно и Колин понял — ещё немного и накопленная сила выйдет из-под контроля. Что тогда произойдёт, одному богу известно, но явно что-то нехорошее. Поэтому сержант решил попытаться обуздать рвущийся наружу поток.

Первое, что пришло в голову — заключить энергетический шар в кокон собственной силы воли, но это оказалось не так-то просто. Как только Колин накрывал энергию ментальным куполом, часть её выдавливалось наружу, словно он пытался руками смять воздушный шарик. После нескольких бесплодных попыток эту затею пришлось оставить.

«Как же они это делают? Ведь есть же выход, есть... но какой?»

Виски покрылись испариной. О том, чтобы отправить энергию в ладони и попытаться заживить рану, уже не было и речи. Силы накопилось столько, что она просто-напросто сожгла бы воину ногу, а заодно и руки самого сержанта. Это он ощутил всей своей сутью, поэтому даже не стал пытаться.

И тут решение само всплыло из глубин подсознания, как будто всё время там находилось. Как прозревший слепец Колин просто увидел, что должен сделать и будто ведомый чьей-то рукой мысленно потянулся к пышущему жаром сгустку энергии.

Первая же ментальная нить вспыхнула и осыпалась, но на смену ей пришла другая, а затем ещё и ещё. Большую часть постигала та же участь, что и первую, но Колин не сдавался, рождая нити одну за другой, всё быстрее и быстрее и окутывая ими накопленную энергию, как паук муху. В конце концов, настал момент, когда нитей стало так много, что жар в груди не смог с ними справиться и скрылся под плотным ментальным клубком.

Колину показалось, будто его окатили ледяной водой. Жжение в груди исчезло, мысли прояснились, и во всём теле появилась лёгкость. Даже дышать стало легче. Обуздав хаос сырой энергии, сержант понял, что теперь с лёгкостью может ей манипулировать. И первое, что он сделал, толкнул энергетический клубок к ладоням. Для этого хватило лишь тени мысли. Даже не открывая глаз, Колин прекрасно увидел, как ладони засияли и от кончиков пальцев в рану скользнули перламутровые жгутики.

Сдвинув кисти немного в сторону, он открыл рану внутреннему взору и тут же отшатнулся, едва не разорвав связь. Половину бедра занимала странная опухоль похожая на моллюска с длинными нитеобразными щупальцами. Колин решил удалить её из раны, но при первом же прикосновении опухоль выстрелила в разные стороны новой гроздью чёрных нитей-щупалец. Сержант открыл глаза и в ужасе отвалился от воина. На лбу выступила испарина.

— Что ж за чертовщина-то?! — он сплюнул кислую слюну и посмотрел на рану обычным зрением. От разреза во все стороны бежали вздувшиеся чернотой вены.

— Эта гниль скоро его убьёт. Что же делать?

Разозлившись на собственную слабость, Колин вновь занёс руки над раной. В глазах появился задорный блеск.

— А вот чёрта-с-два я дам тебе умереть!!! Не выйдет! — он закрыл глаза и отдал мысленный приказ. Ладони тотчас засияли.

Сержант подошёл к делу с основательностью хирурга. Ментальными нитями перехватил каждую почерневшую вену и погнал гниль по кровеносным каналам обратно к опухоли. Та стала извиваться как живая, пытаясь растечься как можно шире, но Колин вовремя пресекал все попытки. Наконец когда сосуды были очищены, он сформировал из ментальных нитей подобие скальпеля и резанул по опухоли.

В сознании раздался отвратительный визг, и чёрный комок распался надвое, обнажив пульсирующие внутренности, кишащие голубоватыми капельками, словно личинками мух. Колин открыл глаза и, преодолевая отвращение, ухватился за склизкую субстанцию. Резко дёрнул и гнойный «корнеплод» обвис у него в руке.

Сержант отшвырнул мерзость в огонь и стал брезгливо оттирать ладони о штаны. Затем откупорил флягу и припал к горлышку. Жадно глотая воду, он краем глаза заметил, как из раны толчками выплёскивается ярко-алая кровь. В панике отбросил флягу и кинулся её останавливать.

Не найдя ничего лучше, он обернул разрезанную штанину вокруг бедра и затянул на манер жгута. Кровь утихла и Колин с облегчением вздохнул, но вдруг вспомнил про флягу. Взболтнул и, коря себя последними словами, тяжело вздохнул — воды осталось едва ли треть.

— Ладно, с водой разберёмся позже, — он вернул пробку на место и отложил ёмкость. — Сейчас нужно зашить рану. Вот только чем? — Колин на всякий случай перевернул вещи, но швейных принадлежностей не оказалось. — А что если и здесь поможет магия? — в нём пробудился дух исследователя. — Ну-ка, попробуем...

Как заправский фокусник сержант хрустнул пальцами, закрыл глаза и напитал ладони энергией. Перед внутренним взором предстала рана с развороченными краями, только теперь без какой-либо черноты, что не могло не радовать.

Как и в прошлый раз Колин стал один за другим зажимать сосуды, останавливая кровотечение и гадая как заживить разорванную ткань. На ум ничего не шло. На языке всё

время вертелись такие понятия как регенерация, деление клеток и обмен веществ, но как всё это применить в данной ситуации Колин, увы, не знал. И вдруг его словно в затылок клюнули.

— А что если дать больше жизненной энергии туда, где её почти не осталось? Разве тем самым мы не ускорим процесс восстановления тканей?

Сказано — сделано. Стянув края раны, сержант направил в неё энергетический поток и стал наблюдать.

Минуты текли, но ничего не происходило. Энергия как в бездонный колодец впитывалась в разрез не вызывая каких-либо изменений. Почувствовав, что слабеет, Колин понял, пора прекращать, но вдруг заметил долгожданный результат. Как в замедленной съёмке края раны потянулись друг к другу.

«Действует!»

Радостная мысль мурашками побежала от шеи к копчику и, не смотря на слабость, он увеличил поток. Через некоторое время о ране напоминал лишь грубый рубец поперёк бедра да запёкшаяся кровь вокруг.

Тяжело дыша, сержант отнял затёкшие руки и грузно перевалился с коленей на пятую точку. Не будучи настоящим магом и даже не догадываясь о существовании магического истощения, он в полной мере испытал его на себе.

Жутко захотелось есть. Колин схватил кусок мяса, отщипнул хлеба и, почти не жуя, протолкнул в горло добрым глотком из фляги. Отломил ещё и прислонился спиной к фонтану. Жадно давясь очередным куском, он взгляделся в лицо черноволосого воина. Дыхание выровнялось, и на щеках парня появился лёгкий румянец. Всё было хорошо. Вдруг взгляд остановился на боку, где доспех превратился в лохмотья.

— Вот чёрт, ещё ведь и рёбра... — простонал сержант с набитым ртом. — А так неохота шевелиться. Сейчас бы вздремнуть... вечность... Ладно, последний рывок и посплю.

Он положил ладони воину на живот, закрыл глаза и, буквально сразу же ощутил болевые эманации повреждённого места. Два ребра оказались треснуты. Решив, что гематома пройдёт и сама, сержант чётко отмерил количество энергии, которое потребовалось для сращивания костей. После магического лечения силы его оставили и Колин забылся тяжёлым сном...

Проснулся внезапно, будто кто-то щёлкнул выключателем. Секунду назад что-то снилось, а в следующий момент глаза уже пялятся в темноту. Колин несколько раз моргнул, но светлее не стало. Хотел подняться и вдруг обнаружил, что руки связаны за спиной.

«Что произошло?!»

Сержант приник спиной к парапету фонтана, внутри которого проснулся и, используя его в качестве опоры кое-как сел. Затем перевалился на колени и поднялся.

Первое, что бросилось в глаза — выпотрошенные туши хищников, сваленные в кучу у костра. Рядом черноволосый парень шелестит точилом по лезвию топора. У его ног туго набитый мешок и груда амуниции. Над костром тренога с котелком, из которого разливается аппетитный аромат свежесваренной пищи. В желудке предательски заурчало и Колин сглотнул слюну.

Вдруг воин отложил оселок, удобнее перехватил топор и настороженно взглянул на сержанта. Колин застыл, словно каменный истукан. Он понял — парень с лёгкостью швырнёт своё оружие даже из сидячего положения.

Черноволосый медленно поднялся, так же медленно вытянул меч из ножен, выпустил

рукоять топора и принял удобную стойку.

— Кто ты?

— Просто заблудившийся путник.

— Просто путник?! В одном тряпье, на босу ногу и без оружия? — воин угрожающе повёл мечом.

— Послушай, — Колин попытался разрядить обстановку, — из твоего котелка идёт такой аромат, что мой желудок уже сам себя переваривает. Угости, а я, в свою очередь, расскажу, кто такой и откуда взялся. Ну, что скажешь? — сержант вопросительно выгнул бровь.

— Я всё ещё жду ответа! — рявкнул воин. — Выкладывай! И постарайся быть убедительным, иначе выпотрошу как верлов, — кивок в сторону мёртвых хищников.

Колин проследил за его движением и сглотнул горькую слюну. Придётся отвечать.

— Там, — он мотнул подбородком, — на равнине стоит огромная каменная арка. Через неё я попал сюда...

Чёрные брови молодого парня взметнулись ко лбу и меч грозно дёрнулся. Сержант поспешил объяснить:

— На острове, откуда я пришёл точно такая же арка. Она вдруг засветилась, я вошёл в неё и оказался здесь. Почему так случилось вот хоть режь не объясню, — Колин соорудил наивное выражение лица.

Некоторое время воин играл желваками, по-видимому, гадая, стоит ли верить, но потом опустил меч и уже спокойно проговорил:

— Эти проклятые маги и не такое могут. Как твоё имя?

— Колин, — сержант облегчённо выдохнул.

— Меня зовут Скахет. Я послушник Храма Теней.

— Приятно познакомиться, Скахет. Может, всё-таки развяжешь?

— Уж прости, Колин, но нет. Не хочу сюрпризов. Если голоден, подсаживайся к костру как есть.

Мысленно проклиная родню недоверчивого воина, сержант перевалился через парапет и подошёл к костру.

— И как ты себе это представляешь? — он вопросительно уставился на протягиваемую миску.

— Ну, как знаешь, — воин пожал плечами и сделал вид, будто собирается вывалить варево обратно в котелок.

Колин негромко чертыхнулся, улёгся на спину и перекинул верёвки через ступни.

— Ты есть-то, будешь, или спать собрался? — усмехнулся воин, наблюдая за его манипуляциями.

— Издеваешься, да? — сержант принял протянутую миску. — Зачем вообще было меня связывать? Разве не видно, что я не опасен?

— Пока ты спал, под твоей рубахой что-то светилось, — настороженно произнёс Скахет. — Радуйся, что стгоряча вообще не перерезал глотку. Я магов слегка недолюбиваю.

— И много ты видел похожих на меня магов? — поинтересовался сержант, отправляя в рот первую ложку.

Каша оказалась густой, пряной и с кусками нежного мяса. Колин едва язык не проглотил от удовольствия.

— Таких как ты — ни одного, — пожал плечами Скахет. — Но всё когда-нибудь

случается впервые. Мир, знаешь ли, богат на странности, — от внимания сержанта не укрылось, как побелели костяшки пальцев, сжимающие рукоять.

— Светился рисунок на моей груди, — Колин поставил миску на землю и задрал рубаху. — Однажды в меня попала молния и вот... — он непринуждённо вернулся к трапезе, хотя спину обдало холодком — а ну как воин не поверит.

Но воин поверил. Он с шелестом вернул оружие в ножны и поинтересовался:

— Как тебе моя каша?

— В жизни не пробовал ничего вкуснее, — честно признался Колин. Желудок приятно отяжелел. — А как тебе удалось сделать вяленое мясо таким нежным и сочным?

— Не догадался? — Скахет ухмыльнулся. — Это печень верлов. Редчайший деликатес. Если верить слухам теперь не будешь знать проблем с зубами, да и мужской силы изрядно прибавится, — воин заржал в полный голос — уж очень ошарашенное выражение приняло лицо сержанта.

— Ты серьёзно? — не поверил Колин. — Неужели этих тварей можно есть? Откуда они вообще взялись?

— Этих пустили по моему следу, — посерьёзnel Скахет и с хрустом сжал ладони. — Думал, сумею запутать и оторваться, но верлы оказались не так просты... Но всё равно это лучше, чем, если бы в погоню пустили трезубец.

— Пстой, — сержант прервал громкие размышления Скахета. — Ты вообще о чём? Нет, кто такие верлы я понял, а вот трезубец...

— Тебе это знать ни к чему! — оборвал его воин и наклонился к мешку. Достал кружку, плеснул в неё воды из фляги, протянул сержанту. — Пей, иначе будет несварение.

Колин благодарно кивнул, одним глотком осушил и вернул обратно. Скахет сунул кружку в мешок, вылил остатки воды из фляги в котелок, ополоснул его вместе с миской и отправил вслед за кружкой.

— Кстати, твоя работа? — он пнул какой-то грязно-бурый комок, в котором сержант с трудом узнал те самые штаны, что были на воине в момент их встречи. Правда, теперь на них отсутствовали металлические бляшки.

— Ну да, моя, — не стал отрицать Колин.

С минуту воин молчал и лишь вздувающиеся скулы говорили, что он переваривает мысль, в которую не желал верить. Наконец смирившись с тем, что Колин всё же маг Скахет сухо спросил:

— Неужели ты справился с ядом верлов? Не слышал, что такое возможно.

— Всё когда-нибудь случается впервые, — передразнил Колин недавние слова Скахета. — Видел бы ты себя... Я решил, что хуже не будет и попробовал тебя подлатать. Результат сам видишь.

Некоторое время Скахет молчал. В нём боролись благодарность и неприязнь к магам. Наконец чувство долга взяло верх, и он припал на колено.

— Я благодарю тебя за спасение и прошу принять любое моё оружие.

Колин опешил.

— Да ни к чему мне твои железки! Лучше развяжи и проехали.

— Для послушника Храма оружие является частью тела, — на полном серьёзе произнёс коленопреклонённый Скахет. — Отказавшись, ты нанесёшь мне обиду, смыть которую под силу лишь крови.

Колин заглянул в его глаза и понял, парень не шутит, он действительно готов искупать

оскорблённое оружие в крови. Решив его не провоцировать, сержант поспешил согласиться.

— Я принимаю твою благодарность. Теперь можешь встать.

Скахет даже не шелохнулся. Поняв, что от оружия никак не отвертеться, Колин обречённо произнёс:

— Уговорил, давай своё железо.

— Выбирай, — парень вытянул меч из ножен и положил к его к ногам. Рядом легли топор и пара кинжалов.

— Нет-нет, — отмахнулся сержант. — Помнится, я там видел такую чудную перевязь с метательными ножами. Вот её и возьму.

— Метательные ножи? — неподдельно удивился Скахет. — Но ведь они годятся лишь для охоты. Возьми меч или топор.

— Зачем? — поинтересовался Колин. — Фехтовать я не умею, а топором могу лишь дров наколоть. Нет уж, давай метательные.

Воин развязал мешок и извлёк их на свет. Затем быстрым движением перерезал верёвки и протянул Колину кожаную перевязь. Сержант тут же перекинул её через плечо и затянул ремень.

— Странный ты, — после короткой паузы констатировал Скахет. — Отказаться от нормального оружия в пользу ненадёжных железок...

— Не такие уж они и ненадёжные, — буркнул сержант.

— Ну, дело твоё. А мне пора, — Скахет принялся натягивать сохнувшие у костра сапоги.

Колин едва не подскочил. Как так? Думал, пообщаются ещё и вдруг нате, приехали.

— Ты куда-то торопишься?

— В порт, — хмуро обронил Скахет. Желание продолжать разговор у него пропало.

Колин понял, что снова остаётся один. Придётся думать о еде и гадать, откуда в тот или иной момент выскочит смерть. Со Скахетом эти проблемы решатся сами собой. В порт, значит в порт. А там посмотрим.

— Могу я пойти с тобой?

Воин прервал сборы и обернулся.

— А какой мне от тебя прок? Будешь жрать мою пищу, а что взамен?

— Ну, в случае чего, смогу залечивать раны... — замялся Колин. — Да и не ем я много... В конце концов, — он решил привести последний аргумент, — я же тебя спас.

Воин с минуту размышлял. Затем наклонился, поднял мешок и швырнул сержанту.

— Это значит «Да»?

— Это значит, понесёшь вещи, — пояснил Скахет. — В случае чего, мне будут нужны свободные руки.

— А-а-а, — с пониманием протянул Колин.

— И твои будут заняты... Только помни, — воин понизил голос, — то, что я тебя поблагодарил, ещё ничего не значит. Сейчас моё к тебе доверие точно земля под ногами. Я буду начеку и с лёгкостью отражу брошенный нож.

Оставив Колина переваривать свои слова, Скахет бодрой походкой направился к колоннам. Колин подхватил неповоротливый мешок и поспешил следом, каждый раз чертыхаясь, когда под ногу попадался острый камешек.

Среди колонн прятался узкий коридор, через который они попали в небольшой сад, где струился заросший родник. До ломоты в зубах напились обжигающе-холодной воды, наполнили флягу и едва горизонт окрасился багровой дымкой, покинули развалины...

***

— Послушай, Скахет, откуда на вашем острове так много развалин? — поинтересовался Колин, стянув сапоги. Поставил поближе к костру, повесил на них портянки и с блаженством вытянул уставшие ступни.

Путники разместились на ночлег внутри полуразвалившегося павильона. Шёл третий день их путешествия, а до порта, по словам воина, оставалось ещё два дневных перехода.

Одеждой и обувью сержант обзавёлся в первый же день. Воин задал такой бешеный темп, что Колин едва за ним поспевал. Тяжёлый неудобный мешок больно стучал по спине, а в босые ступни то и дело впивались острые камни. Когда черноволосый воин, наконец, скомандовал привал, сержант тут же рухнул на землю, схватился за ступни и разразился проклятиями, припомнив всю родню Скахета до седьмого колена.

Кинув беглый взгляд на истерзанные ноги, воин извлёк из мешка запасные штаны, рубаху, пару сапог и отрез ткани на портянки. Затем протянул сержанту баночку с мазью и велел натереть ступни. Колин не заставил себя уговаривать.

Вся одежда, кроме сапог, пришлась впору — телосложение у них со Скахетом было примерно одинаковое. А вот нога у воина оказалась меньше размера на два. Но и здесь нашёлся выход. Скахет отдал сержанту свои сапоги, которые к тому времени уже разносились, а себе взял новые...

Воин, суетившийся у котелка, молча всыпал в закипевшую воду крупу, горсть специй и только тогда снизошёл до ответа:

— Нет ничего удивительного. Когда-то давно Хеграт-Гир был очень оживлённым местом.

— А Хеграт-Гир это что? — лениво переспросил Колин. От костра по телу разлилась приятная лень.

— Хеграт-Гир с древне-схетского переводится как «каменный остров».

— А каменным, вероятно, его назвали из-за густой растительности? — усмехнулся сержант.

— Зря смеёшься, — не принял шутки Скахет. — Давным-давно здесь было весьма живописно. Остров пересекала глубокая река, цвели великолепные сады и водилась всевозможная живность...

— ... а после была война, и великие разрушения превратили остров в царство развалин, — зловещим шёпотом продолжил Колин. Настроение было хорошим — боль в ступнях утихла, а желудок приятно урчал в предвкушении сытого ужина, почему бы не подурачиться.

— Да ну тебя, — отмахнулся воин, разворачивая свёрток с остатками печени верлов. — Будешь плохо себя вести, мяса не получишь.

— Молчу, молчу, — сержант спрятал улыбку. — Рассказывай дальше.

— А нечего рассказывать, — пожал плечами Скахет, нанизывая куски мяса на палку. — Не было ни войн, ни катаклизмов. По преданию, жизнь на Хеграт-Гир стала угасать с появлением Храма Теней. Но это было ещё до империи Схетхе, поэтому никто уже толком не помнит, что произошло на самом деле.

— Но ты же из Храма, — напомнил Колин, — неужели не знаешь его тайн?

— Какие тайны, — фыркнул Скахет, — я всего лишь послушник с незавершённой татуировкой.

— Что за татуировка? — оживился сержант. — Покажи.

— Да ничего особенного, — воин задрал левый рукав. На внутренней стороне предплечья были нарисованы меч и топор, опоясанные цепью.

— И что это означает?

— В начале обучения воину даётся оружие. Не спрашивай, каким образом определяют, кому какое подходит — это дело Верховных — но в дальнейшем мы не вправе менять выбора. Конечно, послушники учатся владеть и другими видами, но с основным приходится и есть, и спать, и даже мыться. Видишь, меч и топор скрещены? — Колин кивнул. — Это значит, что я могу драться ими одновременно. Если бы они располагались параллельно, тогда б я дрался либо мечом, либо топором.

— Обязательно меч и топор?

— Конечно же, нет! — Скахета рассмешил столь наивный вопрос. — Пары бывают разные.

— А цепь для чего?

— Цепь означает круг обучения. Когда в ней будет сто звеньев, по числу смертельных поединков, цепь замкнётся. Далее воину предоставляется выбор — остаться или покинуть стены Храма став вольнонаёмным.

— А что происходит с теми, кто остался? — Колина зацепила странная жизнь загадочного Храма.

— Их ожидает особое обучение, по окончании которого в цепь вплетается рисунок ядовитого плюща. Такие воины становятся трезубцами.

— А твоя цепь не замкнута потому, что ты ещё обучаешься?

— И да, и нет, — уклончиво ответил Скахет. — В моей цепи восемьдесят девять звеньев. Просто... мне пришлось уйти.

— Ты бросил обучение?

— Замолчи! — Скахет нервно одёрнул рукав.

— Не хочешь рассказывать — не надо. Больно нужны мне твои тайны. Как-нибудь...

— Я сказал, заткнись! — зашипел воин, вскакивая и выхватывая меч. — Мы не одни!!!

В подтверждение его слов, в круг света скользнули трое. Колин подскочил как ужаленный, выхватил нож, но тут же бессильно его опустил. От мрачных фигур, облачённых во всё чёрное, исходила такая угроза, что сержант ощутил её кожей. Чёрным было всё — начиная от сапог и заканчивая полумасками, скрывающими лица до самых глаз. Даже обнажённые парные клинки в каждой руке отливали синей чернотой.

— Всё-таки один трезубец, — нарушил молчание Скахет.

— Не лести себе, — откликнулся тот, что стоял ближе к костру (остальные встали чуть поодаль, каждый контролируя свой сектор). — Я видел твои поединки и уверен — даже одного трезубца будет много, — голос из-под полумаски сочился презрением.

— Рад, что меня недооценивают, — с улыбкой произнёс Скахет, подкинув носком сапога топор. Тяжёлое оружие подлетело словно пушинка, и тут же оказалось в левой руке воина. — Какие ж вы тени, если дали себя услышать? Топаете, словно орагры, — он презрительно сплюнул под ноги.

— Повторяю, не лести себе. Пожелай мы остаться незамеченными, поверь, так бы оно и

было. Но у меня другой приказ...

— Я не вернусь, — отрезал Скахет.

— Ты, верно, забыл, что Храм просто так не отпускает своих воспитанников. Тем более, уносящих его собственность, — Колин вопросительно посмотрел на своего спутника, но тот даже бровью не повёл. — У меня приказ принести твою голову и доставить в Храм этого человека, — воин в чёрном повёл кончиком лезвия в сторону сержанта.

— Меня?! — опешил Колин. — Я-то вам зачем?!

— Держите его, пока мы не закончим.

Безмолвные тени подскочили к сержанту и больно заломили руки.

— Пойдите! — выкрикнул Колин, пытаясь освободиться от жёсткого захвата. — Откуда вы обо мне узнали?!

— Приказы Верховных не обсуждаются, — снизошёл до ответа главный из тройки. — Мы лишь исполняем их волю. А тебе, — он обратился к Скахету, — Круг предоставил правс фаурис. Неудивительно, если учесть, чей ты протеже.

— Фаурис? — удивился Скахет. — Неслыханная честь.

— Выбирай, — воин в чёрном швырнул к его ногам кинжал, обрывок верёвки и небольшую коробочку величиной с перепелиное яйцо. — Надеюсь, выберешь поединок. Давно мечтаю скрестить с тобой оружие.

— Сомневаешься? — Скахет подцепил кончиком меча кинжал и отшвырнул в сторону. — Не люблю, когда меня душат или травят.

— Выбор сделан, — произнёс его собеседник и тут же прыгнул вперёд, скрестив клинки на манер ножниц. Резко разведя руки в стороны, он попытался вспороть шею Скахета, но тот был начеку. Прогнувшись назад, воин выставил навстречу оружие, и сталь встретилась со сталью. Раздался звон, в ночь посыпались искры. Противники отскочили друг от друга, и медленно пошли по кругу.

Новый выпад и снова звон металла, затем ещё и ещё. Скахет вертелся ужом, уходя от ударов, парируя и выставляя блоки, но главный из тройки был быстрее. Там, куда перемещался черноволосый воин, его всё время ожидала острая сталь.

А Колин, зажатый в тисках сильных рук, стал потихоньку закипать. С тех пор, как он попал в этот мир, все кому не лень стараются его пленить. И если в случае с менкоа, а затем и с пиратами всё было понятно, то в данный момент оставалось лишь гадать, откуда какие-то Верховные из неизвестного Храма вообще о нём узнали. И ладно бы спросили, хочет он идти в этот самый Храм или нет. А то: «Пойдёшь с нами» и всё. Как будто он животное.

Вдруг над самым ухом раздалось: «Это маг!» и Колин почувствовал свободу. Обернулся, но никого не увидел — воины скрылись за границей тьмы и света. Сержант, было, удивился, но серебристое свечение ладоней отвлекло. Сам не заметил когда напитал их энергией.

В голову вдруг пришла безумная идея. Колин вытянул руку в сторону дерущихся и представил огненный шар, какими гадрахи обстреливали пиратский корабль. Сработало! Над раскрытой ладонью сформировался сгусток жидкого пламени размером с детский кулачок. Повинуясь какому-то инстинкту, Колин накрыл его другой ладонью, но вместо жгучего огня ощутил тугое сопротивление воздуха. Пламя не обжигало.

И тогда он размахнулся и швырнул этот «снежок» к ногам соперника Скахета. Хотел лишь отвлечь, но вышло иначе. Переливаясь всеми оттенками жёлтого огонёк с рёвом вспорол ночной воздух, ударился о землю и расплескался словно лава. Воин дико заорал, упал на землю и принялся сбивать пламя с ног. Скахет успел отскочить, но тут же вернулся и

пинком в голову успокоил командира.

Из тени выскочили двое и не вмешайся Колин, черноволосый воин был бы уже мёртв. На этот раз шар возник в ладони намного быстрее, но сержант так торопился что промахнулся. Огонь скрылся в ночи, едва задев плечо одного из соперников Скахета. Тот хлопком погасил дымящуюся одежду и выбросил руку в сторону сержанта. Колин инстинктивно зажмурился, но вместо боли ощутил жжение в груди. Открыл глаза и отшатнулся — перед ним висела радужная линза, в которой увяз кинжал причудливо-изогнутой формы. Выяснить природу загадочного явления времени не было (воин бежал вслед брошенному кинжалу) и Колин схватился за рукоять.

Линза растворилась в воздухе, а он что есть мочи швырнул оружие в бегущего. Видимо в бросок удалось вложить не только силы, так как лезвие засветилось и по самую рукоять вошло в чёрную грудь. Воин споткнулся и покатился по земле, звеня оружием. На этом бой окончился.

Разобравшись со своим противником, Скахет невозмутимо вытер меч о его одежду и подошёл ко второму. Рывком выдернул кинжал из груди, подбросил в руке, крутнул вокруг ладони проверяя баланс, удовлетворённо крякнул и срезал ножны.

— Держи, пригодится, — сержант благодарно кивнул и привесил кинжал к поясу. — Кстати, ловко ты его. Прости, что сомневался в твоём умении, но сам понимаешь, — он виновато развёл руками, — пока не увидишь, не поверишь.

— Да всё в порядке, — Колин подсел к костру и принялся обуваться. В горячке боя даже и не вспомнил о сапогах. — Этого добьёшь, чтоб не мучился? — сержант кивнул в сторону обожжённого.

Огонь потрудился на славу. От штанов остались лохмотья, а мясо на ногах обуглилось так, что в некоторых местах белыми островками проступили кости.

— Добью, но у меня к нему парочка вопросов, — от тона, которым была произнесена эта фраза у Колина по спине побежали мурашки.

— Пытать будешь?

— Имеешь что-то против? — Скахет нахмурился. Не выдержав его взгляда, Колин отвёл глаза. — Разве не любопытно, зачем Верховные приказали доставить тебя в Храм?

— Любопытно, но пытать... — Колин передёрнул плечами. — Лучше остаться в неведении.

— Ну, как знаешь.

Скахет повёл носом, грязно выругался и бросился к костру, где на палке жарились куски печени. Схватил импровизированный шампур, стряхнул обуглившиеся куски на расстеленную ткань и поднял опрокинутый котелок.

— Хвала Единому, не вся каша пропала. Хотя мясо изрядно подгорело. Давай-ка поедим.

Жевали молча, глядя в огонь и каждый думая о своём. Наконец Скахет нарушил молчание:

— Думаю, сегодня нас вряд ли кто-нибудь побеспокоит, поэтому давай укладываться. Завтра придётся двигаться максимально быстро, иначе рискуем никогда не выбраться с этого проклятого острова...

Короткий тревожный сон прервал истошный крик. Колин открыл глаза и сел, пытаясь ухватиться за ускользающее сновидение. Остатки цветных картинок никак не желали задерживаться в голове и сержант с наслаждением потянулся. Солнце только поднималось

над горизонтом, и день обещал быть ясным.

Вдруг за спиной раздался протяжный стон, перешедший в булькающий хрип. Колин обернулся и увидел, как Скахет бесцеремонно перерезает горло последнему из трезубца. Его передёрнуло — зрелище не из приятных. Воин кивком поприветствовал сержанта и поднялся с колен.

— Ну и здоров же ты дрыхнуть! — как ни в чём ни бывало, воскликнул он. — Я уже битый час на ногах, а ты всё спишь да спишь. Так же нельзя, — Скахет подхватил флягу, плеснул воды в ладонь и принялся старательно оттирать руки.

— Зато твоё утро прошло интересно, — буркнул сержант, не разделяя веселья черноволосого воина. Перед глазами вновь встала жуткая картина. — Неужели тебе это доставляет удовольствие?

— Не скажи, — Скахет посерьёзnel и уселся рядом. — Поверь, со мной они бы поступили точно так же, а может и того хуже. У трезубцев такое в порядке вещей... Кстати, ты всё ещё хочешь узнать, как о тебе прознали Верховные?

— Ещё бы! — Колин подался вперёд.

— Вот видишь, — усмехнулся воин, — всё-таки не зря я встал пораньше. Вон как глаза загорелись.

— Простое любопытство, — насупился сержант. — Что-что, а уж я бы точно не стал добиваться ответа таким образом. Это не моё.

— Зарекалась гаррута[1] дерьмо не клевать... — протянул Скахет и, хлопнув себя по коленям, поднялся на ноги. — В общем, так — все ответы в пути. Завтрак, кстати, тоже. Быстро собираем оружие и выдвигаемся.

— Куда нам столько оружия? — удивился Колин, поднимаясь вслед за воином.

— Для особо безграмотных объясняю — на материке за такие мечи любая оружейная лавка отсыплет кучу золотых. Так что поторопись, мы и так уже много времени потеряли.

Обойдя трупы, они собрали три пары мечей и четыре кинжала. Упаковали собственные вещи и выдвинулись в путь...

— Ну и как обо мне узнали в Храме? — через некоторое время поинтересовался Колин, догнав Скахета. Воин молча шёл впереди, задавая темп. Дорога пролегла меж невысоких каменистых холмов, поросших мелкой травой.

— Ты их заинтересовал... — отстранённо произнёс Скахет, погружённый в собственные мысли.

— Заинтересовал? — неподдельно удивился Колин. — Но чем? — ему пришлось обогнать Скахета и встать на пути. — Где они меня видели?

— В развалинах монастыря... — односложно ответил воин, обходя остановившегося сержанта.

— Да постой же ты! — Колин дёрнул его за плечо. — Разве в тех развалинах был кто-то ещё?!

— Кроме нас там были верлы, — Скахет, наконец, снизошёл до ответа. — В Храме всегда ходила легенда, что после особого ритуала Верховные могут видеть их глазами. Правда, в неё мало кто верил. Теперь-то всё становится на свои места.

— Хочешь сказать, глазами тех тварей смотрели Верховные? Что за бред?!

— Это не бред, Колин. Уж поверь, нас учат добывать правду...

От этих слов повеяло чем-то жутким и у сержанта пропало желание дальше задавать вопросы. Скахет поправил амуницию и глянул из-под ладони на солнце.

— Надеюсь, ты всё выяснил, так как времени на разговоры больше нет. Двигаться будем до самого заката. Береги дыхание.

Колину ничего не осталось, как поспешить вслед за воином, кляня чёртов мешок, который из-за прибавившегося оружия стал ещё тяжелее...

До самого вечера шли молча, лишь изредка перекидываясь дежурными фразами. Да и когда разговаривать? Колин едва поспевал за неугомным Скахетом, который, судя по всему, решил за день пройти весь остров. Останавливались всего пару раз и то лишь попить воды да перемотать портянки.

Когда солнце склонилось к самому горизонту, путники вышли к подножию пологого холма. Дорога здесь резко сворачивала вправо, огибая возвышенность на которой располагалась высокая башня. Воздух заметно посвежел, исчезла изрядно надоевшая пылевая взвесь и неприятный прогорклый запах.

— Заночуем в старом маяке, а завтра выйдем к порту, — Скахет стянул с лица кусок ткани и вдохнул полной грудью. Из-за постоянной пыли ни один житель острова не выходил из дома без подобного платка.

Колин, разглядывающий высокое сооружение, тёмный силуэт которого чётко обозначился на фоне вечеряющего неба, лишь вздохнул и поспешил следом, вернув на плечо опрометчиво снятый мешок.

Вблизи маяк оказался не таким величественным, каким выглядел издалека. Быть может когда-то он был высок и даже указывал путь заблудшим кораблям, но солёный морской ветер да неумолимое время оставили от могучего исполина каменный остов, скалящийся чернотой дверного провала. Верхний этаж, где в былые времена располагалось путеводное око, бесследно исчез, оставив как воспоминание о себе лишь деревянный пол да кусок каменной кладки.

Под одной из стен приютился небольшой домик с провалившейся внутрь крышей. Судя по всему, там жил смотритель маяка, но растущее посреди развалин дерево красноречиво говорило, что природа давно вернула украденный у неё клочок земли.

— Совсем ты меня загнал, — простонал Колин, сбрасывая с плеч мешок и сползая по стене. — Я уж думал, этот сумасшедший день никогда не закончится. Неужели ты ни капли не устал?

Он стянул с ног сапоги, растёр натруженные ступни и блаженно растянулся на полу, подложив мешок под голову. Но счастье длилось не долго. Скахет бесцеремонно выдернул мешок и, не обращая внимания на ворчание, принялся копать внутри.

— Где огниво? — спросил он через некоторое время, в очередной раз перетряхивая вещи.

— Последний раз ты разводил огонь, — пожал плечами сержант, — наверно там и забыл. Одну ночь можем и без костра обойтись. Давай лучше спать.

— Это предыдущие ночи можно было обойтись, а здесь у моря всю ночь будешь зубами кьяту[2] отстукивать.

— Ничего не поделаешь, — философски изрёк Колин, вернув мешок под голову и закрыв глаза. — Значит, будем плясать.

Он всерьёз вознамерился заснуть — усталость сковала тело, но Скахет был другого мнения. Он навис над Колином и легонько пнул носком сапога в бок.

— Не время разлёживаться. Доставай свои огоньки, а я за дровами.

— Какие огоньки? — не понял сержант.

— Помнится, когда мы расправлялись с трезубцем, ты лихо ими швырялся. Вот и сейчас подсоби.

С этими словами воин выскочил из маяка. На улице тут же гроыхнуло. Выглянув наружу, Колин застал яркую дугу ломаной линией устремившуюся к земле. Следом прозвучал очередной раскат грома.

Из домика зрителя вышел Скахет и поволок к маяку две длинные доски. Не обуваясь, Колин выскочил навстречу и принял ношу. Воин благодарно кивнул и отправился за новой партией. Пока сержант укладывал доски внутри, Скахет вернулся и кинул на пол очередную порцию дров. Следом раздался новый раскат грома, и в землю вонзились тяжёлые струи.

— А ты говорил без костра, — усмехнулся Скахет. — На Каменном погода переменчива как настроение юной девы, — он подхватил топор и принялся рубить доски.

Но Колин его уже не слушал. Ему вдруг стало интересно, сможет ли он повторить тот же трюк с огненными шариками не в стрессовой ситуации, а в спокойной обстановке. Скрестив ноги, он положил ладони на колени и попытался напитать их энергией. Ничего не вышло. Открыл глаза и встряхнул кистями рук. Снова закрыл и как в прошлый раз стал дышать глубоко и часто, насыщая кровь кислородом. После дыхательной гимнастики тепло в груди не заставило себя ждать.

А Скахет закончил рубить и уселся напротив, с любопытством наблюдая за действиями спутника. Ему ещё не приходилось видеть, как работает настоящий маг. Вот над правой ладонью Колина засветилась яркая точка и медленно стала увеличиваться в размере. Сержант открыл глаза и протянул руку к дровам. Ярко-оранжевый шарик сорвался с ладони и врезался в расставленные шалашиком доски.

Эффект превзошёл все ожидания. С оглушительным хлопком огненный пузырь взорвался, разметав дрова. Деревяшки устлали пол горящими факелами, а на их месте образовалось небольшое углубление. Слеплённый яркой вспышкой Скахет едва успел отскочить.

— Скажи а для того чтобы поджечь костёр обязательно его взрывать? — поинтересовался он когда зрение восстановилось.

— Извини, — виновато произнёс сержант, глядя, как Скахет затаптывает огоньки. — Ещё недавно я и так-то не умел...

Он поднял горящую деревяшку и сунул внутрь вновь собранного костра. Огонёк весело перекинулся на сухое дерево и, уже через несколько минут, в маяке стало значительно теплей.

— Станный ты, — сказал Скахет, блаженно протягивая босые ноги к огню. — С виду вроде мой ровесник, а ведёшь себя, словно младенец. Многого не знаешь, мало что умеешь. А может ты не случайно оказался на моём пути?

Колин было напрягся, но Скахет как ни в чём ни бывало, продолжил размышлять вслух:

— С одной стороны, ты сложен как воин, но боец из тебя, как из дерьма копьё. Хотя надо признать ножички кидаешь отменно. С другой — ты, несомненно, маг, но ведёшь себя будто и не маг вовсе, — Скахет окинул взглядом напряжённого спутника. — Так кто же ты на самом деле, Колин? Если тебя действительно так зовут.

От взгляда сержанта не ускользнуло движение его руки, которая небрежно легла подле рукояти меча. Колин сглотнул подступивший ком, глубоко вздохнул и решился.

— Пообещай взять меня с собой на материк, если расскажу, кто я на самом деле.

Скахет некоторое время молча играл желваками, но наконец, произнёс, словно топором рубанул:

— Обещаю.

Колин решил рассказать всё, что приключилось с ним за последнее время. И начал рассказ с того момента, как получил приказ о патрулировании космопорта. Чем дольше он говорил, тем легче становилось на душе. Будто слова прорвали какую-то незримую плотину, освободив память, где лежали мёртвым грузом.

Скахет слушал с интересом, изредка задавая уточняющие вопросы о местности или об ощущениях сержанта, а когда Колин закончил, молча развязал мешок и достал свёрток с вяленным мясом.

Колин благодарно кивнул, смочил пересохшее горло длинным глотком и принялся отрывать зубами полоски жёсткой солонины. Рассказав свою историю, он словно скинул тяжёлую ношу с плеч, и больше не думая о том, поверил ему воин или нет, полностью отдался занятию мясом.

Всё это время Скахет молча смотрел в огонь и теребил шейный платок. На лице застыло задумчивое выражение. Колин давно покончил с мясом, а воин всё сидел и не шевелился. Наконец, когда сержант решил устраиваться на ночлег, Скахет тихо заговорил:

— Своего отца я никогда не знал, так как всё, на что его хватило, это обрюхатить мою мать в портовой таверне славного Свериша. Возможно, он был одним из купцов, что нескончаемым потоком идут через порт Сумарского Халифата, а может кем-то из тех, кто продаёт меч за звонкую монету. Так или иначе, я родился в таверне и с трёх лет драил полы в проклятой забегаловке, пока однажды мать не подхватила проказу. Невзирая на мольбы, хозяин тут же выставил её на улицу, и она испустила дух в одной из грязных подворотен. Улица встретила несмышлёного юнца с распростёртыми объятьями. За те два года, что я прожил среди отбросов, мне выпало хлебнуть изрядно дерьма: от попрошайничества и мелких краж, до разбоя и убийств. Но всему когда-то приходит конец. Однажды я попытался срезать кошель у изрядно подпившего моряка, но на мою беду тот оказался весьма проворен. Поймав меня, он не отдал страже, а потащил на свой корабль и уже к вечеру мы вышли в море. Той же ночью я понял, зачем он это сделал. Моряк оказался из тех, кто женской ласке предпочитает слабых мальчиков. Но он не учёл, что меня воспитала улица, за что жестоко поплатился. Я ударил его табуретом по голове. Этот гад упал, а я всё бил и не мог остановиться. Когда кровавая пелена спала с глаз, каюта была полна матросов. Команда жаждала мести, и капитану едва удалось удержать их от расправы. Весь дальнейший путь я провёл у него в каюте. Через дюжину дней мы вошли в порт Каменного острова. Вся команда спустилась на берег пополнить запасы провизии и пресной воды, а капитан тайно отвёл меня в одну из таверн на окраине. Там он переговорил с каким-то человеком в глухом капюшоне и за увесистый мешочек передал меня ему...

Скахет замолчал и смахнул со лба выступивший пот. На протяжении всего рассказа он ни разу не сменил позы, оставаясь в напряжении, словно взведённый арбалет. Колину показалось, будто воин заново переживает события детства, упрятанные в самом потаённом уголке души. Его ли собственным рассказом было вызвано такое откровение или чем-либо другим, но сержант решил не упускать шанса и узнать окончание истории.

— И кто тебя купил?

Скахет глубоко вздохнул и продолжил:

— Не знаю. Но он привёл меня в Храм Теней и там я, наконец, смог нормально

поесть, — воин усмехнулся. — Дальше началось обучение и больше мы не встречались.

— А что за странный ритуал с куском верёвки, кинжалом и чёрной коробочкой?

— Фаурис, или выбор смерти. Воину, имеющему заслуги перед Храмом, но ставшему по какой-либо причине неудобным, предоставляется право выбора собственной смерти. Варианта три: удушение, поединок и смерть от укуса песчаного унура. Он-то и сидит в той проклятой коробке, — Скахета передёрнуло, — весьма мерзкая смерть, скажу я тебе.

— А ты-то чем не угодил Храму? — удивился Колин.

— Я узнал кое-что, чего мне знать не следовало...

— И что же это за опасное знание, что едва не вогнало тебя в могилу?

Сержант подался вперёд, предвкушая тайну, но Скахет молчал. Его тяжёлый взгляд некоторое время буравил лицо собеседника. Наконец что-то для себя решив, воин продолжил:

— Близится большая война. Не знаю почему, но впервые за многие столетия нейтралитета Храм не остаётся в стороне. Именно эти сведения я и должен доставить в Ивокарис магистру Себелиусу.

— И только-то? — Колин разочарованно расслабился.

— Ну, для тебя это знание может быть и бесполезно, — Скахет придвинулся поближе к костру и растянулся на полу. — А вот маги дорого заплатят за информацию о неожиданном союзнике. Ладно, давай спать. Итак уже полночи проговорили. Добрых снов...

[1] Гаррута — большая птица-падальщик, обитающая преимущественно в окрестностях каньона Харат, где располагается каторга Заозерья.

[2] Кьята — народный зажигательный танец.

Глава десятая

На палубе было темно. Свежий ночной ветер звонко свистел в парусах, нещадно скрипели снасти, солёные холодные брызги летели из-за борта прямо в лицо, но качка здесь ощущалась куда меньше, чем в каюте. Колин глубоко вдохнул и крепче уцепился в фальшборт, подставив лицо ветру. Уж лучше промокнуть здесь, чем дышать смрадом той каюты, в которую их поселил капитан.

На корме тускло светился фонарь, раскачиваясь на ветру и отбрасывая неверные круги света. В его скудном свете сержант заметил фигуру у штурвала. Тхоол... Колина передёрнуло. Поистине это был человек наисквернейшего характера. Высокий, с копной нечёсанных полуседых волос, худым измождённым лицом и кожей столь серой, что невольно приходила в голову мысль о мертвеце, вставшем из могилы.

Увидев, что Скахет прибыл не один, Тхоол наотрез отказался пускать его на борт Скорлупки, как он ласково назвал то прохудившееся корыто, на котором им приходится теперь плыть. В ответ на все уговоры и взывания к совести, капитан заявил, что согласится только в том случае, если плата будет удвоена. Скахету ничего не осталось, как скрипя зубами достать трофейные мечи. В глазах этого скверного типа зажегся такой алчный огонь, что Колин невольно припомнил слова воина об их цене.

Сержант вновь подставил лицо обжигающе-холодным каплям соли и перенёсся в воспоминаниях к событиям, предшествующим отплытию.

Когда ранним утром они приблизились к порту настолько, что стоящие на приколе корабли стало видно невооружённым взглядом, Скахет вдруг остановился и насторожился словно пёс. На вопрос сержанта ответил, что у него плохое предчувствие.

— Порт закрыт, — через некоторое время сказал воин.

— Откуда знаешь? Унюхал? — Колин усмехнулся.

— Нутром чую, — не принял шутки Скахет. — Опередили, поглоти их задница Харризиса! — он в сердцах сплюнул.

— Ты уверен?

— А разве сам не слышишь? — вопросом ответил воин. — Нет команд боцманов, паруса спущены и рынды молчат.

— Ну, тебе видней, — не стал спорить сержант. — И что будем делать?

— То же, что собирались — выбираться с острова.

— А как же корабль? — не понял Колин. — Или ты решил уплыть на чём-то другом?

— Будет корабль, не беспокойся. Неужели ты думаешь, что я собрался покинуть остров, наняв торговое судно?

— Нет, но... — смутился сержант.

— Ну а раз не знаешь, то молчи, — перебил Скахет.

Он вскинул руку ко лбу и стал пристально вглядываться в картину застывшего порта.

— Слушай меня внимательно, — через некоторое время произнёс воин. — Сейчас пойдёшь в порт и у дальнего правого причала найдёшь трактир Корень Морей. Там...

— Ты издеваешься!!! — возопил Колин. — Хочешь, чтобы меня там же и повязали?!

— Ничего с тобой не случится, — жёстко осадил его воин.

— С чего такая уверенность?

— Да потому что в лицо тебя никто не знает! — сорвался Скахет. — Знал лишь трезубец, который мы уничтожили! А там, — он махнул в сторону порта, — обычные стражники, получившие простой приказ.

— Ну не знаю, — с сомнением протянул Колин. Слова воина его не убедили. Не очень-то хотелось самому отдаваться в руки Храма.

— Да пойми же, — сменил тон Скахет, — другой трезубец никак не мог нас обогнать. Начальник порта, скорей всего, получил приказ просто закрыть порт.

Зерно здравого смысла в его доводах присутствовало, и Колин решил выслушать план. Возможно, и делать-то ничего не придётся.

— И что в том трактире?

— В нём обычно собираются прожжённые моряки, у которых вместо крови солёная вода и крепкий урап. Контрабандисты, если угодно...

— Разбойники и пираты, — с иронией уточнил сержант. — Даже не знаю что лучше, попасть в Храм или быть зарезанным в богом забытой забегаловке?

— Не беспокойся, там давно уже никого не режут, — воин криво усмехнулся. — Увидишь хозяина, поймёшь почему... Кстати, он-то тебе и нужен. Передашь ему вот этот медальон, — Скахет извлёк из-под рубахи небольшой тусклый кругляш на серебряной цепочке. — В ответ он назовёт место, где нас будет ждать шлюпка и секретное слово, чтобы в неё сесть. Справишься?

— А ты уверен, что по-другому никак? — растерянно почесал затылок Колин.

— Ты же маг! — подбодрил его воин. — Шарахнешь в случае чего.

Колин вздохнул, обречённо развернулся на каблуках и зашагал в сторону порта.

— Ты главное дорогу назад отыщи! — раздался сзади смешок Скахета.

Трактир Корень Морей обнаружился довольно быстро. Пройти мимо него смог бы только слепой и глухой. У крыльца, уткнувшись лицом в грязь, храпел человек, над которым кружил целый рой крупных, как изюм мух. Из-за полуоткрытой двери раздавались звуки какого-то струнного инструмента, и чей-то пьяный голос пытался его перепеть. Ему вторил дружный хохот.

Колин глянул на приколоченную над входом табличку и невольно улыбнулся. Там было изображено дерево, тонущее в море корнями вверх.

— Да уж, чувства юмора художнику не занимать, — он хмыкнул и потянул дверь на себя.

Внутри оказалось на удивление светло и чисто, видимо хозяин умел держать в узде неблагонадёжных посетителей. Справа от входа за большим деревянным столом несколько человек громко выкрикивали тосты и стукались медными кружками. Рядом ещё трое аплодисментами подбадривали четвёртого, терзающего струны. Пятый пытался петь, заикаясь от выпитого алкоголя.

А за стойкой стоял огромный детина и, перекатывая во рту длинную щепку, наблюдал за происходящим из-под чёрных бровей таких же густых, как и его засаленная шевелюра.

Видя, что никому до него нет дела, сержант прошёл к стойке. Здоровяк равнодушно мазнул по нему взглядом глубоко посаженных бычьих глаз и продолжил наблюдать за весельем. Колин кашлянул в кулак и поинтересовался, может ли он увидеть хозяина, на что чернобровый буркнул, что он его видит в этот самый момент. Тогда сержант извлёк на свет медальон и положил рядом с огромной ладонью. Не меняя позы, здоровяк перекатил щепку в другой угол рта и тоном, не предвещающим ничего хорошего, произнёс:

— Ты не похож на воспитанника Храма.

— Совершенно верно, — кивнул Колин, — я не из Храма.

— Тогда кто ты и откуда у тебя мой медальон?! — щепка угрожающе хрустнула.

— Его мне дал воин по имени Скахет. Он сказал, что хозяин поможет с лодкой.

Чернящие как смоль брови взлетели над переносицей. Выплюнув под стойку огрызок щепки, трактирщик кивнул:

— Мне знакомо это имя. Как сейчас помню светловолосого паренька с серьгой в ухе.

Поняв, что его проверяют, Колин хмыкнул.

— У Скахета никогда не было украшений, да и волосы почерней твоих будут.

Не приняв шутливого тона, трактирщик наградил сержанта долгим взглядом. Затем, видимо что-то для себя решив, медленно проговорил:

— В полночь... Бухта Зордео... На оклик ответишь «нкотар». Уяснил?

Колин повторил и хотел, было забрать медальон, но огромная как лопата ладонь его опередила.

— Это останется у меня! — рыкнул трактирщик. — И передай своему дружку, что лимит исчерпан.

Сержант вопросительно выгнул бровь, но хозяин посчитал разговор оконченным. Он достал из-под стойки новую щепку, не в пример длиннее первой, и продолжил то занятие, за которым его застал Колин.

Лишь оказавшись за пределами порта, сержант почувствовал, как спало напряжение, словно клещами сжимавшее на протяжении всего разговора. Хотя он старался шутить и выглядеть расслабленным, но только теперь понял, что это был самообман.

— Ну и дружки у тебя, — протянул он, присаживаясь на мешок с вещами. — Я чуть не обделался при виде того бугая.

— Да, Хударгард такой, — улыбнулся черноволосый воин. — Многие впадали в ступор от одного его вида. И что он сказал?

— Сказал, что лимит исчерпан.

— Проклятье!.. В отличие от старшего брата, этот внебрачный сын морской гаруды никогда меня не любил... Но он поможет?

— Полночь. Бухта Зордео. На оклик ответить «нкотар», — повторил Колин слова трактирщика. — Знаешь, что это означает?

— Не бери в голову, — отмахнулся Скахет, — что-то на языке Змеиных островов. Давай-ка поднимайся.

— Дай отдышаться.

— Ну как знаешь. Только если хочешь попасть на корабль, догоняй.

Воин развернулся и бодро зашагал по тропинке бегущей параллельно порту. Колину ничего не осталось, как сплунуть и поспешить за спутником...

С гребня особо высокой волны Скорлупка резко ухнула вниз, и сержант едва не полетел за борт, успев в последний момент ухватиться за какой-то канат. Встав на ноги, он только сейчас почувствовал, что промок до нитки.

«Пора на боковую», — решил Колин и направился в каюту.

Нефлис — главный портовый город Заозерья встретил друзей ярким полднем и оглушительным шумом разношёрстной толпы. Прибывший на старенькой шлюпке лоцман, больше похожий на беглого каторжника, нежели на моряка, после короткого разговора с капитаном пришвартовал Скорлупку к одному из дальних причалов.

Это, в общем-то, не казалось странным — местные таможенники хорошо знали Тхоола и способ, которым тот зарабатывал на хлеб. А потому для его корабля неизменно отводили причал подальше от портовой конторы и портового начальства. К слову сказать, соседи Тхоола по причалу тоже не относились к законопослушным гражданам, и груз в их трюмах также далеко не полностью соответствовал тому, что был перечислен в свитках, скреплённых печатью Аскельского Купеческого Союза.

Оказавшись на пристани, путники моментально смешались с толпой. Лишь благодаря крепким локтям воина им удавалось проталкиваться вперёд, сквозь бесчисленное скопление торговцев, купцов, солдат и просто нищих бродяг, что вечно шатаются в любом порту в надежде на лёгкую добычу. Шум стоял такой, что Колин даже не слышал собственного голоса, а от витавшего в воздухе запаха солёной рыбы вскоре начало мутить.

Прошло довольно много времени — так, во всяком случае, показалось сержанту — прежде чем друзьям удалось выбраться из толчеи, миновать ворота, отделяющие бедную портовую часть города от более богатой и, наконец, перевести дух.

От ворот расходились в стороны сразу несколько улиц. Самая широкая и прямая вела, наверное, в центр и Колин подумал было, что по ней-то они и пойдут, но Скахет рассудил иначе. Он быстро свернул влево и зашагал по узкому коридору, образованному тесно стоящими домами. Улочка вывела их на крошечную площадь прямо перед ярко освещённой гостиницей.

Гостиница называлась Счастливый Странник — так, по словам Скахета, гласила табличка над входом. Название показалось Колину удачным. Любой странник, которому удалось добраться сюда живым и невредимым, должен был, по его мнению, чувствовать себя невероятно счастливым. Тем более что и сама гостиница выглядела солидной и уважаемой, и при первом же взгляде говорила усталому путнику о хорошей еде, покое и безопасности.

Это был довольно большой трёхэтажный дом, сложенный из ровных серых камней, с большими окнами и крытый ярко-красной черепицей. На первом этаже, как и положено, разместился трактир, откуда долетали оживлённые голоса, звон стаканов и ни с чем не сравнимый запах жареного мяса. На втором и третьем, по видимому, находились гостевые комнаты. Неподалёку от входа пристроилась коновязь для лошадей.

Миновав довольно массивную для такого заведения дверь, друзья оказались в небольшой комнатке, судя по всему выполняющей роль приёмной. Накинув на голову глубокий капюшон поношенного балахона, который он бесцеремонно стащил из каюты, Скахет нетерпеливо постучал по стойке.

Через раскрытые двери в обеденный зал Колин глядел на крепкие дубовые столы, а также на милостивую прислужницу, сновавшую туда-сюда с пригоршней кружек в руках. Больше ему ничего рассмотреть не удалось, потому что открылась дверца сбоку от стойки, и в приёмной возник хозяин сего почтенного заведения, одетый в шёлковую мантию цвета имбирного пива. Черты лица вошедшего показались Колину смутно знакомыми — где-то он уже видел эти холодные глаза из-под густых бровей, но вот где — как отрезало.

Окинув пришельцев быстрым цепким взглядом, хозяин вмиг оценил их простые одежды и тощий кошелёк, сиротливо приютившийся на поясе у Скахета, но ничего не сказал. Просто принял вид высокомерный и гордый и холодно спросил:

— Чем могу служить, почтенные? Если вы пришли просить милостыни, то я готов дать вам немного еды с тем, чтобы вы немедленно ушли и никогда более здесь не показывались.

Скахет слегка поклонился и произнёс с самым смиренным видом:

— Благодарю за милость, любезный господин, но боги были милостивы к нам, снабдив всем необходимым для дальнего путешествия. Усталость и голод привели нас под сень твоего жилища, и мы просим приюта в этом странноприимном доме.

Хозяин надменно усмехнулся:

— Приют, говоришь? Что ж, изволь, если, конечно, милостивые боги не забыли снабдить тебя ещё и деньгами.

— Мы сможем оплатить ночлег, любезный.

Хозяин нехотя достал из-под стойки амбарную книгу и раскрыл её. Обмакнул перо в чернильницу и занёс над страницей.

— Назовите свои имена... или прозвища, — сказал он с ноткой сомнения в голосе — уж больно странные гости, чего доброго окажутся ворами, кого тогда винить?

Указав на друга, Скахет произнёс:

— Этого уважаемого человека зовут Колин, — хозяин старательно вывел на бумаге имя сержанта. — А моё... — воин сделал паузу. — Моё имя Скахет...

Перо в руке хозяина замерло, так и не коснувшись страницы. Он поднял голову. Надо было видеть, как на его лице промелькнула целая вереница чувств: недоверие, удивление, узнавание и, наконец, радость!

— Скахет, сукин ты сын!!! — заорал он так громко, что прислужница в обеденном зале подпрыгнула на месте. — Всё-таки решился притащить свою задницу в Нефлис?!

— Привет, Худгарад, — Скахет выпрямился и скинул капюшон. — Извини за спектакль, я хотел убедиться, по-прежнему ли ты оказываешь гостеприимство всем, кто его просит.

— Всем, у кого есть звонкая монета, приятель. Каким ветром в наши края? И почему одет, как распоследний нищий?

— Поиздержался в дороге, — усмехнулся воин, сбрасывая балахон с плеч. — Тхоол, знаешь ли, дерёт за свои услуги втридорога.

— Это единственное, что он делает умеючи, — кивнул в ответ названный Худгарадом. — Как там поживает моя Скорлупка?

— Тебе лучше не знать, мой друг, — загадочно улыбнулся Скахет, — но давай поболтаем позже. Сейчас мне действительно нужно устроиться на ночлег. У тебя найдётся приличная комната с двумя кроватями и окнами во двор?

— Разумеется. И я даже угощу тебя и твоего друга ужином за счёт заведения.

Так у них появился ночлег...

Комната, в которую проводила их служанка, оказалась довольно большой и уютной, хотя и просто обставленной. В ней была печка, большой стол с двумя плетёными стульями, и жестяной умывальник в углу. А ещё в комнате было окно и две ниши, одна — поменьше — для одежды, в другой стояли две хорошие деревянные кровати с соломенными тюфяками.

Хотя было ещё не слишком поздно, друзья поспешили поскорее устроиться на отдых. Наспех прикончили присланный Худгарадом ужин, по очереди поплескались в умывальнике и стали готовиться ко сну — долгое плавание и гложущий голод отняли немало сил.

Скахет погасил свечу, в темноте с удовольствием скинул одежду, оставив на себе ровно столько, чтобы при пожаре на улицу выбежать было не срамно, и забрался под одеяло. Колин же улёгся поверх жёсткого соломенного мешка прямо так, здраво рассудив, что его тело ещё не настолько огрубело, чтобы всю ночь «нежиться» на колючем подобии матраса с торчащими пучками соломы. Он положил руки под голову и стал буравить темноту взглядом.

Несмотря на усталость, сон не шёл. Избыток впечатлений будоражил мысли, не давая им улечься в ларец памяти. Они плясали, выводя причудливые коленца, выдёргивая из глубин подсознания то рожи пленивших его менкоа, то жуткие оскалы свирепых верлов, а то и вовсе симпатичное личико той девчушки, что кружилась меж столов в обеденном зале.

«Неужели моя жизнь стала приобретать хоть какое-то подобие стабильности? Даже не верится, — стал размышлять Колин, слушая мерное посапывание с соседней койки. — Был простым сержантом, мечтающим о сытом будущем после демобилизации, и кто я теперь? Маг, не имеющий ни малейшего представления о магии? Или воин, умеющий лишь ножи метать?»

Так и не найдя однозначного ответа, Колин не заметил, как отключился. Сработал защитный механизм, не дающий перетруженному мозгу «перегореть». В середине ночи он вдруг открыл глаза и понял, что выспался. А ещё понял, что в комнате горит свет.

На столе в оловянном подсвечнике уныло мерцал свечной огарок. Скахет сидел за столом в одной рубашке и пялился сквозь оконный проём на усеянное бисером небо. Услышав шуршание одежды, воин повернул голову на звук.

— Что, тоже не спится?

Колин кивнул, но вспомнив, что Скахет его не видит, сказал:

— Похоже, я устал не так сильно, как казалось. Хотя пока сюда добирались, думал, отгрызу ноги, чтобы не чувствовать как они гудят, — он сел на кровати. — Там случайно не осталось того чудесного вина, что прислал нам хозяин?

Скахет без слов склонился под стол и извлёк на свет пузатую бутылку заткнутую тряпицей. Молча откупорил и разлил по стаканам, оставшимся на столе после ужина. Колин сел напротив, притянул себе один но, не отпив, задал мучавший его вопрос:

— Послушай, Скахет, ведь ты же ни разу не бывал в этом городе?

— Верно, приятель, — воин шумно отхлебнул из своего стакана.

— Тогда откуда знаешь и гостиницу, и её хозяина?

— Да тут всё просто. Худгарад — старший брат Хударгарда, — Колин удивлённо выгнул брови. — Того трактирщика, который так тебя впечатлил.

— А ведь верно! — воскликнул сержант. — Как же я сразу-то не догадался. То-то мне его лицо показалось знакомым — этот холодный взгляд... наверное, у них это семейное.

— Это уж точно, — фыркнул Скахет. — Худгарад мой хороший друг, а его брат всегда меня недолюбливал. Он бы и с кораблём не помог, если бы не был в долгу у старшего брата. Ведь фактически хозяином Скорлупки до сих пор является Худгарад.

— Как так? А кто же тогда Тхоол?

— Тхоол — капитан Скорлупки.

— Что-то я совсем запутался, — Колин откинулся на спинку и сделал пару больших глотков.

— Немудрено, приятель. На твоём месте я бы тоже запутался. Но на самом деле всё просто. Если есть желание, могу рассказать.

— Раз уж до утра всё равно заняться нечем, рассказывай, — кивнул Колин.

— Худгарду от отца достался корабль, и он решил взять в качестве старшего помощника своего младшего брата, — начал Скахет. — А Тхоола — их друга детства — сделать боцманом. Через год Скорлупку уже знали от Марира до Свериша, а в Нефлисе даже назначали награду тому, кто привезёт на суд команду этого дерзкого корабля. Но удача постоянно плескалась о борт быстроходной глифы, пока однажды они не нарвались на плавающую крепость гадрахов. Еле ноги тогда унесли. Лишь благодаря скорости и манёвренности Скорлупки, помноженными на умения капитана удалось отделаться небольшой пробоиной да сломанной мачтой. Тогда-то Худгарад и решил завязать с пиратством и осесть на Каменном острове, где его лицо ещё не успело примелькаться. Он продал всё накопленное барахло, собрал в единый кошель нажитые деньги и построил в порту трактир, который назвал Корень Морей.

— Помню, — Колин хмыкнул. — Меня тогда очень повеселила вывеска над входом.

— Худгарад сам её рисовал, — широкой улыбкой поддержал его Скахет.

— Ну а дальше? Как Скорлупка оказалась у Тхоола?

— Худгарад подарил её Хударгарду и тот назначил Тхоола старпомом. Некоторое время они продолжали пиратствовать, пока не поняли, что перевозить запрещённые грузы куда как выгоднее, нежели щипать торговые суда, которые к тому времени стали постоянно нанимать не менее двух кораблей охраны. Какая уж тут нажива — самим бы не пойти на суд к Харризису. А потом Худгарду удалось выгодно вложить деньги в покупку обветшалого здания, которое впоследствии и стало гостиницей Счастливый Странник. А Корень Морей он передал брату, у которого к тому времени море уже в печёнках плескалось. В общем, без зазрения совести подарил он Скорлупку Тхоолу и кинул якорь на Каменном острове. А Тхоол, как бы ни рвался к штурвалу, никогда грамотным капитаном не был. Ты и сам мог видеть, во что превратилось некогда прекрасное судно, — Скахет от души зевнул. — Что-то от разговоров меня опять спать потянуло.

— Ты прав, — Колин поддержал его не менее широким зевком.

То ли вино оказалось крепче, чем он предполагал, то ли усталость, развеянная коротким, сном вновь вернулась, но спать захотелось пуще прежнего. Он доковылял до кровати и до утра окунулся в глубокое беспамятство...

***

— Пи-и-и-раги! Покупаем пи-и-и-раги!!!

— Мясо! Свежее мясо!..

— Ткани из самого Сумарента!..

— Купите птицу, господин!.. Ощипанная дороже!..

— Хлеба не желаете? Только что из печки!..

— Нет, и всё-таки есть в базарах что-то жизнеутверждающее, — изрёк Скахет, счищая с нового костюма щедрую россыпь муки. — Когда подумаешь о том, сколько сил потратили люди, чтобы вырастить, выткать, вылепить и выковать все эти товары, поневоле переполняешься уверенностью в завтрашнем дне. Не может всё это сгинуть в один момент.

Колин ничего не ответил, едва избежав столкновения с телегой, которую не заметил в

силу того, что вертел головой, стараясь разглядеть как можно больше. Вот уже битый час друзья бродили по огромному базару в самом центре Нефлиса тщетно пытаюсь найти нужную им оружейную лавку.

— Пройдёте лавку булочника, затем рыбную и, оставив её по правую руку, свернёте в проулок, — проворчал Скахет, останавливаясь у лотка с яблоками. — Как же у Худгарада всё просто. Уже четвертую лавку булочника миновали, а рыбной рядом так и не оказалось. Эй, любезный! — он окликнул торговца. — Не подскажешь, как нам найти оружейника?

— Купите яблоки, друзья. Сочные и сладкие. Не пожалеете.

— Да на кой мне твои гнилушки! — сплюнул Скахет. — Оружейник где, папаша?

— Яблоки очень вкусные. И недорого.

— Вот заладил... А если куплю, скажешь? — продавец — розовощёкий толстячок с белыми вьющимися бакенбардами — охотно кивнул. — Ладно, папаша, давай сюда свои яблоки.

Воин сунул руку в пополневший милостью Худгарада кошель и извлёк несколько монеток разной величины. Отобрав самую мелкую, он протянул её толстяку.

— Так что насчёт оружейника?

В ответ торговец отдал Скахету бумажный куль с яблоками и единым духом выдал нужную информацию:

— Если нужен превосходный лук или арбалет, то вам к мастеру Фарелю, если нужны копья, то к мастеру Белису, если ножи — к Равеку, а если хотите приобрести меч, то вам нужен мастер Овонт.

— Эй-эй, полегче, папаша! — от словесного потока Скахет округлил глаза. — Где ты говоришь, мечи продаются?

— Ты невнимателен, мой друг, — надул щёки торговец. — Я сказал, что мечами торгует мастер Овонт.

— Да понял я, понял. Найти его как? Куда идти?

— Если обернётесь, сможете увидеть шпиль на башне ратуши, — Колин со Скахетом послушно повернули головы и отыскали указанный ориентир. — Идите всё время на него, ни куда не сворачивая. А как базарная площадь окончится, повернёте налево и по узенькой улочке, бегущей вдоль купален, упрётесь в двери оружейной лавки... Яблочки, господин, яблочки! Купите вашей прелестной дочурке сладких яблочек. Уверяю, таких она ещё не пробовала!

Последние слова адресовались богато одетому мужчине средних лет, держащему за руку семилетнюю девочку. Тот не снижая шага, нервно отмахнулся от назойливого торговца и потянул за собой остановившуюся дочку.

Скахет задумчиво произнёс:

— Надеюсь, дружище, ты запомнил маршрут, так как из слов этого болтуна у меня в голове ни верла не отложилось.

— Нам туда, — Колин указал на шпиль, и воин принялся рассекать толпу. Сержант поспешил следом.

Оружейная лавка мастера Овонта оказалась именно там, где и указал торговец. Улочка, зажата между купальнями и зданием, выложенным каким-то странным камнем розоватого цвета, упиралась в невысокий дом, над входной дверью которого висела потёртая вывеска с изображением двух скрещённых мечей. Колин хотел было что-то сказать, но Скахет не дал ему и рта раскрыть. Он толкнул окованную железными полосками дверь и шагнул в

осветившийся изнутри дверной проём.

Оказавшись внутри, сержант невольно залюбовался красотой висящего на стенах оружия. Как любой мужчина при виде отполированной до блеска острозаточенной полоски стали, он стал восхищённо разглядывать орудия смерти, перебегая взглядом с одного клинка на другой. Из благоговейного оцепенения его вырвал довольный возглас Скахета:

— Вот видишь, а ты идти не хотел, — он одобряюще хлопнул друга по плечу. — Видел бы ты себя со стороны, приятель. У тебя сейчас глаза, словно у молодой кухарки, заставшей повара за рукоблудием. Давай-ка выбирай, что тебе по душе.

Колин оторвал взгляд от сверкающего великолепия и повернулся к другу.

— Скахет, может, всё-таки не стоит?

— Нет, дружище, ещё как стоит. Мне казалось, я тебя утром переубедил, а ты опять за своё?..

Когда утром друзья доедали присланный хозяином завтрак, Колин вдруг поинтересовался:

— Послушай, Скахет, помнишь, ты говорил, что направляешься в город к магам.

— Ну да, в Ивокарис, — подтвердил воин, — а что?

— Просто я тут подумал... — сержант замялся. — Может... возьмёшь меня с собой?

— Да я, в общем-то, не против, — пожал плечами Скахет. — Вдвоём в дороге веселее. Неужели решил обучиться магии? — Колин кивнул. — Достойное занятие. Тем более что зачатки у тебя уже имеются. В таком случае завтра пойдём к мастеру-оружейнику и купим тебе хороший меч. Путь предстоит не близкий и всякое может случиться.

— Не нужен мне меч! — вскинулся сержант. — Забыл, что я умею метать ножи?

Ничего не ответив, Скахет снял со стены заплечные ножны и швырнул ему перевязь с метательными ножами.

— Пошли...

Сгорая от любопытства, Колин поспешил за другом. Воин вывел его на задний двор и, отойдя на десяток шагов, принял боевую стойку.

— Давай, швыряй свои ножички.

— В тебя?! С ума сошёл?!

— Швыряй, говорю!!!

— Ладно, ты сам захотел, — сержант выхватил один из ножей, широко размахнулся и кинул в друга, чуть сместив прицел. Нож вонзился в забор за его спиной

— В меня! — рыкнул Скахет. — Ну!!!

— Ладно, — Колин потихоньку стал закипать. — Получай!

Острое лезвие скользнуло в ладонь и, получив ускорение, устремилось в левое плечо. Неуловимое движение руки, звон металла о металл, нож сверкнул на солнце и отлетел в сторону.

— Бросай быстрее!

Колин стал выхватывать ножи один за другим и с остервенением посылать в Скахета, но каждый бросок неизменно оканчивался металлическим звоном. К тому времени, когда ножи закончились, сержант тяжело дышал, словно пробежал кросс с полным комплектом амуниции, тогда как Скахет даже не запыхался.

— Понял теперь, на что годны твои ножички?

Колину ничего не осталось, как покорно кивнуть...

— Чем могу помочь, господа? — друзья и не заметили, как сбоку подошёл хозяин

оружейной лавки — худющий, словно жердь мужчина неопределённого возраста, с бровями опалёнными жаром горна. На выпачканном сажей лице застыло такое выражение будто посетители, нежданно свалившиеся на его плешивую голову, оторвали мастера-оружейника от заказа как минимум на тысячу золотых.

— Мастер Овонт? — поинтересовался Скахет. Тот кивнул. — Моему другу необходимо подобрать меч по руке, можешь что-то предложить?

Сухое скуластое лицо, получившее загар отнюдь не от солнца скривилось и Колин в который раз мысленно проклял Скахета с его дурацкой затеей.

Оружейник скептически оглядел сержанта, медленно обошёл кругом и безглаголиво произнёс:

— Твой друг в жизни не держал меча. Думаю, ему сгодится и палка, что стоит вон в том углу.

— Папаша, не борзей! Мы ведь тебе деньги принесли, — Скахет звякнул кошелём, — а ты морду воротить?

— Думаешь, если ты из Храма, это даёт тебе право так со мной разговаривать? — оружейник с вызовом оглядел друзей. — Проваливайте!

Только тут Колин заметил у него на руке такую же тагуировку, как и у Скахета за той лишь разницей, что у воина были изображены скрещённые меч и топор, а у мастера Овонта два меча. Цепь, опоясывающая рисунок хотя и была длиннее, но так же оказалась не завершена. Скахет видимо тоже её заметил, потому что сразу сменил тон.

— Приношу извинения за мой язык, укир. Просто пока мы искали твою лавку, стоптали все ноги на вашем проклятом богами рынке.

Оружейник в ответ неопределённо хмыкнул и Скахет продолжил:

— Понимаю, что для такого мастера будет оскорблением отдавать хороший меч в руки какому-то неучу, но уверяю, мой друг имеет все задатки, чтобы стать неплохим мечником. Я сам займусь его обучением.

Овонт с минуту сверлил друзей глазами, но потом его взгляд смягчился и он снизошёл до ответа:

— Что ж, укир, у меня действительно найдётся подходящая сталь. Вопрос в другом, сможете ли вы за неё достойно заплатить? — правая бровь худощавого мастера выгнулась дугой. — Либо выбирайте из того, что видите.

— Не беспокойся, мастер, монетой не обидим.

Скахет перекинул на живот висевшую за спиной сумку и выудил кошель вдвое больше того, что висел на поясе. Внутри покоились аж двести золотых, по дружбе отсыпанные Худгарадом им в дорогу. Видя такую беспечность друга Колин едва не взорвался, но Скахет не обратил на него внимания и запустил ладонь внутрь. В его руке блеснул жёлтый кругляш.

На лице оружейника не дрогнул ни единый мускул. Он развернулся к друзьям спиной и бросил через плечо:

— Следуйте за мной, — и протиснулся куда-то за стойку. Колин тут же зашипел на воина:

— Ты что творишь, это же все наши деньги?! Скахет, дружище, если я не смог отговорить тебя от покупки меча, так прислушайся хотя бы к здравому смыслу и купи тот, что подешевле, — он развёл руками, указывая на мечи, что их окружали. — Что мы будем делать в пути без единого гроша?

— Если будет нужно, наймёмся охраной в караван, — так же шёпотом ответил

черноволосый воин. — Пойми, приятель, эти сэкономленные монеты не спасут тебя, когда в самый неподходящий момент дешёвая железка переломится пополам.

— Ну, где вы там?! — раздался раздражённый голос хозяина и, больше не говоря ни слова, Скахет прошмыгнул в узкий проход. Кляня друга-параноика, Колин последовал за ним.

За стойкой оказалось небольшое помещение, освещённое четырьмя масляными светильниками. В этой довольно тесной комнатке из мебели был лишь широкий стол, устланный мягкой тканью тёмно-синего цвета, на котором россыпью лежали мечи. В неверном свете горящего масла их отполированная до ртутного блеска узорчатая сталь притягивала своей смертельной красотой, как огонь притягивает мотылька. У Колина невольно вырвался вздох восхищения.

— Выбирайте, — сухо произнёс мастер Овонт. На его лице не отразилось никаких эмоций.

Скахет подошёл к столу и принялся ходить вокруг, бормоча что-то под нос и едва касаясь стали.

— Может, поинтересуешься и моим мнением? — спросил сержант. — В конце концов, мне меч носить.

Воин остановился и с удивлением посмотрел на друга.

— Ты же не разбираешься в клинках. Хотя... так и быть. Который из них ты бы выбрал?

Колин, давно уже положивший глаз на один из мечей, не задумываясь, указал на него.

— Вот этот.

— Достойный выбор... но почему именно его?

— Ну... просто он мне приглянулся...

— Он видите ли ему приглянулся, — передразнил воин, оборачиваясь к оружейнику и ища у того поддержки. Но мастер Овонт, стоящий солевым столпом, даже бровью не повёл. Скахет фыркнул и вновь посмотрел на друга.

— Этот тебе не подойдёт, — сказал он тоном, не терпящим возражений.

— Но почему?

— Слишком длинный. Пока не научишься хотя бы азам, будешь бегать за ним, как гусь за своей шеей.

— А вот этот?

— Этот тоже неплох, но он в основном для колющих ударов, а тебе сперва нужно хотя бы рубящие освоить.

— Хорошо! — разозлился сержант. — А сам-то ты, какой мне выберешь?!

— Вот этот, — Скахет не задумываясь, указал на меч, в глазах Колина ни чем не отличающийся от остальных.

— И что в нём особенного? — скептически выгнул бровь сержант.

— Ничего особенного. Просто из всех остальных он как нельзя лучше подходит тебе.

— И всё равно я не понимаю...

— Поверь мне на слово, — перебил Скахет. — А после, когда начнём обучение я подробно тебе всё объясню... Эй, мастер, сколько стоит этот меч?

— Четыреста монет, — мгновенно ответил оружейник, будто только и ждал этого вопроса.

— Да ты, видать, сбрендил, папаша! — опешил воин. — Ему же красная цена сто пятьдесят... Хорошо, только из уважения к твоему труду даю сто семьдесят и ни монетой

больше.

— Ты же сам мечник, уважаемый, и знаешь толк в хорошем железе, — Овонт скрестил руки на груди. — А мояковка, смею заверить, самая лучшая в этих краях... Последнее слово — триста пятьдесят. Либо берёте, либо ищите где дешевле.

— Триста пятьдесят монет?! За что?! За какой-то вшивый меч?! Да это же чистой воды обдираловка!!! Давай двести и по рукам.

— Ну, уж ты загнул, двести, — фыркнул оружейник. — За двести выбирай из тех, что в том зале, а этот я отдам не меньше чем за триста тридцать. Решай быстрее, укир, иначе я прибавлю к стоимости ещё и потраченное на вас время.

Покуда они ожесточённо торговались, Колин решил повнимательней рассмотреть предмет торга. Тем более что скоро ему придётся носить эту железку у пояса. Сомкнув пальцы вокруг рукояти оплетённой приятной бархатистой кожей, сержант принялся вертеть меч в руках.

Клинок на ладонь длиннее руки. У самой гарды его ширина два пальца, но к середине постепенно расширяется до трёх, а затем так же плавно перетекает в остриё. Рукоять чуть длиннее ладони, что даёт некоторую свободу руке. Навершие в виде яйца обеспечивает приятный баланс. Идеален он или нет, разберётся Скахет, но сержанту понравилось, что клинок не стесняет движений и как будто сам просится фехтовать. Без всяких сомнений это его меч и Колину, далёкому от такого оружия, больше не захотелось выпускать его из рук.

Тем временем торг достиг апогея и Скахет с оружейником, уже не находя новых аргументов, просто выкрикивали каждый свою цену.

— Двести пятьдесят!!! — кричал Скахет.

— Триста! — возражал мастер Овонт.

— Двести пятьдесят, верлы тебя дери!!!

— Триста, триста!!!

— Последнее слово — двести пятьдесят и ни монетой больше!!!

— Скахет, заплати ему триста, — произнёс спокойным тоном сержант.

Воин прервался на полуслове и с недоумением посмотрел на друга.

— Колин, но у нас нет с собой трёхсот монет.

— У нас и двухсот пятидесяти нет, — пожал плечами сержант, — но как-то же ты торговался на эту цену.

— Так вы ещё и заплатить не можете?! — прорычал мастер Овонт. — А ну пошли вон, пройдохи!!! Столько моего времени заняли!

Не слушая причитаний оружейника, Скахет внимательно посмотрел на Колина.

— Ты же не хотел покупать меч.

— Не хотел, а теперь хочу...

Воин взгляделся в его выражение лица, кивнул и повернулся к торговцу.

— Хорошо, уважаемый, мы берём этот меч за триста монет.

— Сомневаюсь, укир, что ты сможешь за него расплатиться, — мастер Овонт досадливо сплюнул на пол.

— Не волнуйся, уважаемый, смогу. Вот здесь, — воин высыпал на стол содержимое кошель, — ровно двести монет. Остальное получишь в Счастливом Страннике у Худгарада. Надеюсь, ты о нём слыхал?

Оружейник пристально посмотрел на воина и молча кивнул. Затем, не пересчитывая сгрёб монеты и хмуρο произнёс:

— Либо ты очень смелый, что вот так запросто ручаешься этим именем, либо Худгарад действительно тебя знает...

— Уж поверь, укир, знает, — усмехнулся Скахет. — И довольно давно... Так что с мечом?

— Он ваш, — хмуро произнёс мастер Овонт. — Ножны подберёте в том зале...
бесплатно.

— Вот и славно, — кивнул воин. — Идём, дружище, нам пора.

Колин скомкано попрощался с хозяином оружейной лавки, и они поспешили убраться восвояси.

Почти весь обратный путь шли молча. Колин пытался привыкнуть к новому аксессуару гардероба, который нещадно хлестал его по бедру, а Скахет откровенно забавлялся. Наконец сержант не выдержал:

— Вместо того чтобы скалиться, лучше бы подсказал, как привесить эту чёртову железку, чтобы она не избивала меня при каждом шаге. Разве нельзя было и мне выбрать заплечные ножны?

Скахет перестал ухмыляться и серьёзно ответил:

— Чтобы научиться быстро выхватывать меч из-за спины, нужны годы и годы тренировок, а твоё обучение ещё даже не начиналось. Ладно, давай помогу.

Он подошёл к Колину, немного ослабил портупею с ножнами и положил его ладонь на навершие.

— Урок первый — постоянно носи руку на эфесе. Так ты будешь контролировать меч во время ходьбы. Если нужно его извлечь всего лишь опусти ладонь на устье ножен.

Колин послушно взялся за ножны и резко дёрнул за рукоять. Не ожидая сопротивления, рука соскользнула с эфеса, а меч выдвинулся едва ли на треть.

— Ну вот, ты уже труп, — дружески усмехнулся Скахет. — Нужно знать все слабости и сильные стороны не только собственного меча, но так же и ножен. Попробуй ещё раз, но не дёргай как корнеплод. Движение должно быть плавным и в то же время крепким.

Сержант последовал совету друга, и клинок с приятным шелестом выпорхнул из ножен. Колин невольно залюбовался игрой солнечных лучей на гладко отполированной стали.

— Скахет, а покажи что-нибудь ещё.

Ему уже и самому захотелось освоить новое оружие. Если сперва казалось, что в обращении с этой острой палкой нет ничего сложного, то теперь сержант убедился в полной своей несостоятельности. Интересно, а Скахет быстро бы освоил штурмовую винтовку десантника?

— С удовольствием, но только не здесь, — воин с улыбкой обвёл рукой окружающее пространство и только теперь Колин понял, что они остановились посреди какой-то подворотни.

— Что-то я увлёкся, — он вернул меч в ножны.

— То ли ещё будет, дружище, — философски изрёк воин, — то ли ещё будет... Кстати, мы почти на месте.

И действительно, продолжив путь, друзья дошли до поворота, за которым возвышался всё тот же Счастливый Странник...

— Скахет, ну ты и жук! — Худгарад подошёл к ужинающим в общей зале друзьям. — Целая сотня монет, и кому? Этому скряге Овонту!

— Ничего не поделаешь, приятель, Колину необходимо было подобрать меч, — воин ничуть не смутился тираде старого друга.

— И ты, конечно же, выбрал самый дорогой! Сколько всего пришлось заплатить?

— Всего триста монет, хотя этот скряга сперва затребовал все четыреста.

— Хочешь сказать, что истратил всё, что я тебе дал? — Колин, слушающий их перепалку приготовился к гневу хозяина заведения, но тот лишь отстранённо хмыкнул.

— Ладно, забудь, дам ещё. У меня этих круглях много скопилось. Лучше скажи, когда отбываете?

— Завтра на рассвете, — без раздумий ответил Скахет. Они уже обсудили этот вопрос с сержантом, и пришли к соглашению отправляться в путь как можно скорее.

— Не боишься застать сезон дождей в седле? — поинтересовался Худгарад, разглядывая Скахета поверх стакана с вином.

— Ничуть, — пожал плечами воин. — Если только сам Харризис не подгонит эти треклятые тучи, то мы спокойно успеем добраться до Скавелла.

— Всё же решил через Скавелл? А не страшно совать задницу в самое логово «серорясых»? Говорят, на своей территории они лютуют.

— Не думаю, что их заинтересует пара простых путников, — серьёзно ответил Скахет. — Да и задерживаться там мы не станем. День — два, не более.

— На твоём месте я бы не стал вмешиваться в политику, мой друг, — задумчиво произнёс Худгарад. — Оставайся лучше в Нефлисе. Могу помочь устроиться наставником в школу меча. Будешь жить в достатке. Да и друга твоего пристроим. Что скажешь?

— Увы, я пообещал доставить сведения, во что бы то ни стало и намерен сдержать это обещание.

— Другого ответа я и не ожидал, — развёл руками Худгарад. — Что ж, не буду вам больше мешать. Ужинайте с удовольствием.

После его ухода никто не проронил ни слова. Колин думал о том, что его ожидает в конце путешествия, а Скахет монотонно двигал челюстями, погрузившись в воспоминания. Наконец расправившись с едой, воин отставил поднос с опустевшей посудой, сыто икнул и произнёс:

— Вот что, дружище, пока есть время до сна, пойдём-ка на задний двор.

— Зачем?

— Преподам тебе пару-тройку уроков, — усмехнулся Скахет, немного ослабив пояс.

— Вот это дело, — засуетился сержант, — вот это правильно. Сейчас только заскочу в комнату за мечом, и буду готов.

— Как раз меч-то нам сегодня и не понадобится, — глядя на недоумение, отразившееся на лице друга, черноволосый воин довольно оскалился.

— То есть как, не понадобится? — опешил Колин. — А для чего же мы тогда его купили?

— Доверься мне, — заговорщицки подмигнул Скахет и лёгким движением, как будто и не было только что сытного ужина, выпорхнул из-за стола. — Идём.

Друзья прошли сквозь кухню, и вышли на задний двор, где ещё недавно воин преподавал

сержанту урок с метательными ножами. Скахет подошёл к поленнице и склонился над ещё не нарубленными брёвнами. Выбрав одно попрямее, он подхватил стоящий рядом колун и в несколько движений сделал брёвнышко немного тоньше и короче.

— Вот, держи, — воин протянул получившееся полено сержанту.

— Что это?

— Познакомься, это твой новый меч, — Скахет растянул рот в довольной улыбке. — Он, правда, немного тяжелее, ну да ничего — привыкнешь.

— Скахет, ты что, издеваешься?! — Колин и не подумал принять протянутый дрын.

— Даже и не думал, дружище. Бери и приступим.

— К чему? — Колину показалось, будто он выпал из реальности.

«Ещё немного и я его точно стукну».

— К твоей первой тренировке, — посерьёзnel вдруг воин и Колин, сбитый с толку этой переменной, ухватился за конец протянутой палки.

Полено действительно оказалось тяжелее нового меча. Толщиной в руку оно оказалось столь неудобно, что кисть с непривычки быстро устала. Колин упёр «меч» в землю.

— Это ты зря, — покачал головой Скахет. — Старайся держать его на весу как можно дольше. Так твои кисти быстрее окрепнут.

— И всё же меня не покидает ощущение, что ты надо мной издеваешься, — простонал сержант, обречённо поднимая новое «оружие». — Неужели нельзя было начать тренировку сразу с меча?

— Значит, вышли мы такие на задний двор и ну стучать железом о железо? Так ты себе представлял наши тренировки?

— Ну... примерно... — растерянно протянул Колин. — А что не так?

— Ох, Колин, Колин, как же ты ещё далёк от воинского искусства, — Скахет с иронией покачал головой.

— Сейчас как шандарахну огоньком, будешь знать, — насупился сержант. — Неужели нельзя взять и объяснить?

— Ладно, не сердись, — пошёл на попятную воин. — Скажи, ты хоть имеешь представление насколько сложно выправлять зазубрины на клинке? Да, меч мастера Овонта хорош, но и на нём со временем появятся сколы и выбоины. Позже я тебя научу, как ухаживать за оружием, а пока поднимай свой учебный меч и давай приступим.

Колин и сам не заметил, когда его оружие снова упёрлось в землю. Он ухватился за него двумя руками и посмотрел на Скахета, но тот покачал головой.

— Нет, возьми одной рукой. Так ты будешь лучше его чувствовать. Я сейчас кое-чем займусь, а тебе пока первое задание — делай вращательные движения крест-накрест сначала одной рукой, а затем другой. Это разогреет мышцы.

— Я готов учиться и так, не разогреваясь, — ухмыльнулся Колин.

— Без разогрева можешь вывихнуть кисть, и тогда меч тебе не понадобится ещё долгое время. Приступай.

Колин нехотя стал рубить поленом воздух. Постепенно это занятие его увлекло, и когда сержант в очередной раз сменил руку, то с удивлением отметил, что Скахет копошится возле кучи соломы.

Он выдёргивал из скирды целые пучки, выравнивал их и увязывал в плотные жгуты. Затем взял несколько жердей, стянул верёвкой и принялся обматывать соломой получившуюся крестовину. Когда Колин, вконец измучившись, отложил тренировочный меч,

у забора стояло соломенное подобие человека.

— И что это?

— Это твой противник.

— Ты хочешь, чтобы я лупил эту... это... чёрт, я даже и не знаю, как назвать твоё творение.

— Это тренировочный манекен. Мы на таких отрабатывали основные удары. Ты ведь даже понятия не имеешь, куда нужно целиться остриём, а куда лезвием. Давай, тащи свой меч, покажу, что нужно делать с этим пугалом и на сегодня хватит.

— То есть, как хватит? — опешил сержант. — Я думал, ты мне что-нибудь покажешь.

— Что, например? — выгнул чёрную бровь воин.

— Какие-нибудь стойки или движения... откуда мне знать, ты же у нас мастер меча.

— А разве ты в состоянии заниматься? — на лице Скахета расцвела искренняя улыбка.

— В состоянии, — буркнул Колин, потирая уставшие запястья.

Друг его уел. Он действительно сейчас мечтал только об одном — поскорей добраться до постели.

— Остынь, дружище. Полагаю, руки у тебя уже отваливаются, а нам, если помнишь, завтра в путь. Так что не обижайся и пойдём спать. А с этим, — он пнул соломенный манекен, — ты ещё успеешь напрыгаться. Мы его возьмём с собой, так же как и этот дрын.

Колин лишь обречённо махнул рукой и поплёлся за другом в комнату...

Глава одиннадцатая

Гелимрах вышел из леса и, огибая постоянный двор по широкой дуге, направился к подсвеченному негаснущими факелами тоннелю.

— Пошёл прочь, менкоа! — раздался из темноты скрипучий, как колесо телеги голос.

Маг усмехнулся и извлёк из кошелькименной медальон. На ладони золотом блеснула голова змеи с глазами из зелёных камешков.

— Некромант? — из темноты на свет шагнула невысокая фигура в хламиде до земли. Сухие морщинистые пальцы откинули капюшон, обнажив такой же морщинистый череп, покрытый клочками седых волос. — Что ж, нам нет дела до ваших магических распрей. У нас иной путь.

— Знаю, знаю, всё ищите... ищите...

— Надеюсь, так же ты знаешь и правила, — проигнорировал иронию сморщенный старик-карлик. — Цена должна нас устроить, иначе...

— Что иначе, старик?! — нахмурился Гелимрах.

— Проход для тебя закроется навеки, — карлик упёр подслеповатый взгляд белёсых глаз в лицо тёмного мага и тот невольно вздрогнул. Какой-то странный холодок вдруг кольнул сердце.

Некромант начал закипать. Скрюченный старикашка из проклятых богами карликов пытается его запугать?! Его — лучшего ученика магистра Эжжилера?!

Он выдохнул короткую фразу и развёл руки в стороны. Затаившаяся в бездонном проёме Тьма откликнулась на зов своего адепта и чернильно-чёрным облаком метнулась вперёд. Негаснущее пламя колыхнулось, едва не сорвавшись с факелов, и стало затухать.

Казавшийся дряхлым старик-карлик вдруг распрямился и резким движением выдернул из-под хламиды небольшую резную палочку. В сгущающейся тьме она вспыхнула ярче солнца. Быстрыми движениями карлик нарисовал в воздухе странную закорючку и воткнул палочку в самый её центр. Рисунок взорвался яркой вспышкой и тут же погас. На все манипуляции понадобилось не более двух секунд, и Тьма призванная наблюдателем рассеялась словно дым.

— Что за шутки, старик! — Гелимрах с ужасом ощутил, что не может пошевелиться. — Отпусти, иначе орден Чёрного Копья разворошит всё ваше проклятое гнездо!!!

— Сколько бравады в голосе того, кто на волосок от смерти...

Из темноты появился ещё один карлик в сопровождении десятка воинов кумтар в глухих пластинчатых доспехах. Отбросив капюшон накидки из дорогой сумарской ткани, он встал рядом со стариком и изучающе посмотрел на Гелимраха. Карлик был весьма юн (по меркам кумтар), с густыми прядями чёрных волос, стянутыми на лбу золотым обручем инкрустированным самоцветами.

— Обре гиракава, ксорун (Великая честь, повелитель, — язык кумтар.) — старик с нескрываемым почтением поклонился. Его примеру последовали и вышедшие из тени стражи врат.

Наблюдатель окинул взглядом собравшихся и мысленно присвистнул — одновременно видеть столько карликов не приходилось ещё никому.

Молодой карлик подошёл к пленённому некрманту, обошёл кругом, а затем обратился

к старику:

— Освободи его.

— Ксорун? — от недоумения морщины на его лице разгладились. — Ксорун, та згурд раништи. (Повелитель, он хотел нас убить.)

— Всего лишь напугать, — отмахнулся юноша. — И говори, пожалуйста, на торрисе. Наш гость не владеет Истинным языком.

— Слушаюсь, повелитель, — старый кумтар поклонился и переломил мерцающую тусклым светом палочку. Гелимрах почувствовал, что оцепенение спало.

— Ты же не будешь делать глупостей? — повелитель кумтар с интересом посмотрел на тёмного мага. Тот отрицательно покачал головой.

— Мне всего лишь нужен проход. А за этот инцидент прошу прощения. Нервы... Вот, возьмите в качестве компенсации, — наблюдатель порылся в кошеле и протянул на ладони продолговатый нурфит. Пусть не такой чистый, как те, что Атиш ти-Вару подарил Вальдресу, но от этого не менее ценный.

Правитель кумтар отмахнулся, продолжая с интересом разглядывать собеседника.

— У нас от этого добра уже сундуки не закрываются... Впрочем, отдай Зхестаару, — холёная рука указала на сморщенного старика. — Ему пригодится.

«Лукавишь, твоё подгорное величество, — усмехнулся про себя Гелимрах. — Наверняка сундуки не закрываются лишь в твоей сокровищнице. Не зря же у Зхестаара глаза так алчно вспыхнули».

Но вслух ничего не сказал и молча вложил кристалл в протянутую морщинистую ладонь.

— Теперь я могу пройти под вашими сводами?

— Несомненно, — произнёс молодой карлик и тут же внутри сводчатого тоннеля один за другим стали вспыхивать настенные факелы. — Следуй своей тропой...

Наблюдатель пожал плечами и уверенной походкой зашагал по освещённому коридору. Прямой как стрела путь под Небесным Хребтом поглотил его, чтобы ровно через сутки извергнуть по ту сторону.

— Повелитель, стоило ли пропускать этого наглого некроманта? — старый Зхестаар склонился перед молодым правителем подгорного племени.

Но тот не ответил. Задумчиво взглядываясь во тьму, принявшую странного мага он мысленно возвратился к письму, которое два дня назад стражники доставили от врат.

В послании старый друг, с которым они не виделись больше дюжины лет, просил предоставить беспрепятственный проход своему ученику. Это было странно, так как по негласному соглашению воспитанники магистра Эжжилера имели постоянную возможность свободно проходить как на ту, так и на эту сторону. Причём за минимальную плату.

Поломав голову, Эулис ан-Тар решил лично познакомиться с магом, за которого просил друг. Как оказалось оно того стоило.

— Повелитель?

Молодой кумтар, обличённый властью прервал размышления, свысока оглядел старого мага и, не удостоив ответом, скользнул внутрь незаметного провала, откуда недавно вышел. Молчаливые воины поспешили следом.

Покачиваясь в такт мерной поступи пегой кобылки, которую ему выделил караванщик, Вальдрес откровенно клевал носом. Пейзаж не менялся уже второй день: всё та же дорога, тот же лес и тонкая полоска неба в прорези меж верхушек деревьев. Тихий полумрак веял прохладой и пах древесной смолой, от запаха которой Вальдреса всё время клонило в сон.

Более-менее сносно уместив зад на широком, для коротышки менкоа седле, маг пытался восстановить в памяти ощущения во время стычки с разведчиками. Хотелось понять, откуда пришла команда: «Убей». Он и так и этак прокручивал ситуацию, но всё время приходил к выводу, что всё дело в цветке альбиноса.

За размышлениями не заметил, когда его лошадь вырвалась вперёд. Вальдрес придержал поводья и, поравнявшись с хозяином каравана, поехал слева от повозки.

— Рассудите нас, господин маг! — тут же раздался лебезящий голос караванщика, самолично держащего вожжи. — Мы поспорили насколько древний народ эти карлики. Веир утверждает, что они даже древнее гадрахов.

Упомянутый начальник охраны каравана, едущий по правую руку зло зыркнул на ненавистного коротышку, скрипнул зубами и обратился к караванщику:

— Почтенный Залиф, если моё присутствие более не требуется, позвольте откланяться. Необходимо распределить ночную стражу.

— Делай, что должен, Веир, — кивнул караванщик и вновь повернулся к Вальдресу.

— А вы как считаете, господин маг?

— Просто Вальдрес, почтенный Залиф...

— И каково же ваше мнение, господин Вальдрес? Я вот думаю, что всё это ерунда. Эти кумтар наверняка жили где-то в степи, пока не прознали о проходе под хребтом, а потом раз, — он сделал в воздухе хватательное движение, — и плати им за проход. Да ещё и ерепенятся — одинокий путник не пройдёт, пройдёт лишь караван... Конечно, — он усмехнулся, — с каравана-то плата о-го-го как высока, а с путника что возьмёшь?

— При всём уважении, но стражник прав, — улыбнулся Вальдрес. — Кумтар очень древний и весьма своеобразный народ. У них даже магия своя. Но мне хотелось бы знать, как долго ещё ехать до прохода?

— Недолго, господин маг, — тон караванщика переменялся. Беседуя он забыл, что собеседник не обычный человек, но увидев ряды острых зубов, память тут же вернулась. — Завтра к полудню будем на постоялом дворе. Только... — толстяк замаялся.

— Что только? Продолжай, почтенный.

— Боюсь, моё предложение не понравится господину магу.

— Ты предложи, а я уж сам решу, понравится оно или нет.

— На постоялом дворе вам следует ночевать с обозным людом, — на одном дыхании выпалил караванщик и тут же втянул голову в плечи, видя, как полыхнули глаза мага. — Выслушайте меня, господин, не горячитесь! Я нисколько не хотел вас задеть, но это единственный вариант, учитывая ваше нынешнее обличье...

— Бездна! — выругался Вальдрес, стряхивая с ладони собранную энергию. — Прости, почтенный, всё время об этом забываю. Даю слово...

Постоялый двор расположился чуть севернее врат, примкнув к самому подножию Небесного Хребта. От остальных его отличали лишь раздувшиеся размеры, обусловленные сезонными наплывами постояльцев да наличие двух складских помещений находящихся на

некотором удалении от главного здания. Сама же гостиница была о трёх этажах, что говорило о высокой стоимости ночлега.

Когда караван преодолел последний поворот, за которым показались стены постоянного двора, Залиф заметно напрягся. Нервозность караванщика легко было понять — а ну как господин маг затребует лучшей комнаты, позабыв о своём обещании. Его после такого даже на порог больше не пустят. Кому захочется иметь дело с караванщиком, чьи слуги ведут себя настолько нагло.

Но маг не подвёл и сам предложил заночевать со слугами, тем самым разрядив обстановку...

Стянув сапоги с не привыкших к обуви ног, Вальдрес подбил себе добрый пучок сена, подложил под голову мешок и с блаженством растянулся. Уже через несколько дней он будет в родном Келире, где под деревом рулхх его дожидается личный тайник.

— Эй, — раздался вдруг звонкий детский шёпот. — Эй, ты где? Эй, Вальдрес!

Маг поморщился. И чего этому ребёнку неймётся? Ведь разбудит же остальных, и тогда ворчания не оберёшься. А ему как никогда хотелось побыть в тишине.

Но видимо не судьба. Из-за толстой сваи выплыл тусклый шарик желтоватого света, облепивший масляную лампу словно мошкара. Лампу нёс босоногий мальчик-служка лет семи, одетый в пусть и поношенную, но довольно прочную одежду.

— Ну и чего ты разорался? — зло зашипел на мальчика потревоженный маг.

Паренёк поднял светильник над головой, чтобы лучше его разглядеть и непроизвольно ойкнул. Испугавшись, попятился, обо что-то споткнулся и едва не уронил лампу на сено. Глаза у него при этом сделались совершенно круглые.

— Тише ты, — Вальдрес облокотился о балку, — не ровен час, спалишь здесь всё. Что, никогда менкоа не видел?

Пацан энергично замотал головой. Маг грустно усмехнулся:

— Да уж, а менкоа, свободно говорящего на торресе никогда не видел даже я... Что тебе нужно?

— Я еды принёс, — пискнул паренёк. — Вот.

Он поставил у ног мага плетёную корзину. Вальдрес откинул тряпицу прикрывающую содержимое и удивлённо спросил:

— И кто же это такой щедрый? — он поднял взгляд на юнца. — Кто велел принести мне еды?

— Господин из прибывшего сегодня каравана, — едва выдавил из себя мальчик. Видно было, что страх перед ужасным менкоа сковал ему ноги, иначе он бы уже улепётывал во все лопатки. — Такой толстый...

— Ясно, — протянул Вальдрес.

Он расстелил тряпицу прямо на сене и стал выгружать на неё содержимое корзинки. Внутри оказалась краюха свежего хлеба, запечатанная бутылка с вином (хотя там могло оказаться и местное пиво) и котелок из которого шёл умопомрачительный аромат мясной похлёбки.

— Вот что, малый... как там тебя?

— Нурша я, — малец шмыгнул и вытер нос рукавом.

— Составишь мне компанию? — маг похлопал рядом с собой. — Я, конечно, собирался, как следует выспаться, но раз такое дело...

Он перевернул корзину, водрузил светильник на дно и открыл крышку. Над котелком

тут же закрутился благоухающий пар. Паренёк повёл носом и невольно сглотнул, что не осталось без внимания Вальдреса. Достав из котелка деревянную ложку, он зачерпнул немного похлёбки, попробовал и блаженно зажмурился.

— Уфф, вкусотища... давай, не стесняйся.

Голод пересилил страх. Парень взялся за протянутую ложку и стал с жадностью черпать обжигающее варево.

А Вальдрес отломил печать с бутылки, выдернул пробку и пригубил напиток. Во рту взорвалась ягодная смесь, а желудок приятно обдало теплом.

«С чего бы Залифу так меня баловать? — подумал маг. — Вкусный ужин, дорогое вино... Хочет задобрить? Но зачем?»

Тут он заметил, как Нурша с сытой улыбкой отвалился от котелка.

— Ну что, парень, наелся? — тот энергично закивал. — Прости, вина не предлагаю — тебе ещё рано. Мне-то хоть что-нибудь оставил? — малец виновато потупился. — Ну, ничего, хватит и хлеба с вином. Я, видишь ли, теперь мало ем.

— Почему?

Вальдрес про себя усмехнулся. Воистину детское любопытство способно подавить страх даже перед самым ужасным монстром.

— Потому, что это не моё тело, — маг многозначительно замолчал, отхлебнул из бутылки и отправил следом ломоть хлеба.

— Расскажешь? — мальчик жадно подался вперёд.

— Извини, братец, не могу. Давай лучше расскажу что-нибудь другое.

Нурша пожал плечами и устроился поудобнее. Вальдрес посмотрел на него долгим взглядом и вновь приложился к горлышку. И то ли вино оказалось крепче, то ли его новое тело не было приспособлено к алкоголю — так или иначе маг не заметил, когда приятное тепло, угнездившееся в животе, сменилось свинцовой тяжестью. Кое-как подтянув осоловшее тело к балке, Вальдрес устроился удобнее и блаженно расслабился.

— Ну что ж, пусть будет история... Лет восемь назад, в архиве магической гильдии мне в руки попала древняя рукопись...

На постоянный двор опустилась усталая тишина, изредка пронзаемая криком ночной птицы. Давно перевалило за полночь и из обеденного зала уже не доносилось ни единого звука. Наёмники, собравшиеся со всех обозов и прогуливающие выданное жалование[1], наконец, разбрелись по комнатам — кто сам, а кто под руки друзей.

Несмотря на глубокую ночь на сеновале никто не спал. Обозники, поначалу отнёсшиеся к Вальдресу с опаской, потихоньку сгрудились вокруг него и Нурши. Всем хотелось поближе рассмотреть странного менкоа, который на чистейшем торресе рассказывал занятную историю.

— ... на семи дряхлых свитках, готовых вот-вот рассыпаться в прах, умирала старая легенда кумтар, — продолжал Вальдрес, глядя на огонёк, пляшущий на кончике промасленного фитиля. — Очень старая... возможно, это самая первая легенда из когда-либо записанных. В ней говорилось, что в дни юности нашего мира, когда материк Гельд-Ир ещё не был разделён надвое, а людей в мире и вовсе не водилось, страшное чудовище проникло в Хигион сквозь тонкую ткань бытия. Великая Тьма тогда укрыла землю, ибо громадные крылья чудовища заслонили небо. Гигантский чёрный вихрь, рождённый их размахом, пронёсся по зелёным лугам, превращая всё в бесплодную пустыню. Разинув бездонную пасть, чудовище пожирало звёзды, дарившие праздник ночи новорождённому

миру. Реки вышли из берегов, раскололись горы, великие волны встали в Мировом Океане, грозя затопить всю сушу. То был миг величайшей опасности, пришедшей извне. Лучезарный Сеттиллис и Громopodobный Харризис вместе вышли на битву с чудовищем. И все силы Хигиона помогали им в этом. Солнце нещадно жгло чудовищу глаза, ветер ломал крылья, океан поднимал до небес смертоносные волны, гася огненные стрелы, исторгаемые громадной пастью. То была битва непостижимая для разума человека. Земля стонала, и море кипело от огня... Но чудовище, наконец, пало. Его изувеченное тело в последний раз взметнулось к самой Иссиле и безжизненное рухнуло на землю. По легенде, на том месте, куда упало поверженное чудовище, прежде стоял город — первый город нашего мира, населённый странными существами, которым нет названия. Кумтар верят, что это были их пращуры. Город тот возвели боги, память о которых стёрлась из всех скрижалей, оставив нам лишь их имена — Менка, Суолан и Хелна. Откуда они явились и где затерялись — эту тайну людям никогда уже не узнать. Тело чудовища навеки похоронило город, смешав обломки причудливых дворцов с пылью своей смерти. Тело его окаменело, превратившись в Небесный Хребет, а на месте, куда пала голова теперь зияет бездонной чернотой каньон Харат. Саму голову забрал в небесный чертог могучий Харризис, дабы там, со стены она вечно напоминала ему о великой победе. И по сию пору кумтар продолжают вести поиски останков своих предков. Они верят — в день, когда будет найден безвестный город, карлики преобразятся и познают мудрость сгинувших богов...

Вальдрес окончил рассказ, и ещё некоторое время никто не решался нарушить наступившую тишину. Наконец один из обозников — старик с ёжиком седых волос, окруживших розовую плешь — встал и со вздохом протянул:

— О-хо-хо, паря... ну и занятную же небылицу ты выдумал. Надо же, сам Великий Хребет — и чудовище... скажешь тоже. А эти твои Менка, Суолан и, как бишь третьего? — Хелна, — подсказал кто-то из сидящих. — Во-во, Хелна... они что же, взаправду? Да любой малец знает, что первыми в наш мир Единый поселил людей, а уж потом всяких там... — сидящие одобрительно загалдели. — Ты ври да не завирайся. Ишь, выучился по-нашему говорить, — старик зло сплюнул под ноги и заковылял к своему месту.

— Дядька Орт прав, — поддержал старика ещё один немолодой мужик. — Нечего всяким дикарям нас поучать. Радуйся, что спать охота, а то бы и вовсе поколотили. Айда-те братцы на боковую, завтра день длинный предстоит.

Обозники один за другим стали разбредаться по своим местам, а Вальдрес с грустью подумал:

«Единый... Знатно же вам прочистили мозги».

Заметив, что Нурша глядит на него широко раскрытыми глазами, явно ожидая продолжения, маг спросил:

— А разве тебе не пора спать? — малец отрицательно повёл подбородком. — Ладно, расскажу ещё одну сказку, но только обещаю, что после оставишь меня одного.

— Обещаю, — паренёк смешно оттопырил нижнюю губу.

— Тогда слушай. По той же легенде, заканчивая обустроить этот мир, боги-братья решили заодно избавиться и от уродливого шрама, в который превратилось чудовище. Но оказалось, что окаменевшее тело настолько слилось с материком, что удалить его без последствий для молодого мира стало невозможно. И тогда в светлую голову Сеттиллиса пришла замечательная идея — связать отрезанные друг от друга части материка проходом. Но каково же было удивление братьев, когда они узнали, что под Небесным Хребтом (в те

времена ещё так не называемым) поселились низкорослые существа. Тогда Сеттиллис явился к ним и рассказал о своей затее, но карлики оказались упрямы. Они не захотели, чтобы через их жилище кто-либо проходил без спроса, и богу пришлось пойти на уступки. Три дня и три ночи ломал премудрый Владыка Света голову над поставленной задачей, но всё же нашёл выход. На созданный проход наложил он поистине величайшее заклятие, давшее карликам право распоряжаться тоннелем по своему усмотрению...

— Так-то, парень, — закончил Вальдрес. — А теперь проваливай и дай мне хоть немного поспать.

— А как выглядит проход изнутри? — не унимался Нурша. — А сколько по нему идти? А там очень темно? А...

Маг демонстративно лёг на бок, подложил кулак под голову и закрыл глаза. Со вздохом разочарования Нурша встал, подхватил светильник вместе с опустевшей корзиной и пошёл к выходу.

***

Наутро маг был разбужен суетой готовящегося к отъезду обоза. Умывшись у колодца, Вальдрес почувствовал, как жизнь возвращается в измученное коротким сном тело.

Толстого Залифа он застал за разговором с начальником охраны, который тут же поспешно завершил начатую фразу, сверкнул глазами, поклонился караванщику и поспешил присоединиться к остальным наёмникам. Вальдрес зевнул и поинтересовался:

— Ну что, почтенный Залиф, как скоро мы достигнем Келира?

— Считайте сами, господин маг, — поспешил ответить толстяк, растянув рот в слащавой улыбке. — Сутки нам понадобятся, чтобы миновать Небесный Хребет, почти целый день, чтобы добраться до Торсота, плюс там ещё пара деньков. Ещё целые сутки и полдня от Торсота до Келира. Итого, — Залиф закатил глаза, подсчитывая, — никак не меньше пяти суток, господин мой Вальдрес.

— Скажи, любезный, а нам обязательно заезжать в Торсот? Зачем делать такой крюк?

— А как же иначе? — искренне удивился толстяк. — Ведь сейчас перед самым сезоном дождей там лучшая ярмарка. Да мы за эти два дня сможем продать половину всех наших товаров! Или господин маг торопится? — Залиф с едва скрываемой надеждой заглянул Вальдресу в глаза. — В таком случае в Торсоте я дам вам лучшего коня да ещё одного в завод и поезжайте себе не торопясь до самого Келира.

— Ничего, я не тороплюсь, — маг разбил надежды караванщика избавиться от опасного попутчика. — К тому же последний раз я был на ярмарке в Торсоте ещё ребёнком... И когда же мы отбываем?

— Всё почти готово, господин маг, так что не советую далеко отходить...

Заплатив названную сморщенным карликом цену, караванщик отдал приказ и повозки, перестраиваясь по две в ряд, потянулись к открывшемуся впереди тоннелю.

Воистину проход под Небесным Хребтом можно было назвать одной из величайших загадок этого мира. Вальдрес и раньше знал о его необычных свойствах но, видя метаморфозы, что произошли с тоннелем прямо на глазах, невольно поразились. Когда он путешествовал один, ход оставался шириной в два-три шага, но сейчас коридор расширился

ровно настолько, чтобы с комфортом могли проехать сразу две телеги.

Прямой, как древко копья путь пролегал меж бесчисленных негаснущих факелов, от которых поначалу зарябило в глазах, но вскоре Вальдрес перестал их замечать, ослабил поводья и погрузился в мысли...

Как и планировалось, караван миновал Небесный Хребет спустя сутки и, не задерживаясь, выехал на широкий тракт, что струился, словно извилистая река меж Рассветных холмов, вершушки которых густо поросли высокой травой и молодым кустарником.

Сколько было тех холмов — две, три сотни — не знал никто. Сосчитать их можно было только с высоты птичьего полёта, да вот незадача — боги позабыли дать людям крылья. Так и тянулись они, несчитанные, безымянные, вдоль Небесного Хребта от северного склона до самой реки Ванд.

Холмы были разные — огромные, такие, что и за день не обойдёшь, и низкие курганы с крутыми или пологими склонами; почти голые и густо заросшие рощами. Между ними причудливо извивались узкие тропинки и широкие торные дороги, переплетаясь в паутину, узор которой был известен лишь коренным жителям деревень, разбросанных тут и там.

Здесьние жители слыли знатными охотниками и сделали этот промысел своим главным занятием, не в пример племенам, живущим на Равнинных пустошах. Те предпочитали заниматься земледелием, да оно и верно — какая живность может водиться в бескрайних степях. А вот земля на пустошах отменная — жирная, влажная, питаемая двумя большими реками — Ванд и Тэй. Там и полено заколосится, надо только вовремя в землю воткнуть. На склонах же Рассветных холмов выращивать хлеб и овощи было несподручно, вот и оставалось надеяться на крепкую руку да меткий глаз.

Местные жители ревниво охраняли свои охотничьи угодья от чужаков, относя к таковым и самого правителя Заозерья. Все попытки со стороны наместника взять под надзор добычу зверья потерпели крах — стоило сборщикам подати хоть немного приблизиться к деревне, как та немедленно ошестинивалась луками и копьями, и государственные люди спешили убраться от греха подальше. Воевать с жителями холмов на их же территории — себе дороже.

У северного склона Небесного Хребта было всего два крупных поселения — Келир и Торсот. В последнем ежегодно перед началом сезона дождей проводилась ярмарка, куда стекалось множество караванов как с этой, так и с той стороны Небесного Хребта.

Следуя указателю на развилке, гласившему, что Торсот на юг, а Келир на север, караван двинулся в сторону ярмарки. От Торсота до родного города Вальдреса вела ещё одна дорога, пусть не такая крепкая и широкая как этот тракт, но благодаря ей каравану не придётся возвращаться на развилку.

Караван выехал из врат Небесного Хребта ещё засветло, и достигнуть ярмарки должен был ближе к полудню, но Веир настоял на небольшом привале — дать отдых лошадям и людям. Хотя Залиф и был поначалу против, но начальник охраны сказал, что в таком случае пускай толстяк сам себя защищает, так как его люди после суток сидения в сёдлах уже ни на что не годны. Караванщик поскрипел зубами, но всё же уступил.

Через несколько часов после привала Вальдрес заметил, что Веир чем-то озабочен. Начальник охраны то заезжал вперёд, то возвращался к хвосту каравана, да и вообще сидел в седле как на иголках. Наконец он подозвал к себе одного из своих, перекинулся с ним парой слов, после чего тот, свистнул ещё троих и все четверо галопом умчались вперёд. Такое

поведение заинтересовало мага, и он решил выяснить, в чём дело.

— Могу я чем-то помочь?

— Нет, — процедил сквозь зубы наёмник и развернул коня в сторону последних телег.

— Ах, ты ж...

Вальдрес хотел было стегануть по наглой спине силовым жгутом, но его внимание привлёк топот приближающихся всадников.

— Дым! Там дым! Дядька Веир, там за холмом чёрный дым!!! — издали закричал самый молодой из возвращающейся четвёрки, но тут же подавился словами, схлопотав добрую затрещину от более опытного воина.

Начальник охраны одобрительно кивнул и с каменным лицом дождался пока четвёрка дозорных подъедет к нему.

— Что там, Сипр?

Названный Сипром — как раз тот воин, что отвесил молодому оплеуху — говорил тихо, но Вальдрес ещё не успел далеко отъехать и смог разобрать его слова.

— Из-за холма, где должен быть Торсот, поднимается дым. Чую не к добру всё это. Может, развернёмся пока не поздно?

Веир кивнул, хлопнул воина по плечу и поскакал к хозяйской телеге. Вальдрес принялся — действительно, тот неприятный запах, который его преследовал после привала был ни чем иным, как запахом гари.

Подъехав к караванщику, маг услышал, как наёмник пытается вразумить хозяина развернуть караван и не искушать судьбу, но Залиф был непреклонен.

— Я сказал нет и точка!

— Но поймите, господин Залиф, схватку с большим отрядом нам не выдержать. К тому же у меня плохие предчувствия.

— Я что должен терять свои деньги только из-за того, что мой начальник охраны что-то там почувствовал?! — караванщик скривился как от кислого. — Мы продолжим путь, что бы там не горело. Тем более с нами маг, — он кивнул в сторону слушающего их Вальдреса. Тут уже настала очередь кривиться Веиру.

— Почтенный Залиф, твой начальник охраны совершенно прав, — произнёс маг, поймав на себе удивлённый взгляд наёмника. — Не стоит лезть на рожон. Я даже отсюда чувствую запах гари и могу с полной уверенностью сказать, что это далеко не простой костёр.

— И этот туда же, — толстый Залиф от негодования закатил глаза. — В общем, так поедем дальше и на месте разберёмся, что к чему. А вам, господин маг, повторю недавнее предложение — берите коня и езжайте в свой Келир. Что же касается тебя, — он повернулся к Веиру, — в конце концов, кто кому платит за охрану каравана?! Вот и охраняй!

Наёмник склонил голову, развернул коня и скомандовал:

— Надевайте броньки, ребятки! Поедем, посмотрим, кто там с огнём балуется!..

Обогнув очередной холм, караван выехал на прямой участок тракта и теперь все смогли разглядеть далёкий столб чёрного жирного дыма, попирающий небо. При виде открывшейся картины кто-то из наёмников присвистнул, а караванщик встал в своей телеге в полный рост и приложил ладонь ко лбу. Мазнув по нему взглядом, Вальдрес отметил, что тот сильно побледнел, но несмотря ни на что, Залиф твёрдым голосом скомандовал:

— Едем дальше. Нужно узнать, что там случилось.

— Ехать всем караваном чистое самоубийство! — возразил Веир. — Я вышлю вперёд

дозор и...

— Нет! — в голосе караванщика впервые прозвучал металл и Вальдрес с интересом вгляделся в одутловатое лицо.

Обоз медленно, словно лошади тоже что-то учуяли, двинулся дальше. Веир перераспределил людей и теперь четверо всадников со взведёнными арбалетами ехали впереди процессии, четверо ускакали назад, а остальные охраняли караван по обеим сторонам.

Жители Равнинных холмов строили свои дома из дерева и камня. Большие, просторные, крепкие, они служили кровом нескольким поколениям. Глава рода ставил дом, чтобы в нём спокойно умерли от старости его правнуки, и Торсот — небольшой, но весьма популярный городишко, расположившийся в широкой низине меж трёх холмов, был построен по всем традициям. С широкими улицами, большим постоянным двором и широкой торговой площадью, где устраивались ежегодные торги. Население города не превышало двух сотен душ, но обилие проходящих иноземцев делало Торсот значительно больше.

Поднимаясь на холм, за которым лежал город, Вальдрес ощутил странную тишину. Обычно, подходя к большому поселению, начинаешь слышать его раньше, чем видеть — тот самый несмолкаемый гомон, что вечно витает над человеческим жильём. Мычание коров, пронзительные крики петухов и уток, скрип колодезного ворота и звонкий голос кузнечного молота. Здесь же было тихо как на погосте.

Всадники первыми поднявшиеся на вершину холма замерли и как один взяли арбалеты наизготовку. Когда остальной караван поравнялся с ними, Вальдрес понял причину такого поведения. То, что все увидели, оказалось страшней ночного кошмара. Разум отказывался поверить в реальность представшей перед ним картины.

На месте Торсота лежало голое, открытое всем ветрам пепелище и лишь из-за последних домов поднимался тот самый столб дыма. С вершины холма отчётливо было видно, что когда пришла беда, почти все мужчины взяли в руки оружие и пошли навстречу лиходеям. Пошли, да так и остались лежать посреди главной улицы, поверженные в прах, но не отступившие перед врагом.

Отступать им было некуда — они защищали свои семьи и свои дома. Те самые, что построили когда-то их прадеды, и что теперь лежали в руинах, слепо пялясь выжженными глазницами окон.

— Мы должны спуститься и посмотреть что случилось, — голос караванщика вывел всех из оцепенения.

— Ты прав, — Веир кивнул. — Едем, а обоз пусть останется здесь — мало ли чего.

— Поедут все, — отрезал Залиф ледяным тоном.

Начальник охраны предпринял попытку его отговорить:

— Если те, кто это сделал, бродят где-то в округе...

— Тем более есть резон держаться вместе. Я больше не собираюсь с кем бы то ни было спорить! Командуй, Веир!

Наёмник сплюнул под ноги, но перечить не стал.

Первая четвёрка медленно двинулась вперёд, за ними следом тронулся и весь караван. На подъезде к городу стали попадаться первые трупы. Те, кто напал на Тосот не пощадили ни женщин, ни детей, пытающихся покинуть гибнущее поселение и за воротами каждого ждала стрела в спину.

Внутри всё оказалось намного хуже. Невыносимый смрад стылой гари вперемешку с

запахом обгоревшей и гниющей человеческой плоти, заставил людей прикрыть лица тряпками. Лишь немногие сумели удержать завтрак в желудке.

Густой чёрный столб дыма, что привлёк внимание разведчиков, поднимался из-за останков большого сарая в конце улицы и маг насторожился. Что-то было не так. Судя по всему, Торсот сгорел почти седмицу назад, но что до сих пор могло так дымить, он понятия не имел. Вальдрес решил это выяснить. Он направил было свою лошадь в ту сторону, но резкий, режущий ухо смех заставил всех обернуться.

Из-за полуразрушенного дровяного сарая вдруг выскочила грязная, одетая в лохмотья женщина и с визгом бросилась наперерез каравану. Она была молода и вероятно красива. Когда-то. Сейчас её длинные почти до колен тёмно-русые волосы свалились от грязи в огромный колтун. Обрывки тряпок, что были некогда платьем, едва прикрывали наготу, оставляя на виду то, что женщине прилично прятать от мужских глаз. Лицо с большими глазами было сильно измазано сажей и перекошено безумием.

Подбежав на расстояние нескольких шагов, женщина сторбилась и снова захохотала, брызгая слюной. Двое воинов спешили. Увидев это, сумасшедшая отскочила в сторону и в тоже мгновение с хрипом повалилась на землю, пытаясь вырвать из шеи стрелу. Вторая стрела пробила грудь, и тело несчастной расслабилось.

А ещё через миг стрелы полетели отовсюду...

***

— Засада!!! — заорал один из наёмников, но чья-то меткая стрела оборвала его крик на полуслове. Воин выпал из седла и покатился по земле.

— В укрытие!!! Всем за телеги!!! — Веир выхватил меч и стащил с коня нерасторопного паренька. И вовремя, в седло вонзилось сразу три стрелы.

В Магической Академии реакцию тренировали на протяжении многих лет обучения, и потому Вальдрес среагировал ещё в тот момент, когда обезумевшая женщина рухнула на землю.

Первый лучник обнаружился за останками печной трубы. Хищно оскалив и без того неприветливое лицо, маг выстрелил ветвистой молнией изумрудного цвета. Человек заметил его движение и даже успел вскинуть лук, но было поздно. Молния врезалась в печную кладку, разметав кирпичи, словно сухую листву. Лучник отлетел на несколько шагов и застыл сломанной куклой среди пепла.

Следующего стрелка маг заметил за забором, но его опередил Веир, метнувший кинжал. Вальдрес зло прошипел:

— В укрытие идиот! Я сам справлюсь!

— Это моя работа, — спокойно произнёс начальник охраны, вытаскивая из-за голенища очередной нож.

Зло стиснув зубы, Вальдрес сделал круговое движение рукой и перед Веиром заискрилась пелена зелёных искорок.

— Что это? — возмутился наёмник, но перед лицом вдруг повис арбалетный болт.

— Благодарю... — процедил сквозь зубы Веир.

— Не стоит, — ответил Вальдрес и метнул огонёк в сторону, откуда прилетел болт. —

Прикрывай Залифа, а здесь я сам.

Наёмник не стал спорить и зигзагом кинулся к обозу. Следом полетели стрелы. Проследив их траекторию, маг швырнул два огненных шара, но они осыпались безобидными искрами так и не долетев до сарая, где прятался стрелок. Вальдрес решил применить заклинание помощнее, но из-за развалин вышел человек, укутанный с ног до головы в чёрные одежды. Маг напрягся — уж очень уверена была его походка.

Человек чьё лицо скрывал глубокий капюшон шёл, опираясь на отполированный до блеска чёрный посох. Вторая рука покоилась на груди, сжимая что-то на золотой цепочке. Он остановился в десяти шагах и резко одёрнул ладонь. В то же мгновение Вальдрес атаковал, увидев золотую змеиную голову с глазами-изумрудами.

Некромант выставил перед собой посох и Огненный Вихрь стёк с древка словно вода. Со стороны обоза раздались чьи-то крики, но всё внимание Вальдреса было приковано к некроманту, чья сила, несомненно, превосходила его собственную. Маг мысленно перебирал заклинания, которые мог бы противопоставить чёрной магии и с ужасом понимал, что кроме атакующего огня и молний в его арсенале почти ничего нет.

Некромант скинул капюшон и на Вальдреса уставились холодные глаза пожилого убийцы. Высокий лоб с глубокими залысинами, серебристый ёжик волос, впалые сухие скулы, острый подбородок и крючковатый нос так похожий на клюв ассала.

— Сегодня день твоей смерти, маг! — голос, напоминающий скрип мельничных жерновов соответствовал общей картине.

— Торсот... — процедил Вальдрес сквозь зубы, — твоих рук дело?

Некромант едва заметно кивнул.

— Но зачем?

— Тебе не понять путей моего ордена, маг. Да уже и ни к чему. Воздай славу своему Единому и умри с достоинством.

Вальдрес явственно ощутил дыхание Смерти за спиной. Вдохнув поглубже, он приготовился продать жизнь подороже, как вдруг в сознании прозвучал тихий голос:

«Позволь мне помочь...»

Некромант повёл посохом, и напротив его груди материализовалось чёрное облако. Вместе с этим тёмный маг извлёк свободную руку из широкой сумки, перекинутой через плечо, поднёс ладонь к лицу и с силой на неё дунул. Горсть бурого порошка тысячами песчинок врезалась в колышущееся чёрное облако. Тьма покраснела и стала уплотняться.

Предвидя неладное, Вальдрес произнёс слово-ключ и активировал мощную непроницаемую защиту. Некромант криво ухмыльнулся и направил на него наверх посоха. В тот же миг из уплотнившегося облака выстрелила рубиновая нить и вонзилась Вальдресу в грудь, легко пройдя сквозь выставленный щит.

В голове взорвался огненный шар и мысли разлетелись в клочья. Защита развеялась, силы покинули тело, и маг рухнул на колени.

Некромант зловеще захохотал. Медленно вытянул из сумки продолговатый предмет и показал поверженному противнику.

— Ты знаешь что это, маг?

Преодолевая приступы острой боли, Вальдрес с трудом поднял голову и его глаза расширились от ужаса.

— Вижу, что знаешь! — тёмный маг сухо хмыкнул. — Я вырезал этого идола из кости убитого мной гадрахского шамана. Превосходный получился поглотитель, уж поверь.

Впрочем, сейчас ты в этом убедишься. Но предупреждаю, будет очень больно! — и некромант зашёлся в каркающем смехе.

Вальдрес попытался сконцентрироваться, но мысли разбегались, словно крысы при свете факела. Смакуя его состояние, тёмный маг бросил резного идола в рубиново-чёрное облако и тот засветился тёплым светом.

Мощный приступ боли скрутил тело, когда к поглотителю потянулась душа Вальдреса. Словно палач раскалёнными щипцами ухватился за оголённый нерв. Сознание вознамерилось сдаться, но ледяной пощёчиной его взбодрил тот же голос:

«Пока не поздно дай мне помочь!»

«Помоги...», — отрешённо подумал маг и в то же мгновение ощутил, как разомкнулись палаческие клещи. Боль отступила, Вальдрес открыл глаза.

Некромант уже не улыбался. Его полный недоумения взгляд был прикован к ране на груди поверженного мага, откуда вырывались струйки тёмно-зелёного тумана. Они извивались вокруг рубиновой нити и неумолимо тянулись к поглотителю.

Тёмный маг попытался извлечь идола из бурого облака но изумрудные змейки только того и ждали. Они выстрелили вперёд, и облако вместе с резной статуэткой осыпалось серым пеплом. Рубиновая «пуповина» исчезла и Вальдрес, наконец, смог подняться на ноги. Кровь в ране забурлила, зашипела и запеклась.

Скинув сумку с плеча, некромант с силой вогнал посох в землю и оголил предплечье. Небольшой кинжал с кривым лезвием сверкнул на солнце и чиркнул по запястью. Не давая крови пролиться на землю, маг распростёр руку над посохом и прорычал несколько слов. Навершие вспыхнуло и алые струйки стали в него впитываться.

На секунду Вальдресу показалось, будто он слышит довольное урчание сытого зверя. Не дожидаясь завершения ритуала, он вскинул ладони к груди, но вместо ослепительных молний из них выпорхнули всё те же струи изумрудного тумана. Уплотняясь и перекручиваясь между собой, они устремились к некроманту. Вальдрес не мог видеть, как на конце каждого жгутика распахнулась пасть с зубами-иглами, зато это прекрасно видел тёмный маг. Он выдернул посох из земли и очертил им пространство перед собой. Навершие налилось жутким багрянцем и тянущиеся к магу нити натолкнулись на незримую преграду. На миг остановились, а затем стали расходиться в стороны огибая защиту.

Некромант попятился. На сухопарых щеках вздулись желваки, и крупные капли оросили виски, но он держался. Вальдрес хотел усилить напор, но с ужасом понял, что ничего не контролирует. Он будто гость в собственном теле. Перед глазами вдруг завертелся изумрудный вихрь и зелёные нити, окружившие тёмного мага, сотнями ртов впились в его тело.

Некроманта выгнуло дугой, посох выпал из рук, а из перекошенного рта потекла липкая слюна. Кожа на лице посерела и стала отваливаться струпьями. Мага корчило и трясло, но он продолжал стоять поддерживаемый невидимыми руками. Вероятно, он кричал, но Вальдрес этого не слышал. Его вдруг окатило могильным холодом, члены налились свинцовой тяжестью, и он без сил повалился наземь...

***

— Эй, твоё магичество! Ты живой?!

Звуки едва пробиваются сквозь глухую бочку, в которую заперли сознание. Звон в голове то нарастает, то откатывается, словно морской прибой. Свинцовые веки не разлепить. Да и стоит ли? Так хочется спать, спать... но кто-то настырно трясёт за плечо, не давая погрузиться в спасительную дрему.

— Давай, ребята, взяли и несём к той телеге...

Похоже, выспаться не удастся. Придётся сделать над собой усилие и открыть глаза. Но боги всемогущие как же неохота.

— Лей на лицо...

Голову обожгло холодом и сознание, наконец, прояснилось. Вальдрес резко сел и схватился за грудь.

— Где?! Что?! Как?!

— Жив, — утвердительно раздалось сверху. Над ним склонились четверо наёмников, среди которых маг узнал Веира.

Вид у начальника охраны был весьма потрепанный — левая рука покоилась на перевязи, волосы над левым ухом были срезаны вместе с кончиком самого уха и кровь тоненькими струйками сочилась по шее. Остальным досталось не меньше.

— Неважно выглядишь, — устало произнёс Веир, возвращая кинжал за голенище. — Я уж было хотел прервать твои мучения но, видимо, Единому ты ещё зачем-то нужен. Живи раз так.

— Кто напал на караван? — Вальдрес пропустил слова наёмника мимо ушей. Не зарезал и ладно.

— Сейны, — Веир сплюнул кровью и протянул руку. — Ни разу не слышал, чтобы они забирались так далеко от своих жилищ.

— Каким образом они спелись с некромантами — вот правильный вопрос.

Маг ухватился за протянутую руку и тяжело поднялся. Тело ныло, словно он сутки напролёт таскал мешки с зерном.

— Так это некромант был?! — искренне удивился Веир, и наёмники принялись сотворять оберегающие жесты. — Никогда не доводилось пересекаться с этой мерзостью, прости Единый. Но всё же ловко ты его... — он указал куда-то за спину.

Вальдрес обернулся. Шагах в двадцати лежала куча тряпья — всё, что осталось от грозного некроманта. Но взгляд приковала не она. Рядом покоился чёрный посох. Вот так удача! Маг улыбнулся и подошёл, чтобы поднять, но едва протянул руку, как был сбит с ног.

Оттолкнув наёмника, Вальдрес вскочил, активировал защиту и приготовился ответить огненной плетью, но Веир не атаковал. Он поднялся, отряхнулся и вернул повреждённую руку в перевязь.

— Что с тобой, воин?! — гневно поинтересовался маг.

— Нет, что с тобой? — парировал наёмник. — Неужели некромант повредил твою голову?!

— Объяснись, — Вальдрес стряхнул огонь с рук.

— А ты погляди на посох. Как следует, погляди.

Маг последовал совету, но ничего не увидел. И всё же что-то было не так. Он сел на корточки и стал водить ладонью над древком. Тут-то посох и показал свою сущность. Да так показал, что спина моментально покрылась изморозью.

Вальдрес отшатнулся. Где были его глаза?! Не распознать столь мощный поглотитель

под завязку наполненный эманациями смерти — непростительная ошибка! Если б не Веир... и думать страшно.

— Да, теперь вижу, — он поднялся и отёр ладони о штаны, будто трогал жабу. — Но как ты понял, что он опасен?

Воин извлёк из-под рубахи амулет в виде серебряного ромба и потряс за цепочку.

— Эта цацка не раз меня выручала. Стоит глянуть сквозь неё и сразу видно есть скрытая магия или нет. А тут гляжу, мать честная, а посох-то весь чёрным светится. Вот и решил тебя остеречь, вдруг не заметишь.

— Что ж, благодарю...

— Не стоит, — перебил Веир. — Не люблю оставаться в долгу.

Вдруг от дальних телег подбежал молодой паренёк, что ездил в разведку и первым закричал о дыме. Непонятно как выжил-то в этой кутерьме?

— Дядька Веир! Дядька Веир, он отходит! Скорей!!!

Начальник охраны сорвался с места и резво побежал к телегам. Остальные поспешили следом.

Вальдрес не шелохнулся — оставлять опасный артефакт без присмотра недопустимо. Он воздел ладони к небу и стал медленно разводить руки в стороны, нашёптывая заклинание Хрустальной Сферы. Сил после стычки с некромантом оставалось немного но, несмотря на хлынувшую носом кровь он не прервался. По окончании посох оказался под непроницаемым колпаком, откуда достать его смог бы только Вальдрес. Убедившись, что всё в порядке маг поспешил за наёмниками.

Лишь приблизившись к телегам, удалось ощутить всю полноту трагедии. Выжить удалось немногим. Вальдрес насчитал семерых наёмников и четырёх обозников но, судя по стонам, хватало и раненных.

Воины сгрудились у хозяйской телеги, куда стащили весь уцелевший скарб. Маг бесцеремонно протиснулся сквозь них и заглянул внутрь повозки. Толстый Залиф казалось, потерял в весе. Лицо осунулось и приобрело сероватый оттенок, а под глазами набухли синие мешки. Тело прикрывала застиранная простыня, насквозь пропитавшаяся кровью. Обозная женщина неустанно обмакивала тряпицу в миску с водой и отирала липкий пот, обильно выступающий на хозяйском лбу. Вальдресу хватило беглого взгляда, чтобы понять — дело дрянь.

Толстяк с трудом разлепил веки и его затуманенный взгляд скользнул по собравшимся. Вдруг он увидел мага и простонал:

— Оставьте нас.

— Господин... — возразил было Веир, но толстяк лишь дёрнул щекой.

— Прощу, Веир, оставь нас наедине.

Наёмник скрипнул зубами, но не смог воспротивиться воле умирающего. Резко развернувшись, он увлёк за собой остальных.

Залиф остановил руку женщины и тихо попросил:

— Ступай, матушка Лея. Дай нам поговорить.

Женщина отставила миску, поклонилась и отправилась помогать раненым. Залиф хрипло проговорил:

— Вот так вот, сударь мой Вальдрес. Видимо не судьба мне вновь свидеться с братом.

— Ты должен был с ним встретиться в Торсоте? — поинтересовался маг, бесцеремонно отодвигая простыню. Залиф охнул от боли.

— Нет, — процедил караванщик, стиснув зубы. — С его доверенным лицом... Прошу, господин маг, прекратите!

Вальдрес осмотрел разрез, пролётвший от пупка до груди, и вновь прикрыл простынёй. Затем возложил ладони поверх кровавого пятна и прошептал несколько слов.

— Что... что это?! — глаза Залифа расширились. — Неужели вы меня исцелили? Я не чувствую боли!

— Просто обезболивающее заклинание и ничего более, — сухо ответил Вальдрес. — Рана заражена, а я не лекарь. Скоро ты умрёшь. Смирись...

— Что ж, — обречённо вздохнул умирающий, — видимо такова воля Единого. Могу я просить об одном одолжении?

— Слушаю, — кивнул Вальдрес.

— Рано или поздно вы вернётесь в Ивокарис. Прошу, передайте этот сундучок моему брату.

— Нет, — ничуть не задумываясь, ответил маг.

— Если нужны деньги, там под настилом тайник. Умоляю... — Залиф вдруг скорчился от острой боли проступившей даже сквозь обезболивающее заклинание и Вальдрес понял, конец близок. Он окликнул наёмников и пошёл к оставленному посоху.

***

— Залиф умер, — раздался за спиной тихий голос Веира.

— Сочувствую...

Маг отряхнул руки и поднялся с колен. Ритуал Изоляции Силы заставил его изрядно попотеть, но теперь сущность жуткого артефакта надолго уснула. Осталось закопать посох, дабы её никто не пробудил, и ехать дальше.

— Караван потрёпан, караванщик мёртв. Что будешь делать дальше?

— Исполню волю усопшего, — пожал плечами Веир. — Поеду в Ивокарис к его брату.

Вальдрес оторвал взгляд от посоха и развернулся. В руках наёмник держал резной сундучок чёрного дерева.

— Что же в нём такого важного?

— Золото, господин маг. Золото и торговые поручительства.

— Ну-ну, — безучастно усмехнулся Вальдрес, — золото... Ни один идиот не поставил бы столь мощную магическую защиту ради золота. Смотри, как бы эта просьба не довела тебя до могилы.

— На всё воля Единого, — не стал спорить наёмник. — Я давно смирился с тем, что моя профессия не располагает к долгой жизни...

После того как посох вместе с погибшими упокоился в земле оставшиеся в живых стали сгружать вещи в уцелевшие телеги и вскоре «караван» выдвинулся в путь. Несмотря на близкий вечер ночевать на пепелище не хотелось никому...

[1] Так повелось, что деньги за охрану караванов, следующих через Небесный Хребет, выдавались не в два этапа, как водится, а в три: аванс, затем, по достижении прохода

половина остатка, а по прибытии на место всё остальное. Вот и гуляли. Хозяева караванов хотя и скрипели зубами, но не выдать денег не могли — традиции нужно было чтить.

Глава двенадцатая

Родной город Вальдреса расположился у подножия Небесного Хребта, зажатый полукольцом его северного склона. В годы процветания империи Схетхе здесь селились вольные рудокопы или «выходцы из-за Хребта» как тогда было принято их называть. Они покидали пределы империи из-за тяжёлых условий добычи ископаемых и оседали там, где сама природа позаботилась, чтобы её дары добывались с максимальным комфортом. Поселение постепенно ширилось и однажды превратилось в город.

Со временем помимо ремесленников и рудокопов в городе появились маги из числа тех, кто не нашёл призвания в Гильдии. Они-то и положили начало созданию магического оружия. Стрелы, летящие точно в цель; пробивающие любую кольчугу копьё; мечи не дающие руке хозяина уставать и промахиваться, и прочее, и прочее. Не случись сокрушительной войны с орденом эффисситов и Келир мог бы превратиться в могущественный торгово-ремесленный центр. Возможно он, а не Ивокарис был бы сейчас столицей торговой империи, но судьба распорядилась иначе.

После падения империи Схетехе Келир оказался отрезан от цивилизации и потерял всех возможных покупателей. Конечно, оставались ещё и жители холмов, но торговли с ними не хватало, чтобы выживать целому городу. Постепенно он пришёл в упадок, и надежда на будущее стала угасать вместе с плавильнями и кузнечными горнами. Но очередной поворот колеса судьбы дал городу отличный шанс, которым он и воспользовался в полной мере.

Однажды с запада в Келир забрёл небольшой отряд наёмников. Как объяснили воины, они были одним из нескольких десятков таких же отрядов посланных правительством Ивокариса с целью найти более спокойное место для основания города. В те времена он только зарождался, и жителям приходилось буквально каждый день отвоёвывать место под солнцем у всех, кто хотел попробовать молодое поселение на зуб. А таковых хватало с избытком, так как городу посчастливилось зародиться в довольно оживлённом уголке материка.

Наёмникам пришлось по душе оружие, изготавливаемое в Келире, и обратно в Ивокарис выдвинулся большой караван. Впоследствии было заключено торговое соглашение, которое стало свежим глотком воздуха для обоих городов. Келир, наконец, перестал выживать и начал подниматься на ноги, а Ивокарис доказал право занимать то место на материке, где он стоит по сей день...

В город Вальдрес пробрался через северные ворота, наложив на себя и лошадь простейшее заклинание, отводящее глаза. В отличие от южных, которыми пользовались ежедневно, эти ворота в усиленной охране не нуждались — горцы давно перестали нападать на город. Миновав сторожку, из которой доносились довольные возгласы стражников, играющих в какую-то игру, маг направил лошадь в наиболее богатую — западную часть Келира, где когда-то жил вместе с родителями.

Вот, наконец, и улица Турама Молота, названная так в честь одного из первых поселенцев. Очевидно, этот герой в совершенстве владел своим молотом, иначе, откуда ещё могло взяться такое прозвище. Дом нашёлся быстро, что не удивительно — среди пёстрых строений он выделялся как гнилой зуб в улыбке красотки. Застыв на мгновение у калитки, заросшей диким вьюном, Вальдрес толкнул створки. Дверь с тихим шелестом растворилась,

открыв дорожку, бегущую до самого крыльца.

Маг обогнул дом и вышел в сад, где привязал лошадь к полуразвалившемуся забору. Через окно проник внутрь и огляделся. За долгие годы запустения здесь ничего не изменилось — вещи так и оставались накрытыми пропылившейся тканью.

В обеденном зале Вальдрес извлёк на стол съестные припасы и, расположившись на просторном диване, стал размышлять вслух.

— Итак, что мы имеем? Атиш ти-Вару послал меня за проклятым артефактом. Отказаться от этой авантюры не могу в силу того, что во мне теперь живёт какая-то дрянь...

На последнем слове маг прервался и прислушался к ощущениям, но кроме голодного урчания в животе ничего не ощутил.

— К слову о дряни. Что это за цветок, обладающий собственной магией и зачатками разума? Почему никто о таких не слышал? Или он, как и альбинос не из нашего мира? Вопрос на вопросе... Но, надо отдать должное, без него тот некромант разделал бы меня под орех.

Вальдрес прервал размышления и откупорил флягу. Мясо вернул в сумку. Есть всё ещё хотелось, но еду стоило поберечь — неизвестно когда получится пополнить припасы.

Ощутимо похолодало, близился сезон дождей. Днём солнце ещё нещадно жарило, но по ночам царствовал холод. В старом камине дрова оставались сложенными для растопки. Вальдрес зябко поёжился и пустил туда небольшой огненный шарик. Пламя тут же принялось, и жёлто-оранжевые язычки весело заплясали на пересохших поленьях.

От вина на полуголодный желудок и разлившегося по гостинной тепла мага потянуло в сон. Он не стал сопротивляться и дал уставшему телу расслабиться.

***

Место, где очутился Вальдрес, он узнал сразу. Огромное раскидистое дерево рулхх, под которым прошла лучшая половина его детства, спутать с другим было невозможно. Сон (а в том, что это сон Вальдрес не сомневался) был странным. Помимо ярких красок и живых звуков в нём присутствовали так же и запахи.

— Вальдрес, негодник, ты опять спишь, вместо того, чтобы заниматься? — такой знакомый голос матери, раздался совсем рядом. — Хочешь, чтобы наставник снова тебя выпорол?

Тоска сдавила сердце тяжестью детских воспоминаний хлынувших в пустой мозг, словно вода в сухое русло. Маг встряхнул головой, прогоняя наваждение, но ничего не изменилось — мать продолжала говорить:

— Ну, и долго вы собираетесь тут лежать, молодой человек?

Медленно, словно боясь спугнуть волшебство момента, Вальдрес вышел из-за дерева и увидел мальчика лежащего в тени широкого ствола. Над ним стояла женщина в красном платье, в которой маг легко узнал свою мать.

— Вы только поглядите, он ещё и улыбается! — женщина, погрозила пацану пальцем. — Вставай-ка, Вальдрес. Сейчас придёт мастер Вейслекс и если он увидит тебя отдыхающим вместо того, чтобы повторять вчерашний урок, будь уверен, порки не избежать.

— Ну и пусть, — мальчик потянулся. — Ты ведь меня вылечишь?

— И не подумаю. Ты и сам уже умеешь исцелять мелкие раны, а если так и не научился потому, что постоянно нежишься в тени этого дерева, то порка пойдёт тебе только на пользу.

«Сон-воспоминание? — мысленно удивился маг. — Давненько я их не видел».

Удивиться было чему. Обычно в такой сон маг погружает себя сознательно и в годы обучения Вальдрес не раз возвращался в этот день, стараясь найти хоть какие-нибудь следы. Но сон постоянно был покрыт дымкой, не дававшей сконцентрироваться на определённых фрагментах. Решив, что всё дело в детском подсознании, омрачённом смертью, он, в конце концов, оставил бесплодные попытки. И вот сегодня сознание вновь погрузилось в то же воспоминание. На этот раз без помех.

— Я тоже тебя люблю, мама, — мальчик поцеловал женщину в щёку и побежал по тропинке, ведущей к дому.

Вальдрес и не заметил, как за размышлениями пропустил словесную перепалку, а ведь это был их последний разговор. Он ещё раз посмотрел на женщину, жадно глотая её красоту. В этом красном платье с чёрной тесьмой она была просто неотразима. Хотелось остаться рядом и никуда не уходить, но маг вдруг явно ощутил, что должен следовать за мальчиком. Запечатлев в памяти родные черты, Вальдрес пошёл в дом.

Он знал, куда идёт тот Вальдрес из воспоминаний и поспешил к кабинету отца. Вошёл и натолкнулся на знакомую картину. Бумаги устлали пол белым ковром, высокий канделябр опрокинут и свечи разлетелись по полу...

Оба Вальдреса одновременно обошли резной стол и замерли у распростёршегося на ковре тела.

«Отец... — с грустью подумал маг. — За столько лет я так и не узнал, кто тебя убил. Неужели мне не суждено отомстить?»

Он многие годы пытался найти следы убийц и не обращал внимания на мелочи. Но теперь что-то подтолкнуло в правильном направлении. Вальдрес заметил что ни на теле, ни под ним не было ни капли крови. Так же обратил внимание на лицо застывшее в удивлении.

«Что же тебя так поразило перед смертью?»

Пока он обдумывал увиденное, мальчик перескочил через стол и выпрыгнул в окно, погнавшись за тенью, но маг за ним не последовал. Он, так же как и у дерева ощутил, что должен остаться здесь.

Было что-то очень важное, что Вальдрес упустил тогда, будучи сжигаем горем — какая-то неуловимая деталь, которая сможет пролить свет на случившееся. Медленно, словно боясь спугнуть сновидение, он стал передвигаться по кабинету, но ничего нового не видел.

«Жаль нельзя воспользоваться магией, — удручённо подумал Вальдрес. — Было бы намного проще...»

— Магия! — он с шумом втянул носом воздух. — Ну, конечно же, магия!!! Как же я сразу не заметил?

И вправду по кабинету разлился неуловимый обычному человеку «аромат» творившейся недавно волшбы. Но наёмные убийцы, чей арбалетный болт он видел в груди матери, не пользовались магией. И на лице Деллика застыло удивление, словно он знал убийцу. Фрагменты головоломки начинали становиться на свои места. Всё указывало на то, что его семью убили не наёмные убийцы, а маги...

Видение поплыло, и Вальдрес открыл глаза. Камин давно прогорел, и ночной холод набросился на пробудившегося мага. Он поёжился, подбросил поленьев, разжёл, обернулся и

поражённо застыл.

Перед ним стоял старик. Наверное, когда-то он был высок и строен, но это время давно осталось позади. Старик был облачён в светло-серую мантию из грубого, домотканого полотна, перепоюсанную простой верёвницей. Лицо скрывала длинная, седая борода — опрятная, тщательно расчёсанная, и совершенно белая. Лишь смеющиеся глаза сверкали где-то под такими же густыми бровями. Левая рука старика была замотана старой тряпицей и сжимала посох также обёрнутый тряпкой и перевитый верёвкой, чтоб не натереть мозолей на ладонях.

— Как спалось, юноша? — голос вывел мага из ступора, и Вальдрес развеял готовый сорваться с рук Огненный Вихрь.

— Ты кто такой, старик?

— Ай-яй-яй, юноша, невежливо отвечать вопросом на вопрос. Разве родители тебя этому не учили? — старик погрозил Вальдресу крючковатым пальцем.

— Ты верно последнего ума лишился, старый, раз пробрался ко мне в дом и смеешь задавать вопросы? Отвечай, кто ты и как сюда попал?

— Ну, попал-то я сюда, допустим, тем же путём что и ты, — старик издал короткий смешок. — А вот кто я... — он осмотрел себя с ног до головы, — решать тебе, Вальдрес.

— Откуда тебе известно моё имя? — процедил маг. С каждым мгновением этот старикашка нравился ему всё меньше.

— Мне много чего известно в этом мире, — снова усмехнулся старец. — Есть лишь одно, что пока недоступно моему знанию. И я пришёл, чтобы восполнить этот пробел. А ты мне в этом поможешь!

— Да ты явно не в себе! — фыркнул маг. — С чего ты решил, что я собираюсь тебе в чём-то помогать? Давай-ка лучше топай отсюда покуда я не разозлился.

— Позволь полюбопытствовать, а что будет, если разозлишься?

— Вот что будет, — Вальдрес демонстративно разжёл на ладони огненный цветок.

— Не смейся мои седые кости, мальчик, — улыбнулся в бороду старик. — Такими фокусами меня не испугаешь, — старец протянул руку, и огненный цветок перетёк в его ладонь.

— Так ты маг, — оскалился Вальдрес, мгновенно воздвигнув вокруг себя непроницаемую защиту.

— Ну, полно тебе. Ведёшь себя как ребёнок.

Старик коснулся пяткой посоха защитного кокона, и он тут же исчез.

— Кто ты, старик?! Даже Архимаг не смог бы с такой лёгкостью преодолеть мою защиту.

— Не льсти себе, Вальдрес, — с улыбкой произнёс старец. — Признаюсь, своим бесконечным везением ты произвёл на меня впечатление. Пережил Иглу Мрака, переселился в новое тело, побывал в сердце Хайвердского леса... Кстати, о лесе. Именно о нём я пришёл говорить. Расскажи всё, что ты там видел и слышал.

Осведомлённость незнакомого мага глубоко поразила Вальдреса. Будто он всё время был рядом и следил за каждым шагом. Червячок сомнения вдруг прокрался в мысли и начал точить здравый смысл навязчивым вопросом: «А маг ли он вообще?»

— Неужели ты всё ещё не догадался, кто я? Не разочаровывай меня, Вальдрес...

Черты старца поплыли и начали формироваться в нечто другое. Вокруг тела появилась белёсая дымка, а когда она спала, перед поражённым магом предстал могучий воин с

чёрными, как смоль волосами, квадратными скулами и в плаще цвета молодого вина. Посох исчез, зато вместо него на бедре появился меч столь огромный, что будь черноволосый обычным человеком, оружие непременно раздавило бы его. Но воин не был обычным смертным. Перед Вальдресом предстал один из владык этого мира.

Конечно же, маг узнал сущность, носящую множество громких имён. У него даже возникло желание преклонить перед Харризисом колена, но слова альбиноса о том, кто виноват в его смерти, помогли удержаться от раболепного жеста.

— Не думай, что я паду перед тобой ниц, — процедил Вальдрес. Могучая аура бога давила волю, но маг держался благодаря злости. — После того, что вы со мной сделали...

— Догадался? — брови воина встали домиком. — Радоваться должен, что всё так сложилось, а ты скалишься.

— Радоваться?! Чему? Что я потерял своё тело?! Ответь, о могучий бог, чему я должен быть рад?!

— Успокойся, Вальдрес, — пророкотал Харризис, и стены в доме ощутимо завибрировали. — Тебе не дано познать наши замыслы. Лучше благодари судьбу, что твоя душа сохранила целостность.

— Вместо того чтобы винить вас я должен благодарить судьбу?

— Да... Ну ещё можешь благодарить меня, так как Поглотитель Душ в ритуале моя идея.

А вот эти слова подействовали, словно ледяной душ. Вальдрес понял, Хозяин Ночи ни капельки не лукавит. В конце концов, кто он такой? Всего лишь мелкая фигура на доске судеб, где играют боги и им легко можно пренебречь. Но как же неприятно осознавать, что всё, к чему ты стремился, ничего не значит, когда в дело вступают высшие силы.

— Да, Вальдрес, ты всё верно понял. Вот только сейчас ты уже не мелкая фигура, а личность имеющая вес. Ты обладаешь некоторой информацией и пришла пора отвечать на вопросы.

Вальдрес ничуть не удивился, что Харризис легко прочёл его мысли. Было бы удивительно, если бы он этого не сделал. Внутри всё закипело.

— Ни на какие вопросы я отвечать не стану!!! — с вызовом произнёс маг. — Хоть на куски меня режь, мне всё равно!!!

— Никто тебя резать не собирается, — рыкнул бог. — Поверь, есть множество других способов, — Харризис вскинул руку и Вальдрес без чувств рухнул на пол.

Сидевший под окном наблюдатель вдруг услышал мерзкий визг, затем громкий хлопок и стены затряслись. Через несколько мгновений всё стихло, но ощутимо потянуло гарью.

Гелимрах не шевелился и едва дышал — аура находящегося в доме божества давила сознание, как кузнечный молот раскалённое железо. Появилось чувство, будто незримая рука схватила кишки и начала наматывать на кулак. Но вдруг всё закончилось. Бог исчез.

На негнущихся ногах он подкрался к лошади, которая успела сожрать всю траву, где могла дотянуться, успокоил животное и аккуратно ввёл под кожу костяную иглу. Прожив некоторое время в племени менкоа, Гелимрах успел многому научиться у шамана и давно хотел опробовать иглу йосс[1] на сильном маге.

Заживив рану от укола, он вернулся в сад. Теперь основной проблемой стал не Вальдрес, по игле тёмный маг легко его выследит даже на расстоянии дневного перехода. Остро встала проблема с транспортом. Конечно, можно воспользоваться помощью братьев по ордену но, как назло, Гелимрах не знал, где в Келире находится их лежбище. Остаётся

один вариант — «нанять» поводыря.

***

Солнечный луч, проникший сквозь щель меж задёрнутых занавесей, медленно скользил по пыльному полу, пока на пути не появилось препятствие. Тогда тоненькая нить чистого золота стала взбираться по лицу лежащего всё выше и выше пока не достигла лба, где на мгновение задержалась, а затем резко спрыгнула на закрытые веки.

Лежащий застонал и перевернулся на бок. Глаза его открылись. С огромным трудом удалось сесть, но пара невидимых кузнецов тут же принялась долбить молотами в виски.

«Что произошло? — спросил себя Вальдрес. — Такое чувство, будто меня выжали как мокрую тряпку».

Он просканировал энергетические резервы и невольно ужаснулся — разговор с Харризисом забрал почти все магические силы. Вспомнив, что к седлу приторочена сумка, где покоится подарок альбиноса, Вальдрес поплёлся к лошади.

После пары глотков набат в висках унялся, и он с блаженством прислушался к оживающему телу. Лавина свежести вымыла из измождённых конечностей усталость, и мысли прояснились, будто сунул голову в ледяной сугроб.

Защекотало загривок — верный признак полноты магической энергии. От удовольствия Вальдрес прищёлкнул пальцами и над ладонью вспыхнул зелёный огонёк.

— Вот хоть убей не пойму, почему мои магические плетения то отдают зеленью молодой листвы, то выглядят вполне нормально? Неужели я сам того не осознавая обращаюсь к новой силе? Нужно будет с этим разобраться... но не сейчас. Да, сейчас меня ждёт то, зачем я сюда ехал.

Маг направился в сад к раскинувшему широкие ветви дереву рулхх. Там его ждал тайник, который они сотворили с дедом...

Вернувшись однажды из очередного путешествия, Аклитес подозвал внука, усадил на колени и извлёк из походной сумки бронзовый медальон на такой же цепи с крупными звеньями. Одна сторона кругляша с рваными краями была отполирована до блеска, а на другой темнело изображение какого-то животного похожего на птицу без крыльев. Дед надел медальон на внука и произнёс:

— Это очень старый амулет. Очень старый и имеющий одно весьма интересное свойство. Он набрасывает на носящего любой образ, какой тому взбрёт в голову.

— Любой-любой? — переспросил Вальдрес. — А если я захочу, допустим, стать тобой? — мальчишеский палец упёрся деду в грудь и оба засмеялись.

— Чтобы стать мной, мой мальчик, — усмехнулся дед в седую бороду, — тебе придётся очень много и упорно учиться. Нет, выглядеть как я ты, конечно, сможешь, но и только. Он твой, но обещай, что не будешь подшучивать над родными, — старый маг заглянул внуку в глаза и тот в ответ кивнул.

— Обещаю, деда. А как он работает?

— Всё очень просто. Запоминай...

Вальдрес прервал воспоминания, встал спиной к дереву и упёрся взглядом в фонтанчик в глубине сада. Отсчитав от ствола пять шагов, нашёл едва заметный корень, ухватился за

него и твёрдым голосом отдал команду. Тотчас корень в руке ожил и начал извиваться словно змея. Маг поспешил отдать ещё одну команду, после которой оживший корень выгнулся дугой и замер на манер ручки. Вальдрес потянул за неё и крышка, прикрывающая прямоугольный проём, отползла в сторону.

— Одна ловушка готова, — прошептал маг, утирая выступивший пот.

Со стороны могло показаться, что он просто ухватился за корень и оттащил крышку в сторону, но это было не так. Чтобы усмирить духа, призванного охранять схрон понадобилось потратить кучу сил. А впереди предстояло снять ещё несколько секретов.

Вальдрес сделал пару глубоких вдохов, замедляя сердцебиение и сел на колени прямо у открывшегося проёма. Там в глубине небольшого погреба его ждала заветная шкатулка — привет из далёкого детства. Маг прошептал короткое заклинание, и над ладонями за клубилось туманное облачко. Он протянул руки вперёд и туман устремился в зияющий темнотой проём. Вальдрес скороговоркой проговорил заклинание, и облако вспыхнуло синим пламенем.

В проёме стали проявляться нити, образующие мелкочаеистую сеть. Вначале они были прозрачными, но постепенно налились синевой, словно впитали само небо. В конце концов, сеть приобрела оттенок крови, и Вальдрес ухватился за неё двумя руками. Выдернул из проёма и отшвырнул подальше. Как только сеть оказалась на земле, она вновь приобрела голубой оттенок, а затем растворилась в воздухе.

— Фух, — маг растянулся прямо у проёма. — Мне кажется или снимать Астральную Сеть[2] в детстве было легче? — вопрос заданный небу остался без ответа.

— Последний рывок, — подбодрил сам себя Вальдрес и, кряхтя, поднялся. Восстановленный с помощью сока татаки магический резерв вновь истощился более чем наполовину. — Продолжим, — он спрыгнул в темноту погреба.

Сформировав над ладонью шарик белого пламени, он мысленно заставил его зависнуть над плечом и направился в дальний угол, где на столике покоилась резная шкатулка.

— А вот и главная ловушка, — с улыбкой произнёс Вальдрес, взяв со стола короткий кинжал в простых ножнах. Кроме шкатулки и кинжала больше в погребе ничего не было.

Маг извлёк клинок из ножен и провёл остриём по подушечке указательного пальца. Выступила кровь и Вальдрес подставил пригоршню. Отсчитав ровно дюжину рубиновых капель, он положил ладонь на шкатулку и громко произнёс своё имя. В тот же миг под пальцами полыхнуло, раздалось тихое шипение, как будто стравили воздух из кузнечного меха, а затем послышался щелчок вставшей на место пружины.

Выдохнув набранный воздух, Вальдрес распахнул крышку и первое, что бросилось в глаза — свиток с оттиском перстня отца. Молодой маг остолбенел, и в сознание вгрызлась в паническая мысль:

«Как он сюда попал?!»

Но руки против воли сами извлекли свиток и надломили печать.

Прочитав первые строки, Вальдрес напрягся ещё сильнее, ведь это оказалось предсмертное письмо его отца:

«Здравствуй, Вальдрес.

Гадаешь, наверное, каким образом это письмо попало в твой личный тайник? Я ведь всё-таки твой отец... Да и Аклитес мне давно о нём рассказал.

Знаю, я был не лучшим отцом и уделял тебе слишком мало внимания. Ты даже представить себе не можешь, как бы я хотел это исправить... Все мы умны задним числом,

но это уже не важно.

По-настоящему имеет значение то, что ты читаешь эти строки. Значит, я всё-таки недооценил Себелиуса и его друзей. Но расскажу обо всём по порядку.

Когда Себелиус начал борьбу за место главы совета, я оказался в его оппозиции. Это был обдуманый поступок, так как я знал о нём некоторые вещи, и они были мне чужды.

Всё началось, когда Себелиус прибыл в Келир, чтобы лично попытаться склонить меня на свою сторону. Тогда-то он и увидел в коллекции артефактов, что собирал твой дед, тот злополучный рог.

Полагаю, ты даже не догадываешься, что наша семья на протяжении долгих лет являлась хранителем символа власти императоров Заозерья. Вкратце скажу, что рог был отдан на хранение твоему деду, так как он принимал самое активное участие в войне с последним императором Заозерья — Лусмером Стальным Когтем.

В тот день, убеждая меня в правоте своей позиции, Себелиус как-то пристально разглядывал рог, но я, признаться, не придавал этому должного значения. Как оказалось зря. Видимо тогда-то у него и возник план с помощью рога заручиться поддержкой Заозерья и склонить совет на свою сторону. Об этом я догадался лишь после его отъезда, когда в дом проникли воры и попытались выкрасть рог. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы сопоставить факты. И раз Себелиус осмелился организовать проникновение в дом министра внешней политики, я понял, он не остановится ни перед чем.

Тогда я решил тайно отвезти рог в Ивокарис, чтобы спрятать его в городской сокровищнице, где смотрителем служил мой добрый друг. Доступа в сокровищницу у Себелиуса не было, и план мог сработать, но когда я вернулся в Келир, меня ждала печальная весть — мастер Ислет погиб во время налёта на сокровищницу.

Я вновь недооценил Себелиуса каким-то образом прознавшего о нашей встрече с хранителем.

Полагаю, он попытается устранить и меня. Думаю, если доживу до очередного заседания, тогда Себелиус не сможет занять место главы, и нужда в этом письме отпадёт сама собой. Так что мой мальчик, если со мной что-нибудь случится, ты должен знать, чьих рук это дело. Но я надеюсь, всё обойдётся.

С любовью, Деллик».

Вальдрес стоял и не мог пошевелиться. После стольких лет поисков убийц его семьи отгадка оказалась под самым носом. Стоило всего лишь открыть тайник и...

«И что бы ты сделал? — спросил сам себя маг. — Ринулся бы в Ивокарис и сгинул вместе с отцом и матерью? Себелиус не стал бы церемониться с каким-то мальчишкой...»

— Себелиус... — процедил он сквозь зубы, и имя главы совета отозвалось горечью на языке. — Погоди же мерзкий хамелеон. Дай мне только добраться до Ивокариса. Уж тогда я...

Маг сдвинул в руке свиток с письмом и давил до тех пор, пока остатки печати не захрустели под пальцами. Один особо острый осколок ощутимо впился в кожу и Вальдрес инстинктивно разжал ладонь. Свиток упал и откатился под стол. Маг наклонился его поднять и больно стукнулся головой о край столешницы. Это его отрезвило.

— Ты посмотри на себя, мститель, верлы тебя задери! — Вальдрес вернул письмо в шкатулку и закрыл крышку. — С такой рожей ты даже до Ивокариса не доберёшься. Весь

путь придётся отбиваться от любителей захомутать мерзкого менкоа. Нет, необходимо всё как следует обдумать. И лучше всего это делать у тёплого камина, — он подхватил шкатулку и возвратился в гостиную.

Дом их семьи, хотя порядком обветшал, но разграблен не был. Да и некому было его грабить. Люди в Келире жили тихо и мирно, всегда приходя на выручку друг другу. От того все вещи хотя и пришли в негодность, но всё так же оставались на своих местах.

Вальдрес достал из погреба бутылку вина, расположился в кресле у камина и погрузился в размышления. В свете открывшихся подробностей предстояло решить, куда двигаться дальше. Ивокарис отпадал сам собой.

«Атиш ти-Вару говорил, что ему многое известно об убийстве моей семьи. Выходит, он ничуть не лукавил. Но почему же тогда ничего не рассказал? Хотел, чтобы я сам до всего дошёл? Или, что вероятнее, не хотел, чтобы я отвлекался от возложенной на меня миссии».

К месту вспомнился разговор с Харризисом.

«А Хозяин Ночи? Он-то чего от меня хотел? Не верю, что богам закрыт доступ в Хайвердский лес. Вероятно, его интересовал наш разговор с альбиносом. Но зачем?»

Покуда Вальдрес задавал себе вопросы на которые не находил ответов, где-то на задворках сознания родилась безумная идея и принялась потихоньку царапать мозг. Сперва осторожно, а затем всё настойчивей и настойчивей. Когда маг не смог уже здраво размышлять, он решительно выбросил из головы все мысли о Харризисе вместе с альбиносом и сосредоточился на настойчивой идее.

В тот же миг сознание словно пронзила яркая молния. Схватившись за виски, Вальдрес зажмурился, но легче не стало. Сон что приснился в Хайвердском лесу, вдруг вернулся яркими видениями. Разрушенные стены Ивокариса и полчища варваров штурмующих город; мёртвые маги усеявшие скользкие от крови мостовые; гадрахи разрывающие людей в клочья; горящая башня Магической Гильдии и среди всего этого хаоса он с Сайхиис в руке.

Вальдрес тряхнул головой, прогоняя наваждение, и с жадностью приник к бутылке. Тягучее вино стекало по шее, но маг всё пил и пил пока не опорожнил её полностью. В голове набатом стучал вопрос: «Неужели я видел будущее?!»

— Ну, уж нет!!! — Вальдрес выскочил из кресла и принялся мерять шагами гостиную. — Даже если сон правдив и мне суждено возглавить войско, то я ни за что не стану разрушать Ивокарис. Какой в этом смысл? Достаточно всего лишь заставить Себелиуса ответить за содеянное.

От выпитого зашумело в голове, и он вернулся в кресло.

«Помнится, во сне цветок оградил меня от влияния Сайхиис, — продолжил маг размышления. — А если ещё припомнить происшествия на поляне, а затем и в Торсоте, то можно предположить, что не меч, а цветок подтолкнёт меня к тем разрушениям и убийствам. Выходит, я должен научиться справляться не со своей новой силой, а с сожителем, который мне её даёт?»

Вальдрес прервал мысль на полуслове и прислушался к ощущениям, но ничего кроме шума в хмельной голове не почувствовал. Цветка будто и не существовало вовсе.

«Эта тварь просто не может не слышать моих мыслей. Я отчётливо помню голос в голове, что на поляне, что в Торсоте, и это никак не могло быть моим воображением. Следовательно, цветок затаился и чтобы быть готовым к следующему сюрпризу я просто обязан как-то его изучить».

Хмель начал потихоньку выветриваться и, закусив куском мяса, Вальдрес уселся на пол.

— Начнём, пожалуй, — он раскинул руки и закрыл глаза.

Ментальный шуп пробежался по телу, нигде особо не задерживаясь. Как и следовало ожидать, в районе груди он испытал небольшое сопротивление.

«Полагаю, стихийная магия здесь не подойдёт, — решил Вальдрес. — Ну что ж, придётся попотеть».

Он открыл глаза, сел на колени и принялся вычерчивать прямо на полу руны подгорной школы магии. Чёрточка к чёрточке, руна к руне и через некоторое время вокруг образовался затейливый узор, центром которого являлся он сам.

Вальдрес принёс из кладовки несколько свечей, которые поставил на узловые точки магического рисунка. Оставалось соединить линиями эти самые точки, и можно приступать к ритуалу Познания Сущности. И хотя подгорные карлики использовали его лишь для определения сущности извлечённой из горы породы, Вальдрес надеялся, что сработает и на человеке. Точнее на менкоа.

Закончив с узором, он усилием мысли заставил свечи воспламениться, затем сложил из пальцев активирующую руну и толкнул её вперёд. В первое мгновение свечи едва не погасли, но затем вновь разгорелись и Вальдрес кожей ощутил, как рисунок наливается силой.

По мере «насыщения» магического рисунка руны одна за другой вспыхивали бледно-зелёным светом. Когда круг замкнулся, воздух ощутимо завибрировал. В то же мгновение искру сознания мага вышибло из тела, но она попала не в Астрал, куда должна была, а осталась рядом.

Вальдрес парил над самим собой и с изумлением наблюдал действие ритуала познания. Его тело стало прозрачным, и он увидел все кровеносные сосуды, по которым бежала жизненная влага. А в самом центре груди, где должно было быть сердце обосновался серозелёный комок со множеством тоненьких отростков-жгутиков, которые обвили его самые крупные сосуды. Комок пульсировал в такт сердцебиению и если бы Вальдрес не знал, что он есть на самом деле, то принял бы его за неизвестную болезнь.

«Вот значит как», — подумал маг и попробовал ментально коснуться этого комка, но не тут-то было. Мерзопакостный «спрут» вдруг сжался и Вальдрес почувствовал, как из тела потекла сама жизнь. Он отпрянул.

Свечи вспыхнули с удвоенной силой, и маг отчётливо услышал голос альбиноса:

«Не отвлекайся, Вальдрес! Следуй за Сайхиис и ни о чём не думай!!!»

***

На рассвете, едва Иссила окрасила в розовое верхушки Небесного Хребта, Вальдрес покинул родной дом.

Воспользовавшись медальоном, он направил лошадь по центральной улице к южным воротам. Стражники, тщательно проверяющие каждого, кто въезжал или входил в Келир даже не удосужились обратить внимание на одинокого путника, покидающего город.

Выехав за ворота, Вальдрес направился к той развилке, где они попрощались с Веиром. Путь предстоял не близкий. Через Рассветные холмы, минуя Ванд и Тэй до столиц Равнинных пустошей — городка под названием Смер. Там Вальдрес собирался нанять

корабль, что доставит его в Холорис, откуда до пограничной крепости Заат-Гир рукой подать.

***

— Ты знаешь, брат, я в недоумении, — заявил Харризис, плюхнувшись на мраморную скамью, что окружила небольшой фонтанчик, приветливо журчащий в самом центре одной из зал Заоблачного замка.

Тень от татаки, раскинувшей свои густые ветви прямо над фонтаном, скрыла и без того смуглое лицо могучего воина, в облике которого явился Харризис. Бог протянул широкую длань, сорвал с ветки один из плодов и надкусил сочную мякоть, зажмурившись от удовольствия. В отличие от простых смертных, коим эти плоды помогали восполнять магическую энергию, богам они просто доставляли наслаждение.

Седой старик, облачённый в светло-голубую тогу, никак не отреагировал на появление черноволосого великана. Костяная трубка в уголке его рта продолжала дымить; дым мохнатыми облаками поднимался к самой кроне татаки и улетал, растворяясь в вечернем воздухе. Прищуренные от удовольствия глаза, в уголках которых застыла небесная благодать, безучастно следили за летящими брызгами. Если бы сейчас в этой зале вдруг появился Вальдрес, он без труда узнал бы в старике того самого суффима, что поведал ему о храме богов.

Некоторое время такая идиллия продолжалась, но Харризису это, наконец, надоело. Он сорвал с ветки очередной плод и с силой запустил старику в лоб. Не долетев до морщинистого чела буквально пядь, татака зависла в воздухе, а затем устремилась обратно. Подставив ладонь, гигант хотел её поймать, но в последнее мгновение плод изменил траекторию и, облетев огромную руку, врезался в квадратную скулу. Кожа лопнула и по лицу черноволосого воина потёк липкий сок. Усмехнувшись, старик в последний раз пыхнул трубкой и вытряхнул её в ладонь.

— И что вызвало твоё недоумение, братец? — морщинистое лицо так и лучилось искренним любопытством.

— Проклятье, Сетт, что ты творишь? — Харризис потянулся, зачерпнул из фонтана пригоршню ледяной воды и принялся оттирать выпачканное лицо.

В ответ на реплику брата, Сеттиллис лишь иронично выгнул бровь и принялся заново набивать трубку. По залу расползся запах пряных трав.

Утерев мокрое лицо полой собственного плаща, Хозяин Морей сел рядом с братом, поморщился и пророкотал:

— Вот именно от этого я и недоумеваю, — его толстый палец указал на раскуриваемую трубку. — Как ты можешь вдыхать эту дрянь?

— Точно так же как ты можешь носить этот громадный меч, — с улыбкой парировал Сеттиллис.

— Меч? — искренне удивился Харризис, глянув на своё оружие так, словно увидел впервые. — А он-то здесь причём?

— Ладно, брат, не бери в голову, — старик вытряхнул недокуренную трубку в фонтан и спрятал в складках тоги. — Просто эта смесь помогает мне сконцентрироваться. Скажи

лучше, что тебя так встревожило?

— С чего ты взял, что я чем-то встревожен? — Харризис сделал вид, будто удивлён вопросу брата, но внутренне напрягся.

— Воин... — улыбнулся Сеттиллис, принимая излюбленный облик светловолосого юноши. — Обычно в этом образе ты безупречен, но сейчас есть некоторые мелочи, что сразу бросились в глаза. Вот я и сделал вывод... или ошибся?

— Ты как всегда прав, — Харризис смахнул с плеча пятно жирной копоты, которое обнаружил после слов брата, прошёлся пятернёй по густым чёрным волосам и сбросил, наконец, маску напускного спокойствия. — Представляешь, сегодня я потерпел поражение.

— Что произошло? — Сеттиллис подобрался.

— Помнишь того мага, которого мы пронзили Иглой Мрака?

— Мы? — от такой наглости светловолосый юноша едва не подскочил на месте.

— Ладно-ладно, Сетт, не кипятись, — пошёл на попятную Харризис. — Ты прав, в том полностью моя вина... Так ты его помнишь?

— Допустим...

— Он выжил... — Хозяин Ночи многозначительно замолчал, давая брату осмыслить сказанное.

— Шутишь? Пережить развоплощение Иглой не удавалось ещё никому.

— А ему удалось.

— Уверен? — Сеттиллис взгляделся в лицо брата, стараясь заметить хоть каплю иронии, но в глубине чёрных глаз великана не отразилось ничего кроме уверенности в своей правоте. — А ты...

— Да, брат, ауру я проверял, — скривился от такого недоверия Харризис. — Не совсем же я дурак.

— И?

— Это, несомненно, он.

На мгновение повисла тишина, но её вновь нарушил черноволосый бог.

— Представляешь, мой поглотитель всё же сработал как того и требовалось, но его нашёл один из местных коротышек, будь они не ладны. Вот почему я не смог его тогда обнаружить. Не знаю что произошло, но теперь душа этого мага в теле шамана менкоа.

— Верится с трудом, — фыркнул Повелитель Молний.

— Уж поверь мне, брат, так оно и есть.

— Из твоих слов следует, будто шаман менкоа нашёл поглотитель, куда всосало душу мага, и каким-то образом сумел её оттуда извлечь? Брат, ты сам-то в это веришь?

— Согласен, звучит как бред, но я лично разговаривал с тем магом и даже пытался его прочесть, но у меня ничего не вышло, — воина передёрнуло.

Некоторое время боги молча играли в переглядки. Наконец Сеттиллис произнёс:

— Допустим, я тебе верю. И с какой же целью ты пытался его прочесть?

— О-о-о, — протянул воин, облокотившись о парапет фонтанчика. — Это как раз самое интересное. Представляешь, ему удалось побывать там, где допрежь не были ни ты, ни я... — Харризис как заправский актёр сделал многозначительную паузу, сорвал плод татаки, надкусил и лишь после продолжил. — Он был в сердце леса, брат, и это факт!

Сеттиллис молча опустил пятерню в фонтан и брызнул ледяной прохладой в лицо.

— Признаться, Харр, сегодня ты меня удивляешь всё больше и больше. Не буду спрашивать, откуда ты узнал, что маг жив (вероятно, от своего ученика), но почему не

удалось его прочесть?

— Представляешь, когда этот мальчик узнал, кто перед ним он до того разозлился, что готов был на меня наброситься. Он знал, кто виноват в его злключениях.

— И ты решил, будто его просветили в сердце леса? — глаза светловолосого юноши сверкнули золотом. — Брось, Харр, парень вовсе не глуп и вполне мог сам об этом догадаться.

— Не делай поспешных выводов, — нахмурился Хозяин Ночи. — Дай закончить.

Сеттиллис пожал плечами и повёл рукой, заставив фонтан засветиться мягким светом, что придал их беседе интригующий антураж. Харризис цокнул языком и продолжил:

— Поначалу всё шло прекрасно. Я его усыпил и принялся за дело, но когда дошёл до момента, как тот входит в лес, появилось какое-то странное сопротивление. Признаться, я не придал этому значения, и когда меня вышвырнуло из его сознания сделать ничего не успел. Повторив попытку, я вновь испытал сопротивление и даже смог его преодолеть, но из мага тут же потекла жизненная энергия. Пришлось остановиться.

— Полагаешь, сознание парня заблокировано?

— Скажу даже больше, я знаю, чем оно заблокировано. Но боюсь, эта информация придётся тебе не по вкусу.

— Не томи, братец, выкладывай что узнал, — юноша с золотистыми кудрями начал раздражаться.

— Помнишь те милые цветочки, что проросли из капель крови демона Междумирья?

— Ещё бы мне их не помнить, — зябко повёл плечами юноша. — К чему твой вопрос?

— Когда я в третий раз попытался прочесть мага, то получил такой разряд молнии, что еле устоял на ногах. Тогда-то и заметил до боли знакомый клубок чёрной ауры, угнездившийся в груди смертного. Магу кто-то посадил цветок Хиш и произошло это не иначе как в Хайвердском лесу.

Сеттиллис молча поднялся, опёрся на каменный парапет и стал наблюдать, как брызги фонтана, словно невесомые мотыльки растворяются в серебристом свечении. Из глубин памяти всплыл образ демона Междумирья, которого они с таким трудом победили, едва не лишившись целого мира. Помимо шрама оставленного тварью на теле Хигиона братьям досталось и ещё одно неприятное наследие — цветы Хиш проросшие в том месте, куда истекла кровь демона. Братьям пришлось изрядно потрудиться, чтобы избавить мир от паразитирующих сорняков, имеющих собственный разум.

«Поторопились мы тогда, а нужно было, как следует их изучить, — мысленно посетовал светловолосый бог. — Тогда бы и гадать не пришлось, зачем сейчас один из паразитов живёт в теле мага».

— Все дороги, так или иначе, ведут в лес... — пробормотал Харризис вырвав брата из размышлений.

— Что?

— Я говорю, всё сильнее хочется встретиться с тем, что скрывается под покровом Хайверда. С нашего отца, да отсохнет его борода, станется посадить в этот мир кого-нибудь ещё. Мы ведь так и не разгадали его планов?

— Ты прав, брат, планы нашего отца покрыты тайной. Какие же мы были наивные, что повелись на его предложение.

— Это уж точно, — вздохнул гигант в алом плаще. — Кстати что там с заклинанием для моего ученика? Оно готово?

— Уже скоро. Осталось уравновесить некоторые векторы и...

— Не продолжай, — отмахнулся Харризис, — иначе я свихнусь от твоих заумных словечек. Не готово так не готово. Подожду. А с магом что делать? Наблюдение за ним, конечно, продолжится, но не лучше ли от него избавиться? Не принесёт ли он нам в дальнейшем хлопот?

— Оставь его, Харр. Если пройдёт вариант с пирамидами, это будет уже не наша забота.

— Как скажешь, брат, — черноволосый воин шутливо поклонился и растворился в ночной тишине Заоблачного замка.

[1] Такой иглой воины менкоа выслеживают стойбище диких орагров. При помощи духовой трубки игла выстреливается в любого и шаман легко отслеживает его перемещение. Но Гелимрах усовершенствовал примитивное заклинание поиска, смешав его с тёмной магией.

[2] Астральная сеть — одно из нескольких десятков заклинаний найденных его дедом в долгих странствиях. Проходящий через неё человек не ощущает ничего, в то время как его астральное тело вязнет. А любой начинающий маг знает — лишиться астрального тела верная смерть.

Глава тринадцатая

— Как это произошло? — толстяк в сальном фартуке смял в ладони жестяную кружку, будто хлебный мякиш.

— Мы попали в засаду, господин, — Веир потупился перед братом бывшего хозяина, словно новобранец перед злобным наставником. — В засаду на руинах Торсота, — уточнил он.

— Брат... — Валиф запнулся. — Он не мучился?

— Нет, господин, — соврал наёмник. Ни к чему его будущему нанимателю лишние переживания. А в том, что Валиф его наймёт, он ничуть не сомневался. Достаточно показать то, что он привёз и в его, Веира, преданности не останется сомнений.

— Сохрани его душу Единый, — сделал защитный знак Валиф. — Он что-нибудь сказал, перед тем как... его не стало?

— Он велел передать вот это, — Веир повёл рукой в сторону наёмников, что прибыли вместе с ним и самый молодой тут же подскочил с мешком в руках. Воин принял мешок, жестом отослал паренька и, поставив ношу на стол, развязал тесёмки. Внутри оказался чёрный как смоль сундучок со странным орнаментом на крышке.

— Ты его вскрывал? — взгляд трактирщика стал как никогда жесток.

— Даже если и захотел, то не смог бы, — пожал плечами наёмник. — Мне сказали, что на нём магическая защита.

— Кто сказал?

— Один... маг, — наёмник запнулся, едва не сказав менкоа. Тогда пришлось бы много чего объяснять, а Веир владел далеко не всеми ответами.

— Что за маг? — Валиф не заметил или сделал вид, что не заметил этой заминки, продолжая сверлить наёмника тяжёлым взглядом.

— Он прибил к каравану ещё на постоялом дворе по ту сторону Хребта и ехал с нами до Торсота. По правде сказать, господин, если бы не он мы бы с вами сейчас не разговаривали.

— Вот как? — некоторое время Валиф не сводил с наёмника глаз, словно решая можно ли тому доверять. Наконец взгляд его смягчился, он спрятал сундучок под стойку и ихмуру спросил:

— И чего же ты хочешь, почтенный... э...

— Веир, господин.

— ... почтенный Веир. Что я должен за твою услугу?

— Я хочу служить вам так же, как служил вашему брату. Только и всего.

— Вот как? Хм... думаю смогу подыскать тебе достойную работу. Но об этом поговорим позже. А пока можешь располагать моим гостеприимством.

Веир, с достоинством поклонился и удалился к дальнему столику, куда только что поднесли поднос со свежей выпивкой.

В тёмной келье пахло воском и пылью. На заваленном свитками столе горела одинокая свеча, дающая достаточно света, чтобы писать, но недостаточно, чтобы осветить помещение полностью. В тишине раздавался скрип пера, но из-за груды свитков пишущего видно не было.

Склонившись к самому столу, человек старательно выводил букву за буквой, что говорило о его высокой педантичности. Макая остро отточенное перо дикого лифа в глубокую чернильницу, он каждый раз аккуратно стряхивал лишние капли, и лишь затем принимался писать дальше.

За грубо сколоченной дверью раздались отдалённые шаги, и человек на миг задержал перо над бумагой. Прислушался, а затем продолжил выводить изящные завитушки, сливающиеся в буквы. За миг до того как в дверь постучали, он закончил фразу, отложил перо и распрямил спину.

Человек был стар, но не дряхл, очень прямой, стройный как юноша. Короткие волосы совсем седые, а глаза — чёрные, лучистые — прятались под шапками бровей настолько густых, что невольно возникал вопрос, как ему удаётся из-под них хоть что-нибудь видеть.

В дверь постучали и, не дожидаясь ответа, в помещение вошёл послушник в серой рясе и масляным светильником в руке. Поклонившись, он почтительно произнёс:

— Монтар, к вам посетитель.

— Кто?

— Он не представился, но сказал, что из Ивокариса и у него к вам очень важное дело.

Человек за столом повёл плечами, разгоняя застоявшуюся кровь. В душе он был рад, что его, наконец, оторвали от порядком надоевших дел. Взяв со стола запечатанный конверт, он протянул послушнику:

— Проследи, чтобы письмо доставили как можно скорей.

Послушник принял конверт, но не найдя на нём ничего кроме оттиска герба ордена переспросил:

— Кому оно адресовано?

— Некому лейтенанту Ша-Крету из гвардии Аскеля.

— Будет исполнено, монтар. Что насчёт посетителя?

— Проводи его сюда, Юус.

Послушник поклонился и вышел, а через несколько мгновений, согнувшись в дверном проёме, в келью вступил высокий светловолосый человек в дорожном плаще.

Сидящий за столом молча поднялся, взял свечу, подошёл к напольным светильникам и поочерёдно зажёл каждый. Так же молча вернулся на место и спросил:

— Итак, чем обязан? — он сцепил пальцы в замок и поставил локти на стол.

Почтительно склонив голову в знак приветствия, гость произнёс:

— Позвольте выразить глубокое почтение, магистр...

— Зовите меня монтар, — повёл щекой Шаас, — именно эту должность я занимаю в нашем ордене.

— Прошу прощения, монтар, я не знаком с вашими порядками, — посетитель поклонился. — Меня зовут магистр Элкиан.

— Какое у вас ко мне дело, магистр?

Шаас внутренне напрягся. В жизни он не любил две вещи — магов и мясо. Но если, погибая от голода, кусок мёртвой плоти он проглотить бы смог, то с существованием магов

мирился с трудом.

— У меня к вам деловое предложение. Надеюсь, оно вам понравится.

— Продолжайте, — сухо произнёс Шаас.

— Я знаю, что орден Серой Длани имеет изрядное влияние в Заозерье, — начал издали магистр Элкиан. — Так же я слышал, что фамильный рог династии Лоун вернулся в Аскель, и наместник готовится к церемонии помазанья...

— Не понимаю, к чему вы клоните...

— Ещё я знаю, что ваш орден ярый противник политики Ивокариса и Себелиуса в частности, — продолжал Элкиан. — И самое главное, что мне известно — Себелиус в обмен на рог заручился поддержкой армии наместника.

Лёгкая тень коснулась чела монтар Шааса. Этого он не знал. Выходит мальчик за его спиной решил завести интрижку со старым ассалом. Что ж его ждёт великое разочарование. Как бы не было противно, но мага принёсшего такую весть стоит, как минимум выслушать.

— Продолжайте, магистр. Признаться, вы сумели меня заинтриговать.

— Собственно это всё, — развёл руками Элкиан.

— Неужели? — густая бровь Шааса выгнулась дугой. — А мне послышалось, будто вы упомянули некое предложение, что якобы должно мне понравиться. Или слух меня подвёл?

— Отнюдь, монтар. Я всего лишь описал сложившиеся обстоятельства. А предложить, вернее, попросить я хотел нечто другое. Мне нужно чтобы армия Заозерья ни в коем случае не покинула пределов новоиспечённой империи.

— Хм, а почему об этом вы говорите со мной, а не с наместником? Ведь он распоряжается военной мощью Заозерья.

— Ну, полноте, монтар, я ведь уже говорил, что ваш орден не последняя сила при дворе наместника.

— Предположим, — кивнул Шаас. — Но какая с того выгода лично мне?

— Вот мы и перешли к делу, — широко улыбнулся Элкиан. — А выгода следующая: без обещанной поддержки Заозерья Себелиус и дня не продержится в кресле главы совета. А главный претендент на его место, — маг развёл руками, — ваш покорный слуга. Обещаю, когда стану главой совета Ивокарис, наконец, распахнёт ворота перед посланцами истинной веры. Можно будет даже поставить несколько новых храмов. Но этот вопрос мы обсудим позже.

Шаас задумался. С одной стороны, можно обосноваться и в Ивокарисе. А там, глядишь, и ключ от торговой империи сам приплывёт в руки. С другой — возрождённая империя Заозерье тоже весьма лакомый кусок, где нужно навести порядок. Так или иначе, орден лишь приумножит своё могущество. Маг конечно прав и монтар Шаас имеет некое влияние на наместника, но пока оно недостаточно сильно. Значит, пора выходить на сцену.

Придя к таким умозаключениям, Шаас ответил:

— Признаться, мне по душе ваше предложение, магистр Элкиан. Я постараюсь сделать так чтобы армия Заозерья оставалась там же где и сейчас.

— Думаю, для вас, монтар, это не будет сложно, — гость озарил хозяина кельи белозубой улыбкой. — Правда, у меня к вам ещё одна небольшая просьба. Сущий пустячок. Вы ведь будете присутствовать на церемонии помазанья?

— Само собой, магистр, как же иначе.

— Себелиус послал к наместнику своего доверенного, дабы тот проследил за выполнением соглашения. Сделайте так, чтобы глава Магического Совета узнал о

расторжении сделки.

— Не беспокойтесь, любезный друг, — притворно улыбнулся Шаас. — Я лично за этим прослежу.

— В таком случае позвольте откланяться, — Элкиан кивнул обрётённому союзнику, накинул капюшон и покинул келью.

Оставшись наедине со своими мыслями, монтар Шаас снял со стены отполированный до блеска металлический колпак и погрузил келью в изначальную полутьму, накрывая светильники один за другим. Сел за стол, взял отложенное перо и продолжил прерванное дело.

Через некоторое время за дверью послышались торопливо приближающиеся шаги. Вошёл запыхавшийся Юус и возбуждённо проговорил:

— Монтар, только что прилетел птенец с посланием...

— Я же сказал, что не потерплю отродий Тьмы в нашей обители! Надеюсь, мой дорогой Юус, ты распорядился, чтобы эту мерзость сожгли как можно скорее?

— Простите монтар, но я подумал, вам важно будет взглянуть на доставленное письмо. Судя по оттиску, оно от Валифа.

— Что ж, это меняет дело. Где оно?

Юус извлёк из рукава конверт сероватой бумаги и с поклоном протянул Шаасу.

— Благодарю, можешь быть свободен, — монтар принял послание, но не стал вскрывать, ожидая пока дверь за Юусом не закроется. Когда тот был уже на пороге, Шаас вдруг его окликнул:

— И, Юус, — тот обернулся, — птенца всё равно следует сжечь. В нашем мире нет места этим созданиям.

— Как прикажете монтар, — послушник ещё раз поклонился и исчез за дверью.

Оставшись один Шаас поднёс конверт к свету и взглянул на печать. Юус не ошибся, оттиск перстня действительно принадлежал его соглядатаю близ Ивокариса. И раз тот не побрезговал воспользоваться запрещённым в ордене средством передачи сообщений, значит, информация чрезвычайно важна.

Надломив печать, он извлёк исписанный мелким почерком листок и принялся читать.

«... и мой брат сумел достать то, что вы велели. Сейчас этот предмет находится у меня, и я жду дальнейших распоряжений».

Шаас отложил письмо. Всё складывается как нельзя лучше и ещё один камешек на пути к безграничному могуществу занял своё место.

***

— Монтар, вы здесь? — от неожиданности толстяк в сальном фартуке широко распахнул глаза, но тут же взял себя в руки и обмахнул столик выдавшей виды тряпкой. — Никто не должен знать, что вы здесь, монтар. Прошу поднимитесь наверх.

Обернувшись, он гаркнул на вертящуюся неподалёку молоденькую служанку, которую только что ущипнул за зад один из наёмников:

— Альяна!!!

Та кокетливо хлопнула бесстыдника по мозолистой руке и подскочила к хозяину.

— Да, господин Валиф?

— Проводи этого почтенного господина в мой кабинет. И принеси кувшин лучшего вина да что-нибудь пожевать. Живо!

Альяна исподлобья зыркнула на хозяина, но видя, что тот серьёзен, перечесть, как в иной раз не стала.

— Идите за мной, — она развернулась и направилась к лестнице, ведущей на второй этаж.

Валиф поклонился гостю и заискивающе проговорил:

— Прошу вас идите за моей служанкой. Я отдам кое-какие распоряжения, и тотчас к вам присоединюсь.

Шаас не стал спорить и последовал за удаляющейся Альяной, отметив про себя, что в иной ситуации давно бы затащил эту вертихвостку к себе в опочивальню. Но так как он здесь инкогнито, следует держаться в тени...

— Для меня это большая честь, — Валиф закрыл дверь на засов и поклонился высокому гостю. — Только не сочтите за неуважение, монтар, но разве нельзя было послать с распоряжениями птенца? Зачем так рисковать, приезжая лично?

Шаас аж пятнами пошёл.

— Неужели ты хочешь, чтобы я прикасался к этим богомерзким созданиям?! Я и твоё-то послание едва стерпел...

— Прошу снисхождения, монтар, но мне показалось, будто моя информация важна для вас.

— Ты прав, очень важна. Показывай, что привёз твой брат.

— Сундук привёз не брат, — Валиф прошёл к дальней стене, согнулся в три погибели и принялся открывать тайник.

— Вот как? — густые брови Шааса шевельнулись. — Отчего же не он?

— Мой брат погиб, — толстяк аккуратно поставил на стол чёрный сундучок, отметив, что гость так и не притронулся к еде. — Посылку доставил начальник его охраны.

— Ему можно доверять?

— Он привёз сундук не ради денег, — пожал плечами Валиф, — но за службу у меня. Думаю, можно.

— Хорошо, — Шаас замолк и принялся водить ладонями над сундуком, едва касаясь резных граней. Через некоторое время он удовлетворённо кивнул каким-то своим мыслям и произнёс, указав на пузатую бутылку:

— Надеюсь из Аскеля?

— Ягодный Мёд, — уверил Валиф, и гость цокнул языком.

— Налей-ка бокальчик.

Пока Валиф возился с бутылкой, Шаас взвесил все «за» и «против» и проговорил:

— Этот сундук необходимо доставить в крепость Заат-Гир.

— Прошу прощения, монтар, но как же я...

— Пусть это сделает тот наёмник. Заодно и его верность проверим.

— Понимаю, — Валиф кивнул.

— Пускай он, скажем, попросится на службу в гарнизон крепости. Либо на местную кухню. Да хоть полотёром, но сундук должен оказаться внутри.

— Просто внутри?

— Нет не просто. Его следует открыть в день зимнего солнцестояния. Для этого нужнс

последовательно нажать здесь, здесь и здесь, — Шаас стал указывать на некоторые элементы узора, — а после одновременно зажать это, это и это, и тогда сундук откроется.

— А что будет после?

— Это всё, что тебе требуется знать, Валиф! Сделай это и я тебя щедро награжу, — Шаас накинул капюшон и распахнул дверь. На пороге обернулся.

— Когда придут вести из крепости, можешь бросить этот клоповник и возвращаться домой...

Сразу после его ухода Валиф позвал к себе наёмника.

— Как ты относишься к магам?

— Маги, — Веир презрительно сплюнул под ноги, но тут же виновато шаркнул ногой, растирая плевок. — Простите, господин, не удержался. Но это и есть моё к ним отношение.

— Можешь не оправдываться, — повёл бровью Валиф. — Я полностью разделяю твою позицию. Магическая грязь, разъедающая торговую империю, сидит поперёк горла и у меня.

— Господин? — искренне удивился наёмник. — Но как же? Ведь вы живёте под самым их носом.

— Слышал поговорку: «Держи друзей на расстоянии, а врагов как можно ближе»?

— Понимаю, — Веир кивнул. — Таверна это прикрытие.

— Ты всё верно понял...

— Но кому же тогда вы служите, господин Валиф?

— Ты действительно хочешь это знать?

Веир отставил бокал, к которому так и не притронулся, вытянулся в струнку и произнёс:

— Можете полностью мной располагать.

Валиф некоторое время молча вглядывался в немолодое обветрившееся лицо и, наконец, молвил:

— Я родом из Скавелла и предан ордену Серой Длани.

— Фуф, — прямой как копьё наёмник расслабился и с шумом выпустил воздух.

— Что-то не так? — Валиф нахмурил брови. Реакция собеседника его смутила.

— Нет-нет, господин, — улыбнулся Веир. — Просто я боялся, что вы назовёте орден Чёрного Копья.

— Что ж, ты сделал свой выбор. И если готов служить мне и нашему делу, то вот что от тебя потребуется...

Валиф достал из тайника знакомый наёмнику сундучок и стал объяснять, что нужно сделать. Веир слушал, кивал, задавал уточняющие вопросы, а на утро собрал припасы в дорогу и выдвинулся в сторону пограничной крепости Заат-Гир.

***

— Мечи в ножны, господа! На сегодня довольно!

Мечник отсалютовал противникам клинком и отдал подбежавшему слуге. Другой слуга поднёс полотенце, чтобы вытереть пот. Третий уже спешил с кубком зелёного вина. Воин выпил стоя, залпом и опустился на резную скамью, обшитую дорогим бархатом.

Наместник Нгадил был молод, но не юн. Точного его возраста не знал никто, но на первый взгляд ему можно было дать не более тридцати пяти. Природа наградила его лицо

точёными чертами, а невысокую фигуру крепкими мускулами. Он был ловок, силен и очень опасен в схватке.

Сын знатного вельможи и дочери зажиточного купца, он родился и вырос в Нефлисе. Став взрослым, Нгадил по собственной воле оставил отчий дом и отправился в Аскель для получения достойного образования, которого не могли дать домашние учителя. К чести юноши следует сказать, что в науках он преуспел изрядно — щедрое содержание, которое обеспечивал отец, вкупе с собственной предприимчивостью позволяли Нгадилу находить источники знаний, подчас недоступные другим людям, менее обеспеченным или менее настырным. Он учился всему, что могло оказаться полезным в его будущей судьбе — воинскому делу, стратегии, политике...

Покончив с образованием, Нгадил приступил к построению карьеры. Возвращаться домой, в поместье отца, он не желал. Роль мирного купца отнюдь не соответствовала ни его характеру, ни его честолюбию. Он мечтал о славе, богатстве, власти — стандартный набор желаний любого отпрыска аристократического семейства, с той лишь разницей, что у большинства никогда не хватает терпения и воли желаемого добиться. Нгадил был не из таких. Происхождение и состояние отца он рассматривал только как стартовый капитал для будущих приобретений.

Он начал с того, что завербовался в регулярную армию наместника, и несколько лет путешествовал слетучим отрядом по просторам Заозерья, оттачивая боевое искусство в мелких стычках. Вскоре умный, смелый и изворотливый солдат обратил на себя внимание командиров. Нгадил несколько раз оказывал услуги офицерам, помогая продумать тактику грядущей схватки, или выдавая блестящие идеи по части стратегии. При этом он великодушно позволял командирам выдавать его идеи за свои. Через некоторое время он приучил вышестоящих к тому, что думал за них. Он сделался необходимым. Теперь без Нгадила не проходил ни один военный совет. А потом он просто сбросил их со счетов и сам стал офицером.

Дослужившись до капитана, Нгадил неожиданно вышел в отставку и поступил на гражданскую службу в департаменте наместника при городском совете. Здесь он проделал тот же фокус и через несколько лет был уже ближайшим советником наместника. Он старался всё время быть на виду. Если где-то назревал конфликт, туда отправлялся Нгадил и решал проблему к обоюдному удовлетворению сторон. Если затевалось строительство, он был в числе тех, кто закладывал первый камень. Он безжалостно карал преступников и щедро награждал отличившихся, чем заслужил себе славу человека справедливого и мудрого.

В общем, когда старый наместник мирно отошёл в лучший мир, ни у кого в Аскеле не возникло сомнения по поводу его преемника...

Появление в Заозерье миссионеров ордена Серой Длани доставило Нгадилу немало неприятных минут, но открыто противостоять Шаасу он счёл неблагоприятным. В результате, в Аскель потянулись серые, а в подвалы замка наместника широким потоком устремилось золото. От этой сделки каждая сторона получала то, что хотела — Шаас приобретал определённый контроль за территорией Заозерья, а Нгадил — средства, чтобы этому контролю противостоять. Он не собирался становиться марионеткой в руках ордена. Он просто хотел сохранить свой трон и приумножить богатство. А там — кто знает, в конце концов, Шаас тоже не вечен...

Заполучив рог, Нгадил незамедлительно стал готовиться к церемонии помазанья. Это был реальный шанс избавиться от «покровительства» Серой Длани. Конечно, придётся идти

на уступки Ивокарису, но Магический Совет не сможет контролировать его постоянно. Остаётся узнать, какую услугу потребует Себелиус в обмен на рог, но на что не пойдёшь ради основания собственной династии...

— Ну, так что, вы узнали ещё что-нибудь об этих мертвецах? — Нгадил повернулся к пожилому вояке, стоящему перед ним навытяжку.

Начальник городской стражи Кейр с готовностью кивнул:

— Да, ваша милость. Командир четвёртой когорты опознал в убитых своих солдат. Ими командовал некий лейтенант Ша-Крет.

Наместник устало нахмурил золотистые брови:

— Ша-Крет? Я слышал это имя прежде. Напомни-ка мне, Кейр.

— Это тот самый офицер, чьи ребята несколько дней назад разгромили святилище Единого на Ремесленной площади.

— Да-да, я помню, — наместник взял полотенце и промокнул лицо.

Воспоминание было не из приятных. Святилище на Ремесленной площади не относилось к числу самых роскошных храмов в Аскеле но, несомненно, было одним из самых почитаемых и любимых. Туда в основном ходил молиться простой люд.

На прошлой неделе в святилище ворвались пьяные легионеры. Под предлогом того, что якобы здешний жрец посмел в своей проповеди нанести оскорбление покровителю света — Великому Сеттиллису, они разгромили святилище, осквернили алтарь и вынесли в качестве компенсации всё, что было ценного, включая ритуальные серебряные чаши. Жрец попытался остановить мародёров, за что был безжалостно брошен под копыта лошадей.

Узнав о происшествии, монтар Шаас потребовал от наместника немедля предать разбойников суду. Серые кипели праведным гневом. Если бы не твёрдый приказ — не вмешиваться — в городе могла начаться настоящая резня.

Нгадил уговорил Шааса повременить с расправой, обещав разобраться по совести и наказать легионеров законным путём. Но он прекрасно понимал, что долго водить его за нос не сможет. Помимо того, что старик дьявольски хитёр, он обладает немалой властью, и достаточно будет одного его слова, чтобы город превратился в кипящий котёл. Сажать же за решётку дюжину легионеров, во-первых, накладно для казны, а во-вторых — неосмотрительно.

Решение проблемы пришло совсем неожиданно — в виде нескольких полуголых трупов, найденных на пустыре у городской стены. Наместник ни минуты не сомневался в том, что это дело рук серых братьев. Видать надоело ждать суда городских властей. Что ж, в глубине души он был с ними солидарен. Но с точки зрения здравого смысла, получалось, что он попал из огня да в полымя. Легионеры тоже сообразят кто виновник, и объявят кровную месть. Значит, нужно быстро найти иное решение. Вот если бы убийцей оказался кто-то посторонний...

— Мы должны найти убийц, Кейр, — сказал наместник через несколько минут. — Прикажи своим солдатам прочесать все гостиницы и постоялые дворы. Я уверен, что это кто-то из приезжих, — голубые глаза Нгадила впились в лицо старого служаки. Тот понимающе кивнул:

— Конечно, ваша милость. Никто из местных на такое злодейство не решится. Я уже отдал приказ, мои люди ещё позавчера начали проверять всех приезжих. Дайте мне три-четыре дня — и я приведу вам убийцу.

— Хорошо, Кейр. Но ты понимаешь, что один человек вряд ли смог бы справиться со

столькими солдатами сразу? Наверняка преступников было несколько... десять или даже дюжина...

Кейр поклонился негнувшимся корпусом:

— Я понял вас...

***

— Господин, прибыл посланник из Ивокариса.

Слуга склонился в почтительном поклоне, оторвав наместника от созерцания раскинувшихся у дворца виноградников. Правитель скривился как от зубной боли и бросил, не оборачиваясь:

— Хорошо. Проводи его сюда.

Нгадил прошёлся вдоль перил, нервно теребя манжет на белоснежном рукаве. Не стоит даже гадать, зачем приехал маг. Себелиус прислал его проследить за выполнением сделки. Старый интриган всё предусмотрел.

— Наместник Нгадил, моё почтение, — раздался за его спиной приветливый голос. — Моё имя Ковтис. Я хороший друг магистра Себелиуса.

— Друзья Себелиуса и мои друзья, — Нгадил обернулся и растянул рот в слащавой улыбке. — Весьма рад знакомству. Прошу, магистр, располагайте моим гостеприимством, — наместник повёл рукой, приглашая гостя за убранный яствами столик.

Тот последовал приглашению и отодвинул стул с высокой спинкой. Наместник, откупорил бутылку, разлил янтарную жидкость по бокалам, поднял свой и изрёк:

— Предлагаю выпить за будущее империи Заозерье.

Магистр Ковтис кивком поддержал тост, пригубил и поинтересовался:

— Наместник, вы в курсе, зачем я здесь?

— Прежде чем мы перейдём к делам, хочу вас пригласить на церемонию помазанья.

— Почту за честь, — склонил голову Ковтис. — А теперь всё же давайте обсудим то, что нужно магистру Себелиусу.

— Я весь внимание, — наместник присел напротив мага.

— В ближайшее время Ивокарису понадобится военная поддержка, и мы рассчитываем на две тысячи ваших копий.

Ковтис прищурился, ожидая реакции собеседника, и она не заставила себя ждать. В глубине глаз наместника промелькнул свирепый огонёк, но больше Нгадил ничем не выказал своего гнева. В конце концов, две тысячи воинов не так смертельно.

«Всё ради империи, — мысленно успокоил себя наместник. — Всё ради будущей династии».

— Нет ничего проще, магистр, — губы Нгадила вновь растянулись в приторной улыбке. Уж что-что, а притворствоваться наместник умел как никто другой.

— Вот и чудно, — Ковтис ответил на улыбку и поднялся. — В таком случае, наместник, не смею вас более отвлекать. Увидимся на церемонии. Не утруждайтесь, — он жестом остановил Нгадила, — я сам найду дорогу.

И шурша одеждой, маг растворился в длинном коридоре.

«Напыщенный болван! — наместник мысленно сдавил шею дерзкого старика. — Не

будь ты посланником Себелиуса, давно бы уже болтался в петле».

— Всё ради будущей династии... ради династии, — шёпотом, словно молитву повторил Нгадил и залпом осушил бокал.

***

Вернувшись из поездки, монтар Шаас обнаружил на столе письмо от наместника, в котором тот ещё раз просил простить за инцидент со святилищем и в знак примирения приглашал главу ордена Серой Длани провести церемонию помазания.

— Всё сложилось как нельзя лучше, — улыбнулся хитрый старик. — Заозерье само плывёт ко мне в руки.

Предчувствуя дальнейшие выгоды, он алчно потёр ладони, как вдруг в мозгу раздался громоподобный голос:

«Здравствуй, Шаас!»

От неожиданности глава ордена Серой Длани едва не упал со стула. Схватил со стола стакан с водой и жадными глотками опустошил.

— Шаас!

Дальний угол осветился яркой вспышкой, резанувшей по глазам похлеще ножа. Монтар скривился. Он, конечно же, догадался, кто посетил его в столь поздний час.

— Ты как всегда рад меня видеть, — седовласый старик улыбнулся глазами, но хозяин кельи не ответил.

— Рад, рад, — Шаас шумно выпустил набранный воздух. — Что тебе нужно на этот раз?

— Не слышу ни капли почтения в твоём голосе, — пробасил седовласый гость. — Ты как-никак мой жрец...

— Я не твой жрец! — перебил Шаас.

— Называй, как хочешь, — отмахнулся старик. — Главное поступки.

— Сеттиллис, что тебе нужно? — глава ордена Серой Длани начал раздражаться.

Хотя его поведение в присутствии того, чьим именем он прикрывал свои деяния и было дерзким, Шаас мог себе это позволить. До той поры, пока он угоден Единому.

— Мне нужен один человек...

— Если после этого ты оставишь меня в покое, я дам тебе их хоть тысячу!

Вместо ответа Сеттиллис повёл рукой и на столе возникла небольшая пирамидка из драгоценного нурфита.

— Здесь слепок его ауры, — сказал бог. — Когда он окажется в Скавелле пирамидка начнёт мерцать. Чем ближе, тем сильнее. Найди его Шаас и окажи гостеприимство. Этот человек важен для меня.

— А почему ты сам его не найдёшь? — Монтар Шаас оторвал взгляд от прозрачного камня, но бога уже не было.

Скривив лицо, он выдвинул один из ящиков стола и брезгливо смахнул камень рукавом. Прикасаться к магической ереси хотелось даже меньше чем искать какого-то неизвестного человека.

***

— Именуемый Нгадил, сын Карога! — громко провозгласил монтар Шаас. — Приблизься и преклони колена пред милостью Сеттиллеса Лучезарного!!!

Когда наместник подошёл и опустился на колени, глава ордена Серой Длани извлёк из стоящего на постаменте серебряного ведёрка деревянный венчик и его концом коснулся склонённого чела.

— Властью, дарованной мне Единым и людьми, а так же в знак признания твоих заслуг перед народом Заозерья объявляю тебя, доблестный муж, императором сих земель. Да пребудет с тобой милость Единого, и да не устанет твоя рука сжимать меч для защиты слабых и обездоленных! Да не дрогнет твоё сердце, и да не иссякнет вера. Встань же, наречённый Нгадилом и с честью прими символ власти!

Новоиспечённый император Заозерья поднялся с колен, гордо выпрямился и принял из рук монтар Шааса рог, инкрустированный золотыми нитями и мелкими драгоценными камнями. Принадлежавший когда-то последнему императору Заозерья теперь этот предмет давал начало новой династии.

Подняв рог высоко над головой, император Нгадил Первый повернулся к собравшимся в просторном зале и молчаливую толпу, наконец, прорвало...

***

Несмотря на раннее утро и небольшой морозец дворец наместника более всего напоминал разворошённый муравейник. Хотя церемония помазанья закончилась седмицу назад, желающие засвидетельствовать почтение императору Нгадилу всё прибывали и прибывали, и пёстрым кавалькадам не было конца.

В который раз посланник Себелиуса подавал прошение об аудиенции, но каждый раз канцелярия императора отвечала отказом. Нет, конечно, магистр Ковтис никуда не торопился (ехать в Ивокарис посреди зимы для его старческих костей было бы весьма тяжким испытанием), но вопрос о предоставлении права распоряжаться двумя тысячами гвардейцев Заозерья продолжал висеть в воздухе. Поэтому старый друг Архимага как мог убивал время, ожидая, пока праздничная кутерьма уляжется и он, наконец, сможет тет-а-тет побеседовать с Нгадилом.

«С императором Нгадилом», — мысленно поправил себя Ковтис.

Как бы не было искривлено колесо истории оно не перестаёт вращаться. А для того чтобы маховик не скрипел, его необходимо смазывать... кровью. Вот и сейчас история Заозерья сделала очередной виток.

Во времена, когда к востоку от Небесного Хребта уживались империя Схетхе и Сумарский Халифат, на западе господствовала империя Заозерье. Тогда никто и слыхом не слыхивал не то что о торговой империи, но даже о Ивокарисе. Да и не было их ещё в то время. Тогда и Келир-то только-только начинал процветать.

Но случилась война и империи Схетхе не стало. Зато появился и окреп величественный город магов Ивокарис, ставший столицей торговой империи, что год от года расширяла

границы. Однажды двум державам суждено было схлестнуться на поле брани. Нашёлся и тот, кто повёл империю Заозерье за собой. Им был император Лусмер, носивший прозвище Стальной Коготь.

Напористая и горячая молодость всегда победит мудрую и рассудительную старость. Так вышло и тогда. Империя Заозерье пала и на её престоле появился первый ставленник Ивокариса. Хотя надо признаться, торговая империя не могла постоянно контролировать нового вассала в силу его географической изолированности. Когда же в Скавелле появилась новая сила — орден Серой Длани Ивокарис и вовсе потерял контроль над наместником.

— Прошу прощения, это вы магистр Ковтис?

Два монаха в тёмно-серых рясах с вышитыми на груди белыми контурами ладони преградили путь посланнику магистра Себелиуса. Маг, задумчиво бредущий по коридору, поднял взгляд:

— Да это я. Чем...

Он хотел спросить, чем может быть полезен, но возникшая за спиной тень нанесла стремительный удар. Голова магистра глухо стукнулась о мраморный пол и покатилась, оставляя кровавый след. Грузное тело осело на пол, и человек с окровавленным мечом поклонился серым братьям...

***

— Мессир, это только что доставили из Заозерья, — Тертус вошёл в кабинет, вырвав Себелиуса из сна.

Архимаг отнял лицо от столешницы и потряс головой, пытаясь разлепить непослушные веки. В виски тревожным набатом стучались отголоски ускользающего сна. Снилось что-то жуткое. Он потянулся к опустевшему бокалу и едва не смахнул его со стола.

Тертус поспешил помочь. Он подхватил бокал, налил вина, всыпал щепотку нюхательной соли и прошептал слова наговора. Когда пена осела, протянул бокал Себелиусу.

— Что там? — Архимаг благодарно кивнул и осушил бодрящее зелье. Сонливость стала нехотя выветриваться.

— Я не вскрывал, — пожал плечами помощник и поставил сундучок на стол.

— Может это от Ковтиса? Решил порадовать меня молодым вином? — губ Архимага коснулась едва заметная улыбка, но на душе всё же было беспокойно. Тень ускользнувшего сна вновь нависла над челом.

Себелиус несколько раз провёл над крышкой ладонью, но всё было чисто.

— Что ж посмотрим...

Он зажал замок в ладони и заставил замёрзнуть. С ледяным хрустом металл осыпался и Архимаг откинул крышку. И тут же схватился за грудь.

Удивившись такой реакции, Тертус заглянул внутрь и отшатнулся. Внутри на бархатной подушке покоилась голова магистра Ковтиса.

***

Очередное заседание Магического Совета, как и водится, должно было начаться ровно в полдень, но когда Себелиус вошёл в большой зал он был обескуражен. Обычно в это время достопочтимые мэтры от магии только-только начинали заполнять убегающие вверх ряды амфитеатра, но сейчас зал был полон, что не лезло ни в какие ворота.

Пройдя на место оратора, Архимаг широкой улыбкой поприветствовал собравшихся.

— Вы посмотрите на него! Он ещё и скалится! — выкрикнул со своего места магистр Элкиан.

Себелиус едва не подавился словами. Глаза полыхнули гневом, но он взял себя в руки, повернулся к наглецу и с некоторой ленцой проговорил:

— Если у вас, магистр, есть ко мне какое-то дело, жду после заседания в своём кабинете...

— После заседания у тебя уже не будет кабинета! — снова выкрикнул Элкиан, и многие заулыбались.

— Эл, что ты творишь? — шикнул на него брат.

— Отстань, я в предвкушении, — голубоглазый маг одёрнул руку, в которую вцепился его родственник.

— Я требую объяснений!!! — прорычал Себелиус. — Учти, Элкиан, ещё слово непочтения и я буду вынужден вызвать тебя на поединок!

После этих слов в зале мгновенно повисла тишина. Сидящие маги стали переглядываться, а магистр Элкиан встал со своего места и холодно произнёс:

— Лучше думай не о поединках, Себелиус. Думай о том, как ты будешь оправдываться перед советом.

— Объяснись, — слова, словно льдинки сорвались с губ Архимага. Ещё немного и он прямо здесь втопчет в пыль этого напыщенного болвана...

— Расскажи-ка о своих взаимоотношениях с новым императором Заозерья. Насколько я помню, ты обещал нам его армию, не так ли?

— К чему этот вопрос? — вскинул брови Себелиус.

— А к тому, господа совет, — Элкиан повысил голос и оглядел сидящих магов, — что никакой армии не предвидится! Да-да, Себелиус вам солгал! Он отдал наместнику род династии Лоун, но неизвестно с какой целью!

Маги загалдели. Со всех сторон стали сыпаться вопросы, но за общим шумом было не разобрать их сути. Наконец гам перекрыл магически усиленный голос Элкиана:

— Господа! Господа! Прошу вас, успокойтесь! Давайте дадим магистру Себелиусу объясниться! — он с вызовом посмотрел в глаза Архимагу, мол, что ты скажешь в своё оправдание? Себелиус кашлянул в кулак и хрипло проговорил:

— Уважаемые господа совет, я ни в коем разе не хотел вас обманывать. Уверяю, что не имею представления, откуда у магистра Элкиана столь дерзкая информация... — Архимаг взглянул на оппонента и вздрогнул. Взгляд голубых глаз не предвещал ничего хорошего. Он словно говорил: «Я давал тебе шанс, но ты им не воспользовался...»

Магистр Элкиан неторопливо прошёл к трибуне и с широкой улыбкой произнёс:

— Любезные мастера и магистры благословенного богами Ивокариса. На днях ко мне попал прелюбопытнейший документ, в котором опровергаются слова Себелиуса. Вот он...

Маг извлёк из складок одежды знакомое письмо, уголок которого хранил следы крови

магистра Ковтиса.

— Позвольте, я его зачитаю.

И под одобрительный гомон развернул прямоугольный лист выбеленной бумаги.

«Главе Магического Совета торговой империи Архимагу Себелиусу. Император Заозерья Нгадил Первый благодарит магистра Себелиуса за возвращение на историческую родину драгоценнейшей реликвии — рога династии Лоун. Император спешит заверить главу совета в лояльном отношении к торговой империи и Магическому Совету в частности. Так же император приносит глубочайшие извинения в связи с тем, что не сможет предоставить Ивокарису запрошенные две тысячи воинов из-за начавшихся манёвров Смера».

— Число и оттиск перстня императора Нгадила Первого, — закончил чтение Элкиан и пристально посмотрел на играющего желваками Себелиуса. — Что скажете, магистр? Или попытаетесь уверить совет, что ничего об этом письме не знали?

Такого позора Себелиус не знал с детства. Чувствуя, как надломились ножки кресла главы совета, он до боли стиснул бортик трибуны. Да, он знал, что письмо форменная издёвка со стороны наместника. И даже знал, кто нашептал его ему. А, судя по взгляду Элкиана, он так же был в курсе, но это уже ничего не меняет. Для Совета Магистров это письмо ни что иное, как разоблачение козней его главы.

— Почему молчишь Себелиус?! — выкрикнул кто-то со своего места, но Архимаг даже не посмотрел в его сторону. Он сверлил взглядом улыбающегося Элкиана.

— И кстати, — молвил оппонент Себелиуса, пряча письмо, — зачем ты отправил мастера Малора и всех боевых магов в крепость Заат-Гир?

— Я хотел укрепить крепость и дать нам больше времени, — зло проговорил Себелиус.

— Но ведь мы сошлись во мнении, что крепость падёт, как её не укрепляй. Ты сознательно лишил Ивокарис тренированных магов?! — ухаженный палец Элкиана укоризненно уставился Себелиусу в грудь. — Признай своё поражение и сможешь свободно уйти, — прошептал вдруг голубоглазый магистр. — «Нет!» — сверкнули глаза Архимага. — Что ж, ты сам решил...

— Я ставлю под сомнение деятельность главы Совета Магистров и выношу на голосование решение о его немедленной отставке!!!

Это заявление произвело фурор. Что тут началось. Многие маги повскакивали с мест, принявшись с пеной у рта перекрикивать друг друга. Оставшиеся сидеть орали не меньше, стуча при этом ещё и ногами по полу. И во всём этом гвалте чётко слышались лозунги «Долой Себелиуса!» и «Даёшь Элкиана!» Что, в общем-то, не удивительно, так как сегодняшнее заседание более чем на две трети состояло из сторонников голубоглазого магистра.

Дальше Себелиус слушать не стал. Он умел достойно проигрывать и молча покинул зал. Полнейший крах и он это прекрасно понимал. Но что сделано, то сделано и сейчас стоило позаботиться о собственной безопасности. А в том, что Элкиан попытается его устранить, Архимаг ничуть не сомневался. Он бы и сам так поступил на его месте. Но в данной ситуации у Себелиуса связаны руки. Попытайся он убить Элкиана и против Архимага поднимется весь магический мир. Поэтому следует как можно скорее покинуть пределы Ивокариса, а лучше и всей торговой империи разом.

Активировав защитное заклинание, Архимаг торопился в кабинет. Времени оставалось всё меньше, и он ощущал это кожей. Вот, наконец, и поворот, где в конце длинного коридора стрельчатой дверью молчит его кабинет.

Чувство опасности взвинтилось до предела. Себелиус замедлил шаг и вбросил больше энергии в универсальный щит. Вовремя. Едва он ступил в коридор, в грудь тут же ударил Огненный Вихрь. Маг отлетел к противоположной стене и больно ушиб спину. Огонь тугой струёй прижал Архимага к стене и опалил седые брови. Стало невыносимо жарко. Себелиус стиснул зубы, но всё же усилил поток энергии, подпитывающий защиту. Если убийца продержится ещё минуту сил на щит не останется — за универсальность приходится платить сторицей.

Но опасения оказались напрасны. Понадеявшись на внезапность, убийца почти все силы вложил в Огненный Вихрь и потому не был готов к длительному магическому поединку. Почувствовав слабинку, Архимаг нанёс сокрушительный удар Водяным Копьём, в которое обратился магический щит. Уплотнившийся столб воды пробил грудь убийцы и пригвоздил к стене словно жука.

— Ба, да это же мастер Укрит собственной персоной! — наигранно бодро воскликнул Себелиус. — Я знал, что когда-нибудь ты мне нагадишь, но чтобы так... Неужели Элкиан предложил место Лесс-Скира? — в ответ пронзённый маг захрипел, и Себелиус опустил руки. — Впрочем, это уже неважно...

Растирая по лицу сочащуюся из носа кровь, он поспешил в кабинет, оставив мастера Укрита в кровавой луже.

Заперев дверь, Себелиус оглядел собственный кабинет как в последний раз. Бумаги подверглись тщательной ревизии, после чего некоторые обратились пеплом. Убедившись, что ничего важного не оставляет Архимаг направился в заклинательный покой.

Пройдя к дальней стене, провёл по ней ладонью и громко произнёс ключевое заклинание на языке гадрахов. Полыхнув ярким светом, часть стены растворилась, освободив проход, и Себелиус на карачках протиснулся в помещение магической сокровищницы.

Долгие годы он искал новый метод перемещения (вариант с порталами не устраивал ввиду отсутствия камней врат), и однажды нашёл. Свою разработку Архимаг назвал Якорь-Маяк. Принцип был до смешного прост — маяк помещался там, куда требовалось переместиться, а над якорем проводился завязанный на кровь ритуал, после чего открывался кратковременный тоннель. Благодаря изобретению Себелиус стал магистром.

Откинув крышку небольшого ящичка, Архимаг залюбовался изящными изгибами золотого кубка. Небольшой, с широкой чашей на тонкой высокой ножке он был украшен теми же самоцветами, что и скипетр лежавший когда-то рядом.

Отправляя Вальдреса с поручением, Себелиус не предполагал, что воспользоваться кубком придётся так скоро. Он рассматривал вариант собственного свержения, но планировал оттягивать этот момент как можно дольше. Или вовсе свести нежелательную перспективу на нет. Но всё сложилось иначе.

Вынув кубок из аккуратно подогнанного ложа, Себелиус развернулся к шестигранному алтарю и запнулся о грубо сколоченную коробку. Раньше в ней хранился небольшой сундучок чёрного цвета. Когда в Сумарском Халифате случилось восстание и халиф Намосар Тин попросил помощи, Архимаг, не задумываясь, отправил ему взрывной артефакт, дабы разом уничтожить мятежников укрывшихся в горах Сележ.

Себелиус улыбнулся воспоминаниям. Это было так давно, что он успел позабыть о могучей силе заключённой в резном сундучке.

«Как хорошо, что среди восставших обнаружился предатель, и ничего взрывать не пришлось, — подумал маг. — Буду в Халифате, обязательно заберу у Намоса сундук. В

предстоящей войне любая помощь будет уместна».

Себелиус наполнил кубок вином и взобрался по лесенке на шестигранный алтарь. Сел на тёплую поверхность, скрестил ноги и поставил артефакт перед собой. Осталось нарисовать магический рисунок и произнести слова заклинания.

Заранее припасённый обсидиановый нож пробежался по запястью и Архимаг принялся скрупулёзно вырисовывать руны магического алфавита, то и дело, макая палец в открытую рану. Когда рисунок был закончен, кровь почти перестала сочиться. Он резанул по второй руке и поставил кубок. Несмотря на головокружение, маг дождался, пока чаша наполнится до краёв и лишь тогда остановил кровь. Осталось произнести нужные слова.

Себелиус поднялся на ноги, простёр ладони к высокому потолку и твёрдым голосом принялся читать сложный текст. Слова звучали под сводами магической сокровищницы подобно грому. Блуждая меж высоких стеллажей со всевозможной магической утварью, они эхом возвращались обратно, но тут же улетали подхваченные новыми. Наконец отголосок последнего звука затерялся в глубине сокровищницы и Архимаг тяжело опустился рядом с кипящим кубком.

Из-за магического истощения потемнело в глазах, и тишина сдавила виски. В предобморочном состоянии Себелиус не увидел, а, скорее, почувствовал, как из кубка в потолок ударил ослепительный сноп света. Раздалось шипение разъярённой гадюки и, теряя сознание, Архимаг толкнул тело внутрь мерцающего провала.

***

Когда Вальдрес привёз скипетр, Намосар Тин решил, что это подарок от старого друга и отправил в сокровищницу к сотням тысяч таких же дорогих безделушек. Но когда молодой маг вернулся в столицу и сообщил Себелиусу, что скипетр на месте, Архимаг сразу же послал другу птенца с объяснениями. Теперь артефакт-маяк покоился в нужном месте, ожидая своего часа...

Был обычный ничем не отличающийся от других день, когда в одной из сотен комнат дворца Халифа прозвучал громкий хлопок, и из образовавшегося над скипетром провала вывалилось бесчувственное тело в окровавленных одеждах. Стоящий за дверью евнух побледнел и принялся судорожно срывать с пояса массивный ключ.

Дрожащими руками он отпёр замок, распахнул высоченные двери и с ужасом уставился на то, как предмет, который наказали стеречь, как зеницу ока осыпается пеплом. Когда шок прошёл, а в голове перестали мелькать сцены кровавой расправы, которую обещал Халиф, евнух, наконец, заметил на полу бесчувственного старика. Закричав чтобы привели целителя, тучный охранник подскочил к лежащему.

Когда весть о чужаке долетела до Халифа ведущий неторопливую беседу Намосар Тин прервался на полуслове, побледнел и сорвался с места. Такое поведение для солнцеподобного правителя было несвойственно, и все кто находился рядом, поспешили следом.

Открыв глаза, Архимаг сразу же провёл ревизию организма. Энергетические каналы напоминали русла высохших рек, а некогда полыхающая ярко алым аура походила на едва тлеющий костёр. Восстанавливаться придётся долго.

И, тем не менее, Себелиус улыбнулся. Он попал куда нужно...

Глава четырнадцатая

— Казалось бы, что может быть проще — прицелься получше, замахнись пошире да вдарь посильней. Но так может рассуждать лишь крестьянин, взявший после оглобли меч. Запомни, Колин — прицелился, замахнулся и... проиграл.

Друзья расположились в небольшой рощице возле уютного костра. Это был их третий ночлег под открытым небом, так как постоянных дворов в вольных землях не встречалось.

Худгараду удалось отговорить Скахета от поездки через столцу Заозерья. Слишком много препятствий ждало приятелей на пути во владениях наместника — начиная от необоснованно завышенной платы за проезд и заканчивая пристальным вниманием к чужеземцам. Заозерье гордилось изолированностью и приезжих там встречали настороженно. А вольные земли тем и славились, что были вольными в полной мере этого слова. И хотя риск нарваться на любителей лёгкой наживы здесь был значительно выше, Скахет предпочёл рискнуть, чем топтать землю наместника.

В первый же вечер Колин без сил свалился с лошади и со стоном принялся растирать онемевший зад. Спина ныла так, словно весь путь по ней колотили палками, а ноги ощущались как нечто чужое, пришитое к телу впопыхах. Скахет сперва насмеялся над другом, но после всё же снизошёл до сочувствия. Достав какую-то мазь, он намазал Колину спину и заставил намазать ноги. Через некоторое время боль сменилась лёгким онемением мышц и уже не настолько доставала.

В тот вечер воин всё сделал сам: расседлал и накормил лошадей, собрал дров, запалил костёр и сварил похлёбку. Колин разбито наблюдал за действиями приятеля не в силах даже встать и отойти до ветра. Первый ночлег показался ему кошмаром, но настоящий кошмар начался утром. Скахет поднялся ни свет, ни заря и буквально пинками погнал его на пробежку. А потом заставил разминаться с деревянным мечом...

— Понимаешь, просто замахнувшись, ты работаешь на противника, — продолжал объяснять Скахет. — Замах — есть защита либо обманный манёвр. И никогда не вздумай целиться, всё равно промажешь. Удар навскидку — вот цель твоего обучения. Но удар никогда не должен существовать в одиночестве. Одиночные удары лишь отнимают силы. Всегда наноси серию из двух-трёх ударов. Так больше возможностей достать противника. Кроме того так ты избежишь «проваливания».

— Избегу чего? — переспросил Колин только чтобы окончательно не заснуть от затянутой лекции по основам фехтования.

— Проваливание — когда ты промахнулся, и твоё тело летит вслед за мечом. Попадёшь в неустойчивое положение и конец.

Видя, что Колин откровенно клюёт носом, Скахет подскочил к вещам, взял чучело и вбил в рыхлую землю.

— Не время спать, дружище, до утра ещё далеко! Хватай свою палку и покажи на что способен.

Колин с ворчанием поднялся, подцепил деревянный меч и подошёл к чучелу. Спорить бессмысленно — Скахет не отстанет. Он начал наносить рубящие удары по соломенному человеку каждый раз меняя направление, а воин продолжал:

— Резче, ещё резче! Удар должен быть как взрыв — максимальная скорость и сила за

минимальное время. Не знаешь, как ударить — перемещайся, вводи противника в заблуждение. Бой это атака когда начал ты, либо контратака, когда противник оказался шустрее. Ты должен уметь верно оценить оппонента и заставить его атаковать там где тебе это наиболее удобно. И ни в коем случае не будь предсказуем. Всегда импровизируй. Шаблонов боя не бывает.

Колин «плясал» вокруг чучела, пугая ночных мотыльков, а Скахет отстёгивал комментарии:

— Двигаешься словно беременная баба. Шире ноги! Переступай плавней!

Колин прервался, опустил ставший неподъёмным «меч» и повернулся к другу.

— А разве прежде чем учиться махать мечом, не нужно изучить хоть какие-то стойки?

Скахет подхватил флягу и швырнул сержанту. Тот благодарно кивнул и надолго приник к горлышку.

— В школах мечников, конечно же, обучают куче всевозможных стоек, — произнёс воин задумчиво. — Но я так скажу — эта шелуха сгодится лишь отпрыскам богатеньких родителей. У них есть время запоминать всю эту чушь. У нас же с тобой времени в обрез. Есть три простеньких правила, которые нужно соблюдать, принимая стойку: во-первых, тебе должно быть удобно, во-вторых, ты должен свободно перемещаться, и в третьих, ты должен быть устойчив. В идеальной стойке все эти пункты должны сочетаться в равной степени. Все другие виды стоек образуются либо за счёт усиления устойчивости (более широкие), либо за счёт усиления подвижности (более узкие). Ладно, на сегодня хватит. Ложись-ка спать, а то на тебе уже лица нет.

Пока вымотавшийся друг размещался на ночлег Скахет достал свой меч и принялся неторопливо водить оселком по острому лезвию. Колин уже привык засыпать под шелест точильного камня и на причуду друга не обратил внимания. Его больше волновало, что из-за тренировок не остаётся времени изучить собственные магические возможности. Максимум использования магии — ежевечерний розжиг костра, постепенно вошедший в обязанности сержанта. А он чувствовал, что способен на большее. Ведь швыряние огненных шаров не может быть пределом. Решив начать изучение магии со следующего дежурства, Колин провалился в сон...

Через неделю пути каменистая местность начала преобразовываться — всё чаще стали появляться деревья, да и растительности под ногами заметно прибавилось. И это радовало, так как корм, припасённый для лошадей, неумолимо подходил к концу.

В какой-то момент дорога расширилась, и друзья оказались у развилки. Воздух заметно посвежел, запахло большой водой. Скахет спешил и подошёл к покосившемуся столбику. Пошарил в траве и нашёл давно отвалившуюся деревянную табличку.

— Что там? — Колин и не подумал покидать седла.

— Не разобрать, — Скахет подошёл к коню и достал из седельной сумки кожаный свёрток.

— Только не говори, что собрался перекусить.

Отмахнувшись от слетевшейся на пот мошкеры, Колин спрыгнул на землю и подошёл к другу. Вопреки его ожиданиям в свёртке оказалась не еда, а сложенная вчетверо бумажная карта.

— Откуда сие добро? — сержант опустился рядом.

— Худгарад, верлы его дери, весьма запаслив, — хмыкнул Скахет, остановив палец на похожей развилке. Колин проследил за его жестом и отметил, что над самым пальцем

расположились две большие синие кляксы. Он указал на них и поинтересовался:

— Кто-то вино пролил?

— Это озёра, — не принял шутки воин. — Верхнее и Нижнее. Судя по карте, дорожка, что бежит направо приведёт нас к Нижнему.

Колин склонился над картой и попытался прочесть надписи. Как и следовало ожидать, ему это не удалось. Вальдрес хотя и помог с изучением языка, но помощь распространялась лишь на устную речь. Письменность, увы, так и осталась непонятными закорючками на листе.

Он провёл пальцем по дороге и поинтересовался:

— Если верить карте, у нас одна дорога — через этот лес, — палец уткнулся в нарисованные деревья, которые с западной стороны огибали Нижнее озеро. — А дальше куда?

— А дальше в Сион, оттуда в Скавелл, а там уже и прямая дорога до столицы.

Воин прочертил пальцем указанный маршрут и бережно сложил карту. Вернув её в сумку, он поднялся и изрёк:

— Предлагаю сделать небольшой крюк и переночевать у воды. Помоем лошадей, сами искупаемся...

— Я только за, — не стал спорить сержант. Ему и самому до безумия хотелось смыть вьёвшийся пот бесконечных тренировок.

— Вот и славно, — Скахет запрыгнул в седло...

Поздним вечером друзья добрались до юго-западного берега Нижнего озера. Расседлали лошадей, задали им остатки корма и поели сами. Успокоив ноющий желудок, Скахет блаженно растянулся в густой траве на пологом берегу и через мгновение сладко спал. А Колину, как назло, сон не лез в глаза, хоть плачь. Промучившись с полчаса, он поднялся, подошёл к кромке воды и вдоволь напился. Затем уселся на кочку поудобнее и стал вдыхать аромат дивной ночи.

Будь он художником, нарисовал бы на холсте картину, чтобы и другие могли полюбоваться. Ветра нет, луна озаряет мир почти как днём, а россыпи чистых звёзд отражаются в неподвижной глади озера как в зеркале.

Может сержант задремал, убаюканный тихим шелестом воды, а может, нет, но только он отчётливо увидел воина. Мужчина в самом расцвете лет, рослый, плечистый, с окладистой бородой и светлыми, почти золотыми волосами молча стоял в стороне. Голова его была непокрыта, а некогда богатые доспехи давно потеряли роскошный вид. Оружия он не носил, а может, потерял совсем недавно, потому как на поясе висели пустые кожаные ножны.

Колин очнулся от сладкой дремоты, вскочил и опасливо огляделся. Вроде всё в порядке. Неподалёку сладко поживает Скахет в обнимку со своим топором, лошади мерно пофыркивают, а прямо на водной глади стоит — не тонет — незнакомый воин с пустыми ножнами.

Сержант почувствовал прилив гаденького липкого ужаса. Где это видано, чтобы живой человек ходил по воде! Не иначе утопленник. Он до боли в пальцах сжал рукоять кинжала и давай по-рачьи пятиться назад. Воин не препятствовал — просто стоял и смотрел бездонными глазами, скрестив руки на широкой груди.

— Скахет! — не сводя глаз с призрака, зашипел Колин, — Скахет, проснись!

На его счастье спал воин хоть и крепко, но чутко, сразу видно жизнь в Храме прошла

небезопасно. Схватив топор, он вмиг вскочил на ноги:

— Что случилось?

— У нас гости, — сержант кивнул в сторону молчаливого воина и ещё на шаг подвинулся к другу. Скажет протёр глаза.

— Где?

— Да вон, стоит на воде, видишь?

Воин настороженно огляделся. Раз, другой. Ничего подозрительного, ночь по-прежнему сияет хрустальными огнями и цикады стрекочут в высокой траве...

— Вокруг ни одной живой души. Какого верла ты меня разбудил?

— Что значит, какого?! — Колин задохнулся от возмущения. — Ты ослеп или шулки шутишь?! Нашёл время! Говорю же, вон на воде стоит утопленник.

— Какой ещё утопленник? — воин подавил зевок. — Привиделось, поди. Ты б заснул что ли...

— Уснёшь тут, как же... — начал заводиться Колин но вдруг осёкся.

Там, где только что стоял утопленник, гладь озера оказалась пустой. Икнув от удивления, он медленно опустился, где стоял.

— И вправду никого. Но как же так? Ведь я его ясно видел...

— Видать, задремал, — снисходительно проговорил воин.

— Да не спал я! — отмахнулся Колин. — Не спал...

— Тогда что делал?

— Любовался пейзажем.

— И всё?

— Ну да... Никак не мог заснуть, пошёл напиться, а потом просто сидел у воды...

— Стоп. Ты что пил из озера?

— Ага. Знаешь, вода оказалась настолько вкусной, что еле оторвался. Никогда такой не пробовал.

— Скажи, Колин, а у себя на родине ты часто пил из озёр?

— Не припомню... нет, никогда не пил... Хочешь сказать...

— Именно. Видимо дело в воде.

После этих слов Колин почувствовал отвращение и отодвинулся подальше от озёрной глади. Тут его осенило:

— А как же лошади? Они ведь тоже пили эту воду.

— Животные, — пожал плечами воин, — что с них возьмёшь? Ты как хочешь, а я буду спать, — и воин растянулся там же, где спал до этого.

Мысленно позавидовав нервам друга, сержант лёг на спину, поёрзал, устраиваясь поудобнее и принялся вглядываться в звёздное небо...

Поутру его растолкал Скажет и предложил искупаться. После ночных приключений желания лезть в воду поубавилось, и Колин ответил отказом. Тогда воин сказал, что не намерен мыть ещё и его лошадь и сержант, скрипя зубами, повёл её к озеру.

Оттирая пучком травы гнедой бок, он взглянул на собственное отражение и рука непроизвольно замерла. Колин вдруг понял, что за время пребывания в этом мире ни разу не видел себя со стороны. Даже там, в Нефлисе, в гостях у Худгарада, когда пришедший в комнату цирюльник его брил и стриг возможности полюбоваться собой так и не представилось. И вот теперь, глянув в жемчужную гладь Нижнего озера, Колин Мак-Стайн обомлел. На него смотрел совершенно чужой человек.

На загоревшем и обветрившемся лице отчётливо проступили острые скулы, глаза ввалились глубже, а светлые волосы выгорели приобретя оттенок парного молока. Тело так же постигли некоторые метаморфозы. Раньше сержант посещал тренажёрный зал дважды в неделю, но его мускулы всё равно прятались за лёгким жирком. Теперь, когда весь жир сгорел, мышцы обозначились настолько чётко, что хоть сейчас фотографируйся на обложку модного журнала.

— Чего застыл? — оторвал от отражения голос Скахета. — Давно свою рожу не видел? Лошадь-то домыл?

— Скахет, а сбрей мне волосы, — неожиданно для самого себя попросил сержант.

— Хочешь походить на кочевников из-за Пограничного Кряжа? Только они ещё и маковку раскрашивают чудным узором. Его тебе тоже нарисовать? — Скахет с улыбкой вытащил кинжал и подошёл к другу. — Ладно, наклоняйся...

Смыв остатки волос Колин ещё раз глянул на отражение и удовлетворённо хмыкнул — то, что надо. Без волос его лицо приобрело хищное выражение.

— Красавец, — хмыкнул Скахет. — Домывай животное, и выдвигаемся.

— Вернёмся на развилку? — поинтересовался сержант, принявшись тереть второй бок лошади.

— Не вижу смысла. Вон уже виднеется кромка Илльского леса, — Скахет указал рукой куда-то на холм, но Колин ничего разглядеть не смог. — Просто въедем в лес чуть восточнее главного тракта.

Позже, когда друзья седлали лошадей (причём Колин уже с лёгкостью делал это сам), Скахет высказал соображения:

— Значит так, сейчас взбираемся на холм и ночуем у кромки леса. А поутру встанем на главный тракт и преспокойно поедем до самого Сиона. Возражения имеются? — Колин промолчал. — Вот и славно. Не отставай...

***

— У любого меча есть так называемые Сила и Слабость, — Скахет взял оружие из рук Колина.

— В смысле сильные и слабые стороны?

— Нет. Сила — это область от гарды и до середины, — воин отметил это место, проведя по лезвию пальцем. — Силой обычно парируют оружие противника. А для более тонких ударов используется Слабость — область от середины до острия, — Скахет вогнал меч в ножны и вернул Колину.

Взобравшись на холм, друзья добрались до первых деревьев и остановились в их тени. Расседлали лошадей, натаскали дров и развели костёр. А так как Иссила только-только начала клониться к горизонту и времени до сна оставалось с лихвой, Скахет решил провести его с пользой.

Битый час воин рассказывал другу о премудростях ухода за оружием, а под конец и вовсе устроил эту маленькую лекцию о его строении. Сержант кивал, слушал, но не слышал. В мыслях он уже испытывал свои новые способности.

Закончив лекцию Скахет погнал Колина к чучелу, но на этот раз захватил ещё и мечи.

После того как сержант умаялся лупцевать соломенного противника, воин протянул ему его меч и они до темна отрабатывали различные удары и блоки. Когда солнце окончательно скрылось, друзья поужинали, и воин стал готовиться ко сну.

Сержант мысленно возликовал. Наконец-то выдалась ночь, когда глаза не слипаются от усталости и можно сконцентрироваться. Теперь ему никто не мешает остаться наедине со своим внутренним миром.

Он отсел подальше от костра и прислонился спиной к шершавому стволу. Несколько глубоких вдохов замедлили сердечный ритм, кровь насытилась кислородом, и Колин сфокусировал взгляд на небольшой веточке у ног.

Первое что давно хотелось проверить — сможет ли он воспламенить этот кусочек дерева усилием мысли. Раньше чтобы разжечь костёр Колин нагнетал энергию в ладони, но после долгих размышлений пришёл к выводу, что сможет сконцентрировать её непосредственно на кончике ветки.

Он битый час пялился на палку, но ничего не получалось. Раз за разом начинало покалывать пальцы и приходилось начинать всё с начала. В конце концов, Колин сдался, смахнул со лба холодный пот и поднялся размять затёкшие ноги. Полнейшая неудача.

А вдруг это невозможно? Что если магия инструмент ограниченный? Может и так, но уверенность в обратном не покидала сержанта. Ведь многие великие открытия зачастую совершались невежественными людьми. Пока учёные бились в стену предрассудков, неуч брал и делал...

Посмотрев на спящего друга, Колин только сейчас понял насколько устал и мысленно позавидовал Скахету. И тут его осенило. А что если как тогда в храме закрыть глаза? И как он сразу об этом не подумал?

Испытав прилив энтузиазма, сержант поспешил проверить догадку. Он снова сел у дерева, закрыл глаза и вызвал из памяти шар сырой энергии, заключённый в плотный ментальный кокон. Мысленно проделал в нём небольшое отверстие, отчётливо представил палку и направил тоненький энергетический лучик на неё. На удивление всё прошло гладко, и на сучке затрепетал тоненький язычок пламени.

Желая закрепить успех, Колин затоптал огонь и попытался повторить с открытыми глазами, но ничего не вышло.

— Да что ж за напасть? — шёпотом выругался сержант и вдруг заметил лёгкое свечение, выбивающееся из-под рубахи. Он оттянул ворот и взглянул на шрам.

Рисунок пульсировал, словно дышал и с каждым «вдохом» Колин ощущал, как восстанавливается магический резерв. Части мозаики сложились в единую картину — то, что оставило на груди несмываемый след одарило не только магией, но и невероятной способностью быстро восстанавливать внутреннюю энергию.

Колин решил прибегнуть к внутреннему зору и закрыл глаза. Картина, представшая перед ним, поразила до глубины души. Полыхая голубоватым светом, нити сливались в причудливый рисунок, напоминающий ассиметричную паутину, в центре которой пульсировала голубая звезда. Сержант увидел, как от кончиков нитей к центру бегут искрящиеся капельки — сырая энергия, которую он поглощал прямо из воздуха.

Постепенно сияние шрама заполнило сознание как огонёк свечи на приёме у гипнотизёра. Колин почувствовал себя мелкой песчинкой летящей прямо к солнцу. Появилось головокружение и сосущее чувство в животе, но вдруг всё закончилось. Сержант решил, что ослеп, но через некоторое время понял — изменилось освещение.

Он стоял на вершине какого-то холма и ноги утопали в ярко-красной траве.

Воздух трепетал, как жарким летом над раскалённым асфальтом, отчего открывающийся пейзаж искажался. Сержант ущипнул себя за руку.

— Не сон, — простонал он, растирая проступивший синяк.

Смутное чувство узнаваемости засвербело под корочкой, но Колин его отогнал как назойливую муху. Не хватало снова очутиться в поглотителе. Хотя кое-что царапнуло. В артефакте не было горизонта. Здесь же далёкая линия между небом и землёй обозначилась чётко.

Помнится, Вальдрес говорил что-то про свёрнутое пространство Астрала, но Колин, в тот момент, не был настроен что-либо запоминать.

И всё же это был Астрал.

Сам того не ведая сержант нашёл путь куда учат ускользать неофитов с первых лет в Магической Академии. Вот только найти его удаётся лишь самым талантливым, коих единицы. Остальные ищут на протяжении многих лет, и случается, что не находят.

***

— Тише, Брис, не дрейфь.

— Да как тут не сдрейфить, Рукк, это ж чистой воды маг, а ты решил у него из-под носа лошадей увести?

Двое залегли в кустах и шёпотом переругивались. Скахет спал, а Колин застыл у дерева, сложив руки на бёдрах ладонями вверх. Кончики его пальцев слабо мерцали, а из-под рубахи выбивалось голубоватое свечение.

— Заткнись! Не видишь, он в трансе?

— Ты-то откуда знаешь?! Много магов довелось повидать?

— Много — мало, неважно, — Рукк дотянулся и отвесил Брису подзатыльник. — Сожми яйца в кулак и давай за мной. Обещаю, всё пройдёт гладко...

— Эй, вы там скоро? — раздался вдруг шёпот за их спинами.

— Ждите, мать вашу! — ругнулся сквозь зубы Рукк. По тому, как он распоряжался, было видно, кто делает погоду в этой компании.

— Рукк, надо сказать Жике с Валом, что здесь маг, — шёпотом проблеял Брис. — Пускай уносят ноги.

— Заткнись, дубина! — Рукк залепил его рот мозолистой ладонью. — Кто тогда прикроет наш отход? А тех лопухов мне не жалко. Они всё равно больше ни на что не годны.

— Но как же...

— Да никак!.. Лучше глянь туда, — вожак отнял ладонь от лица напарника и указал за костёр. — Видишь, какие справные лошадки? Славная будет выручка. А поделим не на четверых, — он облизнул пересохшие губы, — а половина наполовину... Тебе разве плохо?

— Нет, но...

— Тогда заткнись и пошли...

***

Находясь в Астрале, Колин вдруг почувствовал себя неудобно. Такое бывает, когда просыпаешься от того, что на тебя кто-то пристально смотрит. Объяснить невозможно, но факт остаётся фактом. Сконцентрировавшись на новом чувстве, сержант ухватился за него, словно за спасительную ветку и потянулся всем естеством навстречу. Тотчас сознание вскружилось вихрем, и уже через миг Колин открыл глаза. Несколько раз моргнув, стряхивая остатки наваждения, и вдруг заметил лошадиный круп, исчезающий за деревьями. В седле сидел чужак.

— Скахет, тревога!!! — что есть силы закричал сержант. Воин вскочил как ужаленный и принялся озираясь. — Наши лошади! — Колин попытался встать, но затёкшие ноги подвели. — Их увели!

— Жди здесь, — воин подхватил топор и вломился в кусты.

— Скахет!

— Охраняй вещи, я скоро!

Воин отсутствовал почти час. Всё это время Колин сидел как на иголках. Ему повсюду мерещились разбойники, выскакивающие из-за кустов. Пару раз, услышав шорох, он зажигал огонь, но всё обошлось. Наконец за деревьями раздался голос друга:

— Колин, это я! Не швырни в меня чем-нибудь...

Сержант расслабился и через мгновение сквозь кусты протиснулся довольный воин с окровавленным топором.

— Кто это был?

— Ничего особенного, просто лесные разбойники, — Скахет широко улыбнулся и принялся оттирать лезвие пучком травы.

— И чему ты радуешься? Лошади наши где? Тю-тю?

— Всегда и во всём ищи положительные стороны, — воин отложил топор и жадно приник к фляге.

— Не вижу ничего положительного в том, что придётся тащить вещи на себе.

— Что-то придётся бросить, — философски изрёк Скахет, возвращая флягу на место. — Раньше ведь тащили и ничего. А я славно размялся, вот и положительная сторона.

Колин насупился.

— Сколько хоть их было?

— Четверо, — зевнул воин, устраиваясь на ночлег. — Двое остались прикрывать отход, за что и поплатились.

— А двое ушли с нашими лошадьми, — угрюмо произнёс сержант.

— Да сдались тебе эти животные! — взбеленился Скахет. — Я лично привык пешком ходить, чего и тебе желаю. А если ты так сильно привязался к этим хвостатым, то за лесом будет деревня. Там можешь купить хоть десяток (если продадут, конечно), но ухаживать за ними будешь сам!

— Ладно-ладно, — пошёл на попятную Колин. — Чего разошёлся? Лучше скажи чьё сейчас дежурство?

— Ничьё, — воин откинулся на траве и подложил руки под голову. — Думаю, эту ночь можем спать спокойно, ничего не опасаясь. Разбойников больше не предвидится, а хищники, если и заявятся, до утра будут заняты телами тех неудачников, — он ехидно усмехнулся. — Мне вот что интересно, — Скахет приподнялся на локте, — чем это ты таким занимался, что

у тебя из-под носа лошадей умыкнули?

Сержант сплотнул комок. Ему было стыдно. Он надеялся, что друг об этом забудет, но видно не судьба. Придётся отвечать.

— Я... э... тут изучал... способности... и как-то не заметил... — произнёс он сбивчивым полушёпотом.

Воин сел и удивлённо посмотрел на друга.

— Чего?.. Колин, ты что смущаешься, словно баба на брачном ложе? Заснул — так и скажи, я отходчивый... Или чем-то неприличным занимался? — Скажет озорно подмигнув.

Сержант разозлился на самого себя. И вправду, чего это он как красна девица?

— Да нет, скажешь тоже, — он отмахнулся от улыбающегося друга. — Просто решил изучить свои магические способности и немного перестарался.

— А-а-а, — протянул воин и откинулся обратно на траву. Колдовские штучки ему были безразличны.

Поутру друзья стали гадать, какие вещи не жалко бросить. Скажет категорически отказался перебирать свой мешок, сказав, что ему не тяжело. Колин скрипнул зубами, но последовал примеру друга. В итоге у затушенного утренней влагой костра остался лишь тренировочный инвентарь.

***

Идти по главному тракту Ильского леса оказалось несравнимо легче, чем по тем буеракам, что ему предшествовали. Землю сплошным ковром устилали опавшие листья и хвоя, при ходьбе они тихо шуршали и поскрипывали. Высокие колонны стволов гордо поддерживали купол крон и у Колина возникло ощущение, что они идут по огромному залу невидимого дворца, крадутся, как воры, не ведая, что всевидящее око хозяина давно наблюдает за незваными гостями.

Кустов в этой части леса было мало, и сколько сержант не вертел головой ничего, кроме бесконечных рядов деревьев разглядеть не смог. Иссила стояла ещё высоко; её лучи острыми иглами пронизывали тёмно-зелёные лапы деревьев и наполняли воздух мягким, золотистым светом.

Неожиданно Скажет остановился и к чему-то прислушался.

— Готовь свои огоньки, дружище, сейчас начнётся, — он сбросил ношу на землю и обнажил меч.

— Что начнётся? — не понял сержант но, взглянув вперёд, оторопел.

Только что на их пути никого не было, а теперь тропу перегородили трое в чёрных облегающих одеждах. Колин обернулся — путь назад отрезала такая же троица. Руки разжались, и сумка глухо стукнулась оземь. Это не разбойники.

— Сдавайся, Скажет, и получишь быструю смерть! — раздался голос одного из стоящих спереди, но из-за глухих полумасок разобрать, кому он принадлежал было сложно.

— Неужели в Храме считают меня настолько опасным, что в этот раз послали два трезубца? — презрительно сплюнул воин. — Ещё бы верлов прихватили.

— Не обольщайся, отступник, нам ты не опасен, — произнёс тот же голос. — А вот твой спутник может преподнести неприятный сюрприз.

— Довольно слов, — процедил Скахет, извлекая из ремённой петли топор, — делайте то зачем пришли.

Не успел он договорить, как Колин кожей почувствовал угрозу за спиной и крутнулся волчком, но недостаточно быстро. Две петли опоясали тело. Рывок и сержант покатился по земле. Кто-то навалился сверху и туго стянул запястья.

В тот же миг Скахет рванулся вперёд но, несмотря на неожиданность, воин Храма среагировал мгновенно. Меч взмыл в воздух и встретил удар топора в паре пальцев от незащищённого горла. Вторая рука врезалась Скахету в челюсть, и тот отскочил назад. С быстротой молнии командир сократил расстояние и Скахет едва успел подставить рукоять топора под чёрный меч. Началась пляска со смертью.

Воины стояли друг друга, но всё же Скахет понемногу сдавал позиции. Остальные не нападали, неустанно следя за ходом схватки, готовые в любой миг переломить её ход. Мелькало оружие, сталь ударялась о сталь, шуршала листва под ногами. В какой-то миг Скахет зашипел от боли и топор выпал из кровоточащей ладони. Противник усилил нажим, и воин стал отступать.

Но Колин этого не видел. Он не мог пошевелиться. Чьё-то тело навалилось сверху, больно заломив руки. Сержант дёрнулся, раз, другой тщетно — храмовник знал своё дело. Тогда он решил максимально напитать ладони энергией и попытаться обжечь врага. Сверху раздался жуткий вопль. Получилось! Хватка ослабла.

Не дожидаясь пока подскочат остальные, Колин оттолкнул обмякшее тело и откатился в сторону. Сбросил обвисшие верёвки и вскочил на ноги. Левое плечо тут же обожгло холодом. Выдернув остроконечную звёздочку, сержант со злостью метнул её обратно, но ни в кого не попал.

По конечности разлился странный зуд, она онемела и повисла плетью. Чувствуя, как земля уходит из-под ног Колин зарычал озлобленным хищником и метнул в воина Храма огненный шар. Жуткий вопль возвестил о попадании, и уже падая, он поразил второго.

Зрение пропало, в голове нарастал шум, но сержант сопротивлялся изо всех сил. Вдруг одурманенную голову пронзила шальная мысль и, следуя интуиции, он позволил ей завладеть сознанием.

Как и в тот день, когда у них увели коней, он обратился к внутреннему взору и создал ментальный щуп. Метнув его в левую руку, сержант с удивлением понял, что ничего серьёзного не произошло, а то, что его отравило лишь усыпляющее зелье. Неимоверным усилием воли Колин заставил кровь бежать к открытой ране и с облегчением ощутил, как дурман покидает тело.

Шум в голове вытиснился звоном оружия и Колин открыл глаза. Взгляд упёрся в тело с прожжённым брюхом. Он поднялся и оценил обстановку. Скахет бьётся с командиром трезубца, остальные неподвижно лежат на земле.

В движениях сражающихся чувствовалась усталость, и Колин решил помочь другу. Он выхватил кинжал и молниеносным движением отправил в полёт. Клинок ударил командира в наплечник и тот пошатнулся. Скахет рванулся нанести сокрушающий удар и слишком поздно понял, что потеря равновесия была ловушкой.

Изогнувшись, воин в чёрном нанёс удар снизу. Меч мягко вошёл в бок и Скахет дёрнулся назад. Боль пронзила его раскалённым прутом. В глазах стало темнеть, и он понял, что сейчас умрёт. Ненависть придала сил. Не думая больше об опасности, он бросился на противника, рукой отбросил в сторону меч, и что было сил ударил клинком в основание шеи.

Воин в чёрном коротко вскрикнул. Глаза широко раскрылись, он замер словно в величайшем удивлении, выронил меч и медленно рухнул на землю. Под телом стала расплываться тёмная лужа.

Стараясь не замечать боли, Скахет огляделся. Сознание помутилось, но он держался, понимая, что нужно добить раненых. Вдруг побелев, словно простыня монахини, воин схватился за кровотокающий бок и взглянул на Колина.

— Ты как, дружище? — с нотками ужаса спросил сержант.

— Порядок, — улыбнулся Скахет, и потерял сознание.

Колин рухнул на колени. От безудержной злости хотелось грызть землю. Сначала Векти, теперь Скахет... Скольких друзей он ещё потеряет? Вяло шевельнулась мысль о судьбе, но была жестоко подавлена. Колин не из тех глупцов, что верят в слепой рок. Каждый сам творец своей судьбы. И если сейчас он не поможет другу, в том будет виновата не судьба, а лично Колин Мак-Стайн!

Недолго думая сержант обратился к внутреннему взору. Лёгкий мысленный импульс и ладони засветились готовой к делу энергией. Руки легли поверх раны, и Колин скользнул внутрь. Тело Скахета выгнуло дугой, и сержант отпрянул. Не так...

Вновь ладони на рану, ментальный щуп наготове. Медленно, не торопясь, сантиметр за сантиметром проникаем вглубь разреза. Кровь почти не сочится и это нехорошо. Колин хотя и не хирург, но знания о внутреннем кровотечении имеет. Повреждены органы и прежде чем приступать к лечению, нужно выяснить какие. Кончик ментального щупа скрывается в глубине раны, и тело воина выгибает с новой силой. На губах выступает розовая пена.

Так не пойдёт. Нужен кто-то более опытный, но где ж его взять посреди леса?

«Один раз у меня получилось, получится и теперь, — зло подумал Колин. — Что я с простым разрезом не справлюсь?»

«Где ты видишь простой разрез, дубина?! — осадил сержанта внутренний голос. — Прежде чем лечить Скахета, нужно выяснить, что с ним. А ты этого не можешь».

«Но если ничего не делать, он умрёт», — сержант сам не заметил, как вступил в спор со здравым смыслом.

«Умрёт...»

В мозгу ещё не улеглось эхо последней мысли, а Колин уже вновь обратился к внутреннему взору. И вдруг увидел ауру раненого. Думать, как это у него получилось было некогда, так как из дыры в биополе с каждым вдохом вырывались радужные сгустки. Каким-то шестым чувством сержант ощутил, что таким образом из Скахета вытекает жизненная энергия. Он решил залатать эту прореху.

Словно опытный портной Колин стал пронизывать ауру друга ментальным жгутиком. Стежок за стежком и — о чудо! — прямо на глазах прореха начала уменьшаться. Когда от дыры не осталось и следа, сержант влил часть собственной энергии в восстановленную ауру и с протяжным стоном отвалился от тела. Прилив энергии благотворно повлиял на раненого — щёки покрыл румянец, дыхание выровнялось.

— По крайней мере, Скахет больше не умирает, — устало произнёс сержант. — Буду так же подпитывать пока не найдём нормального лекаря.

Он достал флягу и отёр рану влажной тряпицей. Затем туго перевязал и сам надолго припал к горлышку. Последними каплями смочил лицо, взял топор и направился к деревьям. Срубил четыре длинные прямые ветки и уже через час стал обладателем носилок сооружённых из запасных штанов и куртки.

Перед тем как отправиться в путь Колин решил подкрепиться, но только достал из сумки свёрток с остатками мяса, как на периферии зрения возникло шевеление. Он схватился за кинжал, но кто-то сильный сбил его с ног.

— Лучше не сопротивляйся, маг! — в кадык упёрлось острое лезвие. — Лежи смирно!

Воин в чёрном достал из складки на одежде тонкую прочную верёвку и принялся туго вязать руки.

Колин не сопротивлялся. Он в любой момент мог напитать ладони энергией и сжечь не только путы, но и храмовника. Мог, но не хотел. Наконец-то выпал шанс выяснить, зачем он понадобился загадочному Храму и единственное, о чём думал сержант, как одолеть противника не прибегая к огню.

«А что представляет собой огонь? — родился в голове вопрос и тут же появился ответ — горящий воздух. — А если не поджигать?»

Воин Храма затянул последний узел, поднялся и вдруг почувствовал неладное, но было поздно. В тело врезался тугой ком уплотнившегося воздуха и человека просто-напросто смело. Колин дотянулся до кинжала, разрезал путы, сел и с досадой сплюнул. Храмовника с такой силой ударило о ствол, что он сложился пополам.

Сержант прошёлся по месту схватки, собрал оружие и упаковал с остальными вещами. Затем собрался перенести Скахета на носилки, но вдруг услышал стон. Выхватив кинжал, он насторожился и повёл взглядом. Один из воинов, что лежал без движения зашевелился. Теперь-то он своего шанса не упустит!

С этой мыслью Колин подскочил к наёмнику и пнул сапогом по рёбрам. Воин со стоном перевернулся, а сержант прыгнул ему на грудь. Лезвие прижалось к горлу и от гаденького чувства мести сердце возликовало. Взяв себя в руки, сержант загнал эмоции поглубже и прорычал, разделяя слова:

— Зачем... я... нужен... Храму?!

Воин промычал что-то нечленораздельное и Колин добавил кулаком в скулу.

— Почему ваш Храм за мной охотится?! Отвечай!!! Ну!

Ответа не последовало, и сержант сдёрнул с лица глухую полумаску. И обомлел. Под ней оказалось симпатичное лицо молодой девушки. На миг рука у горла расслабилась, но лишь на миг. Рядом лежал раненый друг.

— Ты кто такая?!

— Будто сам не видишь?

От глубокого грудного голоса, так не сочетающегося со смуглым миловидным личиком, по спине пробежало стадо муравьёв. Вопросы моментально выветрились.

«Соберись! — сержант дал себе мысленную пощёчину. — Это тренированный убийца, а не смазливая студентка!»

Подействовало. Рука вновь окрепла.

— Отвечай, зачем я нужен Храму?!

Он подкрепил слова звонкой пощёчиной. Голова девушки дёрнулась, но пухлые губы скривились в презрительную усмешку.

— Ты всегда так поступаешь с женщинами?

Бессовестные глаза, такие же зелёные и переливчатые, как морская волна в яркий летний полдень откровенно смеялись. Это только сильнее раззадорило сержанта.

— Да пошла... Какая ты, к чёрту, женщина?! — он пошевелил лезвием у горла. — У меня нет времени на беседы! Или ответишь, или...

Колин на секунду отвёл взгляд и тут же получил удар в кадык. Неизвестно как ей это удалось но, вывернувшись из-под кинжала, наёмница нанесла удар из неудобного положения. Сержант схватился за горло и зашёлся в кашле. Оттолкнув его, девушка метнулась за оружием, но тут же покатила по земле с кинжалом в бедре.

— Тварь! — Колин навалился на неё всем весом.

Рукоять сама легла в ладонь, и он пошевелил лезвием в ране. Раздался вопль, глаза наёмницы стали закатываться. Видя, что она вот-вот потеряет сознание Колин выдернул оружие и отвесил звонкую оплеуху. Помогло. Осознанность вернулась в её глаза.

— Ещё такая выходка и я тебя зарежу!

— Так чего медлишь? Я всё равно ничего не скажу.

— Достаточно смертей для сегодняшнего дня! — Колин поднялся и выставил окровавленное лезвие перед собой. Наёмница попыталась сесть, но сержант пригрозил ей остриём.

— Если я не перевяжу рану, потеряю сознание.

— Сейчас что-нибудь придумаем.

Убивать девушку Колин не собирался, но и отпустить не мог. Как назло никаких вариантов в голову не лезло. Для начала он решил её связать.

— Давай-ка без глупостей, — сержант зажёг над ладонью огненный шар и навис над девушкой.

В её глазах промелькнул ужас, но Колин этого не заметил. На миг им овладел дикий, первобытный восторг могучего самца возвышающегося над поверженной добычей. Но лишь на миг. Цивилизованный человек возобладал-таки над инстинктами, и сержант накрыл рану ладонью.

— Спасибо, — прошептала наёмница, когда от раны не осталось следа.

Сержант почувствовал себя неловко и одёрнул руку, словно ошпарил. Поднялся и указал на ближайшее дерево:

— Давай-ка, топай туда.

Девушка без сопротивления повиновалась. Подхватив верёвку, которой его связывали, Колин приказал:

— Вытяни руки.

Потуже стянув её запястья, он привязал концы к толстому корню и выудил из сумки флягу. Девушка жадно облизнула губы. Сержант сделал долгий глоток и поинтересовался:

— Будешь? — та кивнула.

Колин отдал ей флягу, а сам подпитал ауру Скахета энергией и принялся увязывать вещи в единый тюк. Пленница молча следила за ним, но когда сержант взвалил на себя узел с вещами и стал приноравливаться к носилкам, насмешливо бросила:

— Далек ты так не уйдёшь.

— Буду отдыхать чаще, — отгрызнулся Колин.

Ухватившись за изголовье носилок, он со скоростью бешеной черепахи потащился по тропе. Через полчаса — час силы иссякнут, но другого выхода нет.

— Неужели ты меня так оставишь?! — раздался за спиной голос, но Колин даже не оглянулся.

— Здесь же дикие звери!!!

Да, ему было жалко, хотелось вернуться и отвязать девушку, но друг, лежащий в бессознательном состоянии на хлипких носилках, не давал забыть кто она.

— Развяжи и я помогу дотащить его до деревни!

«А вот это интересно», — подумал сержант.

Он аккуратно опустил носилки, сбросил вещи на землю и вернулся к пленнице. Та протянула руки, но Колин и не подумал её развязывать. Он забрал флягу и пошёл обратно. С минуту девушка молчала, но наконец, сдалась.

— Пожалуйста, вернись!!! Я не хочу умирать от лап зверья!

Неужели в её голосе прозвучали эмоции? Сержант присел рядом, зажёг на ладони огонёк и холодно произнёс:

— Пойдёшь спереди, чтобы я тебя видел, — наёмница послушно кивнула.

Колин погасил огонь, молча извлёк кинжал и перерезал путы. Оружие прятать не стал. Разогнав кровь в онемевших запястьях, девушка посмотрела на сержанта и спросила:

— Руки не подашь?

— Ещё раз напоминаю — без фокусов. Хотя и не в моих правилах убивать девушек, но если что... — он многозначительно замолчал.

***

— Что произошло во время схватки? Почему ты была без сознания?

Сержант с наёмницей сидели у костра и жевали остатки вяленого мяса. Скахет всё так же лежал на носилках, а неподалёку виднелся выход из леса.

Когда стемнело Айса (так звали девушку) предложила переночевать на опушке — до деревни было ещё далеко, а идти в темноте не было смысла. Сержант взвесил все «за» и «против» и пришёл к выводу, что в её словах есть резон. Вот только сон пока она рядом в его планы не входил.

— Не знаю. Меня словно невидимым молотом стукнуло. Я потеряла сознание, а очнулась когда ты рубил ветки на волокуши.

— Понятно, — протянул сержант, хотя на самом деле вопросов прибавилось.

После того как с едой было покончено он сел рядом с носилками и задумался. Даже невооружённого взгляда хватило, чтобы понять — Скахету хуже. Нужно что-то предпринять и как можно скорее, иначе даже с энергетической подпиткой воин умрёт.

«Как же узнать, что происходит у него внутри?»

— О чем задумался?

— Думаю, как ему помочь, — ответил сержант машинально подпитав ауру друга. Девушка проследила за его действиями и без тени иронии произнесла:

— Я же вижу что тебе нужно в Астрал. Делай то, что должен, а я послежу за костром.

— Чтобы ты нас обоих того, — сержант провёл ребром ладони по горлу, — и поминай, как звали? Нет уж, спасибо!

После некоторых раздумий наёмница спросила:

— Хочешь, я присягну тебе на верность?

— Присягнёшь? — усмехнулся Колин. — Много ли правды в словах той, что хотела тебя убить?

— Но ты же маг! — искренне удивилась Айса. — Ты без труда различишь, солгала я или нет.

— Да-да, различу, — кивнул сержант, а сам подумал:

«Знать бы ещё, как это сделать. Хотя возможно это и есть выход из сложившейся ситуации. Пускай поклянется, а там видно будет».

А вслух сказал:

— Хорошо, если после этого ты не будешь пытаться нас убить я приму твою присягу.

— Тогда мне нужен мой меч, — серьёзно произнесла Айса.

— Вот уж нет, — возразил Колин. — Ищи дурака.

— Пойми, воин Храма приносит присягу на собственном оружии и никак иначе. По-другому слова просто-напросто не возымеют силы.

— И ты думаешь, я в это поверю? Либо так, либо всё останется по-прежнему.

— Тебе придётся мне поверить, иначе твой друг умрёт.

— Хорошо, — сержант решительно поднялся и достал свёрток с оружием. В конце концов, ему никто не помешает воспользоваться магией.

— Который твой? — он разложил мечи на земле подальше от связанной девушки.

— Там на гарде должно быть клеймо в виде семилистника.

После недолгих поисков искомый клинок был найден. Колин подошёл к связанной наёмнице и зажёл на ладони огонь.

— Учти, как бы ты ни была быстра, мой огонёк всё равно быстрее, — он воткнул меч в землю и отступил на пару шагов.

Айса не спешила хвататься за оружие. Она провела связанными запястьями вдоль лезвия и разрезанные путы пали к её коленям. Не вставая, девушка выдернула меч, перехватила его второй рукой и протянула вперёд, словно хотела отдать сержанту. Голова её склонилась, и взгляд устремился в землю. Не успел Колин удивиться, как Айса заговорила на незнакомом наречии.

Под сенью ночного леса звучали наполненные неведомой силой слова, а сержант пытался сообразить, как в этом речитативе различить ложь. Определённо эмоции должны отражаться в ауре, но как её увидеть — вот в чём вопрос. Ведь если это ловушка, то стоит отвлечься и локоть чёрной стали тут же войдёт ему в живот.

И тут, словно пелена спала с глаз. Будто чья-то невидимая рука одела на глаза очки с яркими стёклами. Он отчётливо увидел ауру коленопреклонённой девушки и понял, она действительно не лжёт. Не может лгать такая белая с пурпурными переливами аура как у неё.

Раз, и сержант снова видит обычным зрением. Лёгкое усилие и её аура вновь перед глазами. Сам того не ведая Колин открыл в себе новое свойство.

«Надо отметить, весьма полезное», — подумал он с гордостью.

Тем временем Айса закончила клятву и подняла голову. Их глаза встретились, и сержанту на миг показалось, будто в них промелькнул зелёный огонь. Он моргнул. Нет, всего лишь отблеск костра.

— Теперь ты мне веришь?

— Верю, — серьёзно ответил Колин и вдруг понял, что до сих пор держит огонь на ладони. Он смущённо встряхнул кистью и протянул Айсе флягу. Та благодарно кивнула и припала к горлышку.

— Что это за язык?

Айса вернула флягу и с какой-то тенью печали ответила:

— Это язык моей родины. Там, откуда я родом подобную клятву приносят весты, когда

вступают в личную охрану правителя. Это очень почётная должность. Мой отец был вестом... пока его не убили.

— Расскажи, — невольно вырвалось у сержанта, и он тут же прикусил язык.

Девушка пристально посмотрела ему в глаза и спросила:

— Тебе действительно интересна моя история?

Колин кивнул.

— Что ж... — Айса откинулась на ствол дерева и устремила взор куда-то вдаль. — Я родилась за Пограничным Кряжем в богатом Ветамисе. С самого рождения отец готовился стать вестом, и когда мне исполнилось шесть, принёс присягу. В честь этого события правитель с обновлённой охраной отправился в прогулочное плавание. Отец взял меня с собой. Помню, я с восторгом наблюдала за пляской солнечного света в брызгах волн. А потом на корабль напали пираты. Если бы не маг, что оказался среди них мы бы отбились. Но как ни хороши весты, они не способны противостоять магии. Я притаилась за шлюпкой и сквозь слёзы смотрела, как гибнут воины. Но когда маг стал жечь моего отца, я не выдержала и бросилась на него с ножом. Мне даже удалось порезать ему плечо, но и только. Никогда не забуду его взгляда полного чёрной злобы. Он прошипел: «Кровь за кровь» и хотел перерезать мне горло, но вмешался капитан. Маг уступил, но выжег на моём плече клеймо — семилистник. Такой же я выбила на гарде в знак мести.

— А как ты попала в Храм?

— Как и сказал капитан в Марире за меня дали отличную цену, и я оказалась в Нефлисе у богатого торговца коврами. Этот жирдяй вознамерился воспитать меня своей наложницей, но не тут-то было. Сбежала в первую же ночь. Огрела слугу глиняным кувшином с молоком и очутилась на улицах незнакомого города. Долго бежала прочь пока не выбилась из сил. Так и уснула под каким-то забором. А наутро меня обнаружила стража. Не знаю, как бы сложилась моя судьба, будь то обычные стражи, но мне посчастливилось попасть к воинам, что осели в Заозерье после обучения в Храме. Один из них — Самер — отвёл меня домой и выслушал мою историю. Он спросил, чего я хочу, а я ответила, что хочу научиться убивать. Через несколько дней Самер передал меня какому-то человеку в порту. Так я оказалась в Храме.

Слова были пропитаны такой безграничной тоской, что Колину захотелось прижать девушку и утешить. Злясь на себя за эту слабость, он буркнул:

— Спасибо за историю. Ложись-ка спать, — и, отняв у наёмницы меч, уселся рядом с другом.

Девушка гневно сверкнула глазами, но вспомнила о присяге и надула губы. Демонстративно повернувшись к нему спиной, она закрыла глаза и погрузилась в сон. В Храме учили засыпать, когда нужно.

Колин стал разглядывать её ауру. Через некоторое время ему показалось, будто цвета несколько поблелили и стали прозрачнее. Он окликнул наёмницу, но та даже не шелохнулась. В ауре так же не произошло никаких изменений. Ещё раз, отметив, что новое свойство весьма полезно Колин, наконец, решил заняться другом.

Из головы не шли слова Айсы о том, что ему нужно в Астрал. Зачем? Как это поможет Скахету? Хотя попробовать стоит.

Как и в прошлый раз, яркая точка заполнила собой всё вокруг, и после лёгкого головокружения сержант очутился в Астрале. И тут же поражённо выдохнул — рядом лежал Скахет. Каким-то непостижимым образом удалось протащить искру его сознания вслед за

своей. Сержант очень бы удивился, если бы ему сообщили, что подобное не удавалось никому со времён падения империи Схетхе. Но просветить неуча было некому.

Беглый осмотр раздосадовал. Тело продолжало сочиться разноцветными ниточками, которые образовывали над воином радужный фон. Жизненная сила неумолимо покидала Скахета. Колин задумался.

— Что же делать? Как остановить поток энергии? Может как-то изолировать? — и тут его словно молнией ударило. — Ну конечно!!! Так же как я изолировал собственную силу. Должно получиться.

Он напил ладони энергией и принялся водить над другом. Нити всколыхнулись и разлетелись радужным туманом, но это сержанта не остановило. Наоборот он ускорился, и руки замелькали, словно челноки в швейном станке. Эффект не заставил долго ждать. Тело воина начало покрываться молочной дымкой, которая становилась всё плотнее и плотнее.

Когда контур замкнулся Колин едва дыша, отвалился от друга. Ощущение было, будто его выжали как какой-нибудь плод. Затем собрали остатки и выжали ещё раз. Но игра стоила свеч. Замкнувшись, молочный кокон стал прозрачен как капля росы, и лишь радужные всполохи, бьющиеся в него изнутри, напоминали о проделанной работе.

«Проще простого», — вяло подумал сержант и отключился...

Когда он открыл глаза, отовсюду лился мягкий розоватый свет, а небо над головой шевелилось. Так и лежал, пытаясь понять Астрал это или реальный мир пока ветер не донёс запах жареного мяса и заунывную песню. Сержант огляделся.

Айса сидела у костра, пятернёй расчёсывала густые рыжие волосы и пела на незнакомом языке. Скахет лежал на носилках, а над огнём румянился какой-то зверёк.

Колин осмотрел ауру друга, и едва не закричал от восторга. У него получилось — Скахет больше не умирает! Теперь его жизненная энергия отражается от прозрачного купола и возвращается обратно, подпитывая саму себя.

В ночи прозвучали последние аккорды и Колин поинтересовался:

— Долго я спал?

Айса вздрогнула, но оборачиваться не стала.

— Весь день, — сказала она. — Если так дальше пойдёт, то до деревни Скахета мы не дотащим.

— Я в порядке, — соврал сержант. От упадка сил кружилась голова и пошатывало. Он подошёл к костру и сел с противоположной стороны. — Утром выдвигаемся.

Наёмница пожала плечами, дотянулась до жарящегося мяса и отрезала пробный ломтик. Колин заметил ножны на её поясе.

— Откуда кинжал?

— Взяла в сумке. Ты против?

Он не нашёлся что ответить. Действительно, против ли? Ведь пока он был в отключке, наёмница могла прирезать Скахета, а его спеленать. Выходит клятва действительно сдерживает. Придя к такому умозаключению, сержант равнодушно пожал плечами.

— Не против. Расскажи о вчерашней ночи.

— А что ты сам помнишь?

— Я был в Астрале и пытался помочь Скахету. А потом отключился...

— Отключился?! В Астрале?! Ты в своём уме?! — Айса настолько искренне изумилась, что Колину невольно стало стыдно за своё невежество.

— А в чём проблема?

— Проблема?! Это ты меня спрашиваешь, в чём проблема?! Даже мне, воспитаннице Храма, известно первое правило при работе с Астралом!!! Да откуда ты вообще такой взялся?!

— Не ори! — Колин повысил голос и Айса осеклась. — Можешь внятно объяснить, что произошло?

— Когда я проснулась, ты лежал на земле и бился в конвульсиях. Попыталась привести тебя в чувства, но ничего не вышло. Если б знала, что ты отключился в Астрале, плюнула бы и не старалась. Но потом ты вдруг сел, открыл глаза, пробормотал что-то непонятное и уснул.

— Да что не так-то?!

— Любой маг знает, потеря сознания в Астрале — верная смерть. Астрал просто-напросто тебя «выпьёт». О чём ты только думал?!

— Хм... спасибо, буду знать, — смутился Колин. — А откуда тебе это известно?

— Забыл, кому я мечтаю отомстить? Я много чего знаю о магах, — последняя фраза была полна презрения, и Колин решил сменить тему.

— Кого ты там жаришь?

Наёмница надрезала тушку, удовлетворённо хмыкнула и, отломив заднюю лапу, протянула Колину.

— Это лесной лиман. Мне удалось подманить его, пока ты спал. Угощайся, — Колин благодарно кивнул и с жадностью впился в сочное мясо.

Ели молча. Когда от зверька почти ничего не осталось, Айса завернула несколько кусков в тряпку и сказала:

— Оставим на завтрак, — в ответ сержант промычал что-то сквозь набитый рот, явно давая понять, что съел бы ещё, но девушка была непреклонна. — Скоро захочешь пить, а воды осталось на глоток. Давай лучше спать.

Она подтащила вторую сумку ближе к костру и использовала её вместо подушки.

— Я уже выспался, — пробурчал Колин недовольный тем, что у него отобрали еду.

Жрать хотелось аж вой, видимо сказывалось энергетическое истощение. Он подошёл к лежащей девушке и выхватил из-под неё свою сумку. Айса прошипела в его адрес пару ругательств на родном языке, но всё же смиренно дождалась, пока Колин найдёт полоски мяса.

Ночи становились холоднее и, укрывшись курткой, сержант привалился к дереву. Не давал покоя вопрос: «Помогут ли Скахету в Сионе?». Но он то и дело гнал от себя предательскую мысль, что всё напрасно и нужно дать воину спокойно уйти. Пока есть хоть тень надежды, Колин друга не бросит. А если понадобится, дотащит до самого Ивокариса. Вот только выяснит, где он находится и дотащит...

Проснувшись засветло, Колин решил поупражняться с мечом. Айса ещё спала. Или делала вид, что спит. Так или иначе, он извлёк из сумки меч, отошёл на открытую площадку и принялся вспоминать уроки Скахета.

Выпад, шаг, разворот, блок. Шаг, ещё шаг, блок, контратака... Воин называл эту пляску «битвой с воображаемым противником», но в исполнении сержанта она выглядела весьма неуклюже. И всё же Колин не сдавался, продолжая наносить по несуществующему врагу импровизированные связки ударов.

Через некоторое время ему стало казаться, будто в движениях появилась некая изящность, так сказать, боевая грация, но звук аплодисментов разорвал иллюзию, словно

ветер жидкие облачка. Прислонившись к молодому деревцу Айса с ехидной ухмылкой вяло ударяла ладонью о ладонь. Колин зло опустил меч.

— Давно занимаешься? — любопытствовала девушка.

— Как проснулся, так и занимаюсь, — буркнул сержант и, сунув меч под мышку, направился к месту ночлега.

— Я серьёзно, — Айса последовала за ним. — Прости, если обидела... Просто мне казалось, будто ты неплохо владеешь мечом. Вижу что...

— Да иди ты! — Колин резко остановился и повернулся к девушке. — Куда уж мне до вашего Храма! Не нравится, можешь катиться со своей присягой!

Он презрительно сплюнул под ноги и принялся собирать вещи. Девушка почувствовала обиду. Да как он смеет?! Он ведь даже не представляет, через что ей пришлось пройти. Решительно сжала кулаки, но клятва не дала выхватить кинжал. Так и стояла, гневно буравя взглядом его спину.

Сержант закончил сборы, взвалил на себя сумки, подхватил волокуши, и даже не взглянув в её сторону, двинулся к выходу из леса. И тогда Айса приняла решение.

— Постой, давай помогу...

Глава пятнадцатая

К полудню дорога сделала небольшой поворот и вскоре показалась деревня. Вернее показался высокий частокол, коим она была огорожена. Плотнo пригнанные друг к другу толстые колья воинственно ощерились острыми зубьями. Такая защищённость была обусловлена обилием любителей лёгкой наживы в этих краях.

Деревня Серебряный Родник, несмотря на свои скромные, по местным меркам, размеры, была выстроена по образу и подобию всех поселений вольных земель и, пройдя через ворота, друзья очутились разом в самом начале главной улицы — широкой, свободной и на удивление чистой. Белые домики с разноцветными черепичными крышами придавали посёлку вид праздничный и нарядный.

Центральная улица пролегла через всё поселение и упиралась в точно такие же крепкие ворота. Аккурат посередине деревни возвышалось здание о двух этажах, к которому и подошли уставшие путники. В дверях, приветливо улыбаясь и попыхивая резной трубкой на длинном мундштуке, стоял мужчина с седыми вислыми усами. Колин и Айса не сговариваясь, опустили свою ношу.

— Светлого вам дня, добрые люди, — выпустил колечко мужчина.

— Неужели то, что мы добрые написано у нас на лицах? — ухмыльнулась наёмница.

— Коль вы с миром пришли, так и я уважу, а коли с умыслом, не обессудьте... — чинно молвил незнакомец. — Батяка мой так говорил: «Уважай человека покуда он не докажет обратное». Куда путь-то держите?

— Везём раненого друга в Сион к лекарям. Нам бы телегой, какой разжиться. Может, продаст кто?

— Может и продаст, — многозначительно попыхтел трубкой вислоусый и вдруг прищурившись, спросил: — А ты случаем не из той полудюжины, что давеча в окрестностях шастала? Уж больно одёжа твоя на ихнюю походит.

Вокруг собирались местные, преимущественно мужчины. Айса напряглась. Седоусый, конечно же, заметил её состояние, но виду не подал, предоставив возможность ответить самой. Сержант решил вмешаться. Он отстранил Айсу и вышел вперёд.

— Меня зовут Колин. Мы с другом, — движение рукой в сторону Скахета, — шли в Ивокарис. В лесу на нас напали разбойники, а те шестеро которых вы упомянули, нам помогли. Скахета тяжело ранили, и Айса вызвалась довезти его до Сиона. Буду очень признателен, если у вас найдётся телега с лошадьёю на продажу.

Некоторое время старик молчал, загадочно улыбаясь в усы и пуская дымные кольца. Когда пауза чересчур затянулась, он отступил в сторону и сделал приглашающий жест.

— Что ж, милости прошу в Серебряный Родник. Моё имя Зархи. Я здешний староста...

За широким столом староста Зархи чистил вяленую рыбину и наблюдал, как Колин с Айсой, почти не разжёвывая, поглощают горячую мясную похлёбку. Уставшие путники ели жадно, словно в последний раз, попутно макая куски хлеба в аппетитное варево. Помимо котелка с похлёбкой, на столе так же возвышался глиняный кувшин с местным пивом, но ни сержант, ни наёмница к нему так и не притронулись.

Оторвав здоровый кус балыка, седоусый закинул его в рот, наклонил кувшин и обновил пиво в стакане. Покуда гости расправлялись с едой, он успел подлить себе дважды. Наконец

сержант отвалился от стола, утёр рот тыльной стороной ладони и произнёс:

— Фух, ну и вкуснотища, — он провёл по стенке котла последним кусочком хлеба и закинул в рот. — С этим путешествием я не то, что вкус, забыл даже как пахнет варёное мясо.

Старик улыбнулся в усы и поинтересовался, оторвав полоску от рыбной тушки:

— Так что же на самом деле случилось в лесу? — Колин с Айсой переглянулись, а Зархи усмехнулся. — Да не тряситесь вы так. Я же не слепой и умею складывать. К примеру, от моего взгляда не укрылось, что ваш друг ранен мечом, тогда как лесные разбойники пользуются несколько иным оружием. Плюс ко всему его рана смертельная, но он почему-то не умер, а лежит словно замороженный. Не иначе маг потрудился. И кстати, судя по его татуировке — он, как и ты, милая дева, принадлежит Храму Теней. Я прав?

— В общем-то, да, — не стала отрицать Айса. — Но для деревенского старосты ты слишком наблюдателен. Назревает вполне закономерный вопрос — чем нам грозит твоя наблюдательность?

— Не беспокойся красавица, это всего лишь любопытство старого человека, не более. У нас в деревне порой так скучно...

— Благодарим за вкусную пищу, почтенный Зархи, но нам нужно торопиться, — Айса ни на миг не поверила в простое любопытство старика. — Что насчёт телеги?

Староста собрал кости горкой и извлёк из-за пазухи уже знакомую путникам трубку. За ней на стол лёг кожаный кисет и Зархи принялся неторопливо набивать резное жерло. Так же молча достал из масляного светильника лучину, раскурил трубку и с наслаждением затянулся.

— Я так скажу, телегу с лошадкой мы вам справим, но только завтра, — он повелительно повёл трубкой, останавливая готовую возразить наёмницу. — За ночь с вашим другом ничего не случится, а утречком сведу вас с кем нужно...

— Ты же сам видел, что у него смертельная рана! — вскинулась Айса, но Колин встал на сторону старосты.

— Он прав, Скахету сейчас ничто не угрожает, можем и переночевать. Хоть выспимся, как следует, — Зархи кивнул. — Осталось выяснить какую цену потребует хозяин, — Колин пристально взгляделся в немолодые, но цепкие глаза, обрамлённые лучиками морщин. Староста вынул трубку изо рта.

— О цене можете не беспокоиться, — молвил он. — За ночь и припасы в дорогу — серебряшка.

— Что-то дешёво, старик, — недоверчиво прищурилась Айса. — Где подвох?

— Нет никакого подвоха, милая дева. Остальную цену добьёте рассказом... Правдивым рассказом, — уточнил Зархи, вытряхнув прогоревший табак в мозолистую ладонь.

Айса хотела подняться, но сержант её остановил.

— Что ж, если настаиваешь, слушай. На самом деле те шестеро были посланы за мной и Скахетом, — Зархи кивнул, будто знал это с самого начала. — Мы их убили... Айса выжила и я её пленил... И да, я маг, — он демонстративно прищёлкнул пальцами и над ладонью затрепетал небольшой огонёк.

С минуту Зархи сидел, уставившись в центр стола и кивая каким-то мыслям. Затем спрятал трубку за пазуху и решительно поднялся.

— Моя жена приготовила две комнаты. Отдыхайте. Если захотите ещё еды, кухня там, — он указал на дверь, откуда вышла дородная женщина в голубом переднике. — Милая,

проводит наших гостей наверх...

Колин закрыл за собой дверь и осмотрелся. Комнатка на удивление оказалась уютно обставленной: справа кровать с настоящим матрасом, слева кадка с водой и широкий таз для умывания, а у окна добротный сколоченный стол с небольшим масляным светильником в центре.

Ополоснувшись, он стянул сапоги и с блаженством всунул ноги в холодную воду. Возле кадки обнаружилась жёсткая щётка и две каких-то баночки с желеобразным содержимым. Зачерпнув из каждой, сержант опустил субстанцию в воду и с удивлением понял, что это желе исполняет роль мыла. Недолго думая он вымылся сам и постирал портянки.

Погасив светильник, Колин с блаженством растянулся на матрасе на повестку оказавшимся набитым соломой. Жестковато, но всё же лучше чем спать на голой земле.

Сон никак не шёл. Проворочавшись некоторое время, сержант понял, что заснуть не удастся и спустился на первый этаж. Зархи всё так же сидел за столом в компании глиняного кувшина. Увидев сержанта, он приветливо махнул рукой.

— Э-э... почтенный Зархи, не найдётся ли вина?.. Я заплачу.

— Нет-нет, платить не нужно, — отмахнулся хозяин. — Там за дверью погреб, угощайся...

Проходя мимо комнаты Айсы, сержант на миг остановился и прислушался — спит, не спит? Вдруг дверь распахнулась и на пороге показалась наёмница со светильником в руке.

— Ты чего здесь? — она выставила огонёк перед собой.

Пламя осветило девушку и Колин невольно залюбовался. Фигурка, которая до этого скрывалась под чёрным комбинезоном, не дающим повода для фантазии, теперь была полуприкрыта воздушной сорочкой, по-видимому, любезно одолженной женой хозяина. Распушенные каштановые локоны пышной копной покрывали обнажённые плечи, а босые ступни, выглянувшие из-под длинной полы, взметнули его пульс до потолка.

— Мне не спится, составишь компанию?

Айса осмотрела его с ног до головы и несколько грубовато бросила:

— Ты не в моем вкусе...

Сержант непонимающе уставился на девушку, но тут до него дошёл смысл сказанного, и лицо залила краска. Он отмахнулся и поспешил ретироваться.

Оказавшись в комнате, плюхнулся на кровать и жадно приник к горлышку. Что это с ним? Вспотел как юнец.

Вино скользило по пищеводу до тех пор, пока желудок не наполнился теплом. Только тогда Колин осоловело растянулся на жёстком матрасе и не заметил, как подкрался сон.

Проснулся от того, что кто-то настойчиво тормозит за плечо. С трудом разлепив веки, сержант сел и тут же зажмурился от яркого луча, сверкнувшего в окне. Рядом стояла Айса. Девушка выглядела весьма свежо. Волосы были убраны в аккуратную косу, а с чёрного комбинезона исчезли следы въевшейся за время пути грязи.

— Просыпайся, — наёмница швырнула ему его одежду.

Колин проворчал что-то нечленораздельное и попытался вернуться в горизонтальное положение, но не тут-то было. Айса больно ущипнула его за плечо и скрестила руки на груди.

— Ну, мне долго ждать?

— Зачем ты вскочила в такую рань? — глаза никак не хотели открываться и сержант принялся их тереть.

Айса зачерпнула из таза воды и плеснула ему в лицо. Колин подскочил как ужаленный. Глаза, наконец, распахнулись, и только сейчас он заметил, что к поясу наёмницы приторочен её меч.

— Приводи себя в порядок, бери меч и выходи на задний двор, — тоном, не терпящим возражений, произнесла девушка.

— Это ещё зачем?

— Будем тренироваться.

— Тренироваться? — переспросил сержант. Голова отказывалась соображать.

— Да, тренироваться, — отрезала наёмница. — Меч ленивых не любит. Хочешь сродниться с клинком — маши им каждый день. Жду тебя во дворе.

Колину ничего не осталось, как привести себя в порядок и последовать за бойкой наёмницей. Ленивой походкой он вышел на задний двор и тут же был атакован. Неуловимым движением Айса выбила у него ножны и насмешливо фыркнула:

— Тоже мне воин... Соберись и не зевай!

Она сделала новый выпад, и Колин, едва успел парировать стремительное движение.

— Двигаешься, словно беременный орагр!

— Вас что в Храме одним и тем же фразам учат? — поинтересовался сержант, отбивая очередной удар. — Скажет точно так же выражался.

— Здесь как не выражайся, смысл один — тебе ещё учиться и учиться...

А затем их закружила пляска звонкой стали, и стало не до разговоров. Колин (как ему казалось) всё лучше и лучше отражал выпады наёмницы, изредка пытаясь даже составлять собственные связки. Конечно, Айса с лёгкостью их предугадывала, но одобрение в её глазах стимулировало сержанта лучше всякой похвалы.

Когда они, наконец, утомонились, одежду Колина можно было выжимать, в то время как у девушки всего лишь волосы на лбу слиплись.

На обратном пути их встретил староста со своей неизменной трубкой. Из-за его спины выглядывал какой-то мужичок с вороватыми глазами и кустиком редких волос на плешивой голове. Зархи шагнул вперёд, давая тем самым незнакомцу выйти на свет. Тот ступил во двор, нервно теребя в руках шляпу, давно потерявшую форму.

— Да не робей ты так! — староста хлопнул мужичка по плечу. — Сказал же, деньгой не обидят, — он махнул Колину с Айсой и жестом подозвал их к себе.

— Утро доброе, почтенный Зархи, — сказала Айса, вдевая меч в ремённую петлю.

Староста приветливо улыбнулся и подтолкнул незнакомца в спину.

— И тебе здоровья в новом дне, красавица. Это вот Мели Серый. Как я вчера и обещал, у него найдётся для вас и телега, и справная кляча.

— И во сколько же они нам обойдутся? — подозрительно спросил Колин изучая лицо Мели Серого. Отчего-то этот тип не вызвал у него никакого доверия.

— Уверяю, цена вас приятно удивит, — раскрыл, наконец, рот Серый и сержант убедился, что ничуть не ошибся в своей оценке. Даже голос оказался воровато-лебезящим.

— О цене поговорите, когда посмотрите, — перебил староста и указал на дверь кухни. — Жена вам в дорогу собрала...

— Да-да, сейчас.

Колин правильно истолковал намёк и вытянул из-за голенища заранее приготовленный кошелёк. Выудив пару серебряшек, протянул старосте, заметив алчный блеск в глазах Мели Серого. Зархи молча зажал в кулаке полученную плату и вошёл в дом. Серый поспешил за

ним, а Колин многозначительно посмотрел на Айсу.

— Знаешь, а ведь я совсем не умею торговаться, — озадаченно произнёс он. — Если так дальше пойдёт, то мы все деньги здесь оставим. Видела глаза этого Серого? Такой и мать родную продаст. Лучше ты с ним договаривайся.

Айса приняла протянутый кошелек и последовала за старостой. Пройдя через дом, они вышли на парадное крыльцо, где нашли свои вещи и носилки со Скахетом. Рядом стоял Зархи и пыхтел трубкой.

Мели Серого не было. Буквально через минуту он появился из-за соседнего дома, ведя в поводу серую в яблоках кобылку. Лошадь откровенно прихрамывала, а у телеги одно из задних колёс было на порядок меньше других, отчего та ехала с перекосом.

— Неужели он хочет подарить нам свой хлам? — фыркнула Айса.

Мужики, что принесли их вещи откровенно заржали, но Мели Серый ничуть не смутился. Как ни в чём не бывало, он подвёл лошадь к крыльцу и на полном серьёзе произнёс:

— С вас золотой, уважаемые...

— Это даже не смешно, — Айса скрестила руки на груди. — Назови адекватную цену, и разойдёмся.

— Вам же нужна телега? Вот она. Моя последняя цена — один золотой, — Серого, казалось, ничто не могло смутить. В предвкушении наживы он ехидно улыбался.

— Он что издевается? — девушка повернулась к старосте, но тот откровенно наслаждался происходящим. — Хорошо, десять медяков и по рукам.

— Как десять медяков?! — опешил Мели Серый. Он надеялся услышать половину, на худой конец — четверть золотого, но никак не эти гроши. — Ты что, дева, за дурака меня держишь? Золотой и никак не меньше!

— Пошли, Колин, — Айса подошла к сумкам и стала примеряться к той, что побольше. Сержант последовал её примеру, но их тут же окликнул озадаченный торговец:

— Э-э... почтенные, куда же вы? Ведь вам же нужна телега?

— За такие деньги сам на ней катайся! Мы уж как-нибудь обойдёмся. Дошли до вашей деревни и до Сиона дойдём. Спасибо за гостеприимство.

Колин принял у Айсы сумку, подхватил вторую и последовал за наёмницей потащившей волокуши к выходу из деревни. Поначалу за их спинами стояла тишина, но вдруг торговец спохватился, дёрнул лошадь за узду и поспешил вслед за путниками.

— Половина золотого! — крикнул он, но никто не обратил на него внимания. — Половина!.. Хорошо, четверть!.. Четверть, золотого! — Серый поравнялся с Айсой и заискивающе заглянул в глаза. — Четверть, госпожа... от сердца отрываю.

Наёмница аккуратно опустила волокуши и вперила в торговца суровый взгляд.

— Значит так, одна серебряная монета и точка. Либо по рукам, либо топай своей дорогой. А будешь дальше ерунду городить, клянусь бородой Единого, проткну словно жука.

Серый не нашёлся, что ответить и просто глупо разевал рот. Айса хмыкнула и подхватила носилки. Спустя десяток шагов за их спинами раздался обречённый вопль:

— Да чтоб вас гадрахи разорвали, проклятые ворюги!!!

Это уже переходило всякие границы. Сбросив ношу на землю, Колин развернулся к торговцу и зажёл огонь над правой ладонью.

— А ну повтори, что ты там сказал! — прошипел он.

Мели Серый затрясся мелкой дрожью и схватился за воротник, будто перестало хватать

кислорода.

— Я... я... я... — стал заикаться он.

— Что ты-ты? — поторопил его Колин, демонстративно переправив огненный шарик из руки в руку.

— Я всего лишь хотел сказать, что согласен на вашу цену, господин маг. Не убивайте, пожалуйста! Одна серебряная, значит одна серебряная. Это очень хорошая цена, — торговец сглотнул тугой ком не в силах отвести взгляда от жидкого пламени.

— Значит по рукам? — Колин вытянул пылающую ладонь, не без удовольствия отметив дикий ужас в глазах Мели Серого. — Айса, почтенный Мели согласен с нашей ценой.

Наёмница опустила носилки, достала из кошелья серебрушку и швырнула к ногам торговца. Тот поспешно согнулся, схватил её вместе с доброй горстью земли и, даже не отряхнув рук, поспешил восвояси.

Только сейчас Колин заметил приветливо машущего старосту, и до него дошло, что он стал орудием чужой мести. Видать этот Серый изрядно всех достал и Зархи решил его проучить. А тут так удачно маг подвернулся... Что ж на его месте сержант поступил бы точно так же.

Махнув старосте в ответ, Колин подхватил сумки и отправился вслед за удаляющейся Айсой...

***

Как ни странно, но хромающая лошадка шла ходко и шаг не сбивала. Телега тоже, хотя и была накрена, но оказалась весьма крепкой и что самое главное не тряской. В ней едва хватило места разместить Скахета с сумками и поэтому Колин держал вожжи, а девушка дремала позади, свесив ноги.

Дорога оказалась на редкость добротной — широкая, ровная, с глубокими канавами по обе стороны. Она пролегла меж невысоких холмов, на которых изредка встречались рощицы с плодовыми деревьями. Больше смотреть было не на что, и Колин вскоре начал клевать носом. Но ночевать на обочине не хотелось, и он упрямо правил дальше, выискивая место, где можно свернуть с дороги.

Когда первые звёзды нахально проткнули багровое зарево заката, такое место нашлось. От основного тракта ответвилась небольшая тропка и побежала к густой роще. Не в силах бороться со сном сержант направил лошадку туда.

— Где это мы? — сонно потянулась Айса, почувствовав, что телега остановилась.

— А кто его знает? — пожал плечами Колин и, спрыгнув с телеги, принялся разминать одеревеневшие мышцы. — Давай заночуем здесь. Всяко лучше, чем на дороге.

— Не спорю, — наёмница слезла с телеги, и пока Колин рыскал по округе в поисках сушняка, занялась лошадкой.

Когда костёр ласковым теплом развеял ночную прохладу, Айса сказала:

— Ложись-ка спать, а то на тебе лица нет. Я подежурю.

Сержант не стал спорить и благодарно растянулся на траве...

Когда первый луч Иссилы прокрался сквозь листву, Айса была уже на ногах. Она наполнила фляги в ручье, разложила снедь на тряпице и занялась тренировкой. Когда

сержант проснулся, он долго лежал, заморозённо наблюдая неповторимый танец смерти.

Айса порхала над влажной травой так легко и непринуждённо, словно сила тяготения перестала на неё действовать. Стойки молниеносно перетекали одна в другую, а клинки рассекали утренний воздух столь стремительно, что сержант видел лишь серебристые росчерки на фоне зелёной листвы.

Удар, укол, ещё удар, резкий уход вправо, и меч падает вниз, на голову невидимого противника. Разворот и рука вытягивается на неестественную длину, чтобы достать до живота нового врага. Отступ вбок, блок рубящего удара и тут же удар двумя клинками. Обратное сальто и новый танец с новым врагом.

— Ну и долго собираешься нежиться? — Айса закончила тренировку и встала над ним с обнажёнными клинками. — Давай-ка, поднимайся!

— Почему меня на дежурство не разбудила? — потягиваясь, проворчал сержант.

— Ты так сладко спал, что я не стала...

— Да ну тебя, — перебил он девушку, — подежурил бы и ничего б со мной не стало... Тем более твоя очередь держать поводья, а моя — спать позади.

Колин углубился в рощу чтобы «освежиться» и заметил за деревьями что-то странное. Закончив дела, он продрался сквозь густые кусты и оказался на краю огромного круга выложенного гладкими плитами серовато-красного цвета. И обомлел. В самом центре возвышался дольмен исполинских размеров неизвестно кем и когда сооружённый. Громадины двух вертикально поставленных плит венчала третья не менее огромная.

Сержант крикнул Айсу. Увидев арку она мазнула по ней взглядом будто видела такие каждый день и предложила позвенеть мечами.

— Успеем ещё позвенеть, — отмахнулся Колин. — Давай посмотрим поближе.

— Мне не интересно, — как-то резко ответила наёмница. Колин обернулся.

— Бывала здесь раньше?

— Нет, конечно, — поспешно ответила Айса и отвела взгляд.

— А мне думается, что бывала, — хмыкнул сержант и подошёл к каменной арке. Хотел прикоснуться к испещрённой письменами плите, но сзади раздался нервный возглас:

— Прошу, давай уйдём!

Он одёрнул руку и посмотрел на девушку. Та стояла, нервно закусив костяшку пальца.

— В чём дело? Ты чего-то боишься?

— Это арка портала, — после некоторой паузы выдавила из себя Айса.

— Знаю, и что?

— Знаешь? — удивилась девушка. — Но откуда?.. Ах да, я ведь забыла что ты маг...

— Не в этом дело, — перебил сержант. — Я о ней знаю... впрочем, не важно. Лучше скажи, что тебя так встревожило?

— Мы через неё пришли...

Части головоломки сложились и Колин протянул:

— Вот значит, как вы нас опередили...

Он вернулся к арке и дотронулся до тёплого камня. В тот же миг воздух внутри затрепетал, зарябил, а черты деревьев позади исказились, словно в кривом зеркале. Мгновение и их сменила непроглядная темнота.

— Перестань! — вскрикнула Айса, и Колин убрал руку, решив не искушать судьбу.

После того как воздух в арке стал прозрачен девушка спросила:

— Как ты это сделал?

— Фокус, — пошутил сержант, но тут же стёр улыбку увидев ужас в её глазах. — Ты чего-то боишься?

— Я боюсь Верховных Храма, — зло бросила наёмница. — Если они узнают, что я тебе присягнула, за мной самой отправят трезубец. Смерть будет долгой и мучительной.

— Зачем же тогда клялась?

— Дура потому что. Думала, мёртвой сочтут... Да что я объясняю!

Она развернулась и нырнула в густые заросли. Колин проводил её взглядом и ещё раз посмотрел в проём арки. Ничего не изменилось, и он поспешил за наёмницей...

***

— Брр, ну и погодка, — Колин поёжился.

— Это ещё что, — Айса тряхнула косой и сделала ложный выпад. Сержант последовал за её мечом и, не найдя в ожидаемом месте, повалился на раскисшую от дождя землю. — Вот настанет сезон дождей, тогда и поплачешь, — девушка легко увернулась от клинка вскочившего напарника и плашмя наподдала по заду.

— Хватит на сегодня тренировок, — Колин обиженно потёр пятую точку. — Поехали уже.

Настроение было на нуле. Мало того, что из-за начавшегося дождя ночевать пришлось под телегой, где троим едва хватило места, так ещё и на утренней тренировке весь в грязи извозился. Дождь, похоже, зарядил не на шутку.

— Может, создашь какую-нибудь защиту от дождя? — ехидно поинтересовалась Айса, пряча меч под намокшее сено. — Я слышала, маги так умеют...

Колин зыркнул на неё исподлобья, но промолчал. Как говорится, назвался магом, полезай... в смысле исполняй. Молча запрыгнув на своё место, он зло схватился за поводья и мысленно обругал хромую скотину, которой похоже было всё равно светит ли солнце или идёт дождь. В любую погоду их лошадь флегматично жевала свою жвачку...

К вечеру пейзаж, наконец, начал меняться. Бесконечные холмики сменились убранными полями с возвышающимися по периметру стогами сена, а дорога расширилась настолько, что по ней, не стесняя друг друга, смогли бы разом проехать три телеги. За полями то тут, то там пускали в вечернее небо столбики дыма невысокие хижины. Дождь прекратился, но небо так и осталось затянуто, что настроения путникам не прибавило.

Вдруг впереди показалась одинокая телега, возле которой копошился какой-то мужичок. Поравнявшись с ним, Колин осадил хромую клячу.

— Вечер добрый. Может чем помочь?

Вопрос оказался уместен, так как мужичок копошился не просто так, а в одиночку пытался нацепить на ось отвалившееся колесо. Незнакомец страдальчески посмотрел на Колина и тот соскочил на землю. Айса вылезла из шалашика, который они соорудили над Скахетом, и присоединилась к сержанту. Навалившись скопом, они легко вернули колесо на место, и мужичок сразу же вбил выскочивший клин. Устало поблагодарив путников, он запрыгнул в телегу и собрался отбыть в неизвестном направлении, но Айса его окликнула:

— Почтенный, далеко ещё до Сиона?

— Да, поди, уж не далеко, — он махнул в направлении, куда ехали путники. — Аккурат

за тем холмом дохлый трактир. От него ещё день пути...

Мужик не соврал. Когда дорога спустилась с холма, они оказались у одноэтажного строения с прохудившейся крышей и насыпью вместо крыльца.

— Ну что, заночуем здесь? — с нескрываемой иронией спросил Колин.

— По мне, так лучше под дождём, чем здесь, — Айса высунулась из-под навеса. — В этом клоповнике, поди, и кроватей-то нет.

— А вот сейчас и проверим.

Колин соскочил с телеги и решительно направился к «крыльцу». Есть кровати или нет, он лучше переночует на полу, но под крышей, чем под телегой на соломе.

Отворив скрипучую дверь, сержант оглядел пустой зал и вошёл внутрь. Картина открылась удручающая. Из всей мебели в трактире присутствовала ветхая барная стойка да такой же комод рядом с ней. То тут, то там стояли деревянные ёмкости, вероятно спасающие от протечки крыши, а гнилой пол зиял дырами.

— Действительно, дохлый, — опасаясь провалиться, Колин прошёл к стойке. — Есть кто живой?!

В ответ заскрипела дверь и из неё выглянула удивлённая рожа — назвать её лицом у сержанта язык бы не повернулся. Грязный колтун на голове, морда в саже, синяк под глазом, а во рту сплошные дыры. Довершали картину грязная рваная рубаша из ткани похожей на мешковину и такие же штаны. Человек был настолько худ, что Колин невольно поёжился. Как можно довести себя до такого состояния?

— Ты хозяин? — оборванец энергично закивал. — А что не отвечаешь? Немой что ли?

— Не ишвольте гневаша гошподин, Вашек вшё-вшё шделает, — залебезил мужичонка.

— Это ты его так напугал? — рядом появилась Айса.

— Да я только и успел, что войти да постучать по стойке, а тут это чучело...

Всё это время трактирщик трясся как лист на ветру и, выпучив глаза, переводил взгляд с Колина на Айсу.

— Да не трясись ты так, не обидим, — девушка извлекла из кошеля несколько медяков и положила на стойку. — Нам бы переночевать и немного еды... — она обвела заведение взглядом и брезгливо поморщилась. — Хотя можно и без еды.

— Шемонта дафно не фыло, — запричитал мужичок, заламывая руки. — Кшиша щещёт, фолы шовшем пшогнили.

— Ну а сеновал-то хотя бы есть? — сделала ещё одну попытку наёмница?

— Шеновал? — протянул трактирщик, воровато отводя глаза. — Шеновал ешть. Но он шгарый.

— Ничего, нам сойдёт, — уверила его Айса и вышла на улицу, оставив деньги на столе.

Завернув за угол, они увидели то, что должно было называться сеновалом и что таковым назвать было никак нельзя. Половина крыши напрочь отсутствовала, а другая держалась на честном слове. Да и сено, наверняка, водилось там лет этак сто назад. Но хлипкая крыша лучше телеги и пока окончательно не стемнело, путники поспешили устроиться под навесом...

Поутру сержант и наёмница позавтракали скудными припасами и, не заходя в трактир (ещё раз посещать это странное место желания ни у кого не возникло), выдвинулись в дорогу. Ночью дождь так и не пошёл (что не могло не радовать), но судя по количеству хмурых туч, даже ребёнок догадался бы, что это ненадолго.

Подгоняя усталую клячу и сменяя друг друга, путники правили до позднего вечера.

Обоим хотелось провести грядущую ночь в тёплых кроватях. И судьба оказалась к ним благосклонна — на закате показались высокие стены Сиона.

Стражники на воротах в столь поздний час были уже навеселе и за несколько медяков согласились рассказать, как найти дом достопочтенного мэтра Кодиса, который и являлся лучшим в Сионе целителем.

Уплатив въездную пошлину хмурому мужичку в длинном балахоне, Колин и Айса пустили лошадку по широкой улице, что вела к воротам внутреннего города. В отличие от «чёрных», ворота «белые» в этот час были уже закрыты, и сколько Колин не тарабанил в них рукоятью кинжала они так и не отворились. Зато через некоторое время открылось небольшое окошко сбоку, и сонный стражник с длинными усами зло поинтересовался:

— Ну, чего стучите?! Или законы не для вас писаны?! А ну пшли вон не то лакров[1] спущу!!!

— Уважаемый, какой из законов гостеприимства запрещает впустить уставших путников? — дружелюбно поинтересовалась Айса.

Стражник уже почти закрыл окошко, но сверкнувший в руках девушки золотой привлёк его внимание. Он жадно облизнул губы и уже менее уверенно произнёс:

— Закон для всех один — в город после заката ходу нет! — но окошко закрывать не спешил, ожидая возможных предложений.

— А мы, уважаемый стражник, никому не скажем, что ты нас впустил, — ласково проговорила наёмница, и золотой кругляш переключал в жадно протянутую морщинистую ладонь. Мужик проверил его на зуб и окошко тут же захлопнулось.

— Ну, ты молодец! — шумно прошептал сержант. — Нечего сказать, умеешь тратить деньги! В следующий раз, когда захочешь просто так...

Стук отодвигаемых запоров прервал его гневную тираду и одна из массивных створок отворилась. Из образовавшейся щели выплыл тусклый шарик масляного светильника и усатый поманил рукой.

— Ну, живо, — он отошёл в сторону, пропуская телегу, воровато оглянулся и затворил створку.

Въехав внутрь, Айса осадилась на лошадь и благодарно кивнула стражнику.

— Почтенный, найдём ли мы дом мэтра Кодиса, если поедем по этой улице?

— Найти-то найдёте, да там на вас точно лакров спустят, — усмехнулся в усы стражник.

— Отчего же? — удивилась девушка.

— Мэтр Кодис не любит, когда к нему среди ночи заявляются страждущие, — словно ребёнку растолковал усач. — Езжайте туда, — он махнул рукой направо. — За поворотом будет гостиница Склеп. Там не дорого...

Посчитав свою миссию выполненной стражник ещё раз проверил золото на кус, удовлетворённо крикнул и вернулся в сторожку.

— Что будем делать? — поинтересовался сержант.

— Ты же слышал, — пожал плечами его спутница, — к целителю уже поздно. Поехали в гостиницу.

— Что-то её название не внушает никакого доверия.

— Есть вариант получше? — выгнула бровь Айса. — Ты как хочешь, а я устала и до дрожи хочу как следует выспаться, — она щёлкнула вожжами и лошадка негодуяще фыркнула.

Гостиница Склеп, на удивление, не оправдывала своего мрачного названия.

Двухэтажный домик светло-зелёной расцветки теснился меж двух домов повыше. Из подсвеченных окон раздавалась задорная музыка, а из трубы струился уютный дымок. Подъезжая к гостинице, путники отчётливо ощутили аромат жарящегося мяса, отчего истосковавшиеся по нормальной пище желудки тут же скрутила голодная судорога.

На широком крыльце оживлённо жестикулируя и брызжа слюной, разговаривали два подвыпивших постояльца. Они были облачены в добротную кожаную одежду, и у каждого на поясе болтался длинный меч.

— Наёмники... — скривилась Айса, но больше ничего не добавила.

Протиснувшись меж пышущих винными парами солдат, путники вошли внутрь.

Вероятно гордое название «гостиница» это заведение носило лишь потому, что находилось во внутреннем городе. На самом деле никакого сходства с той, что владел Худгарад в Нефлисе Колин не заметил. Вертеп — вот первое что пришло ему голову. И судя по лицу Айсы, у неё сложилось такое же мнение.

Внутри, сдвинув два массивных стола в один, пировала дюжина солдат. Разнообразные мужчины со шрамами и без, шумно стукались объёмистыми кружками, отпуская грубые шуточки в сторону музыкантов. Со всех сторон раздавался хохот и одобрительные возгласы в поддержку особо крылатых выражений. Толстая служанка в некогда белом переднике только и успевала подносить наполненные кувшины да убирать опустевшие.

А в противоположном углу трое оборванцев — иначе не назовёшь — пыхтя и пуча от усердия глаза, выдували задорную мелодию из дудок различной величины, закреплённых на специальной подставке. Невольно заслушавшись, Колин не заметил, когда Айса прошла к стойке и завела разговор с хозяином.

— ... три медяка, — загибал пальцы конопатый толстяк, — а за отдельные комнаты по две серебряные монеты за ночь.

— По рукам, — достала кошель девушка, вполуха слушавшая долгий перечень услуг.

— За еду отдельная плата, — спохватился хозяин. — Десять медяков с носа.

— Чтоб тебя! — не выдержала Айса. — Назови же, в конце концов, полную стоимость за две комнаты и еду!

— Я же говорю, госпожа, — надул щёки толстяк, — корм для лошади — три медяка, еда для вас...

— Это я уже слышала, — раздражённо отмахнулась наёмница. — Сколько за всё?

— Это будет зависеть от того, на сколько ночей вы остановитесь...

— Нет, я его сейчас точно придушу, — Айса страдальчески закатила глаза и схватилась за рукоять кинжала.

— Сегодняшняя ночь, сколько будет стоить? — вклинился в разговор сержант.

Хозяин прикрыл глаза и, шевеля мясистыми губами, принялся складывать в уме. Наконец он озвучил сумму:

— Всего будет пять серебряных монет.

Айса собралась возмутиться, но Колин её опередил:

— Мы согласны. Расплатись, и давай уже занесём Скахета в дом.

На улице вовсю шла драка. Те двое, что оживлённо спорили, теперь методично лупцевали друг друга под одобрительные выкрики собравшихся друзей. Колин и Айса внесли бесчувственного воина в дом и разместили в одной из выделенных комнат.

Оставшись наедине со Скахетом, Колин первым делом прощупал его ауру и с

облегчением отметил, что никаких изменений не произошло. Воин всё так же продолжал пребывать в «замороженном» состоянии.

В комнате было тепло и уютно (в стенах пролегали дымоходы), и сержант разделся до штанов. Развесив портянки на сапогах, поставил сушиться у тёплой стены, а сам собрался прилечь, но в дверь постучали. Мысленно пожелав всем провалиться, Колин отодвинул засов и упёрся взглядом в грудь необъятных размеров.

— Ваш ужин, господин, — промурлыкала пышная молодая дева и протянула ему увесистый поднос.

Из головы совершенно вылетело, что Айса заказала еду в комнаты. Сержант поблагодарил и водрузил его на стол. Сдёрнул с подноса тряпицу и невольно присвистнул.

— И это всё за десять медяков?!

Привыкший за время странствий питаться скудно сержант не мог и помыслить, что человеку под силу съесть то количество еды, которое ему принесли.

Истекающий соком окорок необъятных размеров, возвышался среди половины каравая, крупной головки сыра и глубокой миски с овощной похлёбкой. Довершал натюрморт глиняный кувшин, из которого пахло чем-то хмельным.

Сглотнув выступившую слюну, Колин плюхнулся за стол, отломил ломоть ещё тёплого хлеба, обмакнул в похлёбку и закинул это дело в рот. Затем достал кинжал, отрезал здоровенный шмат мяса и, несмотря на стекающий по рукам горячий жир, стал рвать зубами.

В дверь опять постучали. Чертыхаясь сквозь набитый рот, Колин открыл и увидел на пороге Айсу. Едва не задохнувшись, проглотил то, что жевал, утёр рот ладонью и поинтересовался:

— Тебе чего?

Фраза прозвучала несколько грубо. Девушка отстранилась и как-то виновато произнесла:

— Мне принесли так много еды, что я решила, будто это нам двоим, — она демонстративно встала на цыпочки и заглянула сержанту за спину. — Вижу, что и тебя не обделили. Не буду мешать...

Колин спохватился:

— Постой, Айса. Мне одному всё равно столько не съесть. Предлагаю уничтожить то, что принесли мне, а твоё взять с собой. Что скажешь?

Девушка остановилась.

— Может, лучше съедим моё? А то у тебя немного тесновато, — она указала на Скахета.

— Согласен, — Колин утёрся полотенцем и выскочил в коридор.

Комната Айсы ничем не отличалась от его собственной. На столе стоял такой же поднос с точно таким же набором снеди. Разница заключалась лишь в напитках — сержанту принесли пиво, а Айсе, вино. Налив девушке полный стакан, Колин произнёс:

— Ну, вот мы и в Сионе, — и, отсалютовав бутылкой, надолго припал к горлышку.

Вино оказалось чересчур крепким, но Колин делал глоток за глотком, словно хотел смыть нервное напряжение, что держало последние дни. Оторвавшись, наконец, от горлышка, он почувствовал, как приятное тепло разливается по уставшему телу. То чувство когда либо спать, либо широко гулять.

Их взгляды встретились, и сержант непринуждённо откинул с её лица каштановый локон. На мгновение ладонь задержалась, и Айса прижалась к ней щекой. Всего секунда и

она отстранилась, но этого хватило, чтобы между ними проскочила искра, воспламенившая первобытный инстинкт. Колин встал рядом с девушкой и прошептал:

— Айса...

Она посмотрела на него, и больше слов не потребовалось — их губы слились в поцелуе. Поцелуй был робок, но с каждой секундой становился всё крепче и безумней. Мир замер, не в силах помешать пробудившимся чувствам. словно истосковавшиеся по воде бедуины приникли они друг к другу.

А потом была ночь полная дикой страсти, животной похоти и нежных объятий. Лёжа под беснующейся фурией, он сжимал упругую грудь; опрокидывал девушку навзничь, тяжёлыми толчками атакуя податливую плоть; целовал и нежно гладил бархатную кожу... и грубо брал её сзади.

Солнце едва озарило верхушки домов, когда выжатые до предела любовники уснули в объятиях друг друга. Так и не притронувшись к еде...

Проснувшись, Колин не сразу понял, где находится. В голове шумело, будто спал всего пару часов, но судя по свету, льющемуся из окна, это было не так. Поморгав некоторое время в потолок, он всё же решил подняться. Свесил ноги с кровати и память услужливо подсунула события минувшей ночи.

«Странно, — подумал сержант, не найдя в комнате ни одежды наёмницы, ни её оружия, — пошла тренироваться, а меня не разбудила? На неё это не похоже. Или решила не тревожить в благодарность за ночь?»

Он оделся, допил остатки вина и, ухмыляясь как сытый кот, вернулся в свою комнату.

Здесь ничего не изменилось. Скажет всё так же лежал на кровати, а на столе высилась остывшая еда. В желудке заурчало, и сержант решил позавтракать. Когда холодная снедь сыто оттопырила живот, он заметил на подушке кошель, который отдавал Айсе. Развязал тесёмки, высыпал содержимое на стол и тихо выругался. Золота изрядно поубавилось.

— Сбежала... Вот тебе и присяга.

И тут же раздался стук в дверь.

— Легка на помине, — буркнул Колин и пошёл открывать.

Вопреки ожиданиям на пороге оказалась не наёмница, а незнакомый мужчина лет пятидесяти, с седыми бакенбардами и щёгольской бородкой. Чёрный плащ с белой подкладкой широким крылом покрывал красную рубаху, а брюки с бахромой были заправлены в высокие сапоги. В руках незнакомец сжимал резную трость с набалдашником в виде какого-то зверька.

Пока сержант удивлённо разглядывал гостя, тот извлёк огромный носовой платок и шумно высморкался. Это простое действие привело Колина в чувства.

— Прощу прощения?

— Это здесь требуется моя помощь? — сухо поинтересовался незнакомец.

— А вы собственно кто?

— Целитель. Моё имя Кодис. Молодой человек, мы и дальше будем препираться в дверях или вы меня всё-таки впустите?

Он зло сощурился и, не найдя что ответить, Колин посторонился.

— Тэкс, и что тут у нас?

Кодис подошёл к кровати и оглядел воина с ног до головы. Прощупал пульс, приподнял веко, послушал дыхание.

— Простите, Кодис...

— Мастер Кодис, молодой человек! Прошу не забывать об этом, — целитель кинул на сержанта холодный взгляд, поджал губы и вернулся к осмотру.

— Простите, мастер Кодис, кто вас сюда направил? — Колин, конечно же, догадался кто, но решил услышать подтверждение из уст целителя.

— Не далее как сегодня утром в мой дом постучалась рыжеволосая девушка, заплатила стандартную цену за вызов и назвала адрес.

— Что-нибудь ещё она сказала?

— Сказала, этого человека ранили мечом, и он умирает.

— А...

— Это всё... Давайте не будем отвлекаться молодой человек. Моё время, знаете ли, не бесплатно.

— Я всё оплачу, только исцелите моего друга! Прошу вас! — Колин умоляюще посмотрел на целителя.

Кодис задумчиво потеревил бородку.

— А почему его не исцелил тот, кто поместил в Энергетический Кокон?

Сержант виновато развёл руками.

— Потому что поместить Скахета в кокон у меня получилось, но врачевать я как не умел так и не умею.

— Не смешите мои седины, молодой человек! — лекарь гневно посмотрел на Колина. — Такое под силу лишь магистру стихийной магии, а вы, судя по ауре, даже на подмастерье не тянете. Не хотите называть причину, не нужно. Но лгать... — он одёрнул полы плаща и вновь склонился над Скахетом.

Когда смотр был завершён, целитель произнёс:

— В общем, так, плата за лечение — триста золотых...

— Согласен! — поспешно выпалил Колин.

— Где ваши манеры, молодой человек? Сперва дослушайте, потом соглашайтесь. В этом клоповнике лечить не возьмусь и не просите. Раненого перевезёте ко мне. Пол золотого в день за комнату и еду. Но прежде необходимо извлечь вашего друга из Энергетического Кокона, а это занятие не из простых. Ещё сто золотых сверху...

— Я согласен, — твёрдо проговорил сержант. — Когда везти?

— Немедленно, — постукивая тростью, мастер Кодис направился к двери и Колин поспешил её перед ним распахнуть...

Дом целителя оказался настолько роскошным, что Колин мысленно позавидовал скверному магу. На миг захотелось всё бросить, осесть в Сионе и научиться врачевать, чтобы однажды выкупить у Кодиса его дом.

Въехав во двор на кривой повозке, сержант вернулся с небес на землю и бросил поводья подбежавшему слуге. Другой встретил на крыльце и проводил в одну из множества комнат, где ждал мастер Кодис. Прямо с порога целитель взял быка за рога.

— Значит так, молодой человек, половину суммы возьму сразу. Другую, когда будете покидать мой дом. Оплата за проживание раз в седмицу. Если возражений нет, приступим.

Целитель извлёк из шкафчика какие-то склянки, расставил на столе и стал смешивать содержимое в глубокой плошке. Пока он занимался зельями, слуги внесли носилки и разместили Скахета на кровати. Мастер Кодис бегло осмотрел воина, его рану и тщательно вымыл руки.

Колин с интересом наблюдал за приготовлениями, но вдруг спохватился, высыпал

содержимое кошелька на стол и отсчитал нужную сумму.

— Мастер Кодис, здесь ровно половина — сто пятьдесят золотых.

— Помнится, молодой человек, я озвучивал несколько иную цифру, — целитель с вызовом посмотрел на Колина. — Мы ведь договорились, что за извлечение вашего друга из Энергетического Кокона я возьму сотню монет сверху. Или память вас подводит?

— С памятью у меня всё в порядке, — усмехнулся сержант, — но и сотня не лишняя. Я сам извлеку Скахета из Энергетического Кокона.

Невзирая на закипающего лекаря, Колин решительно направился к кровати. Возложил руки воину на живот, закрыл глаза и буквально сразу увидел радужные всполохи, штурмующие Кокон изнутри.

С мыслью: «А что ты на это скажешь?» он сотворил в руке ментальный щуп и словно скальпелем вспорол прозрачную защиту. Поток радужных капелек тут же ринулись наружу, будто пчелы из растревоженного улья. Кокон лопнул, и тело Скахета забило в конвульсиях.

Мастер Кодис моментально включился в дело. Времени удивляться, как этой бездарии удалось подобное, не было. Он отшвырнул Колина от раненого, мощным импульсом остановил кровотечение и погрузился в рану.

Первым делом очистил внутреннюю полость от застоявшейся крови. Затем оценил состояние внутренних органов и влил где нужно жизненных сил. Воину повезло дважды — когда меч не задел ничего кроме лёгкого и когда рядом оказался тот, кто его «законсервировал».

Работать пришлось долго, ткани никак не хотели восстанавливаться. Но Кодис знал своё дело. Когда он тяжело отвалился от раненого, Скахет больше не умирал.

— Надо признаться, молодой человек, вы сумели меня удивить. До сих пор не могу поверить, что Энергетический Кокон ваших рук дело. Нет желания обучиться и практиковать под моим началом? Достойную плату гарантирую.

— Даже не знаю... — Колин не нашёлся что ответить.

— Понимаю, нужно время. Думайте... Кстати, ужин включён в плату за проживание. Я распорядюсь, чтобы его принесли прямо сюда. Спать будете здесь же, — маг указал на стоящую в другом углу не менее широкую кровать. — Утром зайду проведать вашего друга.

***

Темнота была тёплой и на удивление уютной. Где-то там, на поверхности, горел свет, дул ветер, хлопали ставни, но он всеми силами пытался удержаться в царстве покоя. Здесь почти не было боли, она спала, свернувшись клубочком в левом боку. Он не хотел её будить, но проклятое сознание упрямо выныривало из ласковых чертогов сна в тревожную явь. Очень скоро он понял, что проснулся.

Не открывая глаз, Скахет пошевелился. Под щекой обнаружилось что-то мягкое. Неужели подушка? Откуда? Воин пошарил рукой. Пушистое шерстяное одеяло, под спиной толстый матрас... Он что умер и попал на небеса?

Скахет открыл глаза, вполне серьёзно рассчитывая увидеть светлокрылых дев с мечами но, увы, взгляду предстал грубо побеленный потолок с серыми подтёками. Как ни крути, а на Чертог Славы это помещение не похоже. Значит, он всё ещё на грешной земле. Что, в общем-

то, тоже неплохо.

Взгляд нащупал стоящую рядом фигуру. Колин держал в руках большую глиняную чашку, источавшую густой мясной запах.

— Наконец-то ты очухался. Я уже начал беспокоиться.

Воин огляделся насколько можно. Комната была незнакомой — большая, богатая, с добротной деревянной мебелью. Единственное окошко не завешено, и по ту сторону царит непроглядная тьма.

— Где мы? Что это за комната? Гостиница?

— Нет...

Сержант поставил чашку на столик у кровати и потянулся к Скахету. Решительно приподнял его за плечи, подоткнул подушку выше и сунул в руки посудину.

— Давай, дружище, выпей бульон. Лучше бы тебе, конечно, поесть, но кухню ещё не топили. Если сильно захочешь, скажи, я что-нибудь принесу.

Скахет захотел. Даже очень захотел. От запаха бульона у него все кишки свернулись в спираль.

— Хлебца бы, — сказал он. Колин тут же принёс ему ломоть, и воин жадно принялся за еду.

— Как будто два дня не ел, — посетовал он. Колин рассмеялся.

— Не угадал, приятель. Ты был без сознания почти три седмицы.

— Три седмицы?!

Скахет подскочил, но резкая боль ударила в бок. Он застонал и чуть не выронил чашку. Колин поспешил поддержать друга.

— Тише ты, воитель. Не хватало ещё ошпариться для полного счастья. Ешь, давай и вали обратно спать. В твоём положении это самое лучшее.

— Да не хочу я спать! — воин шумно отхлебнул бульона. — Я себя неплохо чувствую и могу встать...

— Нельзя, рана не до конца затянулась. Подожди хотя бы до завтра, ладно?

Скахет ощупал бок. Его плотно опоясывала широкая тугая повязка.

— Ты меня заштопал?

— И да, и нет... — уклончиво ответил Колин.

— Залатал вас я, молодой человек, но если бы не ваш приятель, вы бы и до Сиона не дотянули.

В комнату вошёл целитель. Прошёл к кровати, осмотрел лицо воина, повязку, прощупал пульс и удовлетворённо кивнул. Тут до Скахета дошли его слова.

— Как в Сионе?! Когда это мы успели?

— Сколько вопросов... Не буду вам мешать, общайтесь.

Кодис был уже на пороге, когда его настиг голос воина.

— Назовите своё имя, почтенный, чтобы я смог заказать в вашу честь хвалебную песнь в храме Единого.

Целитель улыбнулся, но останавливаться не стал. Скахет удивлённо воззрился на друга.

— Кто это был?

— Целитель мастер Кодис, — пожал плечами сержант. — Мы находимся в его доме.

— Стало быть, ты на закорках дотащил меня до самого Сиона? — в то, что такое возможно верилось с трудом. — Почему не бросил?

— Хотел бросить, — Колин широко улыбнулся, — только не тебя, а твою сумку. Когда в

следующий раз решишь окочуриться, будь добр, выкинь из неё весь хлам.

Скахет рассмеялся. Смех вышел сухой, больше похожий на кашель. От него заныли ребра, а рана откликнулась противным жжением. Воин подавил убогое подобие веселья и поёрзал на подушке.

— Болит, — простонал он.

Колин озабоченно покачал головой и приложил ладонь ко лбу друга. У Скахета поднялась температура. Сержант удалился в угол за занавеску, погромел там посудой, и вскоре вернулся.

— Глотай! — велел он. Скахет с интересом уставился на деревянную площадку, в которой вяло плескалась мутная слизь отвратительного вида.

— Это? — не поверил воин. Колин кивнул.

— Что это?

— Просто зажмурься и проглоти. Зелёе собьёт жар.

Слизь оказалась на удивление мягкой и похожей на жидкий кисель. Она и пахла чем-то пряным. Через минуту по жилам разлилось блаженное тепло, желудок разгладился и воин погрузился в целебный сон.

***

Скахет с удовольствием поскрёб бинты. Рана под плотной повязкой отчаянно чесалась — верный признак того, что заживает. Попробовал встать. Голова слегка кружилась, но ноги не дрожали.

Через пару минут удалось натянуть портки. Возле умывальника нашёл новёхонькую бритву и с удовольствием соскрёб с подбородка щетину. Затем кое-как оделся — это оказалось сложнее, но он справился.

Выглянул в коридор. Справа — тупик с треугольным окошком, слева — уходящая вниз лестница. Скахет перегнулся через перила. Откуда-то снизу, доносились звуки, которых он поначалу не разобрал. Потом понял — кто-то колет дрова. Туда он и направился.

Колин стоял у раскрытого окна и дышал прохладным влажным воздухом. За окном царил пасмурный день, и небо елозило по крышам тяжёлыми свинцово-чёрными тучами. Во внутреннем дворе лекарского дома слуга укладывал под навес только что нарубленные дрова. Тут же дородная кухарка отчитывала молодого поварёнка.

Холодный порыв ветра швырнул в лицо россыпь холодных брызг. Сержант зябко поёжился и отошёл от окна. И вовремя. Первые капли, самые тяжёлые, взорвались на земле пыльными облачками. Вскоре их стало больше, они слились в сплошные струи и внутренний двор покрылся огромными зеркальными кляксами. Дождь зарядил не на шутку.

— Теперь, дружище, мы здесь застряли надолго, — Скахет подошёл к окну и, морщась от водяной взвеси, выглянул в окно.

— Почему ты так решил? — не поворачиваясь, спросил Колин.

— Сезон дождей, будь он неладен, — воин в который раз поскрёб повязку на боку.

— Полагаешь, дождь прекратится не скоро?

— Не то слово. Сперва дожди, затем снега... А если серьёзно, в путь мы отправимся весной, когда дороги подсохнут.

- И часто у вас такое? — сержант всё же обернулся и посмотрел на друга.
- Каждый год, приятель, каждый год... Привыкай...
- Да уж, привыкнешь тут...

***

На одной из террас Заоблачного замка, свесив ноги, сидел светловолосый юноша и, глядя на подёрнутые облачной дымкой очертания материка Гельд-Ир, задумчиво вертел в руках Иглу Мрака.

— Брат, ты ещё помнишь человека, что вывалился из портала, когда мы пытались использовать Снежный Сапфир? — спросил он подошедшего Хозяина Ночи.

— А, тот иномирец! — Харризис опустил рядом и так же свесил ноги. Громадные ножны гулко звякнули о древние камни. — Как же, помню, помню... А что, он где-то объявился?

— Именно что объявился, братец. Иначе и не скажешь, — Сеттиллис дунул на легендарный артефакт, и тот растворился в воздухе. — Я не единожды пытался найти его по слепку ауры, но каждый раз терпел поражение. Будто парня накрыли непроницаемым колпаком. А вчера мне это легко удалось...

— Может, теряешь сноровку? — Харризис изогнул квадратные скулы в подобие улыбки. Сеттиллис посмотрел на брата, словно видел впервые. Поднялся, отряхнул складки белоснежной тоги и, шлёпая золотистыми сандалиями, прошёл к столику о двух креслах на другом конце террасы.

Могучий воин нехотя поднялся и последовал примеру светловолосого юноши. Подхватив прозрачный графин с рубиновой жидкостью, он плюхнулся в одно из кресел и отхлебнул прямо из хрустального горлышка.

Сеттиллис дождался пока чернобровый бог уместит громадные тела в соседнем кресле, а затем продолжил:

— Найти-то нашёл, но радоваться особо нечему. Его ауру прикрывает Снежный Сапфир...

Воин в алом плаще поперхнулся и зашёлся в кашле. Сеттиллис вылез из кресла, обошёл столик и участливо постучал брата по спине. Забыв о кашле Харризис выпучил глаза. Юноша усмехнулся, выхватил из его рук графин и вернулся в кресло.

— Мне слышалось или ты действительно сказал, что его прикрывает Снежный Сапфир? — воин стряхнул с одежды рубиновые капли. — Объяснись, братец! Если нашёл камень, почему не сказал?!

— Прежде чем делать выводы может, дослушаешь? — Сеттиллис взглянул на брата из-под бровей и тот сделал вид, будто зашивает губы. — Так-то лучше... Камень я действительно нашёл, но он слился с иномирцем, благодаря чему парень стал сильным, но пока неопытным магом. Не спрашивай как такое возможно, не знаю... Знаю одно, его аура насквозь пронизана силой Снежного Сапфира, — Сеттиллис сделал небольшую паузу. — И за ним охотится Храм Теней...

Черноволосый бог вскинул брови и раздражённо повёл плечами.

— Брат, перестань выдавать информацию частями, это раздражает. При чём здесь

Храм?

— Иномирец путешествует в компании воина Храма, а в Илльском лесу на них напали трезубцы...

— Наверняка приходили за своим, — прервал воин брата. Сеттиллис скривился.

— Я так же подумал, но судя по тому, что видел, Храму нужен именно он. Мне пришлось вмешаться...

— Ты в своём уме?! — вскричал Харризис. — Брат, а как же Равновесие?! От каких катаклизмов придётся спасти мир?!

— Ничего с твоим миром не случилось, — усмехнулся светловолосый юноша. — Ну, почти ничего...

— Сетт, ты ведёшь себя словно младенец!!! — воин выскочил из кресла и принялся мерять террасу шагами. Когда ему это надоело он навис над братом. — Рассказывай, чего уж теперь.

— Уверяю, миру моя помощь никак не навредила. Я всего лишь оглушил пару воинов...

— Сеттиллис!!! — рыкнул Хозяина Ночи.

— Ладно, остынь, — светловолосый юноша начал раздражаться. Ему никогда не нравилась привязанность брата к Хигиону. В отличие от Харризиса Повелитель Молний хотел лишь одного — вырваться из ловушки. — У западного склона Пограничного Кряжа случился обвал, и одна из мелких речушек изменила русло. Пойми брат, я никак не мог допустить, чтобы иномирца уволокли в Храм. Верховные легко распознают камень врат. Что из этого выйдет, не берусь даже предположить.

— Река, говоришь, изменила русло? — прищурился Харризис, пропустив последние слова мимо ушей. — А сколько при этом погибло смертных? Две, три деревни?

— Плевать! — отмахнулся Сеттиллис. — Мы как никогда близки к цели, а ты беспокоишься о кучке смертных?! Пирамиды — вот о чём действительно стоит думать.

— Бездна, брат, почему ты такой циник?!

Харризис сплюнул под ноги, вернулся в кресло и достал из-под плаща пару плодов татаки. Один швырнул юноше, а сам с удовольствием откусил от второго.

— Кстати, о пирамидах, — как ни в чём не бывало, продолжил Сеттиллис. — Заклинание я адаптировал, можешь передать Эжжилеру.

Он вскинул руку, и из ладони выпорхнуло золотистое облачко. Подлетев к Хозяину Ночи, оно пролилось в подставленную длань искрящейся монетой. Харризис спрятал её в карман и спросил:

— Когда?

— Скоро, братец. Уже скоро.

— А иномирец? Что с ним?

— Я отдал слепок его ауры своему жрецу. Как только он его найдёт, я придумаю, как извлечь силу камня...

[1] Лакр — одомашненный хищник. Похож на огромного кабана с непропорционально вытянутым телом. Используется в основном для охраны.

В далёкие смутные времена, когда Тхереса Магоубийцу пронзила Игла Мрака и его армия была отброшена за Пограничный Кряж, опасаясь возвращения Сайхиис, маги торговой империи решили надёжно запечатать проход в горах. Почти десяток лет непрерывно кипела работа и наконец, Крепость Заат-Гир раскинула исполинские стены между восточным склоном Пограничного Кряжа и Южной Грядой.

Вначале её гарнизон насчитывал едва ли не тысячу человек, большинство из которых составляли маги различных ступеней обучения. Но с годами жизнь в торговой империи наладилась, Сайхиис так и не объявился, и было решено сократить службу до трёх десятков дюжин. Сегодня Заат-Гир охраняет едва ли сотня воинов, не имеющих к магическому ремеслу никакого отношения...

Когда Себелиус отправлял мастера Малора в крепость, он прекрасно понимал, что восстановить былую мощь мрачной обветшавшей громадины уже не удастся. Так же как кучке магов не удастся противостоять Сайхиис. Поэтому он отдал другой приказ — в короткие сроки обучить молодых магов. И горячий, но исполнительный Малора сразу же по прибытии принялся гонять будущих боевиков в рейды.

Это был ничем не примечательный зимний день. Маги отправились в один из таких рейдов, а гарнизон крепости, как водится, собрался в центральной зале и празднично проводил время. На посту оставались лишь дозорные.

На высокой стене над воротами со стороны торговой империи несли вахту двое — седовласый старик с горбатой спиной и молодой паренёк только-только прошедший обучение на стражника. Говорить на таком морозе, значит бесцельно тратить припасённое тепло. Поэтому они вплотную придвинулись к костру и молча пялились в огонь, ожидая смены караула.

Вдруг молодой встрепенулся, приставил ладонь на манер козырька и стал всматриваться в снежную даль. Через некоторое время он возбуждённо закричал:

— Дядька Тисс, похоже, к нам кто-то едет!!!

Старик повёл подслеповатыми глазами, но в молочной мгле ничего разглядеть не смог.

— Окстись, пацан, — проскрипел он недовольно, — кому тут шастать в такую погоду?

Но паренёк не унимался.

— Да точно говорю, всадник!!!

Возбуждение молодого стражника было понятно. Каждый новый день в крепости походил на предыдущий. А так хоть что-то новое в этом ледяном болоте. Поэтому он прыгнул в широкую бойницу и закричал:

— Эй, на лошади!!! Назовись!!!

Ответа не последовало. Прядая замёрзшими ушами, кляча медленно двигалась по заснеженной равнине. Вдруг всадник накренился и грузно повалился в снег. Почувствовав облегчение, лошадь встала как вкопанная.

— Дядька Тисс! Дядька Тисс! Там всадник с лошади упал! Он, наверное, до смерти замёрз. Пошли, поглядим!

— А ну усядься, малец!!! — прикрикнул на него старик. — Ишь, чего удумал! Забыл, для чего мы здесь? Передай сигнал вниз и сиди ровно!

Парень потупился, но задорный огонёк в глазах не угас. Пусть не сейчас, но после смены он всё равно поближе рассмотрит мертвяка.

Предвкушая развлечение, юноша дважды дунул в рог. Через некоторое время во внутреннем дворе появились люди.

— Эй, на стене!!! Чего зазря трубите?!

Парень перегнулся через парапет и закричал:

— И ничего не зазря! За воротами какой-то всадник с лошади свалился! Наверно замёрз и помер! Проверьте!

— Я вот сейчас поднимусь, паря, да всыплю тебе как следует! Вы там что, перепились с мороза?!

— Рвач, ты, что ль там?! — рядом с юношей встал пожилой напарник.

— А то кто же?! — снизу донёсся хохот и отголосок шутки про пропитые мозги старого Тисса.

— Проверь за воротами, ротозей!!! — гаркнул старик. — Парень дело говорит!

***

— Итак, что за нужда привела вас в нашу обитель?

Комендант крепости Заат-Гир — человек с мощными скулами и застарелым шрамом пересёкшим лицо от брови до подбородка откинулся в деревянном кресле и шумно отхлебнул горячего вина с травами.

Напротив сидел прибывший вчера человек, едва не снискавший погибель у самых ворот крепости. Несмотря на то, что его незамедлительно поместили в отопленную купальню и растёрли чем-то жгучим, руки путника до сих пор подрагивали.

— Моё имя Веир, — бывший наёмник отставил опустевший стакан и протянул ладони ближе к камину. — Раньше я ходил с караванами, теперь вот подрабатываю посыльным...

— Жажду подробностей, — комендант Катсим широко улыбнулся, отчего шрам на его щеке шевельнулся, словно розовый червяк. — В этом ледяном омуте лишь разговор может скрасить скуку.

— Долгое время я служил начальником охраны у одного караванщика пока тот не погиб. Перед смертью он отрекомендовал меня своему брату... Валиф, если знаете. Держит таверну близ Ивокариса, — Катсим многозначительно кивнул. — Оказалось, он состоит на службе у Магического Совета. По мне так хоть у самого Харризиса лишь бы платил позвонче, — Веир развёл руками. — Не знаю, что да как, но Архимагу приспичило доставить какие-то письма в Заат-Гир. А я что? Я согласился.

— И что же это за письма, любезный Веир?

Комендант крепости хотя и улыбался, но внутренне был напряжён словно тетива. Что, в общем-то, не удивительно. Именно мнительность помогла ему так долго продержаться на этой должности. Он нутром чувствовал, что гость странный, но пока держал сомнения при себе.

— Увы, этого я не знаю, — Веир виновато улыбнулся, давая понять, что он-де пешка в руках магов. — Прикажите принести мою седельную сумку, и я их продемонстрирую.

Комендант Катсим молча поднялся, распахнул тяжёлую дверь и перекинулся парой слов

со стражником. Затем снял с крючка над камином подогретое вино и подлил гостю.

— Кому же адресовано ваше послание?

— Вам.

— Мне? — комендант высоко вскинул брови. Веиру всё же удалось его удивить. — И чего же хочет уважаемый Архимаг?

— К сожалению, мне это не известно. Я лишь посланник.

В дверь постучали. Не дожидаясь приглашения, вошёл стражник, положил у ног коменданта седельную сумку и так же молча удалился. Катсим сделал приглашающий жест.

— Прошу вас, друг мой.

Веир извлёк из сумки чёрный сундучок и поставил на столик между ними.

— Письма внутри.

— Только не говорите, что не знаете, как его открыть, — фыркнул комендант и тут же нахмурился, — не поверю...

— На сундучке лежит магическая защита, уважаемый Катсим. Мне лишь указали комбинацию, — Веир брезгливо передёрнул плечами. — Нужно последовательно нажать здесь, здесь и здесь...

Он стал указывать на некоторые элементы узора, но Катсим тут же подскочил и схватил наёмника за запястье.

— Не будем торопить события, дорогой друг!

На лице гостя отразилось недоумение. Комендант пояснил:

— С некоторых пор я не единственный кто командует крепостью. И уж если на сундуке лежит магическая защита, то сам Единый распорядился открыть его в присутствии более сведущего...

***

— Едут! Едут! — пронзительно закричал всё тот же молоденький стражник, что недавно заметил у ворот Веира. Сегодня он дежурил на другой стороне Заат-Гир в надвратной башне. И опять юноше посчастливилось первым заметить возвращающихся из рейда боевых магов.

Массивные цукваны (их держали в крепости для передвижения в зимнее время) длинной цепочкой приближались к воротам. словно корабли морскую гладь бороздили они глубокий снег. В высоких сёдлах, жёстко закреплённых ремнями, в такт поступи покачивались маги. Как один они были укутаны в чёрные шкуры арахов[1], отчего казались неповоротливыми глыбами.

Затрубил рог, ворота распахнулись, и процессия потянулась во внутренний двор. Цукванов тут же расхватили набежавшие слуги, а маги во главе с комендантом отправились отогревать кости за кружечкой-другой горячего вина...

— Он говорит, его послал Себелиус, — комендант Катсим утонул в излюбленном кресле возле жаркого камина. После рассказа мастера Малора о состоявшемся рейде, он сразу же поведал о приехавшем наёмнике.

— Проверил что в сундуке? — маг хрустнул костями и потянулся за вином.

— На сундук наложены магические скрепы. Будет лучше, если сперва ты на него

взглянешь.

— Верное решение, — чинно кивнул Малора. — Если это ловушка, скрытая от простых глаз заклинанием я сумею её распознать. Давай-ка пригласи этого... хм, наёмника.

Катсим нехотя выбрался из тёплого кресла и отдал распоряжение. Через некоторое время неторопливую беседу прервал стук в дверь. В кабинет вошёл Веир с сундучком в руках.

— Моё имя Малора, — представился маг, сверля хмурым взглядом вошедшего. — А кто ты и что делаешь в крепости?

— Меня зовут Веир. Я бывший начальник...

— Меня не интересует, чем ты занимался раньше! — перебил маг. — Я спрашиваю, зачем ты здесь?

Веир напрягся. Валиф не говорил, что в крепости будут маги и до этого момента миссия казалась пустяком.

— Я доставил письма коменданту только и всего.

Малора не отрывал взгляда от ауры наёмника. Определённо он не лжёт. Что-то не договаривает, но не лжёт.

— Это тот самый сундук? — спросил он после некоторой паузы.

— Да. Открыть?

— Не стоит. Вначале я пошлю птенца в Ивокарис, пусть Себелиус подтвердит твою миссию. А до тех пор можешь располагать гостеприимством Катсима.

Веир понял, что разговор окончен и на негнущихся ногах покинул помещение.

***

В кабинете главы Магического Совета царил кавардак.

Магистр Элкиан как всегда в безупречно белых одеждах брезгливо поморщился и вошёл внутрь. Сбылась мечта всей его жизни — он встал во главе Совета Магистров почти единогласным решением. Вот только радости отчего-то не было. Предстояло войти в курс дел, решить множество вопросов внутренней и внешней политики и много чего ещё. Как бы он не призывал Себелиуса, надо признать, дела Архимаг держал в порядке.

Элкиан взял со стола первый попавшийся лист и вчитался в педантичный подчёрк.

«Закуплено: зерна — триста телег на сумму сто тридцать золотых; овощей всяких — двести двадцать телег на сумму семьдесят золотых...»

И так во всём. Себелиус предпочитал лично разбирать накладные, сводя расходы и доходы казны. Как он говорил: «Рутина помогает сосредоточиться на более важных делах».

Элкиан отбросил документ и погрузился в кресло. Хотя брат отговаривал его, союз с главой ордена Серой Длани оказался плодотворен. Когда в совете узнали что новоиспечённый император, как говорится, плюнул Себелиусу в лицо, ему тут же припомнили кучу грешков. Не без помощи Элкиана разумеется.

Магистр улыбнулся воспоминаниям. Всё сложилось как нельзя лучше. Ну а армия? Что ж, наймём другую... Да хотя бы тех же легионеров Смера.

Вежливое покашливание оторвало нового хозяина кабинета от приятных мыслей. В дверном проёме стоял вечно опрятный помощник главы совета.

— А, Тертус! — улыбнулся Элкиан. — Входи, входи. Что-то срочное?

Ещё один удачный момент после свержения Себелиуса. Тертус сам пришёл к нему и предложил свои услуги. На вопрос о предательстве он ответил, что служит не Архимагу, а своей стране. Надо отдать должное, без него Элкиан долго бы разгребал дела империи.

— Утром из крепости Заат-Гир прилетел птенец с посланием от мастера Малора.

Элкиан кисло скривился. Что могло понадобиться архимажьему лизоблюду?

— И что в нём?

— Не имею представления, — пожал плечами Тертус и извлёк из рукава конверт. — Архимаг Себелиус доверял мне вскрывать послания. Но у вас, быть может, иные предпочтения?

— Не будем нарушать традиции, — улыбнулся новый глава совета. — Читайте, Тертус.

После того как послание Малора было зачитано, Элкиан встал, прошёлся по кабинету и задумчиво спросил:

— И что бы это значило? Я ведь не в курсе посылал Себелиус кого-то в Заат-Гир или нет. Он и Малора-то с птенцами Лесс-Скира отправил туда в обход Магического Совета...

— Как бы странно это не прозвучало, но я сам занимался этим вопросом.

— Вот как? — Элкиан с интересом посмотрел на Тертуса. — И что же таится в том загадочном сундучке?

— Ничего особенного, — пожал плечами Тертус. — Всевозможные распоряжения и несколько артефактов из личной сокровищницы Архимага.

— Из личной сокровищницы? — оживился Элкиан. — Из той, что в заклинательном покое? — кивок в сторону Зеркальной комнаты. — И что же это за артефакты?

— Не имею представления, — Тертус пожал плечами. — Себелиус сказал, что они должны усилить магическую защиту крепости.

— Ясно, — протянул магистр. — Кстати, ты часом не знаешь, как отпирается сокровищница? — Элкиан даже затаил дыхание. Пуще кресла главы совета он мечтал порыться в хранилище артефактов. Тертус вновь пожал плечами.

— Очень жаль, — магистр возвратился в кресло. — В таком случае ответь Малора как сочтёшь нужным. И не забудь упомянуть, что теперь я занимаю место его дражайшего Себелиуса. Чтобы не докучал своими посланиями.

— Будет исполнено, — Тертус поклонился и тихо растворился за дверью.

***

Минула седмица тягостного ожидания птенца со смертным приговором. На негнущихся ногах Веир вошёл в кабинет коменданта. У камина стоял огненный маг и, хмуря брови, читал какой-то свиток. Заметив гнев в его глазах, наёмник замер на пороге.

— Проклятье! — воскликнул Малора и швырнул свиток в огонь. — Пока я здесь прозябаю, этому прохвосту Элкиану удалось-таки занять место Себелиуса!

— Архимага сместили? — дремлющий в кресле комендант заметно оживился.

— Ещё бы! — Малора с хрустом сжал пальцы и вокруг кулаков вспыхнул огненный ореол. — Не будь я здесь, у него бы это так легко не вышло!

— Вернёшься в Ивокарис? — Катсим понимающе посмотрел на мага.

— Нет, — Малора погасил пламя и потянулся за вином. — Сейчас моё место здесь. Угроза из-за кряжа важнее их мышшиной возни.

— Что верно, то верно, — комендант отсалютовал магу стаканом. — Кстати, а что в послании сказано насчёт нашего друга?

Веир, о котором все забыли, стоял ни жив, ни мёртв. Радостная жилка ёкнула, когда Малора сообщил о Себелиусе, но окончательный приговор пока не озвучен.

— Ах да, почтенный Веир, — Малора только сейчас заметил притихшего наёмника. — Себелиуса как ты слышал, на месте не оказалось, но Тертус, как ни странно подтвердил твои слова. Вышей вина и открой, наконец, этот злосчастный сундук.

Его миссия подтвердилась и Веир должен бы расслабиться, но в голову прокралось нехорошее подозрение. Не может быть всё настолько гладко. Кто такой Тертус, что якобы подтвердил его слова? Откуда он вообще узнал о сундуке? Ведь о нём знали только он и Валиф. Хозяин таверны предан Серой Длани, выходит и Тертус тоже? Упаси Единый если это не так.

Веир налил себе вина и, не замечая, что оно нагрето сильнее, чем требуется, единым духом осушил стакан. Отставил и посмотрел на ожидающих мужчин. Ноги одеревенели, но нужно подойти к сундуку, иначе заподозрят неладное. Не к месту вспомнились слова Вальдреса.

Руки легли на резную крышку. Последовательность действий сама всплыла из памяти — нажать здесь, здесь и здесь. Пальцы послушно коснулись нужных мест. Теперь одновременно зажать это, это и это. Надавив на точки Веир услышал, как звонко щёлкнула пружина, и из сундука донеслось мерное жужжание. Он вытер пот и отступил в сторону.

— Готово...

Малора отставил стакан, оправил одежды и подошёл к столу. Комендант по-гусиному вытянул шею из кресла, а Веир застыл солевым столпом.

Маг откинул крышку и озадаченно навис над сундучком. Внутри серебристо пульсировало нечто.

— И что мы здесь имеем? — прозвучал в тишине удивлённый голос. — Ни писем, ничего, что могло бы... Ах, ты ж Бездна!!! — Маг с проворством верла отскочил от стола и активировал мощнейшую защиту, на которую был способен.

В тот же миг содержимое сундучка яркой точкой взмыло к потолку. Раздался глухой хлопок, затем свист и Веир понял, что ему перестало хватать кислорода. Жадно разевая рот, он словно через замедляющую призму увидел, как побледнел комендант, а Малора беспомощно пал ниц. Пульсирующий шар в мгновение ока уничтожил окружающий воздух, и огненная защита исчезла.

А затем прогремел взрыв такой мощи, что его смогли бы услышать даже боги. Несокрушимую твердыню разметало по камешку, и даже многоярусный подвал, что не единожды выдерживал сильнейшие землетрясения, просел, погребя под сводами мириады крыс.

Пограничная крепость Заат-Гир, простоявшая бесконечное множество лет, перестала существовать. Путь на восток был открыт...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

[1] Арах — зверь наподобие земного медведя. Обитает в Мёрзлых землях.